

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцією Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанского

Выпускъ III и IV

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

С.-ПЕТЕРВУРГЪ

Типографія князя В. И. Мещерского. Спасская ул., № 27
1902

Рис. 1 (см. черт. 1). Жилое кочне на горъ Черна Пырстъ.

Рис. 2 (см. черт. 2). Байта на горъ Столъ, выстроенная въ 1830 г.

Рис. 3 (см. черт. 3). Сирафница на горъ Черна Пырстъ.

Рис. 4 (см. черт. 4). Таморъ на горъ Столъ, выстроенный въ 1859 г.

Рис. 5 (см. черт. 5). Домъ въ дер. Верхняя Горъя, выстроенный пять 60—70 тому назадъ.

Рис. 6 (см. черт. 6). Домъ въ горахъ у дер. Ратече-Бывонечь, выстроенный въ 1794 г.

Рис. 7 (см. черт. 7). Домъ въ дер. Верхняя Горья.

Рис. 8—А (см. черт. 8). Домъ въ дер. Бльде; видъ съ главнаго фронтона (см. рис. 8—Б).

Рис. 9 (см. черт. 9). Домъ въ дер. Блъдъ, перестраивавшійся въ 1831 г.

Рис. 8—Б (см. черт. 8). Домъ въ дер. Блъдъ; видъ со стороны задняго фронтона (см. рис. 8—А).

Рис. 10 (см. черт. 10). Домъ въ дер. Ратече-Бълопечъ.

Рис. 11 (см. черт. 11). Домъ около дер. Блъдъ.

Рис. 12—А. (см. черт. 12). Домъ въ дер. Рычица, выстроенный въ 1721 г.; видъ съ главнаго фронтона (см. рис. 12—Б.).

Рис. 12—Б. (см. черт. 12). Домъ въ дер. Рычица, выстроенный въ 1721 г.; видъ съ боковой стороны (см. рис. 12—А).

Рис. 13 (см. черт. 13). Домъ въ дер. Нижняя Горыя, выстроенный въ 1748 г. и перестраивавшійся въ 1858 г.

Рис. 14 (см. черт. 14). Домъ въ дер. Блиндов.

Рис. 15—А. (см. черт. 15). Домъ на берегу Блъдскаго озера, выстроенный въ 1783 г.; видъ со стороны главнаго фронтонъ (см. рис. 15—Б и В).

Рис. 15—Б (см. черт. 15). Домъ на берегу Блъдскаго озера, выстроенный въ 1783 г.; видъ со стороны скеденя (см. рис. 15—А и В).

Рис. 15—В (см. черт. 15). Домъ на берегу Балльского озера, выстроенный въ 1783 г.: видъ съ боковой стороны (см. рис. 15—А и В).

Рис. 16. Домъ изъ дер. Кропа.

Рис. 17 (см. черт. 17). Домъ у дер. Ръчица.

Рис. 18 (см. черт. 18). Домъ въ дер. Ратчев-Бългопечъ, выстроенный въ 1748 г.

Рис. 19 (см. черт. 19). Домъ въ дер. Верхняя Горыя, выстроенный въ 1760 г.

Рис. 20 (см. черт. 20). Домъ въ дер. Мино.

Рис. 21. Домъ изъ дер. Блъдъ.

Рис. 22. Свинушника изъ дер. Блъдъ.

Рис. 23. Стнная коча съ хльвомъ съ горъ у дер. Ратече-Бългопечь.

Рис. 24 (см. черт. 24). Домъ въ дер. Битне.

Рис. 25 (см. черт. 25). Домъ въ дер. Сламникъ, выстроенный пъть 120 тому назадъ.

Рис. 26 (см. черт. 26). Домъ съ Нижней Долины Св. Екатеринъ за Тережичемъ.

Рис. 27 (см. черт. 27). Домъ въ дер. Балъдъ, выстроенный пѣтъ 400 тому назадъ.

Рис. 28 (см. черт. 28). Домъ въ дер. Верхняя Горыя, выстроенный въ 1778 г.

Рис. 29—А (см. черт. 29). Домъ въ дер. Верхняя Горыя, выстроенный въ 1786 г.; жилая часть (см. рис. 29—Б).

Рис. 29—Б (см. черт. 29). Домъ въ дер. Верхняя Горыя, выстроенный въ 1786 г.; хозяйственная часть (см. рис. 29—А).

Рис. 30—А (см. черт. 30). Домъ въ дер. Блыдѣ, выстроенный пѣть 400 тому назадъ; наружный видъ (см. рис. 30—Б).

Рис. 30—Б (см. черт. 30). Домъ въ дер. Блыдѣ, выстроенный пѣть 400 тому назадъ; внутренний видъ въжи и ея очага (см. рис. 30—А).

Рис. 31. (см. черт. 31). Домъ бывшъ дер. Зазеро.

Рис. 32. Взъездъ въ скедень изъ дер. Рычица.

Рис. 33. Домъ изъ дер. Верхняя Горья.

Рис. 34. Ульнякъ изъ дер. Рычица.

Рис. 35. Домъ изъ дер. Нижняя Горыя.

Рис. 36. Паштба для сушики конопли изъ дер. Село.

Рис. 37. Домъ изъ дер. Засынъ.

Рис. 38. Общій видъ горной деревни Средняя Васъ.

Рис. 39. Сынное кочне съ горъ близъ гор. Яворника.

Рис. 40. Сынное кочне съ хлывомъ въ горахъ у Винтигара.

Рис. 41. Всходъ въ скедень (дер. Блѣдъ).

Рис. 42. Дырвенница (дырварница, ута, шупа, лопа) изъ дер. Купленикъ.

Рис. 43. Домъ изъ дер. Балъдъ.

Рис. 44. Паштба для сушики плодовъ изъ дер. Бахинъска Бъла.

Рис. 45. Домъ изъ дер. Верхняя Горья.

Рис. 46. Плетеная коча изъ Босніи.

Рис. 47. Двураздѣльная коча изъ Босніи.

Рис. 48. Домъ васовича изъ Черногоріи.

Рис. 49. Домъ изъ дер. Дольний Вакуфъ въ Боснії.

Рис. 50. Домъ изъ дер. Дрежсница въ Герцеговинѣ.

Рис. 51. Домъ со наружною печью для печенія хлѣба изъ дер. Шварцхаузенъ въ герцог. Кобургъ-Гота.

Рис. 52. Отдельно стоящий скедень из дер. Рычица.

Рис. 53. Жилое кочне съ х.львомъ съ боковой стороны (съ горы Черна Пырстъ).

Рис. 54. Сынное кочне съ горы у дер. Засыпъ.

Рис. 55. Навьсы—хліви съ горы Столъ.

Рис. 56. Домъ изъ дер. Примско.

Рис. 57. Дома въ мъстечкъ Тержичъ.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

Матеріалы по исторіи развитія славянскихъ жилищъ.

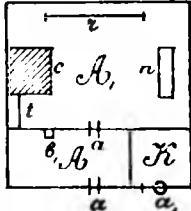
Жилище словинца Верхней Крайны.

I. Введение.

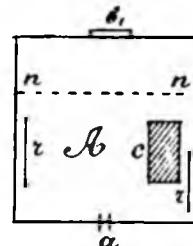
При первомъ взглядѣ на деревенскія постройки верхне-крайнскаго словинца можно вынести впечатлѣніе, что эти постройки настолько ушли въ процессѣ своего развитія впередъ, что о сохраненіи цѣнной для народовѣдѣнія старины и рѣчи быть не можетъ. Дѣйствительно, каменные, выбѣленные, нерѣдко двухэтажные дома деревень Верхней Крайны, которые, по вѣнѣнію своему облику, не испортили бы иного провинциального городка, не позволяютъ сомнѣваться, что, благодаря раду мѣстныхъ условій, эволюція построекъ быстро двигалась уже съ отдѣленныхъ временъ. Въ эволюціонномъ процессѣ заброшенъ былъ первоначально употреблявшійся для построекъ материалъ—дерево. Оно было замѣнено камнемъ. Этотъ материалъ въ значительной степени упростилъ виѣшноть построекъ и придалъ имъ въ неудобныхъ случаяхъ „казарменный“ характеръ. Однако, этотъ модернизированный типъ построекъ не уничтожилъ старинныхъ формъ устройства жилья. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не вытѣснилъ и того разряда построекъ, которая, сооружалась изъ дерева, сохранили для глаза наблюдателя произведенія народнаго вкуса, народныхъ творческихъ началъ въ строительномъ искусствѣ. Подобнаго рода постройки находятся преимущественно въ горныхъ деревняхъ, тамъ, где цивилизующія начала жизни проникали съ большими трудомъ, чѣмъ въ мѣстности, тѣсно соприкасавшіяся съ центрами, шедшими въ жизни народа впереди. Обитатель отдаленной горной деревни, часто почти отрѣзанный въ теченіе значительной части года отъ остального міра, сохранялъ свои устои

съ большей твердостью и переходилъ къ новымъ формамъ жизни съ трудомъ ¹⁾). Поэтому архаизмы въ постройкахъ сохранились въ большей мѣрѣ именно въ тѣхъ альпийскихъ мѣстностяхъ Верхней Брайны ²⁾), которые, благодаря естественнымъ условіямъ рельефа страны, отдѣляли крестьянина отъ культурныхъ возвѣстьй.

Общий характеръ горной деревни Верхней Крайны передается рисункомъ 38, изображающимъ видъ деревни Средняя Васъ въ Божинъѣ (Srednja Vas). Подобная деревня, приставившаяся на склонахъ горъ, вдоль рѣчки или истока, частью въ ущельѣ, представляеть, со своими то сѣрыми, то бѣлыми домами съ приподнятыми крышами и нерѣдко причудливыми въ зелени деревьевъ, характерную живописность. Деревень въ нашемъ значеніи слова, строго говоря, почти не имѣется въ Верхней Крайнѣ. Онѣ въ громадномъ большинствѣ

ЧЕРТ. 1 (см. рис. 1). Жилое кочевое на-
горье Черни Пырстъ. А и А₁—внутренняя
помещения, разграниченные стѣной изъ
деревянныхъ брусьевъ; К—помещение
для свиней; а, а₁—входные двери; а₂—
входное отверстие для свиней; б;—
оконце; с—очагъ; п—нара- кровать;
г—полка; т—скамья.

ЧЕРТ. 2 (см. рис. 2). Балта на горѣ Столъ, выстроенная въ 1830 году. А—внутреннее помѣщеніе; а—входная дверь; б—оконце (просвѣтъ); с—очагъ; д, е—нады для постелей; г, ж—полки.

') Мы имѣли уже случай описать главнѣйшія черты экономического и сельско-хозяйственного быта словинца Крайны въ статьѣ, помещенной въ «Живой Старинѣ». 1902 г. вып. I—«Крестьянинъ Австрійской Крайны и его постройки». Въ статьѣ этой мы отмѣтили ту связь, которая существует между краинскими постройками и условіями быта мѣстного крестьянина. Въ частности мы указали на тотъ интересъ, который представляютъ въ своей истории развитія хозяйственныя постройки словинца. Дабы не повторять уже сказанного, мы въ подлежащихъ мѣстахъ ссылаемся на помянутую статью. Въ основу нижеизложенного текста легли наблюденія 1901 и 1902 г.г. въ Верхней Крайнѣ, а именно преимущественно въ слѣдующихъ городахъ, мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ и ихъ окрестностяхъ: Битне (Bitnje), Бистрица (Bistrica), Блѣдъ или Градъ (Bled, Grad), Бохиньска Бѣла (Bohinjska Bela), Бѣгунье (Begunje), Вырба (Vrba). Верхнее Горье (Zgornje Gorje), Езерско-Бѣло (Iezersko Bolo), Желече (Želeče), Загорица (Zagorica), Зазеро (Zazero), Засыпъ или Заспъ (Zasip, Zasp), Златна (Zlatna), Жировница (Žirovnica), Крань (Kranj), Кропа (Kropa), Купленникъ (Kupljenik), Лесце (Lesce), Любляна (Ljubljana), Млино (Mlino), Нижнее Горье (Spodnje Gorje), Нижняя Долина Св. Екатерины (Spodnja dolina sv. Katerine), Примско (Primsko), Радовліца (Radovljica), Ратече-Бѣлапечь (Rateče-Belapeč), Рибно (Ribno), Рѣчица (Rečica), Село (Selo), Сламникъ (Slamnik), Средняя Вась (Srednja Vas), Тержицъ (Tržič), Яворникъ (avornik) и на высотахъ горъ Черна Пырстъ (Črna Prst) и Столъ (Stol).

³⁾ Крайна называется словинцами Kranjsko. Верхняя. Нижняя и Внутренняя Крайна именуются просто: Gorenjsko, Dolenjsko, Notranjsko.

случаевъ съ церковью (cerkev) и поэтому подходить къ нашему понятію сель. Этимъ словомъ (selo) словинецъ выражаетъ понятіе о деревнѣ большихъ размѣровъ, поселеніи, или понятіе о населенной мѣстности ¹⁾. Собственно деревня по словински называется въ сѣ (весь) ²⁾.

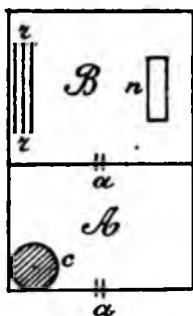
Верхне-крайское село-деревня въ громадномъ большинствѣ случаевъ незначительный поселокъ. Сель съ тысячнымъ населеніемъ, какъ то бываетъ часто у насъ, Крайна совсѣмъ не знаетъ. Деревни ничто иное, какъ поселенія въ нѣсколько десятковъ домовъ, поселенія, лежащія другъ отъ друга въ большинствѣ случаевъ на незначительномъ разстояніи. Въ долинахъ деревень больше, и они расположены гуще, въ горахъ рѣже. Деревни вообще не поднимаются высоко въ горы, держась долинъ и ближайшихъ къ нимъ склоновъ. Скучиваясь на небольшомъ пространствѣ, дома деревень образуютъ рядъ улицъ и переулковъ, въ отношеніи которыхъ они расположены разно: то фронтомъ, то длинной стороной, то угломъ. Усадебная земля обыкновенно самыхъ незначительныхъ размѣровъ, часто ничѣмъ не огороженная, или отграниченная отъ сосѣднаго владѣнія низкой каменной оградой, или деревянной изгородью. Если усадьба сравнительно большихъ размѣровъ, то часть ея занята плодовыми деревьями; тутъ же по сосѣдству расположены жилой домъ, сарай, иногда и иные хозяйственныя постройки, колодезь. Иногда, впрочемъ, сравнительно рѣдко, деревня тянется вдоль дороги, образующей какъ бы главную улицу; при такой дорогѣ дома обыкновенно стоять фронтонами къ ней; остальные дома разбросаны въ беспорядкѣ. Для церкви выбираютъ обыкновенно возвышенное мѣсто, такъ что она, выдѣляясь изъ общей массы строеній, видна еще издали. Церкви нерѣдко окружены оградой, образующей, такъ называемый, таборъ ³⁾, въ который ведутъ ворота. Послѣднихъ почти не

¹⁾ Селски (selski)—сельскій, деревенскій; seljak—поселенецъ, колонистъ; seljan—обитатель деревни, селянинъ; seljanstvo—сельское населеніе; seljenje—переселеніе. Посербски слово село означаетъ деревню, поселица—село.

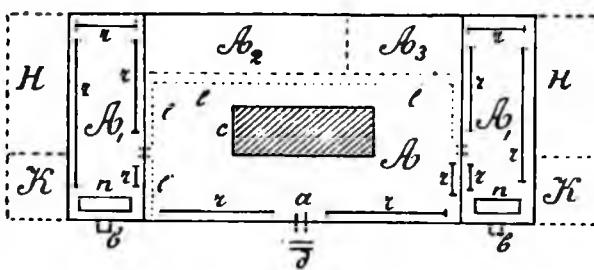
²⁾ Словинскому слову въ сѣ (vas) соответствуетъ сербское слово въс, что означаетъ село. Кромѣ того, для понятія о деревнѣ, въ сербскомъ языѣ существуетъ слово—прѣвѣн. Въ русскомъ языѣ слово весь, какъ известно, почти не употребляется; оно означаетъ маленькую деревеньку. Слово весь (въсъ) рѣдко и въ лѣтописныхъ нашихъ памятникахъ; въ лѣтописяхъ XI—XIII вѣковъ оно упоминается лишь нѣсколько разъ. Нашей градаціи: деревня (или небольшое село), большое село (или поселокъ), посадъ и городъ въ Крайнѣ болѣе или менѣе соответствуетъ градація: въсъ, село, тыргъ (trg), мѣсто (mesto). Слово, соответствующее нашему слову городъ—градъ (grad), по словински означаетъ, какъ и сербское слово градъ, замокъ, укрѣпленное мѣсто, крѣпость. Въ частности въ Черногоріи градъ означаетъ дворъ, обнесенный стѣной, напр. въ монастырѣ. Градити (по сербски) строить, сооружать; graditi (по словински)—сооружать, окружать заборомъ (ср. русс. городить).

³⁾ Таборъ (tabor) означаетъ и лагерь и замокъ, а также народное собраніе. Въ старину, во времена турецкихъ набѣговъ, въ церковные таборы сбѣгались поселяне, находя здѣсь защиту.

знаютъ дома деревни. Лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ каменная изгородь домовъ имѣть ворота, причемъ они скорѣе служить для красоты: въ домъ можно проникнуть и помимо нихъ, такъ какъ изгородь не окружаетъ всего дома. Кромѣ церкви въ деревнѣ обыкновенно находится одна, а то и нѣсколько часовенъ (cerkvica), въ большинствѣ случаевъ съ рельефными изображеніемъ Богоматери. Въ бѣхъ мѣстностяхъ дома деревни всѣ, или почти всѣ каменные, въ болѣе глухихъ—полукаменные и деревянные. Деревня обыкновенно не лишена гостиницы, такъ называемой гостилины (gostilna) или даже двухъ, трехъ. Въ нихъ имѣется нѣсколько комнатъ для ночлега и общая комната—харчовня. Послѣднѣхъ можетъ быть двѣ: для простого народа и

ЧЕРТ. 3 (см. рис. 3). Спальня на горѣ Черна Пырстъ. А—вѣка; В—камера; а, а—двери; с—очагъ; н—нара-кроватъ; г, г—рядъ половъ по стѣнѣ одна надъ другой.

ЧЕРТ. 4 (см. рис. 4). Тамъ на горѣ Столъ, выстроенный въ 1859 году. А—коча; А₁, А₃—каморцы (млекарни); А₂ и А₄—поградъ; А₂—съ дровами, А₄—съ постелью; Н, Н—навѣсъ (хлѣвы) для коровъ; К, К—свинушники; а—входная дверь; б, б—окна; с—очагъ; д—двѣ ступени; 1, 1—прикрытѣнныя скамья; н, н—нары—кровати; г, г—полки съ молокомъ.

для „чистой“ публики. Гостиницы посыпаются охотно и крестьянами и проѣзжими туристами. Пиво, мѣстное краинское вино (свѣсек), курица, простокваша, колбаса и т. п. обыкновенно никогда не отсутствуютъ въ деревенскихъ гостиницахъ. Въ тѣхъ изъ нихъ, которыхъ устроены комортабельнѣе, часто устраиваютъ на лѣто дачники, пользуясь чистымъ помѣщеніемъ въ положительными сторонами дачной жизни за весьма скромную плату. Лавочка „краснаго“ и иного товара, кузница, водяная мельница (вѣтринныхъ не существуетъ), иногда лѣсопильня, составляютъ вмѣстѣ съ гостилиной весьма обычную принадлежность верхне-краинской деревни. Вблизи ея на поляхъ разставлены, такъ называемые стоги ¹). Большее или меньшее число ихъ опредѣляетъ большую или меньшую численность дворовъ (dvor) деревни, ихъ сравнительная длина—размѣры отдельныхъ хозяйствъ и степень благосостоянія тѣхъ или другихъ крестьянъ. Тамъ, где деревни расположены густо, онъ

¹) См. подробности и рисунки въ статьѣ «Крестьянинъ Австрійской Крайны и его постройки». «Живая Старина», 1902, выпускъ I.

чредуются съ полами, иногда съ небольшими прилѣсками. Собственно лѣса занимаютъ горы, и именно тѣ части ихъ, которые не заселены деревнями. Среди лѣсовъ и около нихъ въ изобилии разбросаны горные луга; выше лѣсовъ — пастбища.

II. Простѣйшия постройки.

Оставляя поселки и виѣдрайась собственно въ горы, подымаясь на ихъ высоты, въ Верхней Крайѣ встрѣчаешься съ тѣмъ разрядомъ людей, которые ведутъ образъ жизни, нынѣ уже совершенно чуждый массѣ словинцевъ-крестьянъ. Это горные пастухи, молочники и сыровары. Проводя большую часть года вдали отъ селеній и ихъ обитателей, подвергаясь невзгодамъ альпійского климата, эти лица весьма опредѣленно отличаются, по своему умственному и душевному складу, отъ общей массы своихъ сородичей. Сохранивъ міросозерцаніе, чуждое поселанію, пастухи и молочники сохранили и тѣ типы построекъ, которые совершенно неизвѣстны въ качествѣ жилья обитателю деревень. Эти первобытныя постройки, расположенные обыкновенно не ниже, какъ на высотѣ 1.000 м., представляютъ выдающійся интересъ въ дѣлѣ изученія развитія жилищъ вообще и въ частности таковыхъ у словинцевъ.

Понятія: пастухъ и молочникъ въ Верхней Крайѣ существенно различны. Первый (*pastir*) имѣеть надзирать за вѣрненнымъ ему стадомъ и ведеть какъ бы кочевой образъ жизни, то находясь выше въ горахъ, то спускаясь ближе къ селеніямъ, въ зависимости отъ времени года. Какихъ либо особыхъ обязанностей, отличающихъ пастуха- „пастыря“ отъ пастуха вообще, въ обычномъ значеніи этого слова, не имѣется. Жильемъ и пристанищемъ для него служать кочи, либо станъ, либо байта, (*кочѣ, stan, bajta*), — постройки почти одинакового вида и вossiція разное наименование, навѣдимому, преимущественно въ связи съ данной мѣстностью.

Что касается молочника, называющагося чедникомъ (*chednik*¹), то обязанности его довольно сложны. Ему виѣряется нѣкоторое количество коровъ, которыхъ онъ доитъ. Кромѣ того онъ обязанъ перерабатывать молоко въ масло, простоквашу, сыръ. За этими продуктами, какъ и за сливками, владѣльцы данныхъ коровъ приходить сами, подымаясь въ горы. Жилищемъ чеднику служить либо кочи, либо таморъ (*tamor*), либо, если въ зданіи вырабатывается специально сыръ, — сирарница (*sirarnica*). Все учрежденіе, гдѣ находятся и работаютъ чедники, т. е. его домъ, помѣщеніе для скота и т. п. называется приставница, пристава, маєрія (*pristavnica, pristava, majerija*).

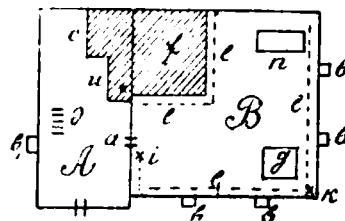
¹) Слово это означаетъ и пастуха вообще; *cheda* — стадо. (Чаще *cheda*. ловисл. чѣда. р. череда (въ томъ же смыслѣ).

1. **Кочне.** Остановимся прежде всего на **кочне**¹⁾. Этого рода постройка изображена на рис. I. На низкомъ, грубо сложенномъ фундаментѣ покоятся бревенчатый срубъ, не превышающій роста человѣка. Срубъ этотъ покрытъ деревянной двускатной крышей, сложенной въ короткихъ досокъ. Крыша, выступая вмѣсть съ держащими ее бревнами къ фронтону, образуетъ довольно значительный откосъ и „отливается“ къ боковымъ сторонамъ постройки, образуя здѣсь, какъ и съ фронтономъ, навѣсъ. Подобнаго рода

¹⁾ Слово **коча**, отъ которого происходитъ **кочне**, а также подобныя **кочѣ** слова очень распространены въ славянскихъ языкахъ, въ частности въ языкахъ южныхъ славянъ. Словинецъ различаетъ слова **коса** и **киса**. Первое означаетъ хижину, баракъ, до-мишко (коши **коса** *dati*—прятитъ). Второе же слово означаетъ домъ. Поэтому **коиса**—хатка, **коса**—обитатель хижины, **коевати**—кочевать, **коесунік**—обитатель хижины и кочевникъ-номадъ. Слово же **кисан**, происходящее отъ **киса**, означаетъ сожитель; **киенік**—содержатель дома, **кисагиса**—хижина, баракъ. Въ Хорватіи и Славоніи слово **кутја** означаетъ деревенскій домъ, избу. На сербскомъ языке **куча** означаетъ кухню и домъ вообще. Подъ этимъ словомъ подразумѣвается и столовая и комната въ домѣ для супруговъ; **кучи** или **кучевич**—происходящій изъ хорошаго дома, хорошей семьи; **кучти**—хозяйничать, вести хозяйство въ домѣ; **кучица**—домикъ; **куч**—домъ пастуха на колесахъ; **кут**—уголь, сѣни; **закутак**—уголь, кучерица—хижина. Въ Черногоріи слово **куча** означаетъ и домъ вообще и въ частности домъ со всѣмъ имуществомъ (со скотомъ и землею); **кути**—основная комната съ очагомъ въ двураздѣльномъ жильѣ. Въ Босніи слово **куча** означаетъ помѣщеніе съ очагомъ, а выраженіе «**велика куча**» есть синонимъ задруги. Въ Болгаріи слово **кышта** (**къшта**, **къща**) означаетъ домъ вообще; **кыштица**—домикъ; **кыштенъ**—домашній; **кыштикъ**—домоводъ; **кыштина**—домашняя движимость; **кыштурка**—хижина, домикъ. Слово, соответствующее словинскому **коча**, не чуждо и русскому языку. Оно известно въ церковно-славянской формѣ **куща** и означаетъ шатерь, палатку, навѣсъ, сѣни, скиню, (слово **куща** переводится на сербскій языкъ словами: **кушта**, **колебица**, **шаторъ**, а на словинскомъ—словомъ **ботор**). **Кущникъ**—житель кущи; **кущевать**—жить въ кущѣ; **кочевать**—имѣть очевидно свое происхожденіе отъ слова **коча**, такъ же какъ и **кочевникъ**, т. е. обитатель **кочи**. Далѣе русскому языку известны слова, также ближайшимъ образомъ связанныя со словами **коча**: **куть**, **куть**, **кутилъ**. Слова эти означаютъ уголь, въ частности одинъ изъ угловъ избы, напр. придверный уголъ, конникъ въ Тверской, Псковской, Рязанской, Тульской, Цензенской, Владимірской, Ярославской, Костромской, Нижегородской и Вятской губерніяхъ. Въ другихъ губерніяхъ, напримѣръ Воронежской, Курской, Калужской, Вологодской, Пермской, Архангельской и Саратовской, **куть** означаетъ бабій уголь въ избѣ или стряпню за перегородкой, а въ Новгородской и Псковской—красный уголь; въ Малороссіи **покутъ**—красный уголь; у словинцевъ **ко**—уголь, въ частности красный уголь. У старожильческаго населенія Сибири подъ словомъ **куть** подразумѣвается кухня. Быть можетъ именно въ значеніи чего-то непрочнаго, передвижного, какой очевидно была первоначальная **коча** слѣдуетъ понимать старинное теперь почти неупотребляемое слово **коча** (**кочъ**, **кача**), какъ название паруснаго судна на сѣверѣ. На такихъ **кочахъ** плыли въ 1674 году стрѣльцы изъ Архангельска къ осажденному Соловецкому монастырю. Все выше сказанное не позволяетъ сомнѣваться, что слово **коча** и ему подобныя выражаютъ понятіе о древнѣйшемъ жилищѣ словинцевъ и многихъ другихъ, а быть можетъ и всѣхъ славянъ. Это жилище, какъ въ томъ, повидимому, сомнѣваться невозможно, свойственно было словинцамъ (быть можетъ и остальнымъ славянамъ) въ эпоху кочевого, бродячаго образа жизни. Изъ этого само собою разумѣется, что первоначальная **коча** (или какъ-бы она ранѣе не называлась: **куча**, **куть**, **куть** и т. п.) представляла шалашъ, палатку. Позже на своеѣ мѣстѣ мы увидимъ, что на такое предположеніе даютъ основанія и современные жилища нѣкоторыхъ славянскихъ мѣстностей. Интересно отметить, что **коча** (и подобныя слова) означаютъ домъ, помѣщеніе для очага, задругу, т. е. все то, что легло въ основу человѣческаго и въ частности славянскаго существованія. **Коча** не имѣть ничего общаго съ **кочевьемъ** и **кочевати**. Сходство чисто случайное.

может либо представлять почти квадратное основание, либо иметь более удлиненную форму, какъ то видно на рисункѣ 53, представляющемъ жилое кочне съ боковой стороны. Это зданіе, стоящее на откосѣ, имѣть внизу его характерную пристройку, а именно—навѣсъ для скота, называемый хлѣвомъ (hlev). Всѣ зданіе обнесено заборчикомъ изъ жердей и представляетъ въ нѣкоторомъ родѣ обособленный дворъ.

На 53-мъ рисункѣ ясно видно, что все зданіе раздѣляется на двѣ неравные части поперечной стѣной, бревна которой торчатъ наружу. Это, повидимому, типичная особенность описываемыхъ коченій. Внутреннее ихъ устройство слѣдующее (см. планъ на чертежѣ 1, изображающій кочне, воспроизведенное на рис. 1). Наружная дверь, находящаяся на фронтонной сторонѣ, прорѣзана въ срубѣ такъ, что при входѣ въ нее надо перешагнуть черезъ два низкихъ бровна. Эта дверь ведетъ въ помѣщеніе (A) около двухъ аршинъ длины и менѣе аршина глубины. Помѣщеніе не занимаетъ всей фронтонной части коченія, такъ какъ рядомъ съ нимъ уѣдѣлено мѣсто свинушнику (K, съ входомъ а1). Входъ въ послѣдній видѣнъ справа, на рис. 1 (см. квадратное отверстіе). Описанное переднее помѣщеніе, по объясненію пастуховъ, предотвращаетъ забѣганіе внутрь свиней. Изъ него ведетъ прорѣзанная въ срубѣ почти квадратной формы дверь во внутреннее помѣщеніе (A1). Съ лѣваго бока двери маленькое оконце (b1). Внутри помѣщенія находится сбоку очагъ (c), передъ нимъ сбоку же скамья (t), да же съ правой стороны нара (u) для спанья. На задней стѣнкѣ имѣется полка (g), на которой расположены чашки съ молокомъ, а надъ очагомъ приспособлены жерди, на которыхъ размѣщаются дрова для сушки. Очагъ сложенъ изъ кирпичей и камни и обдѣланъ съ боковъ, внизу и вверху досками. Высота его $\frac{3}{4}$ аршина, а форма—опрокинутая усѣченная пирамида. Внутреннее помѣщеніе коченія потолка не имѣть и свободно открывается подъ крышу, которая пропускаетъ сквозь свои доски дымъ съ очага. Въ переднемъ помѣщеніи положены горизонтальные жерди, отдѣляющія какъ-бы чердачное помѣщеніе. На жердяхъ, какъ это видно на рис. 1, сложены доски. Описанное кочне, расположенное на высотѣ приблизительно 1.600 м. на горѣ Черна Пырстъ (Crna Prst—Черная Земля, 1.860 м. высотой), служить жильемъ для чедника.

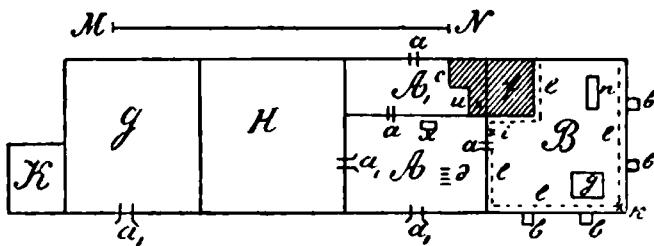
Не переходя пока къ другого рода жилищамъ пастуховъ и молочниковъ, слѣдуетъ отмѣтить, что описанное кочне, несмотря на свою первобытность, носить тѣ характерныя черты во вѣнчииъ своемъ устройствъ, которыя повторяются какъ типичныя черты въ развитыхъ жилыхъ домахъ верхне-крайинскаго словинца. Эти черты главнымъ образомъ слѣдующія: крыша, сложенная изъ короткихъ досокъ, двускатная, съ значительнымъ отливомъ и относомъ; каменный фундаментъ, бревенчатый срубъ съ перекрещивающимися концами и тѣсно примыкающее къ жилью помѣщеніе для скота. Но въ ночи есть одна черта, рѣзко отличающая его отъ жилыхъ построекъ, находящихся въ деревняхъ и представляющихъ болѣе развитыя типы, а именно въ послѣднихъ входная дверь не помѣщается, какъ у кочне, съ фронтона, а находится съ длинной стороны зданія.

Умѣстнымъ представляется здѣсь же отмѣтить, что кочне, служащее жильемъ на горныхъ высотахъ нѣкоторыхъ мѣстностей Верхней Крайны, утратило это свое значеніе въ другихъ мѣстностяхъ. А именно: нѣлизи деревень именемъ кочне называются тѣ сарайчики для сохраненія сѣна, которые въ изобилии разбросаны неподалеку отъ деревень на горныхъ сѣнокосныхъ лугахъ. Подобное кочне, имѣющее, какъ и жилое кочне, входъ съ фронтона, изображено на рисункѣ 54. Тамъ, гдѣ кочне служить для жилья, сѣнныя сарайчики называются свисле (svisle¹). Если сѣнное кочне въ нижней своей части приспособливается для загона овецъ, то оно имѣть форму, изображенную на рис. 40 (въ горахъ у Вантгара), при чѣмъ входъ продолжаетъ оставаться съ фронтона и кочне своихъ основныхъ вѣнчихъ чертъ не утрачиваетъ. Нижняя часть такого кочне называется хлѣвъ (hlev), а верхняя надъ-хлѣвъ (nadhlev). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣнное кочне называется и коча. Такая постройка, въ существѣ тождественная ей ночи, изображена на рис. 23 (съ горъ у дер. Ратече-Бѣлопечь). Совершенно подобнаго кочне вида имѣется въ Верхней Крайнѣ рядъ хозяйственныхъ построекъ, какъ, напримѣръ, отдельно стоящій кевдеръ (kevder), т. е. погребъ для сохраненія картофеля или, напримѣръ, паштба (paštba, изображенная на рис. 44, изъ деревни Боянинска Бѣла), служащая для сушки плодовъ²). Для этой сушки въ паштбѣ помѣщается печь, съ топкою сваружи, и деревянныя рамы, на которыхъ раскладываютъ подлежащія сушенію яблони и груши. Изображенное на рис. 44 зданіе сооружено для безопасности изъ камня, какъ, впрочемъ, и всѣ жилыя дома въ названной деревнѣ. Кочне не утрачиваетъ своихъ формъ въ томъ случаѣ, когда оно является совершенно современной постройкой, сооруженной

¹) Правильнѣе, повидимому, свисель (svisel). Слово это означаетъ и сѣноваль.

²) Быть можетъ, правильнѣе: паштва или паства (paštva, pastva). Послѣднєе слово означаетъ выгонъ, то же что паша (paša); пашевати (paševati)—пасти.

не изъ бревенъ или камня, а изъ досокъ, приколоченныхъ къ легкому остову (см. рис. 39, въ горахъ у Яворника). Въ основу этого рода кочне лерь, по-видимому, остовъ, встрѣчающійся часто при домахъ въ деревняхъ Верхней Крайны, исполняющій разное назначеніе и изображенный на рис. 42 (изъ дер. Кущеникъ). Это сооруженіе, называющееся то у та (uta), то лопа (lora), то шупа (šupa), то стогъ зъ лопо (stog z lopo), то дырвница или дырварница (drvnička, drvarnička¹), представляетъ отдельно стоящій на-вѣсь, въ верхней части, которого сохраняется или сѣно или сельско-хозяйственные орудія, а въ нижней—телѣги или дрова или то и другое вмѣстѣ²).

ЧЕРТ. 6 (см. рис. 6). Домъ въ горахъ у деревни Ратече-Бѣлопечь, выстроенный въ 1794 году. А—вѣжа; А₁—кухня; В—хавъ; Г—сѣноваль; К—свинушникъ; М—Н—дорога; а, а₁—ворота; б, б₁—окна; с—очагъ; д—хѣстница на чердакъ; ф—печь; г—обѣденный столъ; і (крестикъ)—кропильница; к (крестикъ)—распятіе; л, л₁—скамы; п—кровать; и (крестикъ)—топка печи; х—омара.

На границѣ съ Каринтиею (Koroško) въ Верхней Крайнѣ встрѣчаются кочне, отличающіяся отъ описанныхъ тѣмъ, что двускатная ихъ крыша образуетъ вальмы съ характерно выступающими гребнемъ, а равно на-вѣсь. Подобное зданіе, называющееся у мѣстныхъ жителей коча (koča), изображено на рис. 23 (въ горахъ у дер. Ратече-Бѣлопечь). Оно имѣть два входа, оба съ фронтона: одинъ подъ на-вѣсомъ ведеть въ хавъ, а другой съ противоположной стороны по особому, сложенному изъ камней и земли, всходу въ верхнюю часть—въ свинину.

¹) Подъ словомъ ута понимаютъ и хижину и бесѣдку въ саду. Лопа тоже означаетъ хижину, а также сѣна въ церковный притворъ. Дырвницей называютъ и колунъ, топоръ. Подъ стогомъ подразумѣвается и сарай и рамы для сушки сѣна и сноповъ и т. п. Стог на сербскомъ языке означаетъ сѣнной сарай; у насъ, какъ известно, собранное въ кучу сѣно. Слово юра очевидно стоять въ связи со словами: юрелj—пустой, юрлина—пещера. Быть можетъ существуетъ связь между юра и немецкимъ словомъ Schuppen, т. е. сарайчикъ, ящикъ. Слово шупа, въ смыслѣ немецкаго Schuppen, известно и сербскому языку; шупаль—пустой.

²) Помянутаго рода сооруженія стоять въ основѣ своей близко къ чисто сельско-хозяйственнымъ постройкамъ, какъ стогъ, козолецъ и др. (см. «Крестьянинъ Австрійской Крайны и его постройки»).

2. Байта. Вышеупомянутая байта¹⁾ имѣть равнымъ образомъ совершенно схоже съ кочне виѣшнее строеніе. Рисунокъ 2 изображаетъ байту съ горы Столъ на высотѣ 1.120 м. Выдающійся интересъ представляетъ внутреннее помѣщеніе этой байты, близкое, впрочемъ, къ внутреннему устройству жилого кочне. Изображенная на рисунокѣ 2 байта выстроена въ 1830 году²⁾. Прежде она служила убѣжищемъ для чедника и лишь впослѣдствіи была занята пастухомъ. Постройка почти квадратной формы (см. планъ на черт. 2) и состоитъ лишь изъ одной камеры. Входъ съ фронтона черезъ дверь (а), противъ которой на противоположной стѣнѣ прорѣзано узкое, ничѣмъ не закрытое, оконце въ видѣ просвѣтца; подобный же прорѣзъ находится непосредственно надъ дверью. Справа помѣщается сложенный изъ камней, покрытый сверху кирпичемъ и обѣланый досками очагъ (с), въ видѣ низкой четырехгранный призмы. Задняя часть помѣщенія, имѣющаго въ длину 4, а въ ширину 3 аршина, занята сплошь нарою (п—п), служащей для устройства постелей. Высота нары отъ пола 1 аршинъ. На правой и лѣвой стѣнахъ (г, г) придѣланы полки. Помѣщеніе имѣть бревенчатый потолокъ на высотѣ $2\frac{3}{4}$ аршина отъ пола; послѣдній ничѣмъ не покрытый, земляной. Надъ очагомъ въ потолкѣ прорѣзано подобное упомянутымъ просвѣтцамъ отверстіе для выхода дыма.

3. Станъ. Что касается того зданія для пастуховъ, которое называется станомъ³⁾, то оно по виѣшнему своему виду почти ничѣмъ не

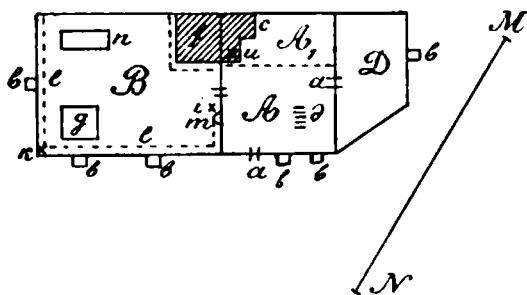
¹⁾ Байта означаетъ хижину, хату вообще; *bajtak* или *bajtovnik*—обитатель хижинъ; *bajtarija*—хижина, маленькая земельная собственность; *bajtica*—хижинка, хатка; *bajtisce*—мѣстность, занятая хижинами. Въ смыслѣ хижинъ, бѣдного дома, на словинскомъ языке употребляется и слово *kaža*, стоящее вѣроятно въ связи съ нѣмецкимъ словомъ *Keusche*; *kažag*—обитатель, владѣлецъ бѣдного дома; *kažarija*—небольшой дворъ (въ смыслѣ земельной собственности).

²⁾ Цифра года вырѣзана на косакѣ двери. Обозначеніе года постройки именно на входной двери есть обычное явленіе въ Верхней Крайнѣ.

³⁾ Станъ у словинцевъ означаетъ: пріютъ, домъ, жилище, ночлегъ, палатка; *stаница*—камера, комната, жилая комната. Умѣстнымъ представляется отмѣтить, что слово *станъ* встрѣчается въ языкахъ и другихъ славянскихъ народовъ. Такъ, въ Черногоріи станомъ называется временное помѣщеніе вообще; далѣе крытое помѣщеніе для скота и наконецъ плетеное помѣщеніе съ досчатымъ поломъ и соломенной крышей, прикрѣпленное къ полозьямъ и служащее для перевозки молочныхъ скоповъ. Въ Герцеговинѣ слово *стан* употребляется въ смыслѣ нашего становища; въ Сербіи—въ смыслѣ дома вообще. Въ Босніи подъ *станомъ* понимаютъ жилище вообще, а также хижину пастуха. Въ сербскомъ языке вообще *стан*, *настанак* означаетъ домъ, жилище, временное жилище, наконецъ становище въ нашемъ значеніи слова; *станар*—пастухъ. Подобное значеніе сохранило слово *станъ* и въ русскомъ языке. Такъ, *станомъ* называются на Волгѣ мѣста, занимаемыя ловцами рыбы и рыботорговцами на берегу реки, для приготовленія рыбныхъ продуктовъ весной и осенью. Для этого раскидываются шалаши и камышевые «лобазики» для просола рыбы; *Станомъ* же имѣютъ у насъ и мѣста остановокъ кочующихъ цыганъ; *ставкой*—стоянку кочевника (ср. Ханская Ставка). Слово *станица* очевидно имѣло первоначально то же значеніе временнаго жилища у казаковъ. жилища, которое мы въ настоящемъ времени назвали бы за-

отличается от изображенной на рис. 2 байты въ томъ случаѣ, если стань выстроенъ изъ дерева. Въ томъ же случаѣ, когда стань построенъ изъ камня, виційный его видъ совершенно совпадаетъ съ изображенной на рис. 44 паштой. Стань служить убѣжищемъ для пастуховъ въ осенне время, когда на горныхъ высотахъ вышли уже снѣга, и стада въ поискахъ за кормомъ спускаются ниже. Около стана, сбоку его обыкновенно помѣщается выдѣлленный стволъ дерева (корито, корито¹) для сбиранія дождевой воды. Внутреннее устройство стана совершенно соотвѣтствуетъ устройству помянутой байты.

Описанные постройки, служащія жильемъ для тѣхъ лицъ, которыхъ посвятили себя горному скотоводству, представляютъ, какъ въ томъ сомѣ-

ЧЕРТ. 7 (см. рис. 7). Домъ въ деревнѣ Верхнія Горы. А—вѣжа; А₁—помѣщеніе для очага ступеню ниже вѣжи, отдѣленное отъ нея по потолку; В—хиша; Д—скрамба; М—Н—дорога; а, а—двери; б, б—окна; с—очагъ; д—лѣстница на чердакѣ; ф—печь; г—столъ; и (крестикъ)—кропилыница; к (крестикъ)—распятіе; л, Л—скамы; м—омарце; н—кровать; у (крестикъ)—топка печи.

ваться нельзя, низшіе типы жилья, сохранившіеся въ Верхній Крайѣ. Каждое изъ помянутыхъ зданій несетъ ту или иную характерную черту примитивнаго быта. Такъ, жилое кочевое лишено потолка; байта и стань представляютъ однокамерныя постройки съ очагомъ; всѣ названныя постройки лишены пола и такъ или иначе настоящихъ оконъ и т. д.

По виційной своей формѣ всѣ эти сооруженія представляютъ покрытый двускатной (съ отливомъ и откосомъ) крышей срубъ, съ входной дверью съ

геремъ. Наконецъ подъ становищемъ, какъ извѣстно, между прочимъ подразумѣваются лагерь разбойниковъ и т. п. Въ Черногоріи слово станъ въ иѣкоторыхъ случаяхъ смѣшивается со словами, тѣсно связанными со словомъ коча и тому подобными. Такъ, въ Черногоріи стан, смотря по своей формѣ, можетъ называться и котара, кутјера, кутјара. Все это сдѣлали не указываетъ, что станъ слѣдуетъ понимать какъ синонимъ кочи. т. е. въ смыслѣ шалаша, палатки или тому подобнаго легкаго, передвижнаго, первобытнаго жилища.

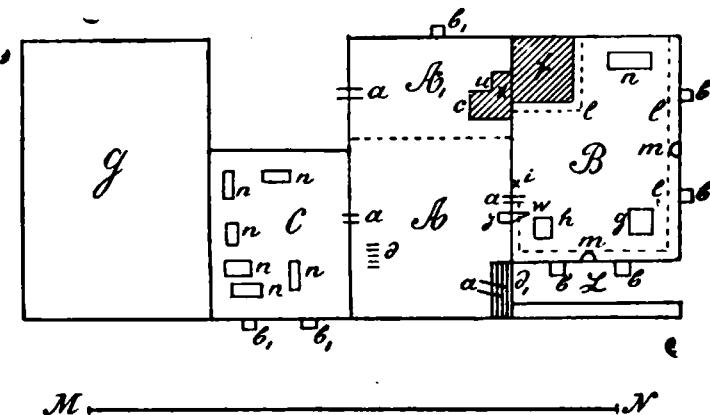
¹) Слово это (ср. наше корыто) означаетъ и ясли, а также ложе рѣки; въ томъ же смыслѣ употребляется и слово корито на сербскомъ языке.

фронтона. Можно думать, что именно кочне служило когда то обычнымъ жильемъ для предковъ современныхъ словинцевъ. Съ течениемъ времени это первобытное жилье было ими оставлено. Оно сохранилось въ качествѣ жилого помѣщенія лишь у того разряда людей, которые, какъ пастухи и чедники, ведутъ тотъ образъ жизни, который нѣкогда, быть можетъ, былъ свойствененъ всѣмъ предкамъ словинского племени. Остальная масса словинцевъ, забросивъ первоначальное свое жилье и перейдя въ дома, болѣе соответствующіе усовершенствованному въ культурномъ отношеніи быту, продолжаетъ пользоваться кочне какъ сооруженіемъ, исполняющимъ хозяйственныя задачи — сохраненіе сѣна на горныхъ лугахъ. Правильность высказываемой мысли какъ бы подтверждается тѣми обстоятельствами, что бѣдныя, однокамерныя хаты въ деревняхъ Крайны, встрѣчающіяся, впрочемъ, очень рѣдко, и по настоащее время называются коча, т. е. тѣмъ именемъ, какимъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Верхней Крайны называются горные сѣнныя сарайчики. Кромѣ того слѣдуетъ имѣть въ виду, что какъ въ Крайнѣ, такъ и въ Боснѣ и Черногоріи слово куча обозначаетъ домъ вообще, въ Черногоріи въ частности — дома со всѣми имуществами, т. е. дворъ, а въ Боснѣ словомъ куча обозначаютъ кухню (тоже кухиня) и ту комнату въ двухкамерныхъ постройкахъ, которая содержитъ очагъ, т. е. основную часть жилья. Подобную комнату черногорцы и въ частности васоевичи называютъ кутя. Наконецъ, коча, какъ основная часть жилья, сохранилась и въ Верхней Крайнѣ. Этимъ словомъ называется существенная часть того жилья чедниковъ, которая именуется таморъ.

4. Таморъ. Таморъ¹⁾ представляетъ во многихъ отношеніяхъ очень интересное сооруженіе. Внѣшній его видъ изображенъ на рис. 4 (на горѣ Столъ, на высотѣ 1.120 м.). Это каменное покрытое двускатной крышей зданіе, щѣть которого закрыть вертикально расположенными досками. Входная дверь находится съ длинной стороны постройки, гдѣ помѣщаются два небольшой величины и почти квадратной формы окна, по одному съ каждой стороны двери. Крыша крыта обычнымъ для Верхней Крайны способомъ: короткими досками. Со стороны фронтона помѣщаются спереди по сгибушинику, а сзади по навѣсу для коровъ, называемому хлѣвомъ. Что касается внутреннаго устройства, то оно слѣдующее (см. планъ на чертежѣ 4): по двумъ ступенямъ входишь черезъ дверь (на косакѣ вырѣзана цифра 1859 г.) въ довольно обширное помѣщеніе, лишенное потолка, открывающееся непо-

¹⁾ Слово таморъ, какъ кажется, не известно другимъ славянскимъ языкамъ; на словинскомъ слово это тоже рѣдко и имѣть лишь одно значеніе — жилая чедника; производныхъ отъ слова таморъ нѣтъ и въ словинскомъ языке. Слово это не славянскаго происхождения, быть можетъ иллірійскаго или кельтскаго. — Слово *támor*, *ðra*. (Слов. Плетершнака) — *tamag*, *хлѣвъ* при горныхъ кочахъ, — а сл. *támag* — die *Viehhürde*, die *Pferche* — сопоставлено съ нѣм. *tumme*, *tunger* a *tamaifi* — *pferchen*, *durch Pferchen oder Hürden düngen*.

средственно подъ крышу и называющеся коча (A). Въ серединѣ этого помѣщенія находится продолговатый, высотою въ $\frac{3}{4}$ аршина, очагъ, занимающій значительную часть кочи. Послѣдняя не имѣть оконъ. Задняя часть кочи занята устроенной черезъ все помѣщеніе нары (pograd¹). Правая треть ея служить мѣстомъ для постели (A₃), на остальныхъ двухъ третяхъ сложены дрова (A₂). Вдоль нары и по боковымъ стѣнамъ расположены прикрытленныя скамы (l, l). Къ передней стѣнѣ, а также отчасти къ правой боковой прислонены низкія полки, въ видѣ скамеекъ, служащія для поставки посуды (г, г). Справа и слѣва отъ кочи находятся за деревянной, высотою въ сажень, перегородкой комнатки, называемыя камерци или мlekарни (mlekarnja; см. букву: A₁). Помимутыя перегородки служатъ опорою для двухъ покоящихся на нихъ длинныхъ жердей (gliste²). Эти жерди, расположенные

ЧЕРТ. 8 (см. рис. 8—А и Б). Домъ въ деревнѣ Бѣль, выстроенный въ 1766 году.
 А—вѣжа; А₁—помѣщеніе для очага ступеню ниже и начѣмъ отъ нея не отдѣленное; В—хата; С—чумната; Г—скедень; Л—крыльцо; М—Н—улица; а, а—двери; б, б—окна; б₁, б₂—маленькия окна; с—очагъ; д—лѣстница на чердакъ; д—лѣстница съ крыльца; ф—печь; г—обѣденный столъ; х—столъ для раскатыванія тѣста; і (крестикъ)—кропильница; л, л—скамы; м, м—омарцы; н, н—кровати (въ чумната дѣтская); п (крестикъ)—топка печи; в—лава; у—дымникъ левы.

другъ къ другу паралельно, пересѣкаютъ такимъ образомъ всю кочу по ея серединѣ какъ разъ надъ очагомъ. Жерди эти служатъ помѣщеніемъ для дровъ, сушащихся отъ тепла, исходящаго съ очага. Указанные мlekарни имѣютъ каждая по одному окну (b, b) и служатъ частью для сохраненія молока, размѣщаемаго въ чашкахъ на полкахъ (г, г), частью въ качествѣ

¹) Поградъ на словинскомъ языке означаетъ складъ дровъ; поградити (pograditi)—строить, окружать изгородью, заборомъ.

²) Слово это, вѣроятно, стоить въ связи со словомъ глиста (glista), что означаетъ дождевого и ленточного черва; глистастъ (glistast)—червеподобный.

спалень, а именно, въ нихъ помѣщается по одной нарѣ съ постелью у оконъ (п. п.).

Если откинуть въ описанномъ зданіи млекарни, какъ образованія второго порядка, приспособленныя для специальныхъ функций, то въ таморѣ нельзя не признать простѣйшей постройки, совершенно схожей съ описанными выше жилымъ кочне, байтою и станомъ. Какъ эти, такъ и таморъ представляютъ жилье въ одну камеру, безъ потолка и оконъ, содержащее лишь самое необходимое для обитанія: очагъ и нару для постели. Въ частности въ изображаемомъ на рис. 4 и чертежѣ 4 таморѣ очагъ сохранилъ свое первобытое, какъ можно думать, мѣстоположеніе: въ серединѣ жилья. Это явленіе не представляется однако для тамора обязательнымъ, и вовсе не рѣдкостью является очагъ, сдвинутый въ правую или лѣвую сторону помѣщенія. Въ помянутомъ таморѣ входная дверь, въ отличіе отъ байты, кочне и стана, помѣщается не на фронтонной, а съ длинной стороны постройки, и въ этомъ отношеніи данный таморъ представляетъ отклоненіе въ сторону болѣе развитыхъ современныхъ верхне-крайнскихъ построекъ. Это отклоненіе стоитъ, очевидно, въ прямой связи съ пристройкою со стороны фронтоновъ какъ помянутыхъ камеръ, такъ и хлѣвовъ съ свинушниками (*H*, *H* и *K*, *K*).

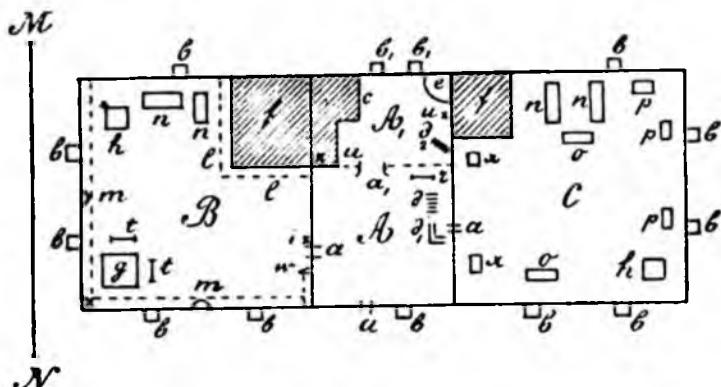
На основаніи приведенныхъ данныхъ о простѣйшихъ зданіяхъ Верхней Крайны слѣдуетъ прийти къ заключенію, что современный верхне-крайнскій домъ уже въ раннюю эпоху своего развитія имѣлъ двускатную крышу, которая незмѣнно сохраняется во всѣхъ мѣстныхъ постройкахъ, не исключая и самыхъ развитыхъ. Вальмы, этиrudименты четырехскатной крыши, встречающіеся какъ довольно обычное явленіе въ развитыхъ постройкахъ Верхней Крайны, возможно, повидимому, рассматривать какъ результатъ вліянія постороннихъ архитектурныхъ мотивовъ ¹⁾.

Двускатность крыши въ простѣйшихъ постройкахъ Верхней Крайны позволяетъ, какъ кажется, предполагать, что въ основу ихъ легли тѣ естественные углубленія въ горной почвѣ (пещеры, ямы, ниши), которые служили первобытному человѣку жильемъ. Устраивая для защиты отъ дождя и другихъ неблагопріятныхъ явленій навѣсы надъ мѣстомъ своего убѣжища, первобытный человѣкъ тѣмъ самымъ получалъ простѣйшій элементъ будущаго искусственнаго жилья. Къ этой мысли приводятъ сооружаемые и нынѣ чедниками навѣсы для убѣжища скоту, навѣсы, то стоящіе особняками, то тѣсно примыкающіе къ жилью (какъ на рис. 4 и 53). Отдѣльно стоящіе навѣсы, способъ ихъ устройства и характеръ вида ясно усматриваются изъ рисунка 55 (на горѣ Столъ, на высотѣ 1.120 м.). Строитель воспользовался

¹⁾ См. «Крестьянинъ Австрійской Крайны и его постройки».

рельефомъ почвы—склономъ горы, чтобы соорудить изображенное на рисункѣ пристанище для скота. Оно иносить название хлѣвъ (hlev) и состоитъ изъ нижней каменной части, верхней деревянной, съ деревянной же крышею и открывющейся загородкой изъ жердей. Въ некоторыхъ случаяхъ въ горныхъ мѣстностахъ (у чедниковъ) встречаются двускатные хлѣвы: ни что иное какъ два другъ противъ друга поставленные изображенной формы навѣса.

Высказанная выше мысль о двускатности крыши первобытныхъ построекъ Верхней Крайны и о происхождении послѣднихъ изъ естественныхъ углублений почвы и искусственного навѣса, мысль, вытекающая изъ данныхъ изложенныхъ наблюдений, встречается какъ бы рѣзкое противорѣчіе въ одномъ

ЧЕРТ. 9 (см. рис. 9). Домъ въ деревнѣ Бѣль, перестраивавшійся въ 1831 году. А—вѣха; А₁—кухня съ широкими дверьми; В—хиша; С—чумната; М—Н—улица; а, а₁—двери; а₂—широкая дверь въ кухню; б, б₁—окна; б₂, б₃—маленькия окна; д—лѣстница на чердакѣ; д₁—две ступени къ помосту передъ входомъ въ чумната; д₂—шесть ступеней въ кевдерѣ; е—котель для варки корма скоту; ф, ф—печи; г—обѣденный столъ; и, и₁—малые столы; і (крестикъ)—кропильница; к (крестикъ)—распашатѣ; л, л₁—пракрѣпленные скамьи; ш, ш—омары; п, п—кровати; о, о—скрины; р, р—комоды; г—полка для тарелокъ; т, т₁—скамьи; у, у (крестикъ)—топки печей; в—лева; х, х—омары.

обстоятельствѣ. А именно: по сообщеннымъ намъ свѣдѣніямъ опытнаго горнаго охотника Л. Л. Іенко обычное жилье чедниковъ является тождественно устроеннымъ съ кочевомъ описанного тамо, но совершенно иного, чѣмъ послѣдний, вѣнчнаго вида. По описанію названнаго лица „типичная“ постройка чедника представляеть призматическое съ квадратнымъ основаніемъ сооруженіе изъ два этажа. Въ нижнемъ изъ нихъ находится хлѣвъ, въ верхнемъ жилье. Въ послѣднее проникаютъ по наружной лѣстницѣ. Зданіе покрыто четырехскатной, пирамидальной крышей. Подобной постройки, не смотря на наши поиски, намъ встрѣтить не удалось, что объясняется, конечно, случайностью. Поманутое зданіе представляеть въ дѣлѣ исторіи развитія построекъ выдающійся интересъ, такъ какъ въ основѣ развитія его легъ, повидимому, несомнѣнно шалашъ, быть можетъ приспособленный надъ естественнымъ углубленіемъ

почвы, предоставленнымъ для скота. Надо замѣтить, что помѣщеніе хлѣвовъ подъ домомъ, такъ сказать, въ нижнемъ этажѣ его представляеть и во всей Крайнѣ и въ Далмациѣ, Босніи, Герцеговинѣ и Черногоріи совершенно обычное явленіе. Въ частности въ послѣдненазванныхъ странахъ, гдѣ простѣйшія жилыя зданія не представляютъ никакой рѣдкости, устройство дома часто съѣдующее. На склонѣ горы, пользуясь пещеркой или схожимъ съ ней углубленіемъ, строитель ставить помѣщеніе для скота, или кладовую, или погребъ („изба“); сверху сооружается жилье въ одну или двѣ камеры. Какъ жилье, такъ и „изба“ доступны обыкновенно безъ лѣстницы въ силу естественныхъ условій почвы: съ одной стороны, входишь въ избу, а обойдя зданіе съ другой стороны, достигаешь жилья. Однако эти зданія по виду, по крайней мѣрѣ въ Далмациѣ, Герцеговинѣ и Черногоріи, не несутъ явныхъ сгѣдовъ шатроваго происхожденія¹), хотя они и четырехскатны (см. рис. 50, изъ дер. Дрежница въ Герцеговинѣ). Въ Босніи же, гдѣ домъ всегда съ высокой поднятой четырехскатной крышей, шатровое происхожденіе его не подлежитъ сомнѣнію²) (см. рис. 49—изъ дер. Дольній Вакуфъ). Еще въ большей степени шатровое свое происхожденіе выдаютъ дома племени васоевичей въ Черногоріи. Типъ ихъ дома изображенъ на рис. 48³). Домъ этотъ (двукамерный) изображенъ на рисункѣ со стороны входной двери въ жилье; съ противоположной стороны, падающей по откосу горы, находится входъ въ „избу“—помѣщеніе для скота (въ некоторыхъ случаяхъ кладовая или погребъ). Послѣднее состоять частью изъ естественной скалы, частью изъ выведенныхъ искусственно каменныхъ стѣнъ. Такъ какъ домъ васоевичей представляеть, какъ въ томъ сомнѣваться невозможно, одинъ типъ съ боснійскимъ домомъ, а этотъ послѣдній стоять по своему стилю—насколько то пока выяснило дѣло изученія построекъ въ Австрии и на сѣверо-западѣ Балканского полуострова—совершенно одиноко, то представляется важнымъ отмѣтить существование по виду схожихъ съ боснійскими домами и генетически съ ними, повидимому, связанныхъ построекъ чедниковъ въ Верхнѣй Крайнѣ. Однако эти послѣднія постройки ничего общаго не имѣютъ съ остальными сооруженіями Верхнѣй Крайны, если не считать помѣщенія подъ жильемъ хлѣва (и конечно внутренняго устройства). Поэтому можно думать, что въ основу современного верхнѣ-крайнскаго дома легло не помянутое жилье чедниковъ съ пирамидальной крышей, а зда-

¹) Рисунокъ 50 заимствованъ изъ статьи Мерингера (R. Meringer—Das volksthümliche Haus in Bosnien u. d. Herzegovina. Wis. Mit. aus Bos. u. d. Herc., B. VII. Wien 1900).

²) Рисунокъ 49 заимствованъ изъ статьи Трухелки (Č. Truhelka—Volksleben въ изданіи: Die österreichisch-ungarische Monarchie in Wort u. Bild. B. XXII. Bosnien u. Herzegovina. Wien 1901).

³) Рисунокъ 48 заимствованъ изъ сочиненія П. Ровинскаго—Черногорія въ ся прошломъ и настоящемъ. Т. II, ч. I. Спб. 1897 г.

шіе, бывшее уже на первыхъ ступеняхъ своего развитія съ двускатной крышей и представлявшее иѣчто въ видѣ современныхъ кочеи, байты и стана, въ основу которыхъ легли, быть можетъ, естественныя углубленія почвы и насыпь.

Основной типъ этихъ построекъ проходитъ красной чертой рѣшительно черезъ всѣ крестьянскія зданія Верхней Крайны независимо отъ того, изъ какого материала они сооружены. Признавая отмѣченное происхожденіе современного словинскаго дома, мы, конечно, не исключаемъ мысли, что жилье первообщаемымъ пра-словинцамъ могъ быть шалашъ. Напротивъ того, мы думаемъ — объ этомъ подробнѣе будетъ сказано ниже — что первичнымъ жильемъ словинцевъ былъ именно шалашъ, именовавшійся кочей или кучей, но не сохранившійся въ своихъ первичныхъ формахъ и не передавшій своихъ архитектурныхъ мотивовъ позднѣйшимъ зданіямъ.

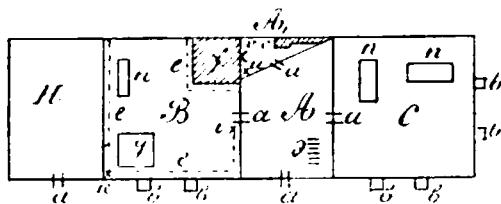
III. Общий характеръ сложныхъ построекъ.

1. Матеріалъ. Можно думать, что предки современныхъ словинцевъ Верхней Крайны на зарѣ своей жизни въ этой мѣстности пользовались для своихъ домовъ¹⁾ деревомъ. Обильные лѣса, покрывающіе горы даже въ настоящее время, представляли всегда хороший и поддающійся легкостью обработкѣ строительный матеріалъ. Конечно, житель уже издавна не пренебрегалъ иѣпроятию и камнемъ, употребляя его и для сложенія своего очага и для сооруженія первобытнаго фундамента, тѣмъ не менѣе собственно зданіе воздвигалось, иѣпроятию, изъ дерева. Впрочемъ, рельефъ почвы долженъ былъ вынуждать строителя пользоваться для своихъ построекъ и камнями. Склонъ горы затрудняетъ возможность дать зданію горизонтальное положеніе, если оно цѣликомъ изъ дерева, между тѣмъ при помощи камня горизонтальное положеніе достигнуть не трудно. Навѣсъ — хѣзы, изображенные на рисункѣ 55, а также кочеи, изображенное на рис. 54, служатъ нагляднымъ тому подтвержденіемъ. При употребленіи камня сначала какъ вспомогательного матеріала жителю Верхней Крайны не трудно было въ теченіе своей многовѣковой жизни замѣнить имъ первоначальный строительный матеріалъ — дерево. Очевидно именно этимъ, т. е. постояннымъ упражненіемъ въ употребленіи попутно камennаго матеріала

¹⁾ Слово домъ употребляется у словинцевъ въ смыслѣ жилища въ болѣе отвлеченномъ смыслѣ; означенное слово выражаетъ понятіе родительского дома, а также родины. У сербовъ название слово употребляется и въ смыслѣ дома вообще и въ смыслѣ семьи (фамиліи). Понятіе дома, которое мы нынѣ подразумѣваемъ на литературномъ языке, великорусскій крестьянинъ выражаетъ обыкновенно словомъ изба, малороссъ — хата, бѣлорусъ — хата, изба, словинецъ — хиша, словакъ — хижа или изба, полякъ — хата, халюпа, домъ, болгаринъ — кынта, сербъ — кучта, станъ, домъ, хорватъ — кутъя.

следует объяснить, что теперь уже большая часть крестьянских домовъ Верхней Крайны каменные. Что камень, какъ обычный строительный матеріалъ, внѣдрялся въ словинскую среду уже издавна, доказывается между прочимъ повидимому тѣмъ, что въ Верхней Крайнѣ встречаются крестьянские каменные дома большихъ размѣровъ, въ строительномъ отношеніи развитые, приспособленные къ потребностямъ сложной семьи и выстроенные уже не сколько сотъ лѣтъ тому назадъ.

Камень вводился въ постройку не сразу, а постепенно, т. е. прежде, чѣмъ перейти къ постройкѣ изъ сплошного каменного матеріала, словинцы сооружали изъ него первоначально лишь отдѣльные части своего дома. Первое, что сооружалось изъ камня, былъ, вѣроятно, фундаментъ. Это вытекаетъ, какъ

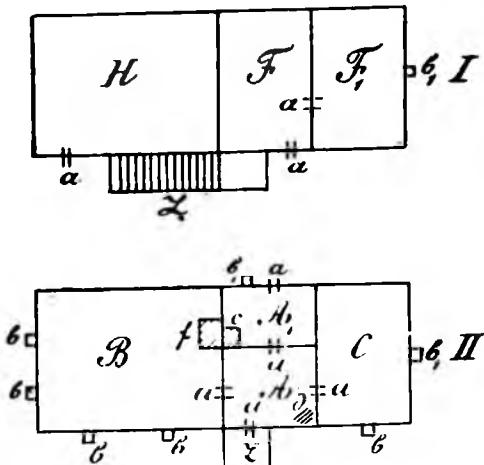

цированная изъ нея кухня— „кухня“. Эта мысль о постепенномъ примѣнѣи каменного материала подтверждается массою примѣровъ. Совершенно обычное явленіе въ Верхней Крайнѣ, что домъ деревянный имѣть каменное помѣщеніе для очага. Домъ изъ дер. Нижнее Горье, изображенный на рис. 18, представляетъ примѣръ деревянного дома съ каменными сѣнами и кухней. Другой домъ изъ деревни Верхнее Горье (см. рис. 45) показываетъ какъ каменный материалъ, начиная отъ сѣней и кухни, захватываетъ все большее пространство. На этомъ рисункѣ видно, что кромѣ вѣжи, т. е. сѣней изъ камня, выстроена одна стѣна, тогда какъ остальная часть дома изъ дерева. Обеспечивъ себя отъ опасности пожара, крестьянинъ, повидимому, сталъ примѣнять камень къ тѣмъ частямъ своего дома, которыхъ онъ пристраивалъ впослѣдствіи къ уже существующему помѣщенію, желая его расширить, или къ тѣмъ помѣщеніямъ, которыхъ выѣхали въ страну позже основныхъ частей дома. Въ этомъ отношеніи необходимо отмѣтить, что первѣдкостью является пристройка къ деревянному дому, состоящему изъ вѣжи, т. е. сѣней и хиши, т. е. избы боковой къ послѣдней комнатѣ, называющейся камрой. Послѣдняя въ этомъ случаѣ обыкновенно изъ камня. Какъ примѣръ такого дома можетъ служить домъ изъ дер. Нижнее Горье, изображенный на рис. 35. Интересно отмѣтить, что наиболѣе упорно дерево удерживается въ той части дома, которая образуетъ избу или хишу. Такъ, напримѣръ, на рис. 24 изображенъ домъ изъ дер. Битне, весь каменный, за исключеніемъ хиши, представляющей деревянный срубъ. Впрочемъ, къ вопросу о срубѣ мы вернемся ниже.

Такимъ образомъ каменный материалъ вытеснялъ деревянный въ горизонтальномъ направленіи. Но наряду съ этимъ шло его вытесненіе и въ направленіи вертикальномъ. А именно: каменный фундаментъ, подымаясь въ зависимости отъ большей или меньшей крутизны того склона, на которомъ помѣщается домъ, оставляетъ пространство для приспособленія хлѣва или иныхъ помѣщеній хозяйственного характера (кладовая, погребъ). Поэтому въ Верхней Крайнѣ возможно встрѣтить дома, верхняя деревянная часть которыхъ служить для жилья, а нижняя, каменная, въ качествѣ хлѣва, конюшни, кладовой. Какъ примѣры отмѣченного явленія могутъ служить два дома, изображенные на рисункахъ 13 и 19, о которыхъ ниже будетъ сказано подробнѣе. На первомъ изъ нихъ (13), представляющемъ деревянный домъ изъ дер. Нижнее Горье, виденъ входъ съ фронтона въ каменномъ фундаментѣ. Входъ этотъ ведетъ въ хлѣвъ. На второмъ же рисункѣ (19), изображающемъ большой деревянный домъ изъ дер. Верхнее Горье, можно усмотрѣть въ каменномъ фундаментѣ фронтона, тамъ, где онъ приподняты, маленькое оконце, пробитое въ кладовую, помѣщающуюся ниже жилья. Наконецъ на рис. 33,

изображающимъ старинный каменный домъ въ дер. Верхнее Горье, видно окно въ погребѣ.

Каменный материалъ, распространяясь въ горизонтальномъ и вертикальномъ направленияхъ, въ концѣ композ., занягъ всю существенную часть здания, оставивъ для дерева лишь чердачное помѣщеніе. Здѣсь дерево сохранило свое преобладаніе и понынѣ, въ дома, выстроенные совершенно изъ камня, представляются въ Верхней Крайней въ значительномъ меньшинствѣ. Характерно то, что тамъ, гдѣ въ чердачномъ помѣщеніи устраиваются дополнительныя къ жилымъ комнаты, эти послѣднія встрѣчаются часто даже въ фундаментальныхъ каменныхъ домахъ изъ бревенъ, намокая типичнымъ своимъ видомъ на первоначальное устройство сковинского жилья. Какъ примѣръ можетъ служить домъ, изображенный на рисункѣ 28. На рисункѣ виденъ задний фрон-

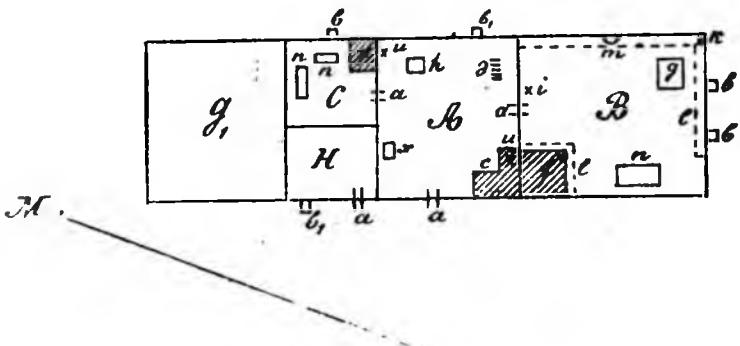
ЧЕРТ. 11 (см. рис. 11). Домъ около деревни Бѣль. I—кысяня, хозяйственная часть; II—верхнее, жилое помѣщеніе; А—вѣжа; А₁—кухинья; В—хипа; С—чумната; F—клѣть; F₁—дополнительная ея часть; Н—хлѣбъ; L, L—крыльцо; а, а—двери; б, б—окна; б₁, б₁—маленькия окна; с—плита на мѣстѣ бывшаго очага; д—лѣстница на чердакѣ; f—печь городского устройства. Домъ ремонтированъ и занятъ въ настоящее время садовникомъ чехомъ.

тонъ каменраго дома изъ дер. Верхнее Горье. Домъ обширный (о немъ будеть сказано подробнѣе ниже), выходящій своимъ переднимъ фронтомъ на обрывъ, весь каменный въ два этажа. И лишь въ задней, выходащей во дворъ части, онъ сохранилъ, какъ бы въ видѣ переживанія, незначительную, сложенную изъ бревенъ, комнату („камеру“) въ два окна. Кромѣ того все чердачное помѣщеніе построено (какъ это обыкновенно бываетъ), какъ и крыша, изъ дерева. Доревнинный, бревенчатый верхъ можетъ занимать и болѣе доминирующее, чѣмъ то видно на примѣрѣ отмѣченного дома, положеніе. Такъ, видный на рис. 16 домъ изъ дер. Кропа представляетъ полукаменное, полудеревянное зданіе.

Но если камень вытеснить и вытеснить дерево, какъ строительный материалъ въ шломъ домѣ словинца Верхней Крайны, то дерево сохранило еще вполнѣ свое господство въ постройкахъ хозяйственного свойства. Сарай (скедень), разнаго рода сушилка (коозелецъ, стегъ), свинушки (свинъ) и другие многочисленныя хозяйственныя сооруженія верхне-крайнскаго словинца, которыя описаны нами въ статьѣ „Крестьянинъ Австрійской Крайны и его постройки“, строятся почти весь и всегда исключительно изъ дерева, камень же играетъ роль лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ качествѣ опоры для большей устойчивости длиаго сооруженія. Въ частности сарай (скедень), являющійся какъ бы необходимой принадлежностью всякаго дома, строятся всегда изъ дерева, независимо отъ того примыкаетъ ли онъ къ дому, стоять ли онъ поодаль отъ него на дворѣ или вынесенъ онъ на значительное разстояніе отъ жилья. Скедень лишь поконится на каменихъ столбахъ, служащихъ или фундаментомъ для него или образующихъ помѣщеніе для скота, самъ же скедень всегда изъ дерева. Тѣ немногочисленныя случаи, когда скедень весь выстроенъ изъ камня, надо рассматривать какъ рѣдкія исключенія, ничего общаго съ обычнымъ типомъ построекъ этого рода не имѣющія.

2. Архитектурныя формы. Если каменный строительный материалъ вытеснить въ Верхней Крайнѣ деревянный, то онъ въ значительной степени вмѣстѣ съ тѣмъ убываетъ архитектурныхъ достоинствъ дома; онъ убываетъ национальный стиль дома, замѣниа его тѣми холодными формами, которыя лишаютъ зданіе художественности. Вполнѣ отстроенные изъ камня дома Верхней Крайны представляютъ скѣдуніа, изображенія на рисункахъ 9 и 14, зданія (изъ дер. Блѣдъ). При взглядѣ на такія зданія можно думать, что словинецъ въ дѣлѣ строительного искусства не выработалъ ничего своего. Между тѣмъ заключеніе это совершенно ошибочно. Тамъ, гдѣ дерево сохранило еще свои права какъ строительный материалъ, дома крайнскаго словинца полны своеобразныхъ чертъ. Особенно декоративнымъ элементомъ является галлерейка (рис. 17, 25, 29—Б), обыкновенно украшенная выдѣляющейся своими красными цвѣтами висячей гвоздикой. Словинецъ, заботливо витавивая перильца галлеренъ, старается вложить въ нее все свое искусство, всѣ свои художественные понятія. Къ сожалѣнію, галлерейки дѣлаются въ настоящее время во многихъ мѣстностяхъ изъ сплошныхъ досокъ (см. рис. 13, а также рис. 12 на стр. 21, въ статьѣ „Крестьянинъ Австрійской Крайны и его постройки“). Но въ нѣкоторыхъ, преимущественно глухихъ мѣстахъ сѣверной части Верхней Крайны, встрѣчаешь перильцы безспорно художественного характера. Примѣромъ тому можетъ служить домъ, изображенный на рисункѣ 57 (изъ мѣстечка Тержицѣ), который сохранилъ всѣ типичныя черты деревянной постройки въ полной мѣрѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Верхней Крайны.

такъ, напримѣръ, въ сѣверо-западномъ ю углу, примѣняется, какъ на деревянныхъ, такъ и на каменныхъ домахъ, совершенно своеобразная особенность архитектурнаго приема: постройки двойного фронтона. Въ слѣдующихъ двухъ рисункахъ изображены два дома: одинъ деревянный (рисунокъ 18), другой каменный (рисунокъ 10) изъ деревни Ратече-Былопечь. Фронтоны этихъ домовъ обычного характера помѣщаются справа. Въ деревянномъ домѣ (18) построены второй фронтонъ надъ входной дверью въ домъ. Фронтонъ этотъ, заключающій маленькую комнату съ входомъ изъ чердака, нависае надъ дверью, образуя художественное крыльцо съ небольшимъ балкончикомъ. Что касается каменного дома (рисунокъ 10), то перпендикулярно его чердачному помѣщенію поставленъ, такъ сказать, дополнительный и значительно болѣе высокій

ЧЕРТ. 12 (см. рис. 12—А и Б). Домъ въ деревни Рѣчица, выстроенный въ 1721 году. А—вѣза; В—хиша; С—чумната; Г1—пустое пространство подъ скеденемъ, который опирается одной стороной на домъ, а другой на каменную кладку (стѣну); Н—хлѣвъ; М—N—дорога-улица; а, а—двери; б, б—маленькия окна; с—очагъ; д—лѣстница на чердакъ; ф, ф—печи; г—обѣдній столъ; х—маленький столъ; и (крестикъ)—кропильница; к (крестикъ)—распятіе; л, л—скамьи; ш—омарце; п, п—кровати; и, и (крестики)—топки печей; х—омара.

чердакъ, выходящій своимъ фронтономъ къ длинной сторонѣ дома. Всѣ эти художественные особенности при постройкахъ дома изъ камня обыкновенно исчезаютъ, въ ущербъ красотѣ сооруженія. Длинная сторона дома представляетъ обычно каменную стѣну, тщательно, впрочемъ, выбѣленную, съ дверью на серединѣ и съ двумя-тремя окнами слѣва или справа или съ обѣихъ сторонъ двери. Лишь рѣдко однообразіе стѣны нарушается балкончикомъ, подобнымъ изображеному на рис. 33, представляющемъ домъ изъ дер. Верхнее Горье. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ некоторыхъ случаяхъ строитель старается слить со стѣной отливъ крыши. Съ этой цѣлью стѣна длинной стороны дома въ верхней своей части образуетъ, какъ это видно на рис. 14 и 41, незаканчивающійся и упирающійся въ крышу полусводъ. Тамъ, гдѣ этого

свода не имѣется, отливъ крыши задѣлывается снизу досками и образуетъ плотный навѣсъ (см. рис. 9). Что касается фронтона, то онъ предсталяетъ обыкновенно, именно благодаря чердачному помѣщенію, весьма типичный, не лишенный известной живописности особенности. Однимъ изъ характерныхъ фронтоновъ можетъ считаться изображенный на рис. 37 (изъ дер. Засыпь или Заспъ). Видимая дверь этого зданія ведеть въ хлѣвъ; надъ нимъ помѣщается жилье, чердакъ котораго съ характернымъ продольнымъ прорѣзомъ (*lina*) и столь же характернымъ верхнимъ отверстиемъ¹). Вьющаяся по стѣнѣ и чердаку виноградная лоза, какъ очень распространенное украшеніе, довершаетъ типичность изображенного на рисункѣ фронтона²).

3. Скедень. Описание вышеаго вида верхне-крайнскаго дома будеть не полно, если не упомянуть о скеденѣ (*skedenj*), составляющемъ нерѣдко весьма существенную часть его. Скедень³), т. е. сарай, въ его развитомъ видѣ, представляетъ довольно сложное зданіе. Полный скедень состоитъ всегда изъ двухъ этажей. Въ этомъ случаѣ нижняя его часть всегда изъ камня. Она составляетъ либо сплошное помѣщеніе, какъ то видно на рис. 29—Б, (дер. Верхнія Горы), либо состоять изъ каменныхъ столбовъ, какъ на рис. 15—Б (на берегу Блѣдскаго озера). Столбы эти занимаютъ обыкновенно половину или треть нижней части. Образующимся подъ скеденемъ пространствомъ пользуются для помѣщенія телѣгъ, склада сельско-хозяйственныхъ орудій, или же въ этомъ пространствѣ ставятся свинушки, или устраивается складъ навоза и т. д. Сплошная часть нижнаго этажа скеденя, занимаетъ ли она его весь (рис. 29—Б) или нѣть, служить для устройства хлѣвовъ и конюшни (*konjski hlev*). Что касается верхнаго этажа скеденя, то онъ сооружается, какъ сказано, всегда изъ дерева и содержитъ двѣ существенные части: гумно (*pôd*) и сѣновагъ (*pôd*); къ нимъ⁴) присоединяется обыкновенно третья—галлерейка (рис. 17 и 29—Б). Послѣдняя частью открыта, частью задѣлана досками, служащими наружной стѣнѣ и для гумна или сѣновага. Съ верхнаго этажа скеденя спускается внизъ деревянная четырехугольная труба для сенники корма. Къ скеденю, наконецъ, присоединяется часто отхожее мѣсто (рисунокъ 29—Б).

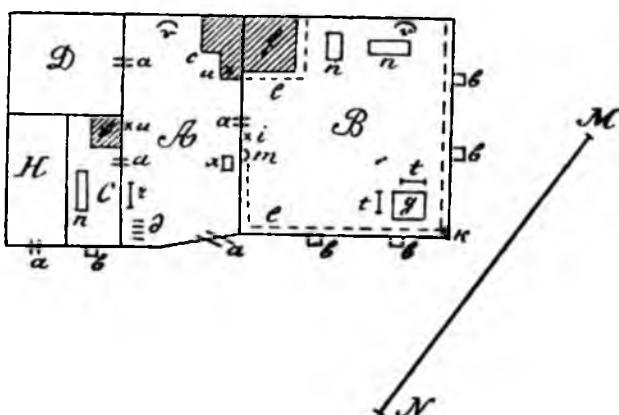
¹) Маленький прорѣзъ (рис. 15—А, 25, 31 и 37) въ щитѣ дома называется какъ и большой (рис. 19, 20, 28, 29—Б и др.) лина (*lina*) или *mala lina*, *ali slipe lina*, *linca*. Слово лина означаетъ и окно въ башнѣ и слуховое окно, люкъ, отверстіе въ стѣнѣ.

²) Фронтонъ или щитъ дома у словинцевъ называется прочелье (*pročelje*); прочелье (*prîčelje*) означаетъ переднюю часть фронтона, щита. У насъ причелинами называются доски, украшающія крышу со стороны щита; прочелье на сербскомъ языкѣ—почетное мѣсто за столомъ; очелье въ древнемъ русскомъ зодчествѣ есть фронтонъ окна.

³) Слово это означаетъ и гумно.

⁴) Подъ на сербскомъ языкѣ означаетъ поль, этажъ; въ частности, въ Черногоріи словомъ этимъ называютъ поль, раздѣляющей верхній и нижній этажи; по этому «напод»—двухэтажный домъ.

(Планъ подобнаго скеденя см. въ статьѣ „Крестынъ Австрійской Крайны и его постройки“, стр. 26 и 27, рис. 16 и 17 и стр. 28, рис. 14). Если скедень двухэтажный, то у него обыкновенно не отсутствуетъ одно очень типичное сооруженіе: въездъ изъ каменной кладки, ведущій въ широкія ворота гумна. Объ этомъ въездѣ нами болѣе подробно говорено уже въ неоднократно указанной здѣсь нашей статьѣ. Въездъ можетъ быть изъ сплошной каменной кладки, но чаще онъ поконится на свободномъ сводѣ, или же, что рѣже, на двухъ сводахъ (см. рис. 32, изъ дер. Рѣчица). Сводъ служить часто для склада сельско-хозаѣственныхъ орудій, или же онъ задѣланъ деревянными досками, служа помѣщеніемъ для санинушника¹⁾). Надо отмѣтить, что деревян-

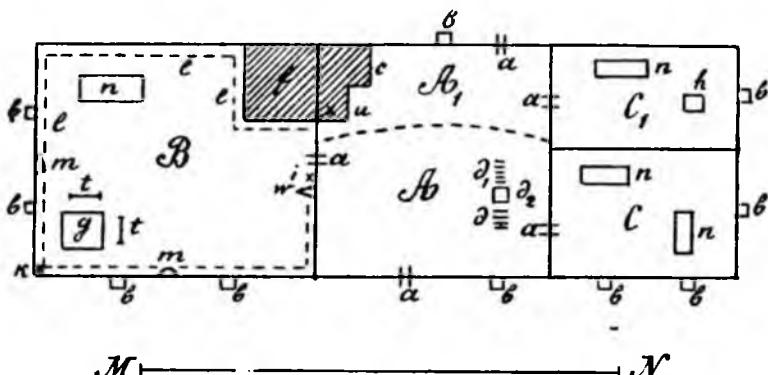

ЧЕРТ. 13 (см. рис. 13). Домъ въ деревнѣ Нижнєе Горье, выстроенный въ 1748 году и перестраивавшійся въ 1858 году. А—вѣма; В—хиша; С—чумпата; Д—храмба; Н—хлѣвъ; М—Н—дорога-улица; а, а—двери; б, б—окна; с—очагъ; д—лѣстница на чердакъ; ф, ф—печи; г—обѣденный столъ; і (крестикъ)—кропильница; к (крестикъ)—распятіе; л, л—прикрепленные скамьи; м—омарце; н, п—кровати; р—полка; т, т—скамьи; у, и (крестика)—топки печей; в, в—ниши съ полками; х—омара.

ная часть скеденя обыкновенно не выстраивается монотонно изъ бревенъ или досокъ. Напротивъ того, въ скеденѣ чередуются сплошныя дощатныя стѣны, со стѣнами, сложенными при помощи перекрещивающихся тонкихъ бревенъ (см. рис. 15—Б и 29—Б). Такого способа постройки скеденъ, съ частью отстроенныхъ, частью состоящими изъ столбовъ нижнемъ этажомъ и съ каменнымъ, покрытымъ дерномъ въездомъ на верхъ и т. д., придаетъ верхне-крайинскому дому въ высшей степени характерную живописность. Полный и притомъ отдельно стоящий скеденъ изображенъ на рисункѣ 52. Середина нижнаго этажа

¹⁾ Въездъ называется мостъ (most) или положеніе (položenje); položen—на клонный; položnost—наклонъ, наклонность, обрывъ, паденіе (почвы).

этого скеденя выстроена цѣльною изъ камня и заключаетъ хѣль и конюшни. На нихъ покоятся верхній этажъ, опирающійся въ лѣвомъ и правомъ концахъ на каменные стѣны, служащи опорами. Поэтому сѣва и справа, собственно подъ сараемъ, образуютъ пространства, занятыя: лѣвое дровами, а правое—телецами и сельско-хозяйственнымъ инвентаремъ. На рисункѣ не видно изѣзда, находящагося съ праваго бока и ведущаго въ гумно, но можно различить деревянную лѣстницу, ведущую въ сѣноваль, непосредственно у входа въ конюшни. Весь верхній этажъ выступаетъ надъ нижнимъ, образуя валикъ. Въ лѣвой части скеденя, тамъ, где гумно сильно выступаетъ впередъ,—галлерейка. Описываемый скеденъ, какъ онъ изображенъ на рисункѣ, со всѣмъ инвентаремъ, съ хомутами, повѣшенными у конюшни и т. д., пред-

ЧЕРТ. 14 (см. рис. 14). Домъ въ деревнѣ Бѣль. А—вѣза; А₁—помѣщеніе для очага, отдаленное отъ вѣзы аркой по всей ея ширинѣ; В—хиша; С и С₁—чумнаты; М—Н—дорога-улица; а, а₁—двери; б, б₁—окна; с—очагъ; д—лѣстница въ верхніе помѣщенія; д₁—лѣстница въ кевдеры; д₂—люкъ; ф—печь; г—обѣденный столъ; х—маленький столъ; і (крестикъ)—кропильница; к (крестикъ)—распятіе; л, л₁—прикрытленные скамы; м, м₁—омарцы; н, н₁—кровати; т, т₁—скамы; о (крестикъ)—топка печи; в—лѣва.

ставлять примѣръ типичнѣаго сарая Верхней Крайны. Этотъ скеденъ приналежитъ къ зажиточному дому въ дер. Рѣчица, но и менѣе богатыя семьи строятъ совершенно такіе же скеденъ съ тѣо лишь различіемъ, что они у нихъ менѣе значительной величины.

Слѣдовательно, какъ видно изъ приведенного примѣра, скеденъ можетъ стоять совершенно отдельно отъ дома. Однако онъ можетъ и тѣсно прымывать къ нему (рис. 15—В) или покояться на части нижнаго этажа дома, обыкновенно у хѣва. Послѣдній способъ пристройки скеденя къ дому ясно виденъ на рис. 15—Б и 17 (дер. Бѣль къ Рѣчица). Ивогда та часть скеденя, которая обыкновенно занимаетъ нижній этажъ и служить для устройства хѣвовъ и конюшни, сливается съ домомъ, а скеденъ почти всецѣло покоятся на ней. Примѣръ такого приспособленія скеденя къ дому виденъ на рис. 8—Б и 14 (дер.

Бывдъ). Двѣ двери, видныя на первомъ рисункѣ, какъ та, которая выходитъ къ фронтону, такъ и та, которая выходитъ къ длинной сторонѣ, ведутъ одна въ хлѣвъ, другая въ конюшню. Наконецъ въ иѣкоторыхъ случаяхъ скедень нагромождается цѣликомъ на домъ, дѣлая его тѣмъ самымъ какъ бы двухэтажнымъ и сливаясь съ чердакомъ. Подобнаго рода приспособленіе скеденя видно на рисункѣ 12—Б (дер. Рѣчица). Передняя изъ видныхъ на рисункѣ дверей есть входная въ домъ, а задняя—дверь въ хлѣвъ. При такомъ устройствѣ скеденя въ значительной степени менѣяется фронтонъ дома: онъ несоразмѣрно вытанутъ къ верху и придаетъ зданію полукаменный, полудеревянный характеръ, хотя въ сущности домъ выстроенъ исключительно изъ камня, а деревянная часть—ничто иное, какъ насыпшій на домъ скедень съ чердакомъ (см. рис. 12—А, изображающій фронтонъ дома въ дер. Рѣчица, представленнаго на рис. 12—Б).

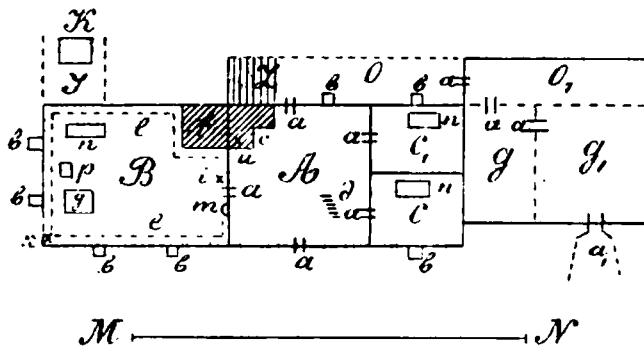
Какъ бы ни примыкалъ скедень къ дому, но онъ, строго говоря, не сливается органически съ жилой частью, а придѣльвается къ низу механически. Совершеннѣя (фактически) обособленности скеденя отъ жилого дома подтверждается тѣмъ, что въ скеденѣ, какъ бы онъ ни примыкалъ къ дому, какъ бы онъ ни казался тѣсно съ нимъ связаннымъ, никогда неѣть хода изъ жилой части дома. Въ скеденѣ входятъ обыкновенно двоякимъ образомъ: черезъ упомянутый выше вѣтвѣдъ и по отдѣльной деревянной лѣстницѣ (см. рис. 17, 26, 41 и 52). Въ иѣкоторыхъ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, тамъ, где имѣется крыльцо съ задней стороны дома, крыльцо это, вѣдя въ заднюю входную дверь жилья, сливается вмѣстѣ съ тѣмъ съ галлереей скеденя (см. чертежъ 15). Наконецъ въ скеденѣ можетъ быть и еще одинъ ходъ, встрѣчающійся часто, а именно: если галлерея скеденя примыкаетъ къ чердаку, то изъ чердака, черезъ галлерею имѣется ходъ и въ скеденѣ (см. рис. 24—Б). Такимъ образомъ входъ собственно въ скеденѣ во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ наружный, а не внутренній.

4. Хлѣвъ и конюшня. Въ иномъ чѣмъ скеденѣ отношеніи къ дому являются хлѣвъ¹⁾ и конюшня. Изъ изложеннаго и приведенныхъ рисунковъ видно, что эта часть хозяйственныхъ сооруженій нерѣдко входить въ общую массу дома, составляя съ нимъ одно цѣлое. Правда, входъ въ хлѣвъ и конюшню почти всегда отдѣльный отъ входа въ жилье: либо рядомъ съ нимъ, либо обособленно отъ него съ фронтономъ, но въ иѣкоторыхъ, правда, единичныхъ, случаяхъ хлѣвъ имѣть выходъ не наружу, а въ вѣжу, т. е. въ сѣни дома; въ этомъ случаѣ въ вѣжу ведетъ не дверь, а ворота.

¹⁾ Подъ хлѣвомъ словинецъ подразумѣваетъ всякое помѣщеніе для скота, начиная отъ простого навѣса (какъ, напр., у чедниковъ) и кончая каменнымъ помѣщеніемъ, безъ различія, входить ли оно въ составъ дома или скеденя.

Этого рода тесное сливаніе хлѣва съ жильемъ наблюдалось въ Верхней Крайинѣ очень рѣдко и только въ домахъ, несущихъ слѣды глубокой бытовой старинны. Такіе примѣры скорѣе указываютъ на выдѣленіе, съ теченіемъ времени, хлѣва изъ жилья. Это подтверждается между прочимъ тѣмъ, что въ настоящее время какъ хлѣвъ такъ и конюшня весьма часто совсѣмъ не связаны съ домомъ, помѣщаясь въ нижней части скеденя, независимо отъ того стоятъ ли они отдельно или примыкаютъ къ дому.

5. Свинушникъ и навѣсь. Возвращаясь снова собственно къ дому, слѣдуетъ отмѣтить, что къ нему принадлежать обыкновенно еще двѣ довольно существенные части: свинушникъ ¹⁾ и навѣсь ²⁾. Какъ тогъ, такъ и другой занимаютъ конечно второстепенное мѣсто, тѣмъ не менѣе они съ своей стороны придаютъ навѣстную характерность верхне-крайинскому дому. Мѣсто примыканія къ дому названныхъ пристроекъ неопределено. Свинушникъ,

ЧЕРТ. 15 (см. рис. 15-А и Б). Домъ на берегу Бѣльскаго озера, выстроенный въ 1783 году. А—вѣжа; В—хиша; С и С.—чумнаты; Г—Г.—скеденя; Г—съноваль, Г1—гумно; І—навѣсь; К—свинушникъ; Л—крыльцо; М—Н—дорога; О—открытая галлерея; О1—закрытая галлерея; а, а—двери; а1—ворота со взѣздомъ; б, б—окна; с—очагъ; д—лѣстница на чердакъ; е—печь; г—обѣдненный столъ; і (крестикъ)—кропильница; к (крестикъ)—распятіе; л, л—скамьи; ш—омарце; п, п—кровати; р—комодъ; и (крестикъ)—топка печи.

напримѣръ, ставится часто рядомъ съ домомъ совершенно отдельно, или приложается къ нему съ боковой стороны или со стороны фронттона; даѣтъ свинушникъ часто примыкаетъ къ скеденю, ставится подъ нимъ или подъ навѣсь и т. д. Если свинушникъ отстроенъ, то онъ имѣть въ большинствѣ случаевъ одинъ и тотъ же видъ, передаваемый на рисункѣ 22 (дер. Бѣль). А именно: одна половина двускатной крыши какъ бы надломлена и образуетъ навѣсь

¹⁾ Свинушникъ называется свинякомъ (svinjak), иногда и хѣвцемъ (blevec).

²⁾ Навѣсь называется по словински подстрѣшекъ (podstrešek), а также подстрѣшье (podstrešje); послѣднее слово означаетъ и чердакъ, кровъ, убѣжище. Въ смыслѣ навѣса употребляется и слово шупа (šupa). На сербскомъ языкѣ навѣсь—пастрешница.

надъ входомъ въ свинушники. Послѣднихъ обыкновенно два; но можетъ быть одинъ, три или четыре. Тѣсно связано съ подобными свинушниками, какъ это видно на означенномъ рисункѣ, отхожее мѣсто. Свинушникъ по видѣнію своему виду передаетъ общіе, свойственные Верхней Крайинѣ мотивы постройки. Совершенно подобную по видѣнію форму, какъ помянутый свинушникъ, имѣютъ и такія сооруженія, какъ напримѣръ пчелиные дома, такъ называемые ульяки (см. рис. 34) ¹⁾.

Что касается навѣсовъ, то они образуются вслѣдствіе удлиненія крыши по ея отлику. Обыкновенно навѣсъ придаванъ къ скеденю и служить для сохраненія телѣгъ, но навѣсъ можетъ быть и при домѣ, а именно непосредственно передъ входной дверью или около нея, наконецъ въ иномъ какомъ либо мѣстѣ, какъ то, напримѣръ, видно на рис. 15—А. (Рисунокъ этотъ изображаетъ фронтонъ дома, переданного въ рис. 15—Б).

Если скедень расположено отдалѣнно отъ жилого дома, то около послѣднаго образуется дворъ—садъба, огороженная каменномъ или деревянномъ изгородью, при чёмъ первая иногда имѣеть ворота (см. рисунки 24 и 9). Часть ея занята обыкновенно фруктовыми деревьями, въ другой части помѣщается колодезь, свинушникъ, паштба для сушки плодовъ, дырвеница для дровъ и т. п. хозяйственныя сооруженія. Впрочемъ, дрова сохраняются въ большинствѣ случаевъ при домѣ: они складываются по стѣнѣ его и обыкновенно съ фронтона (см. рис. 15—А и 28). Дрова постепенно заготавливаются лѣтомъ и по мѣрѣ накопленія ихъ занимается большая или меньшая часть стѣны, съ оставленіемъ свободныхъ пространствъ, дабы не загораживать оконъ.

Что касается построекъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ сельскому хозяйству (за исключеніемъ гумна и сѣновала, входящихъ въ скедень), то оғѣ въ громадномъ большинствѣ случаевъ ставятся въ Верхней Крайинѣ виѣ собственно усадьбы, на поляхъ. Описаніе этихъ построекъ приведено у насъ въ статьѣ „Крестьянинъ Австрійской Крайны и его постройки“.

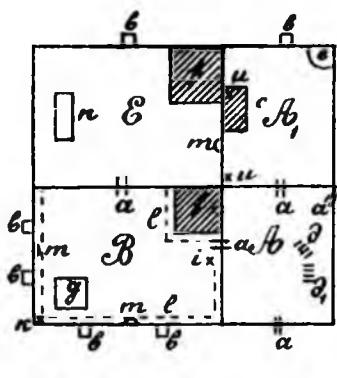
6. Крыша. Что касается крыши ²⁾, то многочисленные при-

¹⁾ Ульяки Крайны (ulnjač) представляютъ своеобразное сооруженіе, связанное съ характеромъ мѣстнаго пчеловодства. Это домики, въ которыхъ помѣщается рядъ расположенныхъ па полочкахъ ульевъ. Изображеній на рис. 34 ульякъ изъ дер. Рѣчица содержитъ несолько десятковъ ульевъ. Каждый изъ нихъ отмѣченъ особымъ рисункомъ, обыкновенно въ яркихъ краскахъ, которыми руководствуются пчелы, возвращаясь со взяткомъ, чтобы не попасть въ чужой улей. Крыша ульяка съ задней стороны обыкновенно длиннѣе, а съ передней какъ-бы надломлена. Обыкновенно передній навѣсъ переходитъ къ передней сторонѣ собственно ульяка полусводомъ, повторяя тотъ же мотивъ, который, какъ уже указано, не рѣдокъ въ жилыхъ домахъ. Полусводъ этотъ у ульяковъ конечно деревянный, образованный изъ досокъ.

²⁾ Крыша называется стрѣхой (streha); слово это означаетъ и покрышку вообще, а также—убѣжище. Крыша по сербски: кров, заклоац, забат. Слово стрѣха извѣстно сербскому языку въ смыслѣ части крыши, а именно ея отлива, образующаго наѣсь; на малорусскомъ языѣ стрѣха—есть крыша.

веденные рисунки (15—А, 21, 33, 35, 37, 38, 45, 56, 57) дают достаточно представление о них. По материалу крыша обыкновенно досчатая, иногда, что встречается реже, соломенная (рис. 56). Въ некоторыхъ случаяхъ доскамикроется жилой домъ, а соломой скедень. Крыша обыкновенно довольно высоко поднята, всегда двускатная, а иногда съ вальмой на главномъ или на обоихъ фронтонахъ. Вальмы какъ наименіе, такъ сказать, обязательное, встречаются преимущественно въ съверной части Верхней Крайны, на границѣ Каринтии (рис. 6, 10, 57). Подъ крышей вдоль съ длинной стороны часто помѣщается желобъ (žleb; рис. 9, 21, 27 и 43), верхъ же крыши имѣеть обыкновенно отдушины (окенце) изъ чердачнаго помѣщенія (рис. 9, 14, 15—А и 57). (О крышѣ смотр. приведенную раньше книгу статью въ „Живой Старинѣ“).

7. Окна. Перехода въ окнамъ¹⁾, слѣдуетъ въ отношеніе числа и формы ихъ замѣтить, что въ домахъ Верхней Крайны наблюдается значительное разнообразіе. Число оконъ опредѣляется не только величиною жилого помѣщенія, но и характеромъ и степенью его развитія. Если съ фронтониа два окна (см. рис. 15—А и 37), то это значитъ, что въ домѣ нѣть камры, такъ какъ третье окно фронтониа освѣщаетъ всегда именно ее. Это третье окно бываетъ иногда меньшей величины, чѣмъ остальные два, какъ то видно на рисункѣ 20 (дер. Млино); это можетъ служить доказательствомъ, что камра пристроена впослѣдствіи. Если съ длинной стороны дома окна имѣются только отъ двери къ главному фронтону, то это обыкновенно обозначаетъ, что въ жильѣ нѣть чумнаты (рис. 17). Если указанныхъ оконъ два, то изъ этого обыкновенно правильно заключить, что вѣжа (т. е. сѣни) не освѣщается. Окна съ противоположной главному фронтону стороны дверей же для дома указываютъ обыкновенно: если окно одно, что оно относится къ сѣнямъ, если ихъ два—что имѣется чумната. Окно на уровне земли доказываетъ присутствіе кладовой или погреба (рис. 33); окна въ верхнемъ

ЧЕРТ. 16. Домъ въ деревнѣ Ратече-Бѣлопечь. А—вѣжа; А₁—кухня; В—хіша; Е—камра; М—Н—улица; а, а—двери; б, б—окна; с—очагъ; д—лѣстница на чердакъ; е—лѣстница въ кевдерѣ; ф—кубъ для варки корма скоту; f, f—печи; g—обѣдній столъ; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятіе; l, l—скамы; m, n—омарцы; p, p—кровати; u, u (крестики)—точки печей.

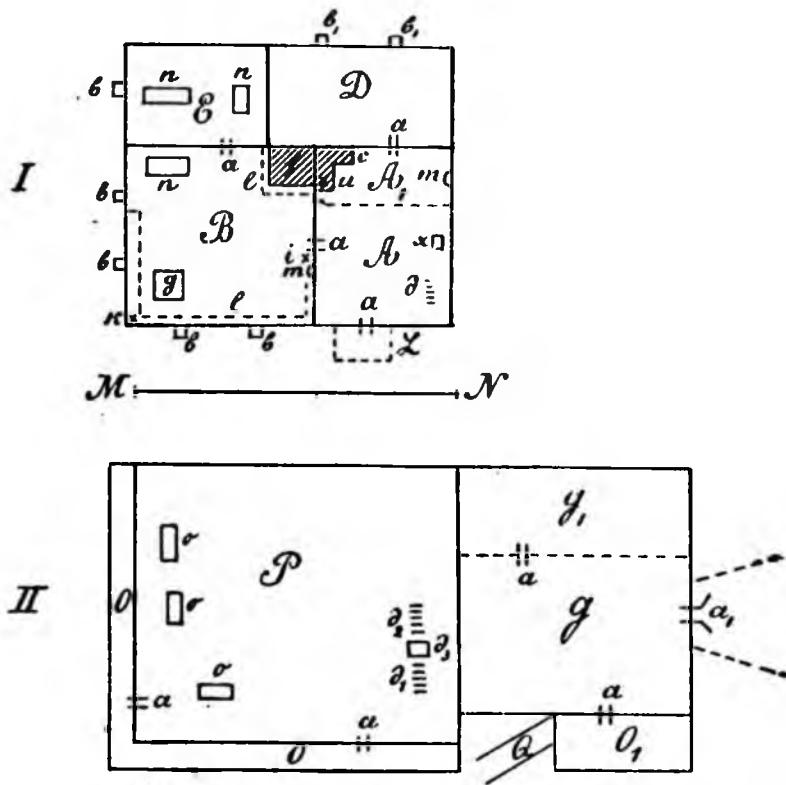
¹⁾ Слово оно (окно) означаетъ и нишу.

этажъ—дополнительной камеры, одной или двухъ. Окна съ противоположной стороны входной двери освѣщаютъ либо кухню (одно окно), либо камру, либо чумнату.

Обычная форма оконъ почти квадратная, при чѣмъ высота ихъ нѣсколько больше ширины. Въ каменномъ домѣ средней величины окна 65—70 см. ширины и 70—75 см. высоты; встрѣчаются однако окна и большихъ размѣровъ, но не превышающія обыкновенно 75 см. ширины и 80 высоты. Для каменныхъ домовъ типично то, что окна снаружи обложены призмами зеленоватаго песчаника, образующими наружныя рамы (см. рис. 14, 21, 27, 30—А, 33); въ нихъ вставляется жѣзнай рѣшетка, что также характерно для типа мѣстныхъ оконъ. Ставни у такихъ оконъ обыкновенно отсутствуютъ. Въ новѣйшее время склошныя ставни замѣняются ставнями-жалюзи (см. рис. 16 и 43). Но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Верхней Крайны, а именно, на сѣверѣ ея, ставни представляютъ обычное явленіе (см. рис. 57). Что касается деревянныхъ домовъ, то форма ихъ оконъ совершенно соответствуетъ формѣ оконъ у каменныхъ домовъ, при чѣмъ каменныя рамы замѣняются деревянными, сложенными изъ брусьевъ. Надо замѣтить, что крестьянина Крайны, передѣльвая и ремонтируя обветшалые деревянные дома, часто обмазываетъ ихъ глиной и всегда почти прорѣзываетъ большія окна, расширяя существующія малыя (см. рис. 5, Верхнєе Горье). Поэтому дома съ тѣми окнами, которыя несутъ слѣды архаизма, представляются въ настоящее время большой рѣдкостью.

Первичная форма оконъ, очевидно, та, о которой сказано было при описаніи байты, т. е. окно—ни что иное какъ пробитая въ срубѣ узкая и длинная щель. Въ такой просвѣтѣ проникаетъ достаточное, по несложнымъ потребностямъ обитателя байты или кочи, количество свѣта; просвѣтѣ не требуетъ рамы, ради защиты отъ холода, и представляется поэтому цѣлесообразнымъ. Шагъ впередъ, согласно возрастающимъ нуждамъ въ свѣтѣ, представляютъ тѣ малой величины и совершенно квадратныя по формѣ окна, которые встрѣчаются и понынѣ (хотя и рѣдко) въ бѣдныхъ кайзахъ. Подобныя окна можно видѣть на рис. 56 (дер. Примско). Такія окна имѣютъ жѣзанную рѣшетку въ видѣ двухъ крестъ на крестъ положенныхъ жѣзокъ; кромѣ того у такихъ оконъ имѣется одностворчатая деревянная ставенька. Подобного рода окна получили дальнѣйшее развитіе, образовавъ воловое окно. Ставни переносатся внутрь въ видѣ задвигающейся дощечки. При этомъ рама, содержащая стекло, можетъ тоже двигаться, но въ противоположную сторону. Форма наружнаго окна остается квадратной, какъ то видно на рисункѣ 19. Изнутри же окно представляется довольно сложнымъ. Устройство его видно на чертежѣ 36, на которомъ между прочимъ изображено какимъ способомъ вѣланы стекла. Послѣднія, не смотря на размѣръ окна приблизительно въ 5 кв. вершковъ, вѣланы въ

металлическия небольшой величины и шестиугольной формы рамочки. Этого рода окна, еще совершенно сохранившаяся, представляютъ въ Верхней Крайней большую рѣдкость и встречаются исключительно въ очень старыхъ деревянныхъ домахъ. Такъ, домъ, изображеный на рисунку 19, выстроенъ въ 1760 году, т. е. почти 150 лѣтъ тому назадъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе, что часть оконъ (съ боковой стороны) имѣть помянутую выше жалѣзную решетку

ЧЕРТ. 17. (см. рис. 17). Домъ у деревни Рѣчица. I — жилое помѣщеніе; II — чердачное помѣщеніе и скедень. А—вѣжа; А1—помѣщеніе для очага, отдѣленное отъ вѣжи лишь по потолку и ниже ея на одну ступень; В—хиша; Д—схрамба; Е—камра; Г—Г1—скедень; Г—гумно; Г1—ствноваль; Л—крыльцо; М—Н—дорога; О, О1—узкая галлерея; О1—широкая галлерея; Р—«надь - хиша»; Q—деревянная лѣстница; а, а1—двери; а1—ворота со взѣздомъ въ скедень; б, б1—окна; б1, б1—маленькия окна; с—очагъ; д—лѣстница на верхъ; д1—лѣстница внизъ; д—лѣстница на чердакъ; д—мокъ; ф—печь; г—столъ; и (крестикъ)—крапильница; к (крестикъ)—распятіе; л, л—скамбы; м, м—омарцы; н, н—кровати; о, о—скрибы; п (крестикъ)—топка печи; х—омара.

въ видѣ креста, въ другихъ же окнахъ (на фронтонѣ) жалѣзный крестъ схваченъ кольцомъ, при чемъ вся эта решетка вдѣлана не въ окно, а придѣлана къ нему снаружи.

8. Крыльцо. Умѣло пользуясь рельефомъ данной мѣстности, словинецъ Крайны въ большинствѣ случаевъ не нуждается для входа въ домъ въ

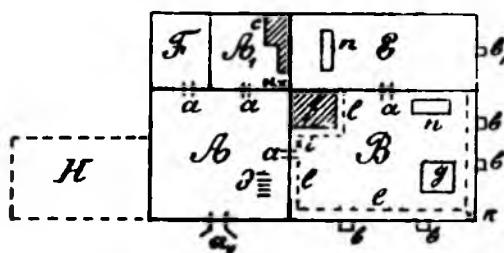
крыльцъ¹); поэтому оно въ Верхней Крайнѣ большемъ частью не строится. Дверь въ домѣ располагается такъ, что черезъ нее проникаешь прямо въ жилье, потому что нижняя часть дома идетъ по склону горы, занимая не всю часть подъ верхнимъ этажемъ. Для большей ясности скѣдуетъ взглянуть на рисунокъ 48 (домъ въ дер. Бѣдѣ), на которомъ видно весьма обычное положеніе дома. Низъ здѣсь, какъ часто бываетъ, занятъ хѣвомъ, дверь въ который ведетъ съ фронтона. Входная же въ жилье дверь, расположенная по склону горы выше, ведетъ въ жилое помѣщеніе, составляюще второй этажъ. Хотя, какъ сказано, большая часть домовъ Верхней Крайны сооружается безъ крыльца, тѣмъ не менѣе послѣднее не представляется рѣдкостью. Оно можетъ быть въ одинъ или два входа. Въ обоихъ случаяхъ оно примыкаетъ къ дому по длине, тѣсно сливаясь съ его стѣной, какъ это можно видѣть на рисункахъ 8—А и 11—представляющихъ прямѣры крыльца со входомъ на одну сторону и на рисунокѣ 17—со входами па двѣ стороны. Въ домѣ, изображенномъ на рис. 11, (домъ у дер. Бѣдѣ), крыльцо оканчивается площадкой, надъ которой находится небольшой навѣсъ, закрывающій вмѣстѣ съ отливомъ крыши крыльцо отъ дождя. Что касается крыльца каменнаго дома, изображенаго на рисунокѣ 8—А (дер. Рѣчица), то оно ведетъ непосредственно въ дверь, поставленную иѣ сколько нанескось. Оба поманутыя крыльца имѣютъ съ наружной стороны широкій каменный борть, замѣняющій перила. Двухходное крыльцо, видное на рисунокѣ 17 (дер. Рѣчица), не отличается существенно въ этомъ отношеніи отъ предыдущихъ; различіе заключается лишь въ томъ, что подняться къ входной двери можно какъ съ одной, такъ и съ другой стороны. Внизу двухходныхъ крылецъ съ наружной ихъ стороны устраивается нерѣдко дверь со спускомъ въ погребъ. Крыльцо—во всѣхъ случаяхъ открытое, лишеннное даже навѣса, замѣняемаго иногда отливомъ крыши, какъ то ясно видно на рисунокѣ 11.

9. Входная дверь²). Если у входной двери крыльца не имѣется, то обыкновенно нѣть и ступеней къ двери; напротивъ, одна—двѣ ступени внизъ отъ двери къ сѣянью не являются рѣдкостью. Дверь въ ка-

¹) Крыльцо называется стопница (stopnica); stopnja—ступень, терраса: stopati—восходить, подыматься; stoprjena—постепенно. Такимъ образомъ въ словинскомъ языкѣ выраженіе для крыльца тѣсно связано съ понятіемъ о ступеняхъ, лѣстница. Подобнымъ же образомъ и сербъ выражаетъ понятіе о крыльца: лесница предъ кучомъ (т. е. домомъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ сербъ называетъ крыльцо—басамаци. Крилаце, криоце—на сербскомъ языкѣ крылечко.

²) Входная дверь на словинскомъ языкѣ называется врата (vrata). Подъ этимъ словомъ словинецъ понимаетъ и ворота въ нашесть смыслѣ и входъ вообщѣ; угатаг—привратникъ. На сербскомъ языкѣ слово врата означаетъ и ворота и двери; послѣднія называется и вратло; ворота по сербски называются и двера, двери, капија; подъ словомъ двери сербъ понимаетъ и Царскія Врата.

меныхъ домахъ обыкновенно выложена, какъ и окна, призмами изъ зеленоватаго песчаника. Болѣе новые дома имѣютъ часто простую четырехугольную дверь; въ болѣе старыхъ домахъ каменная выкладка образуетъ арку характерной формы (см. рисунки 14, 17, 21, 27, 33 и 41), замыкающуюся ромбической формой камнемъ — ключемъ. На этомъ ключѣ обыкновенно высѣченъ годъ постройки дома. Однако на эту цифру не слѣдуетъ, въ отношеніи времени сооруженія зданія, полагаться вполнѣ. Часто цифра обозначаетъ лишь время устройства собственно двери, т. е. время ремонта дома, тогда какъ послѣдній можетъ быть болѣе старого происхожденія. Повидимому, обычай высѣканія цифры года на двери появился не панѣ начала XVIII в., такъ какъ двери домовъ

ЧЕРТ. 18 (см. рис. 18). Домъ въ деревнѣ Раточе—Бѣлоочь, построенный въ 1748 г.—
 А—вѣма; А₁—кухни; В—хата; Е—камра; F—клѣть; Н—разрушенный хлѣбъ; М—Н—
 улица; а, а₁—двери; а₂—широкая входная дверь; б, б₁—окна; б₂—оконце; с—очагъ; д—лѣ-
 стница на чердакъ, где помѣщается камера, выходящая отдаленными фронтовскими, (см.
 рис. 18); f—печь; г—обѣденный столъ; i (крестикъ)—кроильница; k (крестикъ)—распашie;
 l, l₁—скамьи; п, п₁—кровати; и (крестикъ)—топка печи.

старшаго возраста этой цифры не несутъ. Въ отношеніи дверей этого рода домовъ не безинтересно отмѣтить, что онѣ отличаются отъ дверей менѣе старыхъ домовъ весьма значительной шириной (до 1 м. 60 см.), отсутствіемъ ключа у арки и мощными каменными выступами у подножья каменной рамы, какъ то видно на рисункѣ 27, изображающемъ домъ приблизительно 400-лѣтнаго возраста и находящагося въ деревнѣ Бѣль.

Дверь деревянного дома (см. рис. 7, изъ деревни Верхняя Горы) не вмѣтъ арки, конечно, если дверь не каменная. Послѣднія встречаются въ деревянныхъ домахъ именно тогда, когда часть его (вѣжа съ кухней) сооружена изъ каменного материала, при самой постройкѣ дома или въ связи съ его передѣлкой впослѣдствіи. У домовъ болѣе нового происхожденія или у тѣхъ, которые подвергались перестройкѣ, собственно дверь закрывается при посредствѣ желѣзной ручки и запирается изъ ключа. Старинные дома этого приспособленія обыкновенно не имѣтъ. У нихъ запоромъ служить тяжелый

призматической формы деревянный болтъ. Онъ вдвигается, если онъ не нуженъ, въ продѣланное въ стѣнѣ отверстіе и выдвигается, въ случаѣ надобности, изъ него, чтобы заложить дверь.

IV. Отдельные помещения.

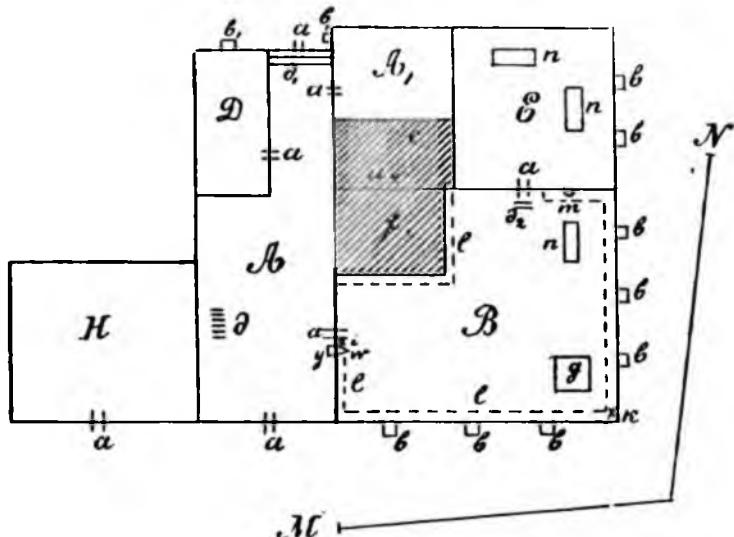
1. Вѣжа и кухня. Входная дверь ведетъ въ то помѣщеніе жилья, которое составляетъ старѣшую и существеннѣшую часть дома. Это—вѣжа¹), помѣщеніе, содержащее очагъ (см. на чертежахъ букву А). Въ настоящее время вѣжа въ большинствѣ домовъ утратила свое первоначальное значеніе. Въ общей эволюціи жилища очагъ и въ Верхней Крайнѣ отдалился отъ вѣжи, давъ начало къ образованію нового въ исторіи развитія жилья помѣщенія—кухни. Однако, процессъ этотъ не получилъ въ Верхней Крайнѣ своего окончательнаго завершенія. Поэтому здѣсь возможно наблюдать цѣлый рядъ переходныхъ ступеней дифференціаціи той части вѣжи, въ которой помѣщается очагъ, въ особую комнату—кухню. Вѣжа такимъ образомъ не потеряла въ Верхней Крайнѣ вполнѣ значенія основной ячейки дома.

Очагъ въ вѣжѣ встрѣчается обыкновенно либо въ старинныхъ домахъ, даже если они больше и несутъ явные слѣды развитія жилья, либо

¹) Слово вѣжа (veža) означаетъ наши сѣни, переднюю; вѣжа Божья (veža božja)—Вождь домъ, церковь, храмъ. У хорватовъ veža—сѣни, нареѣ. На сербскомъ языке вѣжа означаетъ ворота. Это слово известно и церковно-славянскому, польскому, словацкому, чешскому и русскому языкамъ. Слово это (вѣжа, вежа) означаетъ башню, колокольню, замокъ, острогъ, тюрьму, полевое укрѣпленіе. Выражая такимъ образомъ нѣчто прочное, часто каменное и крѣпкое, слово вѣжа, сохранило, по крайней мѣрѣ въ русскомъ языке, значеніе и передвижного жилища. Въ русскомъ языке вѣжа (вежа) означаетъ вообще шатерь, палатку, наметъ; въ частности, напр. въ Курской губерніи, вѣжка—половой шалашъ, сторожка, балаганъ, (въ Западныхъ губерніяхъ—башня, каланча; срав. городъ Бѣлая Вѣжа или Бѣловѣжа и Бѣловѣжская пуща отъ слова biala wieża). По выражению лѣтописца, угры, шедшіе мимо Кієва (начало X в.), располагались какъ половцы или кипчаки (XI—XIII в.) въ вѣжахъ, т. е. въ кибиткахъ, какъ-бы мы выразились въ настоящее время. Кибитки-шалаши нашихъ сѣверныхъ инородцевъ до сихъ поръ называются вѣжами, синонимомъ чума. Надо отмѣтить, что слово кибитка арабскаго происхожденія и означаетъ палатку. Мы это слово употребляемъ преимущественно въ отношеніи киргизовъ и калмыковъ. Такимъ образомъ въ наше время современномъ языкѣ, говоря вообще, слова кибитка, юрта, чумъ, шалашъ и вѣжа являются синонимами. Вѣжа (вежа) выражаетъ слѣдовательно и нѣчто непрочное и въ этомъ смыслѣ стоитъ близко къ кочѣ и стану. Русское слово вѣжа переводится на сербскій языкъ словами кула, шатор; послѣднє слово означаетъ какъ и нашъ шатерь—палатку, шалашъ. Шалашъ передается по сербскимъ словами: кучер, кучерица, кучарица, болта, хижа. Изъ сказанного возможно заключить, что вѣжа принадлежитъ къ древнѣйшимъ жилищамъ славянъ. Жилище этого наименованія, указывающее, если не на кочевой быть, то на быть полукочевой, полуосѣдлой, болѣе или менѣе забыто болыпинствомъ славянъ въ первоначальномъ значеніи. У полабскихъ славянъ вѣжа (visa) означала домъ, а у словинцевъ она легла въ основу современного жилья, образовавъ его основную часть.

въ бѣдныхъ домахъ, обнаруживающихъ слабую дифференціацію отдельныхъ помѣщений для жилья.

Первобытный очагъ (см. на чертежахъ букву с) ¹⁾), по всѣмъ времямъ, занималъ повсемѣстно центральное помѣщеніе въ жильѣ, когда-то

ЧЕРТ. 19 (см. рис. 19). Домъ въ деревнѣ Верхнія Горы, выстроенный въ 1760 году. А—вѣжа; А₁—кухнина; В—хиша; Д—схрамба; Е—камра; Н—хлѣбъ; М—Н—дорога-улица; а, а—двери; б, б—окна; в, в₁—маленькия окна; с—очагъ; д—дѣтница на чердакѣ; е—дѣт ступеньки внизъ; е₁—дѣт ступеньки вверхъ; f—печь; g—обѣдненій столъ; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—расплатіе; l, l—скамьи; m—омарце, съ жѣлѣзными двердами и скрѣтными замкомъ; n, n—кровати; о (крестикъ)—топка печи; w—лева; у—дымникъ левы.

однокамерномъ. Онь лишь впослѣдствіи занялъ боковое, болѣе удобное для обитателей положеніе. Въ Верхній Крайнѣ даже иль самыхъ простыхъ сооруженіяхъ, какъ станъ, кочне и байта, очагъ находится не въ серединѣ, а сбоку. Лишь въ таморѣ, вышеописанномъ, намъ удалось встрѣтить центральное положеніе очага. Однако, напримѣръ, въ домѣ, представленномъ на черт. 27, гдѣ очагъ помѣщенъ, впрочемъ, не въ вѣжѣ, а въ кухнѣ, онъ такъ

¹⁾ Очагъ по словински огнишче (огнjišće). Слово это, почти утраченное нашимъ языкомъ и замѣненное словомъ очагъ, сохранилось и у другихъ южныхъ славянъ. Такъ, очагъ на сербскомъ языѣ называется огњиште (или ватриште), а на болгарскомъ—огниште. Однако среди славянъ Балканского полуострова существуетъ, какъ и у насъ, тѣсная связь между помянутыми словами и словомъ очагъ. Такъ, на сербскомъ языѣ подъ словомъ оджак подразумѣваются дымники надъ очагомъ, (а равно постройку для дымныхъ сѣмянъ, даѣтъ домъ, дворъ). Въ частности въ Черногоріи подъ указанными словами понимаютъ очагъ въ нашемъ смыслѣ, подъ словомъ оджаклија—каминъ или компату съ каминомъ. Въ смыслѣ камина слово оджак понимаютъ и въ Босніи. Въ Болгаріи это слово означаетъ печку. Въ Черногоріи демир-оджак—есть подставка для дровъ на очагъ. Очагъ и оракъ одного происхожденія тюркскаго.

великъ и такъ выдвинутъ къ серединѣ, занимая добрую половину всей кухни, что и въ данномъ случаѣ его центральное положеніе, строго говоря, замѣсировано слабо.

Если въ вѣжѣ помѣщается очагъ, то онъ занимаетъ (за единичными исключеніями) правый или лѣвый внутренній уголъ, въ зависимости отъ того, съ правой или съ лѣвой стороны отъ вѣжи помѣщается хиша, т. е. изба. Очагъ всегда примыкаетъ къ стѣнѣ послѣдней, очевидно, потому, что на него почти всегда выходить топка печи, находящейся въ хишѣ. Если въ вѣжѣ каменнаго дома находится очагъ, то потолокъ ея обыкновенно сводчатый (svod). Если свода во всей вѣжѣ или черезъ всю кухню не имѣется, то сводъ (коробковый) устраивается отъ места очага къ противоположной сторонѣ. Дымъ отъ очага подымается подъ этотъ сводъ, тянется вдоль него къ противоположной стѣнѣ и выходить въ трубу (dimnik)¹), устраиваемую именно здѣсь.

Отверстіе трубы свободно открывается раструбомъ въ помянутый сводъ, образуя прямое сообщеніе между внутренностью вѣжи (или кухни) и воздушнымъ пространствомъ надъ крышей. Надъ послѣдней труба возвышается на метръ или полтора метра, представляя четырехграниную каменную призму, покрытую сверху крышеобразно кирпичами (см. рис. 12—Б, 45 и 57).

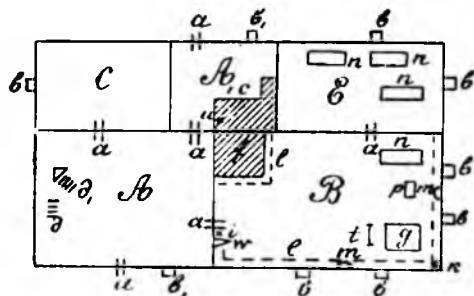
Форма очага, какъ и величина его, различны. Помѣщаясь въ углу, онъ обыкновенно занимаетъ двѣ стѣны его, вытягиваясь въ большей или меньшей степени вдоль одной изъ нихъ. На планахъ описываемыхъ построекъ форма очага передается въ чертежахъ схематически. Высота очага довольно однообразна и не превышаетъ обыкновенно 1 аршина отъ пола. Очагъ сложенъ изъ камней, скованыхъ цементомъ, и прикрытъ плоскими каменными досками; съ боковъ его, внизу, находятся ниши для золы и дровъ. Устройство очага въ углу вѣжи подъ сводомъ передается рисункомъ 30—Б (домъ въ Бѣлѣвѣ, изображеній на рис. 30—А и на чертежѣ 30, I—III). Изъ этого рисунка видно, что надъ очагомъ размѣщены полки (polica) съ кухонной посудой, поставы (polica) для тарелокъ, гвозди для подвѣшиванія ложекъ и другой утвари. На очагъ, какъ сказано, выходитъ устье печи хиши (ustje; см. на планахъ букву и, съ крестикомъ); это ии что иное, какъ полукруглое отверстіе, черезъ которое точить печь и черезъ которое по истопленіи ея выгребается зола и кладется хлѣбъ для печенія.

Кухни²) (см. быву А: на чертежахъ) въ домахъ Верхней Крайны

¹) Слово это означаетъ и каминъ.

²) Кухня называется и кухнѣй и кухней и кухой и кухинѣй (kuhna, kuhija, vina, kuhinja). Слово куха означаетъ и варку, кушанье, овощи; кохаръ (kohar) — поваръ; кохати (kohati) — варить. Слово кухня и ему подобные очень распространены среди славянъ вообще и въ частности среди южныхъ славянъ и именно въ одномъ и томъ же значе-

представляет тотъ выдающійся интересъ, что на ней можно прослѣдить самы разнообразныя ступени ея развитія. Отдѣлена ли она отъ вѣжи или нѣть, существуетъ ли она за аркой, ступенчато ниже или наконецъ за стѣной съ дверью—она въ большинствѣ случаевъ занимаетъ заднюю часть вѣжи; кухней заканчивается домъ по задней его стѣнѣ. Лишь въ единичныхъ случаяхъ сзади кухни можетъ находиться еще помѣщеніе, напр. схрамба (см. черт. 17). Послѣдняя можетъ въ некоторыхъ случаяхъ стоять рядомъ съ кухней, занимая вмѣстѣ съ нею заднюю часть дома. Схрамбу можетъ замѣнить клѣтъ (черт. 18 или жилая комната—чумбата, камерца (черт. 21). Если кухня дифференцирована, то она можетъ быть сдвинута въ сторону въ большей или меньшей степени, стѣнная камбу (черт. 19, 28 и 29). Далѣе кухня можетъ залегать между послѣдненазваннымъ помѣщеніемъ и схрамбой (или клѣтъ),

ЧЕРТ. 20 (см. рис. 20). Домъ въ деревнѣ Миліо. А—кѣжа; В—хиша; С—камерца (чумбата); Е—камбу; М—Н—улица; а, а—двери; б, б—окна; б₁, б₂—оконца; с—очагъ; д—лѣстница на чердакъ; д₁—лѣстница внизъ въ клѣтъ; ф—печь; г—обѣденный столъ; і (крестикъ) — кропицѣница; к (крестикъ) — распятіе; і, і—прикрѣпленная скамья; т, т—омарцы; п, п—кровати; р—комоды; с—скамья; и (крестикъ) —топка печи; ѿ—лѣва.

или чумбатой, какъ на черт. 20). Если кухня развита какъ обособленное помѣщеніе, то она можетъ занимать уголъ вѣжи, въ большей или меньшей степени выступая за предѣлы ея (черт. 24). Примѣрами наиболѣе дифференцированной кухни могутъ служить дома, планы которыхъ изображены на чертежахъ 25 и 30, III. Ниже будуть отмѣчены иѣсколько типовъ верхнекрайнскихъ домовъ. Основные два мы называемъ трехраздѣльными: длиннымъ и широкимъ. Сочетаніе этихъ двухъ типовъ даетъ четырехраздѣль-

нія какъ и у насъ. Такъ, кухня по сербски кухинѧ, кухарница, кужина, куница. Въ частности въ Босніи словомъ кухинѧ называется помѣщеніе, соотвѣтствующее словинской вѣжѣ съ очагомъ. Въ Болгаріи кухня называется кухна. Вмѣстѣ съ этимъ въ Болгаріи употребляется и славянское слово готварница и турецкое—мутвакъ.

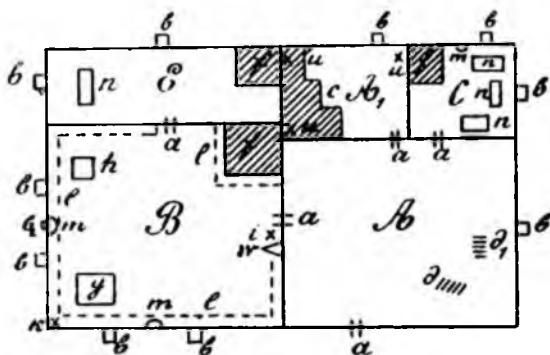
кий домъ. Надо отмѣтить здѣсь же, что кухня въ трехраздѣльномъ длиномъ типѣ вообще въ меньшей степени дифференцировалась, чѣмъ въ трехраздѣльномъ, широкомъ. Поэтому перечисленные выше отклоненія отъ типичнаго положенія кухни встрѣчаются почти исключительно въ трехраздѣльныхъ широкихъ домахъ или въ домахъ четырехраздѣльного типа. Хотя развитая кухня и представляетъ въ некоторыхъ случаяхъ несомнѣнно обособленную камеру, влѣающую на вѣнчее строеніе дома, но такъ какъ кухня, какъ типъ помѣщенія въ Верхней Крайнѣ есть все же лишь часть вѣжи въ разныхъ стадіахъ своего развитія, то кухня при определеніи степени раздѣльности дома нами не принимается во вниманіе. Если бы кухня во всѣхъ домахъ Верхней Крайны занимала приблизительно такое же обособленное положеніе какъ въ домѣ, изображенномъ на чертежѣ 30, III, то конечно ее слѣдовало бы рассматривать въ той же степени какъ отдельное помѣщеніе, какъ камру, схрамбу, чумнату или клѣтъ. Но такъ какъ отъ кухни этого типа до вѣжи съ очагомъ (т. е. безъ кухни) существуютъ всѣ стадіи развитія, ее нельзя иначе рассматривать какъ часть вѣжи, находящуюся въ пути своей дифференціаціи.

Если поль (tla)¹) въ вѣжѣ, содержащей очагъ, не сплошь каменный, то камень оставляется въ той части вѣжи, въ которой помѣщается очагъ. Поль въ такихъ случаяхъ вымощенъ мелкимъ будыжникомъ или же онъ остается земляннымъ. Это явленіе представляетъ первый шагъ въ процессѣ дифференціаціи помѣщенія съ очагомъ въ кухнѣ. Дальнѣйшіе шаги заключаются въ слѣдующемъ. Та часть вѣжи, которая содержитъ очагъ, лежитъ на одну ступень ниже остальной ея части. Затѣмъ помѣщеніе съ очагомъ ограничивается собственно отъ вѣжи и по потолку: именно, помянутый выше коробковый сводъ образуетъ опускание потолка, опираясь на поперечную (поперекъ вѣжи) балку; иногда эта балка замѣняется аркой (въ каменныхъ домахъ). Этимъ способомъ достигается въ значительной степени обособленіе помѣщенія съ очагомъ отъ вѣжи, которая приблизительно въ два раза больше. Въ дальнѣйшемъ ходѣ указаннаго процесса ограничение первичной кухни отъ вѣжи идетъ путемъ замыкания стѣнъ: съ двухъ сторонъ (стѣнъ) вѣжи выстраиваются перегородки, упирающіяся наверху въ отмѣченную балку, держащую коробковый сводъ. Перегородки эти, не сходясь между собою, оставляютъ достаточное пространство, служащее ходомъ въ кухнѣ. Наконецъ, перегородки эти, сойдясь ближе и слившись въ одно цѣлое, образуютъ стѣну, имѣющую особую дверь, соединяющую вѣжу съ кухней. Въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, кухня почти совершенно отдѣлена отъ вѣжи: недостаетъ лишь затвора къ двери, которая остается открытой. Процессъ завершается тѣмъ, что дверь получаетъ

¹) Слово это въ настоящемъ своемъ значеніи служить выраженіемъ для почвы.

затворъ, а кухня—оконце для пропускания свѣта. Такая кухня представляеть даже въ богатыхъ домахъ очень тѣсное помѣщеніе, въ значительной степени занятое очагомъ.

Прокопчаны и полутемная кухня предназначена служить только специальными цѣлямъ. Поэтому въ ней обыкновенно ничего кромѣ необходимости утвари не помѣщается. Въ стѣнахъ, которыхъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ каменные, даже въ деревянныхъ домахъ, продѣлываются нерѣдко ниши ¹⁾ (см. на планахъ букву v) для хозяйственныхъ надобностей; нишу можетъ замѣнить омарце (омагсе ²⁾), о которомъ будетъ сказано.

ЧЕРТ. 21. Домъ въ деревнѣ Верхнія Горы. А—вѣжа; А₁—кухиня; В—хиша; С—камерца (чумната); Е—камара; а, а₁—двери; б, б₁—окна; в₁—отверстіе на верху стѣны, имѣющее значение вентилятора (океніе, отрѣзок); с—очагъ; д—лѣстница на чердакъ; д₁—лѣстница въ квадрь; е, е₁—печи; г—обѣдненный столъ; в₂—столъ для раскатыванія теста; і (крестикъ)—кропильница; к (крестикъ)—распятіе; л, л₁—прикрѣпленныя скамьи; ш, ш₁—омарцы; п, п₁—кровати; и, и (крестики)—топки печей; в—лева.

зано ниже. Около очага или въ противоположномъ углу, независимо отъ того, помѣщается ли очагъ въ особой кухнѣ или въ самой вѣжѣ, можетъ находиться котель для варки пищи скоту (kotel; см. на планахъ букву е). Изъ кухни или вѣжи, если она содержать очагъ, можетъ быть выходъ наружу, и тогда домъ является проходнымъ. Однако часто выхода наружу нѣтъ, и домъ представляется замкнутымъ, съ однимъ ходомъ, о которомъ было уже сказано. Далѣе, изъ кухни можетъ быть ходъ въ кладовую—схрамбу, или клѣть, или наконецъ спускъ въ погребъ—кевдеръ, кевдерцъ или чевдеръ. Эти хозяйственные помѣщенія могутъ примыкать и къ вѣжѣ, особенно если они содержать очагъ.

¹⁾ Ниша по словински вдолбина (vdolbina v zidu, т. е. въ стѣнѣ); vdolbsti—втѣсать, вдолбить, гравировать. По сербски ниша—удубление у дувару (т. е. въ стѣну), жље ботина у зиду, уложа, ниша.

³⁾ Собственно омаричъ (omarič) — стѣнной ящикъ, отъ омара (отата) — ящикъ вообще.

Имѣть ли вѣжа очагъ или нѣть, она служить сѣнами. Въ старинныхъ домахъ вѣжа отличается своими большими размѣрами. Шкафы, ящики для зерна и иныхъ припасовъ, иногда столъ, скамейка, точилка, полка, одна или иѣсколько (omara, skrinja, miza, klopica, brus, polica; см. буквы: x, o, p, s, z, г, ¹⁾) составляютъ обычную утварь вѣжи; въ стѣнахъ — часто продѣлываются ниши. Обыкновенно вѣжа полутемная, часто лишена совершенно оконъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣется одно окно. Справа или слѣва отъ входной двери идеть деревянная лѣстница (d) на чердакъ или во второй этажъ, если таковой имѣется; рядомъ съ этой лѣстницей часто идеть другая внизъ (d₁) въ погребъ. Входъ въ послѣдній не рѣдко закрывается половицами, составляющими крышку люка къ сходу.

Въ связи съ ходомъ своего развитія, кухня помѣщается, за единичными исключеніями, противъ входной двери, т. е. въ концѣ вѣжи; справа или слѣва отъ нея находится собственно жилье, именно: хиша, т. е. изба, и камра, если таковая имѣется. У входа ²⁾ въ хишу въ старинныхъ и не перестроенныхъ домахъ въ стѣнѣ торчитъ дымникъ (w) отъ левы, о которой будетъ сказано ниже. Съ противоположной хишѣ стороны вѣжи, если домъ развился и въ другую сторону, можетъ находиться либо чумната, либо кѣть, либо схамба.

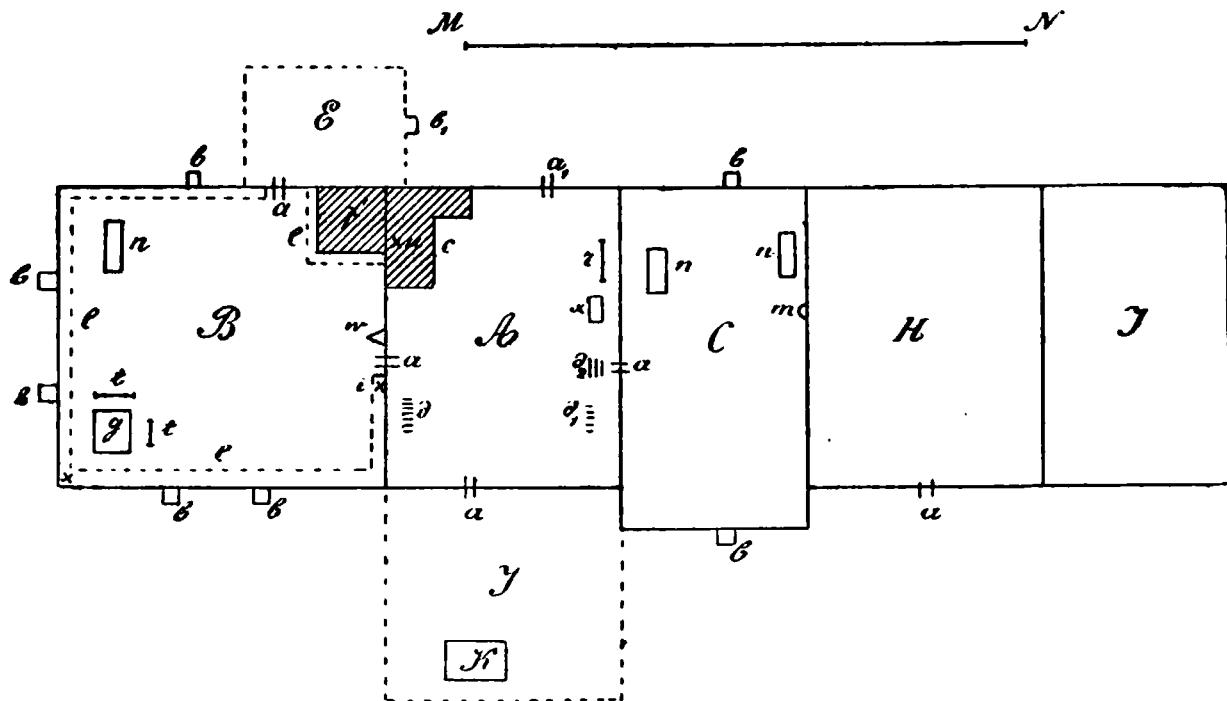
2. Хиша. Остановимся на хишѣ ³⁾, называемой также избой (см. на планахъ бувву B). Мы видѣли, что въ вѣжѣ часто можетъ отсутствовать

¹⁾ О мара означаетъ, какъ сказано, ящикъ вообще; скринья—ящикъ, шкафъ, сундукъ; полица—значить также подвость, поставецъ, выступъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ). На сербскомъ языке скриниа (скриньа) называется какъ шкафъ, такъ и ларь. Полица на сербскомъ языке означаетъ поставецъ, въ частности въ Босніи—полку для тарелокъ. Въ русскомъ зодчествѣ полицей называютъ скать у крыши въ видѣ полки, которая и у насъ иногда называется полицей. Слово брус по сербски означаетъ какъ и на словинскомъ языке брускъ; брустити, brusiti на обѣихъ языкахъ означаетъ—точить.

²⁾ Всѣ двери въ домѣ, кромѣ наружной, входной, называются дури (duri), что означаетъ и калитку.

³⁾ Хиша означаетъ домъ, жилой домъ, вообще помѣщеніе, въ первоначальномъ смыслѣ очагъ; хиша вати (hiševati)--хозяйничать: хишица (hišica)—домикъ. Слово хиша известно и сербскому языку въ формѣ хижѣ, означающей домикъ и хижина—коморка, горенка, а также столовая. У чеховъ huzka означаетъ бѣдный домъ. Въ восточной Болгаріи слово изжа или хижѣ употребляется въ смыслѣ деревенского дома или избы. Въ томъ же смыслѣ, а равно въ смыслѣ дома вообще, употребляется слово húža у словаковъ (словенцевъ). Въ русскомъ языке слово хижина, какъ известно, употребляется въ смыслѣ бѣднаго убогаго жилья: хижина настуха, дровосѣка, сторожа. Въ Сибири подъ хижей подразумѣваютъ шалашъ въ лѣсу, а въ Донской области подъ хижкой—отдѣльную кухонку и землянку. Подъ названнымъ словомъ, какъ въ словинскомъ, такъ и въ сербскомъ, русскомъ и чешскомъ языкахъ, подразумѣвается, по противоположности нерѣдкому значенію слова коча, нѣчто прочное, хотя бы (какъ напр. хижина) и небольшое и небогатое, бѣдное. Однако ни у словинцевъ, ни у сербовъ слово хиша не выражаетъ понятія обѣ определенномъ жильѣ реальному зданію. Въ этомъ смыслѣ хижѣ или изжа сохранилась въ Болгаріи, у словаковъ и отчасти у насъ. Въ западной Болгаріи подъ наименованіями хижѣ или

ей никогда обязательно принадлежавший признакъ — очагъ. Въ своемъ арханческомъ (съ очагомъ), а быть можетъ, и первоначальномъ видѣ вѣжа представляетъ первобытное жилье, простѣйшее, однокамерное съ очагомъ. Хижа вносить новое начало въ словинскій домъ, начало раздѣльности. Тамъ, гдѣ

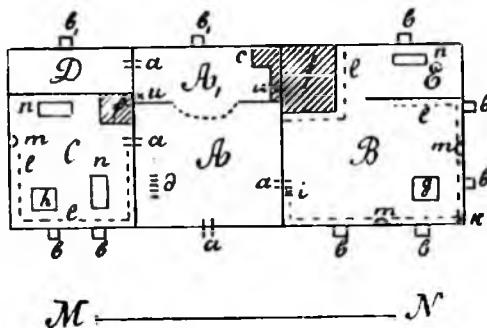
ЧЕРТ. 22. Домъ въ деревнѣ Бѣгунѣ, выстроенный въ 1735 году. А — вѣжа; В — хижа; С — чумната; Е — камера, полуразрушенная вслѣдствіе проведенія дороги; Н — хлѣви; И, І — навѣсъ; К — синнушникъ; М—Н — дорога (шоссе); а, а — двери; а — дверь, которой теперь не пользуются вслѣдствіе проведенія дороги; б, б — окна; б — оконце; с — очагъ; д — лѣстница на чердакъ; д — лѣстница въ кевдерѣ; д — три ступенъки вверхъ; ф — печь; г — обѣденный столъ; і (крестикъ) — кровильница; к (крестикъ) — распятіе; 1, 1 — прикрѣпленная скамья; м — омарѣ; н, п — кровати; г — полка; т, т — скамьи; и (крестикъ) — тошка печи; в — лева; х — омарѣ.

хижа понимаютъ землянку въ нѣсколько комнатъ, въ противоположность однокамерной землянкѣ — бордель. Такая хижа не отопляется печью, но содержитъ очагъ; къ ней прислоняется помѣщеніе для скота; сама она покрыта двускатной крышей. У словаковъ хижа — деревенскій домъ — синонимъ избы (izba). Можно думать, что хижа и у словинцевъ первоначально служила отдельнымъ жильемъ, какъ и у болгаръ, по срубленнымъ и состоящимъ изъ бревенчатаго остова, жильемъ не отопляемымъ печью. Именно въ этомъ смыслѣ современный словинецъ употребляетъ слово хижа, называя чердачную комнату, представляющую неотопляемый срубъ — горнja хижа, т. е. верхняя хижа. Во всякомъ случаѣ, какъ въ томъ, повидимому, сомнѣваться не слѣдуетъ, современная хижа словинцевъ ведетъ свое происхожденіе отъ древняго жилья, вошедшаго, путемъ сочетанія съ вѣжей, въ составъ словинскаго дома. И у насъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ юга хижа повидимому вошла, какъ и въ Крайнѣ, въ составъ жилья, но сохранила первоначальную свою натуру неотопляемаго помѣщенія. А именно: на югѣ Европейской Россіи подъ хижей понимаютъ неотопляемую клѣтъ сбоку стѣнѣ, имѣющую значеніе кладовой, чулана.

имѣется хиша, домъ, по крайней мѣрѣ, двураздѣльный. Въ настоящее время для хиши характернымъ признакомъ является печь (f): комната, не имѣющая печи по современнымъ понятіямъ не есть хиша. Хотя, конечно, могутъ быть комнаты съ печью, которая не суть хиши и не несуть этого наименования. Однако есть основаніе думать, что первоначальная хиша не имѣла печи, и что она ее получила съ появленіемъ избы, съ которой она слилась, сдѣлавшись ею синонимомъ¹). Есть еще признаки, которые никогда не отсутствуютъ въ хишѣ: обѣденный столъ и Распятіе (kr\xf3z, т. е. крестъ). Кромѣ того хиша отличается отъ остальныхъ помѣщений дома и числомъ оконъ. А именно: въ хишѣ почти всегда два окна, выходящія на фронтонъ, и два, выходящія на боковую сторону дома, тамъ гдѣ входная дверь. Исключенія изъ этого правила очень рѣдки. Однако установить можно точно, что хиша почти никогда не имѣть трехъ оконъ съ фронтономъ (можетъ быть одно). Что касается боковой стороны, то вмѣсто двухъ оконъ въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, рѣдкихъ случаяхъ встречаются три окна,

¹) Изба (izba) на словинскомъ языке означаетъ комнату вообще, жилую комнату, помѣщеніе; izbana—зала (также dvorana). Слово изба вмѣсто хиши у словинцевъ менѣе употребительно, чѣмъ это послѣднее. Слово изба очень распространено у славянъ вообще. Въ Моравіи, а также у словаковъ этимъ словомъ именуютъ то помѣщеніе въ домѣ, которое совершенно соотвѣтствуетъ словинской хишѣ. На польскомъ языке изба означаетъ: комнату, горницу, камеру, палату, кѣтъ. Въ Герцеговинѣ и Черногоріи подъ избой подразумѣваютъ нижнее помѣщеніе дома, приспособленное для хозяйственныхъ нуждъ или для качествъ конюшни. Отсюда черногорское выраженіе: иза и збу—домъ въ два этажа, съ конюшней или кладовой въ нижнемъ изъ нихъ. Однако въ сербскомъ, какъ и въ словацкомъ языке изба имѣть и другое значеніе, а именно комнаты вообще, жилой комнаты, наконецъ домика. Наше слово изба переводится на сербскій языкъ словами изба, куча. Въ западной Болгаріи (какъ и у словаковъ) подъ избой подразумѣваютъ деревенскій домъ, въ частности хижу (ижу). Но у болгаръ избой называютъ и цогреѣ, въ частности винный погребъ и шалашъ. Въ русскомъ языке слово изба, какъ известно, очень распространено. Главное значеніе избы—это жилое помѣщеніе. Если въ ней печь безъ трубы, то—это черная изба, если съ трубой, то—белая. Уже въ древней Руси подъ избами подразумѣвались главнымъ образомъ деревянные дома изъ бровенчатаго сруба. Слово изба въ до-петровской Руси (уже въ XV в.) употребляется въ смыслѣ присутственного мѣста. Въ XVII в. слово изба употребляется для обозначенія отдѣльныхъ комнатъ во дворцѣ, такъ, напр., столовая изба, постельная изба. Слово изба употреблялось и въ смыслѣ камеры: изба приказная, тунская, и въ смыслѣ учрежденія: изба земская (1699 г.). Въ настоящее время слово изба употребляется какъ наименованіе крестьянскаго дома и въ частности какъ собственно жилое его помѣщеніе въ отличіе отъ кѣти, т. е. въ томъ же смыслѣ, что и въ Моравіи и Крайнѣ. У старожильческаго населенія Сибири подъ избою подразумѣвается однокамерная постройка, но обязательно съ печью. Разъ жилище крестьянина-старожила состоять изъ нѣсколькихъ помѣщений, то оно называется сибирия не изба, а домъ. Изба такимъ образомъ пустила глубокіе корни, выражая всегда не только нѣчто прочное, но въ большинствѣ случаевъ и отопляемое (за исключеніемъ Черногоріи, Герцеговины и отчасти Болгаріи), поэтому болѣе культурное. Можно даже отмѣтить, что именно отопляемость дала избѣ это наименованіе. Въ этомъ именно смыслѣ мы встречаемъ избу въ нашихъ лѣтописяхъ съ древнѣйшихъ временъ. Изба въ лѣтописяхъ употребляется и въ слѣдующихъ правописаніяхъ: истьба, исдьба, издобра, пзъба. Въ лѣтописяхъ изба именуется и истобка и истопка, съ явнымъ указаниемъ происхожденія слова отъ самого свойства избы быть отопляемой, напр., «пристрой Ратиборъ отроки въ оружи, истобку пристави истопити имъ». (Пов. вр. л.) Наконецъ изба въ лѣтописяхъ употребляется и въ смыслѣ бани.

и иногда одно и наконецъ, какъ исключение, окна могутъ отсутствовать въ хищѣ сбоковой (длинной) стороны дома. Уменьшение или увеличение числа оконъ стоять отчасти въ прямой связи съ объемомъ хища. Хотя большихъ размѣровъ хища вовсе не всегда вызываетъ увеличения числа оконъ, какъ и малыхъ размѣровъ хища не приводитъ сама по себѣ къ сокращенію числа ихъ. Большая хища имѣть обыкновенно большихъ размѣровъ окна и болѣе широкіе пространства между ними; число этихъ оконъ, какъ сказано, остается въ большинствѣ случаевъ то же, что и у маленькихъ хищъ: два съ фронтономъ и два съ боковой стороны. Въ каменныхъ домахъ окна часто

ЧЕРТ. 23. Домъ въ деревнѣ Верхнія Горы, построенный въ 100 тому назадъ. А—вѣжа; А₁—помѣщеніе для очага, отдѣленное отъ вѣжи короткими стѣнами, между которыми широкая арочная дверь; В—хища; С—чумната; Д—сакриамба; Е—камра, отдѣленная отъ хища недоходящей до потолка стѣной; М—Н—дорога улица; а, а—двери; б, б—окна, б₁, б₁—оконца; с—очагъ; д—лѣстница на чердакъ; ф, ф—печи; г—обѣденный столъ; h—малый столъ; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятіе; l, l—скамьи; ш, ш—омары; п, п—кровати; и, и (крестики)—точки печей.

помѣщаются въ нишахъ, дающихъ возможность устраивать узкіе подоконники (polica).

Хища представляетъ слѣдующее устройство. Если она находится слѣва отъ вѣжи (если справа, то все расположено въ обратномъ порядке), то направо во внутреннемъ углу находится печь (f; подробности о ней ниже). Въ противоположномъ по диагонали углу помѣщается обѣденный столъ (g). Въ другомъ углу фронтонной стѣны ставится столъ меньшей величины (h); на немъ раскатываются тѣсто. Этотъ столъ можетъ однако отсутствовать (или быть въ другомъ углу) и замѣняться кроватью (postelja¹)—п). Въ углу надъ обѣденнымъ столомъ виситъ Распятіе (буква къ съ крестикомъ); по стѣнамъ направо и налево отъ него—картины, обыкновенно исключительно религіознаго содержанія. Отъ входной (отъ вѣжи) двери вдоль стѣны тянется укрѣпленная скамья (klopica, klop—l), которая то короче, то длиннѣе, но обязательно занимаетъ по крайней мѣрѣ, стѣны угла, у которого стоять обѣ-

¹) Также постель (postelj), что значитъ въ ложе; дѣтская кровать—oder—помостъ.

денный столъ. Подобныя скамы прикреплены и къ печкѣ. Поль (tla) обыкновенно деревянный; потолокъ тоже. Послѣдний, какъ и стѣны, обыкновенно выбѣленъ. Въ старыхъ домахъ потолокъ (strop) досчатый. Онъ поддерживается поперечной балкой¹⁾, на которой часто вырѣзана цифра года постройки дома (на забѣленной балкѣ цифры не видно). Съ одной или съ обѣихъ сторонъ балки и вдоль нея тянется длинная полка (polica), обыкновенно для домашней утвари. На стѣнѣ около входной двери помѣщается всегда кроилиница (kropilnica, kropilnik — i, у крестика): небольшой фарфоровый крестъ съ чашечкой у подножья Распятія для святой воды. Въ простенкахъ между окнами часто находятся ниши, обдѣланные деревянной рамой и закрывающіяся деревянной дверцей; это омарце (omarcе — ш), служащія для хозяйственныхъ надобностей. Кроме того въ хищѣ могутъ помѣщаться: комоды, шкафы (и то и другое ошага — р, х), полки (г), подставки для тарелокъ (г1), передвижная скамы²⁾ (stol — т); передъ обѣденнымъ столомъ: стулья, часы и т. п. предметы. Но все они являются менѣе типичными, чѣмъ ранѣе помянуты.

Характернымъ для старыхъ домовъ является лева³⁾ (leva — i, у крестика), потерявшая свое первоначальное значеніе. Лева есть ниша въ стѣнѣ, отдѣляющей хишу отъ вѣжи; она помѣщается съ той стороны стѣны, къ которой печка не примыкаетъ. Нижній край ниши (левы) выступаетъ впередъ, образуя какъ бы полку. Надъ нимъ выдвигается крутой навѣсъ. Подъ нимъ идетъ отверстіе въ стѣну, имѣющее выходъ при посредствѣ дымника (у) въ вѣжу. Лева никогда служила мѣстомъ зажиганія луchinъ, ради освѣщенія по вечерамъ. Въ настоящее время лева не исполняетъ этихъ надобностей и поэтому заброшена. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дымникъ (dimnik) еще торчитъ, какъ совершенно ненужный прилатокъ, въ большинствѣ же случаевъ онъ уничтоженъ и данное мѣсто стѣны задѣлано и замазано. Сама лева тоже часто задѣлывается или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, передѣлывается въ омарце. Обычно левой совсѣмъ не пользоваться, либо въ нее ставить мелкую утварь.

Печь (реc)⁴⁾ верхне-крайнскаго дома заслуживаетъ особенного вниманія.

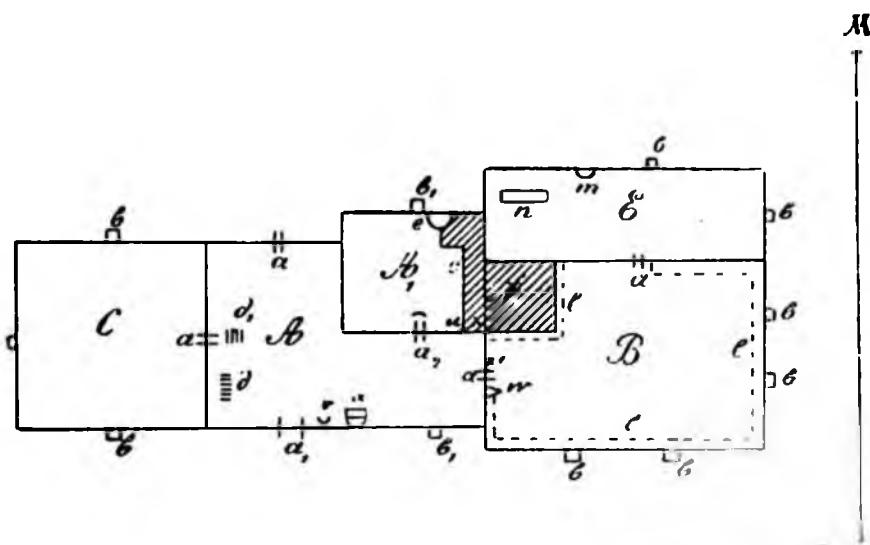
¹⁾ Балка эта называется стропникомъ или стропницей, пречникомъ или пречницей (stropnik, stropnica, prečnik, prečnica), или же трамомъ (tram; срав. цѣмцкое Трам). По поводу стропника слѣдуетъ вспомнить, что бревна, образующія крышу, у наст называются стропилами.

²⁾ Означеніе и стулья, сидѣніе. Слово столъ въ смыслѣ сидѣнія вѣдѣстно въ болгарскому и сербскому языкамъ. Въ частности въ Болгаріи столъ означаетъ стулья. У сербовъ сидѣніе называется столац; столица по сербски означаетъ каоедру, стулья, а также столъ. Въ нашемъ языкѣ значеніе слова столъ въ смыслѣ сидѣнія сохранилось въ словахъ престоль, столица и т. п.

³⁾ Подъ этимъ словомъ подразумѣвается также и каминъ и ниша.

⁴⁾ Подъ этимъ словомъ подразумѣвается печь всякаго рода. Реc — жарить, печь: реcса — маленькая печь; реcина — скала, пещера, ущелье. По сербски: печати — печь;

ні. Она никогда не тепится изъ хиши, а всегда либо изъ вѣжи, либо изъ кухни, смотря по тому, где находится очагъ. Снаружи это полукирнично-глиняное (внизу), полу-изразцовое (наверху) сооруженіе, которое никогда не доходитъ до потолка. Кирничная нижняя часть больше изразцовой верхней. Поэтому между послѣдней и стѣной образуется пространство (зарѣсек), слу-

ЧЕРТ. 24. Домъ въ деревнѣ Битиѣ (см. рис. 24). А—вѣка; А'—кухня; В—хиша, служащая мастерской для столяра; С—чумната; Е—камера; М—Н—дорога-улица; а, а'—двери; а—широкая входная дверь; а'—арка въ стѣнѣ, замѣняющая дверь; б, б'—окна; бъ, б'—оконца; с—очагъ; д—лѣстница на чердакъ; е—четыре ступени въ чумнату; е—котель для варки корня скоту; ф—пѣнь; і (крестикъ)—кропильница; І, І'—скамья; м—омарце; н—кровать; о (крестикъ)—топка печи; р—ниша; с—лоба; х—шкафъ передъ нишой.

жащее зимой для спанья, особенное дѣтей. Размеръ печи отчасти стоять въ связи съ размѣромъ хиши. Для наглядного представленія о размѣрахъ можно привести съѣдущій примеръ. Длина хиши 5,5 метровъ, ширина (фронталь) — 6 м., высота 2,3 м.; въ такой хиши помѣщается печь высотою: въ 1,5 м. и (внизу) длиною: въ 1,5 м., а шириной: въ 1,4 м. при ширинѣ запечка: въ 0,6 м. Изразцы¹) верхней части печки всегда темнозеленаго цвета и квадратной формы, при чемъ въ старыхъ печахъ изразцы обыкновенно представляютъ вдавленныя, плоскія четырехгранныя пирамидки. Такіе из-

печи въа — пещера. Печка и на сербскомъ языке пѣч (печка); въ Боснѣ пѣч называется и фуруна; у другихъ сербовъ: вуруна, цигланы, бабура, соба. Отъ послѣднаго слова получилось сербское слово соба въ смыслѣ комнаты, отопляемой пѣчью, а также комнаты вообще, напр., соба за слуге — людская, собаджикъ или соба за дѣслу — дѣтская. Соба и въ Болгаріи означаетъ пѣч, тоже что грѣница (въ буквальномъ смыслѣ горшка) или оджакъ. Soba, sobana на словенскомъ языке означаетъ отопляемую комната.

¹) Изразцы по словенски реѣніце (един. числ. реѣніца); по сербски изразци — кама.

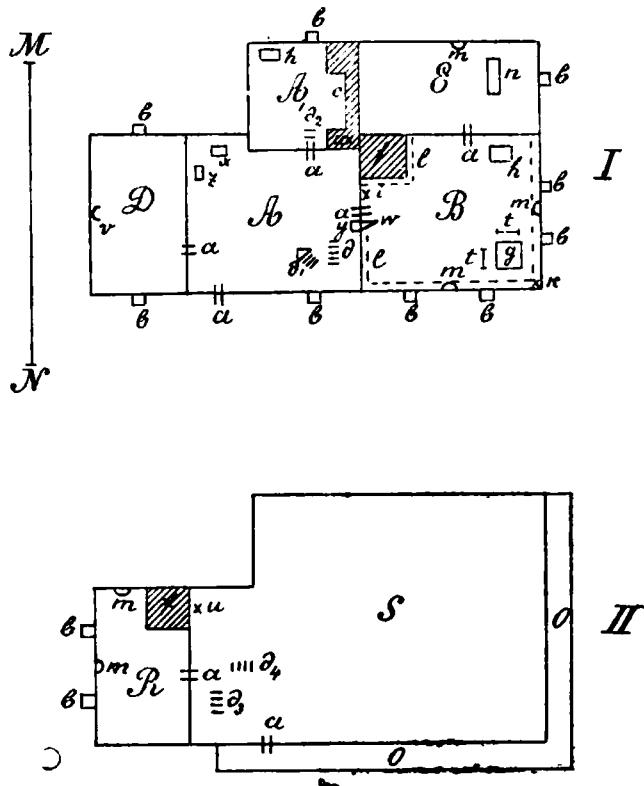
разцы даютъ, конечно, больше тепла, представляя большую площадь испускания тепловыхъ лучей. Интересно отметить, что разумное пользование тепломъ печи появляется уже на ранней степени развитія ея у южныхъ славянъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательна боснійская печь, которая при всей своей простотѣ и незначительныхъ размѣрахъ даетъ много тепла, благодаря вдавленіямъ въ глину печи круглымъ глазированнымъ чашечкамъ, которыхъ ни что иное, какъ недоразвившіеся еще изразцы.

Верхне-крайнская печь исполняетъ двоякаго рода функции: съ одной стороны, она согрѣваетъ хишу, а съ другой, служить для печенія хлѣба. Это ея назначеніе, повидимому, первичное. Къ этой мысли приводить то обстоятельство, что печь Крайны по существу совершенно тождественна съ нѣмецкимъ бакофеинъ (Backofen). Между тѣмъ этого рода печь и по сіе времена въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи, напр. въ Тюрингіи, и въ Австрии, напр. въ Зальцбургѣ, совершенно не эксплуатируется какъ источникъ тепла. Служа только для печенія хлѣба, печь (Backofen) въ Тюрингіи, хотя и придѣлана къ дому, но связана съ нимъ лишь своимъ отверстиемъ, выступая всѣмъ своимъ корпусомъ наружу. Такая печь, изображенная на рисункѣ 51 (дер. Шварцаузенъ въ герцогствѣ Кобургъ-Гота), представляетъ изумительный примѣръ того, какъ нѣкоторые бытовые архаизмы, не смотря на всю свою несобообразность, способны сохраняться даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, населеніе которыхъ вообще не стонитъ на низкой степени развитія.

Крайнская печь, какъ и описанный бакофеинъ, трубы не имѣть. Дрова закладываются черезъ устье и печь топится до тѣхъ поръ пока не накалится настолько, чтобы быть въ состояніи печь хлѣбъ. Совершенно схожа по существу съ комнатною печью въ Верхней Крайнѣ имѣются печи и для иныхъ цѣлей. А именно: ради сушенія плодовъ устраиваются печи съ отверстиемъ снаружи, тогда какъ печь сама находится внутри специально для сушки существующаго зданія—паштбы (см. рис. 44). Совершенно аналогично устраивается и печь паштбы для сушенія конопли (рис. 36). Послѣдняя кладется на рамы, помѣщаемыя въ печь сверху ея. Такъ какъ конопля легко воспламеняется, то отверстіе печи дѣлается на большомъ (до 2 саж.) разстояніи отъ печи и притомъ ниже ея. Длинный подземный ходъ проводить нагрѣтый воздухъ въ печь (паштбу), производя свое дѣйствіе на коноплю. Рисунокъ 36 изображаетъ подобную паштбу изъ дер. Село. Она, сложенная изъ камней, круглой формы и покрыта навѣсомъ для предохраненія отъ дожда. Паштба эта находится на отлогомъ склонѣ, недостаточно рельефно передаваемомъ на рисункѣ. Тамъ, где видѣется бѣловатый камень, находится топка.

3. Камра. Вѣжа и хиша составляютъ наиболѣе существенные части жилья. Если эти два помѣщенія, соединившись вмѣстѣ, дали словянскому дому

двураздѣльность, то появление камры (камга—буква Е на планахъ) привело къ трехраздѣльности дома. Слово камра, какъ увидимъ ниже, часто употребляется для обозначенія разнаго рода помѣщеній. Здѣсь идетъ рѣчь о типичной камрѣ въ ея первоначальномъ смыслѣ, въ смыслѣ того помѣщенія, которое, давъ трехраздѣльность дому, вмѣстѣ съ тѣмъ расширило его. Въ Верхней Крайнѣ можно встрѣтить дома, въ которыхъ камра ни что иное,

ЧЕРТ. 25 (см. рис. 25). Домъ въ деревнѣ Сламники, выстроенный лѣтъ 120 тому назадъ. I—низа; II—верга. А—вѣжа; А—кухни; В—хиша; D—схрамба; Е—камра; М—Н—улица; О, О—галлерея; R—камера на верху (огорода вѣса); S—чердакъ; а, а—двери; б, б—окна; с—очагъ; д—лѣстница на верху; д₁—лѣстница въ кевдеръ; д₂—дѣвъ ступенъки внизъ; д₃—лѣстница внизъ; д₄—лѣстница на верхній чердакъ; f, f—печи; g—обѣденный столъ; h, h—малые столы; i (крестикъ)—кроцильница; k (крестикъ)—распятіе; l, l—прикрѣпленные скамьи; т, т—омарцы; н—кронатъ; т, т—скамьи; у, и (крестики)—топки печей; в—ниша; w—лава; x—омара; у—дымникъ левы; z—точилка.

какъ часть хиши, отдѣленная отъ послѣдней деревянной, идущей отъ фронтонной стѣны и не доходящей до потолка, перегородкой. Она не достигаетъ противоположной стѣны и тѣмъ самымъ оставляетъ проходъ въ камру, замѣнающій дверь (см. черт. 23). Изъ этого можно было бы сдѣлать заключеніе, что камра выдѣлилась изъ хиши, подобно тому какъ кухня образовалась изъ части вѣжи. Однако многочисленныя другія данныя убѣждаютъ, что кам-

возникла въ Верхней Крайнѣ путемъ пристройки нового помѣщенія къ хиши. Камра очень часто несеть явные признаки дополнительной пристройки (рис. 18); окно ея часто иныхъ размѣровъ и иной формы, чѣмъ окна хиши (см. рис. 20, 24); камра нерѣдко бываетъ ниже хиши и отдѣлена отъ послѣдней одной или двумя ступенями; наконецъ камра можетъ представлять каменное помѣщеніе въ совершенно деревянномъ домѣ (см. рис. 35). Кромѣ того слѣдуетъ отмѣтить, что камра встрѣчается въ совершенно определенного типа домѣ, о которомъ будеть подробнѣе сказано ниже. Въ сущности камра имѣть лишь одинъ характерный признакъ—одно окно со стороны фронтона; большаго числа оконъ съ этой стороны (за единичными исключеніями) не существуетъ. Шѣянутое окно обыкновенно единственное, но можетъ, хотя въ сравнительно и рѣдкихъ случаяхъ, существовать еще одно окно или оконце (или два) съ длинной стороны дома. Входъ въ камру—изъ хиши, а именно въ той стѣнѣ, къ которой примыкаетъ печь, и гдѣ обыкновенно стоитъ второй (для катанія тѣста) столъ. Камра представляєтъ небольшую комнату обыкновенно болѣе длинную, чѣмъ широкую. Если она тянется вдоль всей хиши, а это отчасти стоитъ въ связи съ тѣмъ имѣется ли отдѣльная кухня или нетъ, то она (камра), по крайней мѣрѣ, вдвое длиннѣе своей ширины. Если же имѣется на лицо кухня, то она можетъ вмѣстѣ съ камрой занимать всю длинную сторону хиши, при чѣмъ камра въ этомъ случаѣ къ вѣжѣ совсѣмъ не примыкаетъ. Если камра мала, то она часто называется камерца, камрица (камегса, kamrica). Она лишь въ рѣдкихъ случаяхъ имѣть печь съ топкою въ вѣжѣ или кухнѣ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ камра совсѣмъ не отапливается и является холодной комнатой. Тѣмъ не менѣе ея главное назначение—служить въ качествѣ спальни. Кромѣ кровати или нѣсколькихъ кроватей въ камрѣ иногда помѣщается шкафъ, комодъ и т. п. Въ стѣнахъ встрѣчаются обычныя ниши, иногда омарце. Необходимой принадлежностью верхне-крайнѣаго дома камра, во всякомъ случаѣ, не является. Домъ можетъ состоять лишь изъ вѣжи и хиши или изъ вѣжи, кухни и хиши. Кромѣ того домъ можетъ быть благоустроенный и принадлежать состоятельному хозяину и все же быть безъ камры. Происходитъ это отъ того, что словинскій домъ развивался въ двухъ направлѣніяхъ: со стороны хиши, присоединивъ къ ней камру, и со стороны вѣжи, присоединивъ чумнату ¹⁾.

4. Чумната (čumnata, ²) см. на плаznахъ букву С и С₁), какъ и камра, получила въ настоящее время неопределеннѣе значеніе. Однако въ своемъ типичномъ видѣ она сыграла въ дѣлѣ образования словинскаго дома весьма важную роль. Она, въ свою очередь, дала трехраздѣльность дому,

¹⁾ См. подробности о камрѣ на стр. 49 и 93.

²⁾ Чумната (великорусск.—комната, малорусс.—кимната, словацк.—komnata). на словинскомъ языке означаетъ комнату вообще, въ частности—горницу, кабинетъ.

но не расширять его, какъ камра, а удлинявъ его. Поэтому камра и чумната породили въ Верхней Крайнѣ два совершенно разныхъ типа домовъ. Въ настоящее время про чумната можно сказать лишь одно положительное: что этими именами называется дополнительная комната съ противоположной хищѣ стороны вѣжи. Эта комната въ типичномъ своемъ видѣ выступаетъ изъ всего зданія и несетъ явные черты придаточной его части. Въ иѣкоторыхъ случаяхъ выѣтъ одной чумната могутъ быть двѣ, и онѣ, выходя на фронтонъ, заполняютъ эту сторону дома. Чумната можетъ быть при наличии камры, можетъ существовать и безъ нея, въ зависимости отъ того сочетались ли два трехраздѣльные типа или нетъ. Число оконъ и ихъ расположение довольно произвольны, смотря по положенію чумната и соображеніямъ строителя; входная дверь всегда изъ вѣжи.

Чумната играетъ ту же роль въ домѣ, что и камра, т. е. служить для спанья ¹⁾ или же она удѣляется для молодой четы. Устройство ея ничего особеннаго, по сравненію съ устройствомъ камры, не имѣть. Въ рѣдкихъ случаяхъ въ чумната можетъ быть печь, съ топкою изъ вѣжи или кухни. Въ иѣкоторыхъ мѣстностяхъ и иѣкоторыми домохозяевами чумната называется тоже камрой или камерцей, повидимому, совершенно независимо отъ того имѣется ли на лицо вышеописанная камра при хищѣ. По этому поводу уместно замѣтить, что слово камра очень распространено среди славянскихъ народовъ. Такъ, въ Моравіи подъ словомъ камора (кашога) подразумѣвается комната (или двѣ), по своему мѣсторасположенію соответствующая верхнекрайнѣй чумната. У словаковъ комора (комога) есть помѣщеніе, соответствующее словинской камрѣ. Въ Черногоріи понимаютъ подъ словомъ камара отдельную отъ основного помѣщенія съ очагомъ комнату, соответствующую сѣдоватально, краинской хищѣ. Совершенно такое же значение имѣть въ Крайнѣ слово камерца въ примитивныхъ двураздѣльныхъ домахъ, какъ напримѣръ въ жилищѣ сыровара, о которомъ, впрочемъ, будетъ сказано подробнѣе ниже. Камерцей въ Верхней Крайнѣ называются и дополнительную комнату на чердакѣ, которая, какъ было уже выше упомянуто, сооружается изъ бревенъ даже въ каменныхъ домахъ и именуется горней хишей. Наконецъ камерцами называются и тѣ отдельные отъ кочи тамора млекарин, которые были описаны раньше. Вообще этимъ словомъ склонны называть всякое дополнительное въ домѣ неотопляемое жилое помѣщеніе. Поэтому не удивительно если и чумната между прочимъ несетъ и это наименование ²⁾.

¹⁾ См. подробности о чумната на стр. 94.

²⁾ Камера вообще на словинскомъ языкѣ означаетъ комнатку, коморку. Слово са-тога—латинское понятіе и означаетъ помѣщеніе со сводомъ. Распространившись по всей Европѣ, слово это было обобщено въ смыслѣ казнохранилища, вноскѣнствіи учрежденій

5. Схрамба, кѣтъ и кевдеръ. Менѣе опредѣленной, чѣмъ чумната, является схрамба (shramba). Помѣщеніе это служить для хозяйственныхъ надобностей¹⁾ и можетъ называться кладовой, преимущественно для сухихъ припасовъ (см. на планахъ букву D). По своему положенію въ домѣ она иногда замѣняетъ чумната, иногда находится рядомъ съ ней, а иногда составляетъ часть кухни. Входъ либо изъ вѣжи (если въ ней очагъ), либо изъ кухни. Схрамба можетъ быть лишена оконъ или имѣть одно, обыкновенно малой величины. Что касается кѣтъ (klet), т. е. кладовой²⁾, подобной схрамбѣ, то это помѣщеніе смѣшивается со схрамбой и слово кѣтъ является часто синонимомъ послѣдней. По своему положенію кѣтъ (безъ оконъ или съ окнами) замѣняетъ, какъ и схрамба, чумната (см. на планахъ букву F). Входъ почти всегда изъ вѣжи. Изъ вѣжи же, обыкновенно непосредственно у входной двери, идетъ спускъ по лѣстницѣ въ кевдеръ или чевдеръ, т. е. погребъ (kevder, čevder). Это помѣщеніе, если оно не замѣняется схрамбой, обыкновенно не отсутствуетъ. Свѣтъ въ погребъ проникаетъ черезъ маленькое оконце, находящееся ниже остальныхъ оконъ (см. рис. 33). Въ рѣдкихъ случаяхъ входъ въ кевдеръ имѣется снаружи.

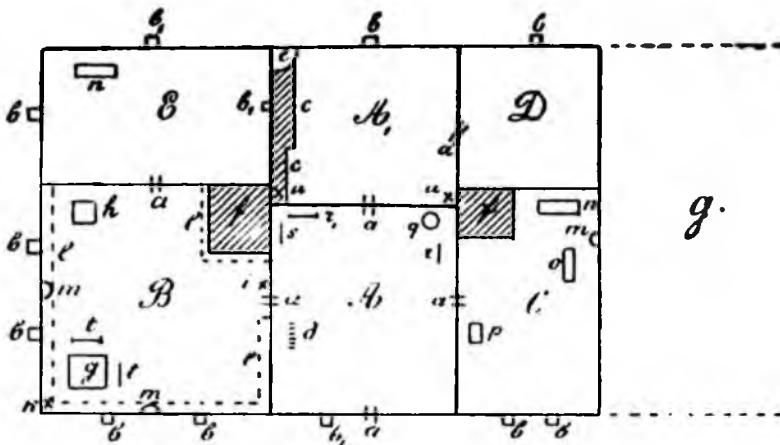
Изъ этихъ поименованныхъ хозяйственныхъ помѣщеній наиболѣе обычнымъ является кевдеръ, а наиболѣе рѣдкой кѣтъ. Схрамба имѣется часто, но можетъ и отсутствовать. Присутствіе ея, повидимому, не стоять въ связи съ наличностью камры или чумната, тогда какъ послѣдняя, повидимому, не совмѣщается съ кѣтъю, а эта со схрамбой. Такая неопредѣленность схрамбы и кѣтъ происходитъ отъ того, что эти помѣщенія, благодаря сочетанію двухъ основ-

и управлений. У насъ слово камера замѣнило слово палата. Вмѣстѣ съ тѣмъ слово камера получило значеніе помѣщенія въ домѣ; на французскомъ языкѣ—комнаты вообще (chambre), на немецкомъ—второстепенного помѣщенія (Kasten), у насъ—убогой комнаты (коморка).

1) Схрамбой называется и ящикъ вообще, складъ, мѣсто склада; схрамба за єди (shramba za jedi)—столовая; далѣе схрамбой называютъ и ларь для зерна, т. е. скриню; ларь же называется иногда каштой (kašta). Этимъ послѣднимъ словомъ имѣютъ и отдельно стоящее сооруженіе для припасовъ (см. «Ер. А. Крайны», стр. 14—кошта).

2) Кѣтъю называютъ и подвалъ и погребъ, т. е. кевдеръ. Слово кlete въ сербскомъ языкѣ означаетъ горницу; въ частности у васоевичей въ Черногоріи кlete значитъ кладовая, какъ синонимъ—зграды. Въ русскомъ языкѣ кѣтъ означаетъ холодную половину избы. Лѣтомъ она служить для спанья. Въ ней же устраиваютъ новобрачныхъ. Кѣтъ у нашихъ крестьянъ служить также для храненія имущества и др. Въ старину у богатыхъ было по вѣсмѣко кѣтъ: для принадлежностей єзды, для оружія и др. Во всякомъ случаѣ, какъ у словинцевъ, такъ у сербовъ и у насъ подъ кѣтъю подразумѣвается часть дома, предназначенная главнымъ образомъ для хозяйственныхъ надобностей. Въ сѣверныхъ губерніяхъ Европейской Россіи кѣтъю называется и прямоугольный срубъ, образующій деревянную церковь. Наше слово кѣтъ переводится по сербски словами: клиет, кучара, хаят, јата. Существуетъ мнѣніе, что кѣтъ—есть основаніе русского жилья. Кѣтъ у насъ извѣстна уже въ X—XI вѣкѣ. Основаніемъ древнихъ нашихъ церквей былъ четырехугольный срубъ—кѣтъ.

ныхъ типовъ трехраздѣльного дома, утратили свое первоначальное назначеніе. Есть основанія думать—доказательства будутъ приведены ниже—что то мѣсто, которое типично для чумнаты, первоначально занималось кѣтью, которая, по крайней мѣрѣ въ своемъ наименованіи, была вытѣснена позднѣйшей схрамбой. Вообще слово кѣтъ употребляется въ Верхней Крайнѣ рѣдко. Оно получило значеніе кладовой и въ этомъ значеніи замѣнено словомъ схрамба, которая, отдавъ занятое ею мѣсто кѣтѣ для чумнаты, утратила и устойчивость своего положенія въ домѣ. Кѣтъ, какъ и чумната, и, вѣроатно, схрамба принадлежать трехраздѣльному длинному типу дома. Переѣдя отчасти въ широкій типъ, а главнымъ образомъ въ типъ смѣшанный (четырехраздѣльный), помѣщенія эти смѣстились, занимаютъ въ настоящее время то ту, то другую часть дома.

ЧЕРТ. 26 (см. рис. 26). Домъ съ Нижней Долиной Св. Екатерины за Термичемъ. А—вѣжъ; А₁—кухнья; В—хата; С—чумната; Д—схрамба (называемая хозяевами чевдеръ); Е—камра; Г—мѣсто примыкающаго скеденя; а, а—двери; б, б—окна; б₁, б₂—оконца; с—очагъ; д—лѣстница на чердакъ; е—котель для варки корма скоту; ф, ф—печи; г—обѣденный столъ; е—столъ для катанія тѣста; і (крестикъ)—крапильница; к (крестикъ)—распятіе; л, л₁—прикрепленная скамья; ш, ш—омарцы; н, н—кровати; о—скрины; р—комодъ; ё—круглый столъ; г—полка; г₁—скамья съ лоханками; с—полка съ тарелками; т, т₁—скамьи; у, у (крестики)—топки печей.

6. Вѣрхній этажъ. Описанные помѣщенія указываютъ на постепенное развитіе верхне-крайнскаго дома въ горизонтальномъ направленіи. Но развитіе этого дома шло и въ направленіи вертикальному путемъ выдѣленія части чердачнаго помѣщенія подъ дополнительное жилье. Изъ вѣжи, какъ уже указано, идетъ лѣстница ¹⁾ въ верхній этажъ (nad hišo, na vrhu). Онъ въ большинствѣ случаевъ ниже нижнаго. Въ своемъ развитомъ видѣ

¹⁾ Если лѣстница подвижная, то она называется лѣствицей (lesivica, lestiva); въ противномъ случаѣ—стопницей (stopnice).

оъ представляеть то же устройство, что и послѣдній, а именно: имѣется вѣма съ очагами (или съ кухней), хижа, камра и чумната. Такое устройство, по видимому, съ несомнѣнностью указываетъ на дробленіе семьи, на выѣхъ молодой семьи отъ старой. Въ настоящее время верхъ часто отдается въ наимы, за отсутствіемъ въ немъ надобности для нижнихъ жильцовъ или же предоствляется взрослымъ дѣтямъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ верхъ не только не имѣть вѣжи, но состоять лишь изъ одной или двухъ комнатъ, занимающихъ часть чердака. Такая комната, какъ уже указано, представляеть часто въ каменныхъ домахъ деревянный срубъ, нерѣдко съ арханчными окнами, и является типомъ переживанія деревянныхъ построекъ. Подобная комната обыкновенно называется камерда (см. на планахъ букву R и R₁¹). Однако это наименование позднѣйшее. Комната на чердакѣ носить другое, гораздо болѣе типичное, название — горнѣй хиши. Этимъ именемъ устанавливается тѣсная связь между верхнимъ и нижнимъ жильемъ. Послѣдніе модифицировалось, пріобрѣвъ свойственную избѣ печь и получивъ поэтому наименование избы. Верхняя же хижа сохранила свои первоначальные свойства. Послѣднія выражаются и въ томъ, что горная хижа обыкновенно срубчатая. Въ этомъ видѣ верхняя комната занимаетъ уголъ чердака. Такихъ комнатъ можетъ быть двѣ или даже четыре — по двѣ съ каждой стороны фронтона. Очагъ, т. е. основа жилья, въ верхнемъ этажѣ рѣдокъ. Изъ этого видно, что послѣдній развивался не изъ вѣжи, которая устраивалась лишь въ богатыхъ, многолюдныхъ и распадавшихъ семействахъ, а изъ скромнаго верхнаго сруба, игравшаго роль чумната, но сохранившаго типичныя особенности древняго жилья, именно: срубъ и арханческія окна (см. рис. 16 и 28).

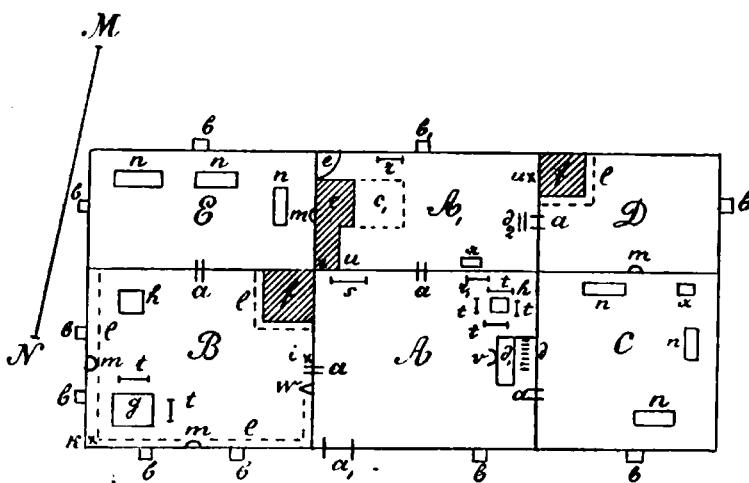
7. Чердакъ. Если въ домѣ не имѣется верхнаго этажа, то упомянутая лѣстница изъ вѣжи ведетъ прямо на чердакъ² (podstresje, см. на планахъ букву S). Въ противоположномъ случаѣ лѣстница къ нему стоять въ верхней вѣжѣ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ чердакъ не имѣть особаго потолка и открывается прямо подъ крышу. Въ иѣкоторыхъ, впрочемъ, немногихъ домахъ устраивается легкій дощатый потолокъ съ люкомъ, къ которому ведетъ новая лѣстница. Въ чердакѣ, какъ уже огмѣчено, иногда устраивается камерда. Обыкновенно же она служить исключительно для склада рухляди. Изъ домашняго инвентаря тамъ помѣщаются длинные дари — скриньи (skrinja) для сохраненія одежды³). Въ иѣкоторыхъ случаяхъ одинъ

¹) Такая комната называется изъ словинскому языку и подстрѣшницей (podstresnica), т. е. подкрышная, чердачная.

²) Чердакъ на словинскому языку называется и подстрѣшиной (podstresina).

³) Какъ указано, скриньи могутъ называться и скрачбай, если она служить для сохраненія зерна. Словинскія скриньи, среди которыхъ не рѣдкостью являются сдѣланные въ начатѣ XIX в., обыкновенія росписыvаются зеленоj и красной краской (съ розамъ).

или нѣсколько членовъ семьи спать на чердакѣ, для чего ставить кровати. Чердакъ освѣщается при посредствѣ прорѣза (lina) въ щитѣ (щипцѣ) фронтона характерной формы (см. рис. 15—А, 20, 28, 35, 37, 45 и др.). Такъ какъ чердакъ обыкновенно нѣсколько приподнять, то съ наружныхъ боковыхъ его сторонъ, между крышей и вѣжнимъ вѣжемъ дома устраивается галлерея (см. на планахъ букву О). Прямая къ боковой сторонѣ дома или обѣгая его по фронтону, галлерея эта, соединяясь при посредствѣ хода съ чердакомъ, ведетъ въ верхнюю часть скеденя, если таковой примыкаетъ къ дому. Прямого же соединенія чердака со скеденемъ, безъ посредства галлереи, въ верхне-крайскихъ домахъ не имѣется, такъ что скедень и здѣсь отдѣлень отъ жилого дома.

ЧЕРТ. 27 (см. рис. 27). Домъ въ деревнѣ Блѣдъ, выстроенный въ 1800 году на-
задъ. А—вѣжа; А₁—кухня; В—хиша; С—чумната (камерца), бывшая прежде кѣтью или
схрамбой; Д—схрамба, бывшая прежде чумната; Е—камра; М—Н—улица; а, а₁—двери;
а₂—широкая входная дверь; б, б₁—окна; в₁—оконце; с—очагъ; с₁—разрушенная часть очага;
д—лѣстница на чердакъ; д₁—выступающая толстая стѣна, держащая своды вѣжи; д₂—дѣ-
ступени внизъ; е—котель для варки корма скоту; f, f₁—печи; g—обѣденный столъ; h, h₁—
малые столы; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятіе; l, l₁—прикрѣпленныя скамьи;
m, m₁—омарды; n, n₁—кровати; г—полка; г₁—высачая полочка для ложекъ; с—скамья съ ло-
ханками; t, t₁—скамьи; и, и₁ (крестика)—топки печей; в—ниша; w—лева; x—омара.

V. Типы сложныхъ построекъ.

Мы разсмотрѣли отдельныя помѣщенія, служащія составными частями верхне-крайнскаго дома. Обратимся теперь къ ихъ взаимному отвѣшенію, дабы, по возможности, уяснить себѣ происхожденіе словеснаго жилья въ Верхней Крайнѣ. Начнемъ съ болѣе простыхъ типовъ и перейдемъ въ болѣе сложныя.

съ обозначеніемъ у замка цифры года. На сербскомъ языке скрипка означаетъ ярь, шкафъ, а на русскомъ (скрынья)—сундукъ.

Простейшія зданія, служація жилищемъ пастухамъ и чедникамъ, мы уже описали, выдѣливъ ихъ изъ остальной массы построекъ. Типичною чертой для всѣхъ этихъ построекъ является то, что онѣ заключаютъ лишь одно помѣщеніе, служащее и для сохраненія очага и для жилья. Характерно даѣвъ для нихъ и то, что поминутыя постройки не отапливаются печью. Овѣ слѣдовательно однокамерны и неотопляемы. Слѣдующая ступень за байтой, становъ, кочне и таморомъ, которую занимаетъ крайнекое жилье—есть двураздѣльный домъ.

1. Двураздѣльный домъ (вѣжа и хиша). Двураздѣльнымъ домомъ мы называемъ ту постройку, которая состоитъ изъ двухъ помѣщеній. Изъ нихъ одно, основное, содержитъ очагъ и играетъ роль какъ сѣней, такъ и кухни, а другое предназначено специально для жилья. Поэтому съ нашей точки зренія описанное выше жилое кочне, имѣющее передъ входомъ собственно въ жилье маленькое отдѣленіе, хотя и представляется какъ бы переходную ступень отъ однокамерной постройки, однако не является двураздѣльнымъ. Послѣднее слѣдуетъ сказать и объ описанномъ таморѣ. Тѣ камерды—млекарни, которые отдѣлены въ таморѣ отъ кочи дощатыми низкими стѣнами, суть образованія втораго, позднѣйшаго порядка, и ихъ, по нашему мнѣнію, разсматривать какъ дифференцированныя помѣщенія не представляется возможнымъ.

Во всѣхъ сложныхъ домаѣ Верхней Крайны, начиная отъ двураздѣльныхъ и кончая четырехраздѣльными, основное помѣщеніе съ входной дверью называется вѣжа. Послѣдняя содержитъ въ двураздѣльныхъ домаѣ обыкновенно очагъ. Однако онъ уже въ этихъ простыхъ постройкахъ можетъ быть выдѣленъ въ особое помѣщеніе—кухню или кухню. Такъ какъ по-слѣдняя, какъ въ двураздѣльныхъ домаѣ, такъ и въ сооруженіяхъ болѣе сложныхъ, обыкновенно тѣснѣйшимъ образомъ связана съ вѣжой, то разсматривать ее (т. е. кухню), какъ вполнѣ обособленное помѣщеніе, не представляется возможнымъ. Поэтому присутствіе или отсутствіе кухни, ея большая или меньшая дифференціація, съ нашей точки зренія, не должны въ Верхней Крайнѣ приниматься во вниманіе при опредѣленіи степени раздѣльности дома. Въ связи съ этимъ мы называемъ дома: двураздѣльными, трехраздѣльными и четырехраздѣльными, не взирая на то, имѣется ли кухня или нѣтъ.

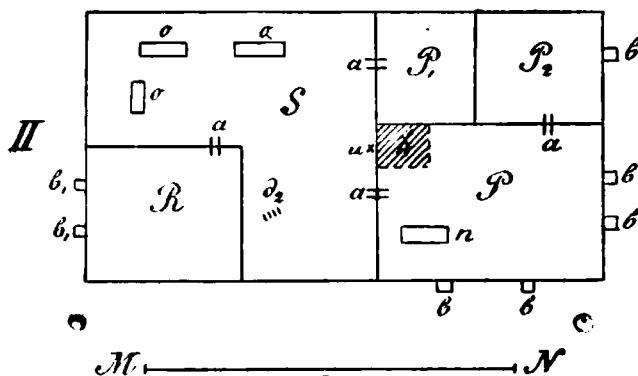
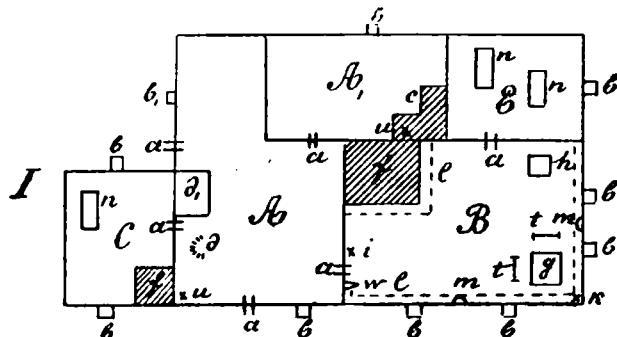
Двураздѣльность верхне-крайнского дома обусловливается тѣмъ, что къ вѣжѣ примыкаетъ хиша, т. е. помѣщеніе, предназначеннѣе для жилья.

Какъ переходную ступень къ этому типу дома можно разсматривать двураздѣльную постройку, служащую жильемъ для сыровара и называемую сирарніцей (sirarnica, на горѣ Черна Пырстъ, на высотѣ 1.600 м.). По виду своему это сооруженіе почти тождественно (см. рисунокъ 3) съ жилымъ кочне, описаннымъ уже выше и лежащимъ на той же

горѣ по близости отъ сиарницы. Внутреннее устройство послѣдней слѣдующее (см. планъ на чертежѣ 3). Входная дверь ведетъ въ помѣщеніе, называемое вѣжой. Въ ней налево отъ двери помѣщается очагъ. Онъ сложенъ изъ неотесанныхъ камней круглой формы и едва подымается отъ земляного пола. Очагъ этотъ окружены камнями, образующими бортъ высотою въ $\frac{1}{2}$ аршина. Поэтому возможно выразиться, что огонь горитъ не на очагѣ, а въ очагѣ. Надъ очагомъ виситъ котель для сыроваренія. Кромѣ очага въ вѣжѣ находится скамья со сложенными кружками сыра. Изъ вѣжи ведетъ прорѣзанная въ срубѣ квадратной формы дверь, обѣланная рамой, въ заднее помѣщеніе, служащее жильемъ. Въ ней находится рядъ полокъ, расположенныхъ одна надъ другой, для склада сыра и нара для постели. Таково несложное устройство простѣйшаго двураздѣльного строенія Верхней Крайны. По вѣнчаному своему виду (см. рисунокъ 3) описанная сиарница тѣсно примыкаетъ къ первобытному жилью настуковъ и чедниковъ (кочне, байта и станъ), отличаясь вмѣстѣ съ ними отъ остальныхъ построекъ тѣмъ, что входная дверь находится съ фронтонной стороны дома. Однако описанная сиарница представляетъ въ дѣлѣ развитія жилища крупный, по сравненію со станомъ, байтой, кочне и таморомъ, шагъ впередъ, благодаря тому, что къ основному помѣщенію съ очагомъ примкнула совершенно новая ячей, которая никогда не отсутствуетъ въ домѣ словинца до самыхъ развитыхъ типовъ включительно. Эта ячей со временемъ становится не менѣе основной, чѣмъ вѣжа, она становится хишей, т. е. тѣмъ помѣщеніемъ, которое является фактическимъ центромъ жилища. Отмѣченная ячей въ сиарницѣ не называется хишей и не можетъ, по современному значенію этого слова, ею называться, такъ какъ подъ хишей въ настоящее время подразумѣвается развитое жилье, отличительной особенностью которого является печь. Развь послѣдней не имѣется, то данное помѣщеніе на современномъ языѣ словинцевъ не есть хиша. Выше уже указывалось, что у словинцевъ нынѣшнаго времени существуетъ тенденція именовать всякое жилое, но не отопляемое, помѣщеніе камрой. Поэтому и помѣщеніе, фактически замѣняющее хишу въ сиарницѣ, именуется камрой. Это наименование, конечно, не исключаетъ правдоподобности предположенія, что въ камрѣ сиарницы, быть можетъ, слѣдуетъ видѣть именно первичнаго вида хишу,—постройку, бывшую первоначально, какъ указывалось, неотопляемымъ срубомъ.

Построекъ подобныхъ сиарницѣ въ деревняхъ не имѣется. Да и вообще двураздѣльные дома въ Верхней Крайнѣ представляются рѣдкостью. Тамъ, гдѣ они еще существуютъ, они по вѣнчаному своему виду обыкновенно тѣсно примыкаютъ къ болѣе сложнымъ домамъ, имѣя входную дверь, какъ и послѣднѣе, съ длинной стороны, а не съ фронтона. Примѣромъ обычнаго двураздѣльного

дома можетъ служить слѣдующій, изображенный на рис. 5. Этотъ домъ (изъ дер. Верхнія Горы) полукаменный, полудеревянный: изъ камня сдѣлана вѣжа, выступающая нѣсколько впередъ, изъ дерева же хиша. Домъ этотъ быть выстроенъ лѣтъ 60—70 тому назадъ для выдѣленнаго изъ семьи старика-отца. Впослѣдствіи домъ ремонтировался: были пробиты большія окна въ стѣны замазаны глиной. Домъ по своему внутреннему устройству можетъ считаться весьма типичнымъ (см. черт. 5). Входная дверь ведетъ въ вѣжу, въ углу которой помѣщается очагъ съ топкою печи. Изъ вѣжи, освѣщаемой небольшими окнами, можно подняться на верхъ вѣжи, откуда открывается видъ на окрестности.

ЧЕРТ. 28 (см. рис. 28). Домъ въ деревнѣ Верхняя Горы, выстроенный въ 1778 году.
 —низа; II—верхъ. А—вѣжа; А₁—кухня; В—хиша; С—чумбата (камра, камерца); Е—камра;
 М—Н—дорога; Р, Р₁ и Р₂—отдѣльныя комнаты въ чердачномъ помѣщеніи; R—камерца;
 S—чердачное помѣщеніе; а, а—двери; б, б—окна; б₁, б₁—маленькая окна; с—очагъ; д—
 лѣстница наверхъ; д₁—каменный столъ для держанія сводовъ; д₂—лѣстница внизъ; f, f—печи
 f₁—разрушенная печь; g—обѣденный столъ; h—малый столъ; i (крестикъ)—кропильница; k
 (крестикъ)—распятіе; l, l—прикрѣпленныя скамья; m, m—омарцы; n, n—кровати; o, o—
 скрины; t, t—скамьи; u, u (крестикъ)—топки печей; w—лева.

шими оконцемъ, ведеть лѣстница на чердакъ; здѣсь же имѣется дверь въ хару съ двумя окнами, какъ со стороны фронтона, такъ и съ боковой стороны.

Описанный домъ, хотя и представляетъ, благодаря своей двураздѣльности, примѣръ малаго развитія жилого помѣщенія, тѣмъ не менѣе оно по

своей внешности является домомъ, такъ сказать, модернизированнымъ и поэтому утратившимъ архаичныя формы. Въ отношеніи развитія жилья интересными представляются два слѣдующіе дома. Одинъ изъ нихъ лежитъ близъ деревни Зазеро (см. рисунокъ 31) одиноко у р. Савы, образуя усадьбочку. Домъ весь деревянный, но съ довольно большими окнами. Позднѣйшаго ли посѣщенія происхожденія или нѣтъ—неизвѣстно. Домъ любопытенъ тѣмъ, что онъ топится совершенно по черному, т. е. въ немъ совсѣмъ нѣтъ трубы, выходящей на крышу, и дымъ выходитъ черезъ дымникъ (желѣзная труба) въ отверстіе стѣны около входной двери. Но главный интересъ этого дома заключается во внутреннемъ его устройствѣ. Входная дверь (см. чертежъ 31) съ фронтонной стороны ведетъ въ вѣжу съ очагомъ; слѣва отъ нея небольшое помѣщеніе съ кроватью, называемоею хозяиномъ камерцей. Къ вѣжѣ и къ камерцѣ по всей ихъ длини примыкаетъ хиша съ большей печью по серединѣ. Домъ этотъ возможно рассматривать какъ своеобразнаго типа трехраздѣльную постройку. Но на него можно смотрѣть и какъ на двураздѣльный домъ, въ которомъ часть вѣжи выдѣлена въ качествѣ особаго помѣщенія—камерцы. Во всякомъ случаѣ этотъ домъ стоитъ по расположению его отдельныхъ помѣщений, несравненно обособленнѣе среди всѣхъ развитыхъ домовъ Верхней Крайны. Слѣдуетъ ли смотрѣть на него какъ на звено, связующее первобытныя верхне-крайнскія жилища съ жилищами деревень или же надлежитъ рассматривать этотъ домъ какъ представителя чуждаго для Верхней Крайны типа, занесеннаго въ нее случайно, на это могутъ отвѣтить лишь будущія наблюденія.

Не считаясь поэтому съ описаннымъ домомъ, мѣгущимъ вызвать по своему типу искаженія сомнѣнія (отчасти и благодаря центральному положенію печи), остановимся на слѣдующемъ изъ дер. Млино, не возбуждающемъ никакихъ сомнѣній въ отношеніи прямой связи его со всѣми остальными домами Верхней Крайны. Домъ двураздѣльный и интересенъ главнымъ образомъ тѣмъ, что входъ въ него находится со стороны фронтона. Домъ каменный, за исключеніемъ двухъ стѣнъ вѣжи, образующихъ са внешній лѣвый уголъ. По видѣнію своему виду домъ ничѣмъ не отличается отъ тапа обычныхъ домовъ; поэтому онъ не воспроизводится въ рисункѣ. По плану своему (см. чертежъ 35) онъ тождественъ съ домомъ, планъ котораго воспроизведенъ на чертежѣ 5 изъ дер. Верхнія Горы. Все зданіе состоитъ изъ вѣжи и хиши. Въ первой замѣтно начало дифференціаціи кухни: помѣщеніе для очага отдѣлено отъ вѣжи аркой, въ которую упирается коробковый сводъ. Входъ, какъ сказано, съ фронтона; помѣщеніе съ очагомъ съ лѣвой стороны вѣжи; съ правой ея стороны обычная лѣстница на чердакъ. Изъ вѣжи вступаешь въ хишу, обычнаго устройства. Будь входная дверь съ длинной стороны дома, тамъ, гдѣ находится лѣстница на чердакъ, то тождественность

плана этого дома съ планомъ дома, изображеннымъ на рисункѣ 5, была бы полная. Отъ послѣднеуказанного дома описываемый домъ изъ дер. Млино отличается архаизмомъ. Домъ старинный, выстроенъ вѣроятно не позже первой половины XVIII в., тогда какъ дому изъ дер. Верхнєе Горье лишь нѣсколько десятковъ лѣтъ; къ тому же домъ этотъ подвергался перестройкѣ. Домъ изъ Млино представляетъ съ одной стороны большее развитіе, чѣмъ дому изъ Верхнєй Горы, такъ какъ въ послѣднемъ очагъ совѣтъ не выдѣленъ въ особое помѣщеніе, тогда какъ въ дому изъ Млино кухня уже стала на извѣстную степень своей дифференціаціи. Но съ другой стороны дому изъ Верхнаго Горья болѣе развитъ, имѣя хишу съ полнымъ числомъ оконъ (два съ фронтономъ и два съ длинной стороны), имѣя и вѣжу съ оконцами. Въ дому же изъ Млино вѣжа совсѣмъ темная, а хиша лишь съ двумя окнами: по одному со стороны фронтономъ и съ длинной стороны. По своему плану дому этотъ представляетъ характерную двураздѣльную постройку низкаго развитія, составляющую переходную ступень отъ низшаго жилья, въ частности: отъ жилья, подобнаго сиарницѣ, въ высшемъ, имѣющимъ входную дверь съ длинной стороны зданія, а не со стороны фронтономъ.

Деревянная крыша описанныхъ домовъ, большия окна, выбѣленныя стѣны, наконецъ каменный материалъ—все это тѣ новшества, которыя вѣроятно не были извѣстны предкамъ словинцевъ въ моменты ихъ перехода отъ однокамернаго жилья къ двураздѣльной постройкѣ. Какого приблизительно вида были первоначальны двураздѣльныя жилища словинцевъ показываетъ отчасти описанная сиарница, а также слѣдующій домъ (кайжа) изъ дер. Примеко, изображенный на рисункѣ 56. На этомъ рисункѣ мы видимъ дому, состоящій изъ бревенчатаго сруба. Срубъ этотъ поконится на низкомъ, грубо сложенномъ каменномъ фундаментѣ и покрытъ соломенной крышей. Квадратной формы окна незначительной величины. Чердачное помѣщеніе со стороны фронтономъ не задѣлано. Все зданіе крайне скромнаго вида. Именно подобнаго рода дому слѣдуетъ считать предшественникомъ современныхъ болѣе сложныхъ домовъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ трехраздѣльныхъ или даже четырехраздѣльныхъ.

Развитіе верхнє-крайскаго дома способна освѣтить, повидимому, слѣдующая изба, интересная во многихъ отношеніяхъ. Внѣшній ея видъ изображенъ на рисункѣ 6. Этотъ дому, принадлежащий бѣдному крестьянину, помѣстился въ горахъ у дер. Ратече-Бѣлопечь, въ сѣверо-западномъ углу Крайны, недалеко отъ границы Каринтии. Изба эта ветхая, покосившаяся, засѣла глубоко въ искусственной, повидимому, выемкѣ на склонѣ горы. Домъ, выстроенный въ 1794 году (цифра года на стропникѣ), весь изъ дерева, за исключеніемъ кухонной части зданія. Жилище двухкамерное, если не считать кухни.

выдѣленную въ особенное помѣщеніе (см. чертежъ 6). Въ этомъ домѣ надлежитъ обратить вниманіе на слѣдующее. Во первыхъ, вѣжа проходная, при чёмъ входъ составляетъ не дверь, а ворота (см. рисунокъ 6) ¹), дверь же находится на противоположной сторонѣ, т. е. въ кухнѣ. Поэтому эта дверь не можетъ считаться главной, входной и представляетъ выходъ изъ дома, а не входъ въ него. Направо отъ вѣжи помѣщается обычная хиша, а на противоположной сторонѣ находится хлѣвъ, имѣющій соединеніе съ вѣжой при посредствѣ воротъ. Къ хлѣву пристроенъ не соединяющій съ нимъ внутреннимъ ходомъ сѣноваль, а къ послѣднему прымыкаетъ свинушникъ. Дома подобного рода, т. е. въ которыхъ хлѣвъ составлялъ бы одно цѣлое съ остальной частью дома, представляютъ рѣдкое исключение въ Верхней Крайнѣ. Они, будучи старыми, позволяютъ думать, что нѣкогда хлѣвъ составлялъ органическую часть дома. Впослѣдствіи онъ отпалъ отъ дома, былъ выдѣленъ изъ него либо въ отдельное совершенно помѣщеніе, связанное со склепомъ, либо въ нижній этажъ дома. Помѣщеніе же, занятое первоначально хлѣвомъ, было, быть можетъ, приспособлено для хозяйственныхъ или жилыхъ надобностей. Къ этой мысли приводить очень распространенный въ Верхней Крайнѣ типъ трехраздѣльной постройки.

2. Трехраздѣльный домъ. Подъ трехраздѣльнымъ домомъ мы понимаемъ ту постройку, въ которой кроме вѣжи и хиши имѣется третье помѣщеніе. Выше уже сказано, что кухню мы рассматриваемъ, благодаря разнороднымъ степенамъ ея развитія, какъ часть основного помѣщенія—вѣжи. Поэтому всякое отдаленіе части кухни, даже мѣнающее конфигурацію дома, равнымъ образомъ не принимается нами какъ выражающее степень раздѣльности постройки. Двураздѣльный домъ превращается въ трехраздѣльный лишь въ томъ случаѣ, когда къ вѣжѣ и хиши двураздѣльного дома пристраивается новое помѣщеніе, лежащее на вѣшности плана. Такая пристройка въ Верхней Крайнѣ можетъ быть либо со стороны хиши, расширяющая домъ, либо со стороны вѣжи (или вѣжи и кухни), удлиняющая его. Дробится ли пристройка на два помѣщенія или же она остается единичной ячей,—это все равно, такъ какъ дома сохраняютъ въ томъ и въ другомъ случаѣ основы трехраздѣльности.

Если вторая ячей, т. е. хиша, сосредоточивъ семью вокругъ печи и обѣдненнаго стола, сдѣлалась центромъ жизни крестьянина, то третья ячей до степени подобнаго центра не возросла, и роль ея ограничилась въ качествѣ спальни или

¹) Это явленіе, т. е. наличность воротъ вместо входной двери, конечно, вызывается необходимостью проводить скотъ черезъ вѣжу въ хлѣвъ. Такой входъ въ домъ, состоящий изъ воротъ, вѣроятно, очень древній и предшествовалъ устройству собственно входной двери, замѣнившей ворота. Этой замѣнѣ, очевидно, объясняется то, что входная дверь, какъ и ворота, называются «вратами» (vrata), тогда какъ остальные двери именуются «двери» (dveri).

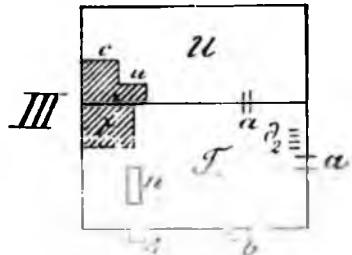
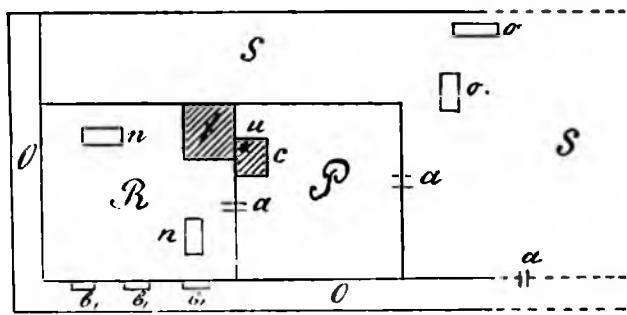
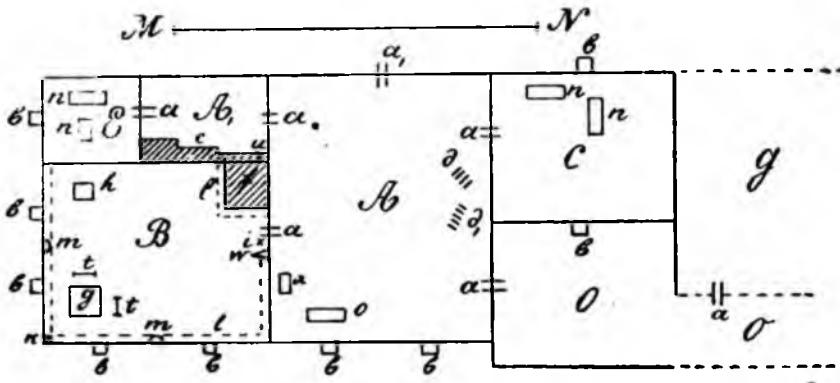
подобного помѣщенія. Таковой, по крайней мѣрѣ, неизмѣнно является та пристройка, которая прилегает къ вѣжи и называется камрой. Что же касается пристройки со стороны вѣжи, то она можетъ служить одинаково, какъ въ роли спальни, такъ равно и въ роли кладовой. Въ первомъ случаѣ она называется чумнатой, а во второмъ клѣтью или схрамбой. Дробясь на два отдѣлевіа, пристройка со стороны вѣжи можетъ содержать схрамбу и чумнату или дѣль чумнаты. И въ томъ и въ другомъ случаѣ третья ячей жилого помѣщенія, составляющая пристройку со стороны вѣжи, становится на мѣсто, занимаемое хлѣвомъ въ описываемомъ только что домѣ у деревни Ратече-Бѣлопечь.

Въ зависимости отъ того, находится ли постройка, образующая третью ячей верхне-крайнискаго дома, со стороны вѣжи или со стороны хиши, трехраздѣльный домъ образуетъ особые типы, первый изъ нихъ представляетъ удлиненный домъ, а второй—развившійся въ ширину.

А. Трехраздѣльный домъ длиннаго типа (вѣжа, хиша и клѣтъ, или схрамба, или чумнаты). Рѣчь идетъ о той трехкамерной постройкѣ, которая состоитъ изъ вѣжи (съ кухней или безъ нея), хиши и чумнаты. Переходнымъ къ ней типомъ можетъ служить домъ изъ деревни Верхнее Горье, изображенный на рисункѣ 7. Планъ его виденъ на чертежѣ 7. Домъ деревянный, старый; онъ перестраивался и служить въ настоящее время въ качествѣ жилья для одинокихъ мужа съ женой. Кухня не вполне дифференцировалась: она представляетъ, собственно говоря, одно помѣщеніе съ вѣжой, но лежитъ ступенью ниже ея; при этомъ она отдѣлена отъ вѣжи перегородкой по верху, вдоль потолка, и представляетъ поэтому какъ бы нишу въ вѣжѣ. Постройка можетъ показаться двураздѣльной. Двураздѣльность нарушается однако присутствиемъ съ противоположной стороны вѣжи помѣщенія, служащаго кладовой или схрамбой (вѣрхнѣе клѣтью) и занимающаго мѣсто хлѣва въ описанномъ домѣ изъ дер. Ратече-Бѣлопечь.

Совершенно тѣсно, по типу постройки, къ этому дому примыкаетъ слѣдующій домъ въ дер. Бѣлѣдъ, планъ котораго передается чертежомъ 8 (внѣшній видъ дома см. рис. 8-А и Б). Домъ этотъ каменный и выстроенъ не позже 1766 года (цифра года на ключѣ дверной арки). Входъ въ него идетъ по тяжелой каменной лѣстницѣ, образующей открытое крыльцо (рис. 8-А). Въ задней части дома внизу помѣщаются два хлѣва, а сверху скедень (рис. 8-Б). При входѣ попадаешь (чертежъ 8) въ вѣжу, а въ концѣ ея, ступенью ниже, въ кухню съ небольшимъ очагомъ. Направо отъ вѣжи вдоль всей ея стѣны и стѣны кухни находится хиша типичнаго устройства. Изъ кухни имѣется выходъ наискось (по діагональѣ) отъ главнаго входа. Слѣва отъ вѣжи, не заходя за ея предѣлы, находится небольшое сравнительно помѣщеніе, служащее дѣтской (въ семьѣ 8 человѣкъ дѣтей)—это чумната.

Она освѣщается двумя небольшими окнами, рѣзко отличающимися (см. рис. 8-Б) отъ оконъ хиши (см. рис. 8-А). Здѣсь, слѣдовательно, мѣсто скромы предыдущаго дома заняло особое жилое помѣщеніе—чумиката. Она составляетъ

ЧЕРТ. 29 (см. рис. 29—А и Б). Домъ въ деревнѣ Верхнія Горы, выстроенный въ 1786 году. I—собственно жилое помѣщеніе; II—чердачное помѣщеніе съ жильемъ; III—комнаты подъ вѣжей. А—вѣжа; А₁—кухня; В—хата; С—чумната (камара); Е—камара; Г—место, занятое скеденемъ; М—N—улица; О, О₁—галлерея; Р и R—камерцы въ чердачномъ помѣщеніи; S—помѣщенію чердака; Т и U—помѣщеніе подъ вѣжей; а, в—двери; а₁—входная дверь съ улицы; б, б₁—окна; б₁—оконца; с, с₁—очаги; д—лѣстница на ворѣхъ; д₁—лѣстница въ нижнєе помѣщеніе; д₂—лѣстница съ верху f, f—печи; г—обѣдненный столъ; в—столъ для раскатыванія тѣста; і (крестикъ)—кропильница; к (крестикъ)—распятіе; І, І—прикрытленные скамьи; ш, ш—окарцы; п, п—кровати; о, о—скрипны; т, т—скамьи; ц, ц (крестики)—топки печей; ѿ—лева; ѿ—омара.

въ послѣднѣ - описанномъ домѣ приданогъ, какъ бы не завоевавшій еще себѣ права гражданства.

Иное положение занимает чумната въ съдующемъ домѣ, тоже въ дер. Бѣль, планъ котораго передаетъ чертежъ 9 (внѣшній видъ дома си. на рис. 9). Домъ каменный, выстроенъ въ XVIII в., но горѣть и перен-

строенъ въ 1831 году (цифра на ключѣ дверной арки). При входѣ въ вѣжу видишь передъ собою кухню, отдѣленную отъ первой не сходящимися между собою стѣнами, образующими широкій входъ. Слѣва—обычнаго типа хиша, а справа—не уступающая ей по величинѣ чумната. Домъ этотъ стоитъ среди усадьбы. Противъ него отдѣльный обширный скедень, между ними каменная ограда съ двумя воротами (одни ворота видны на рис. 9); около скедена находится колодезь, а рядомъ съ домомъ помѣщается свинушникъ. Чумната въ этомъ домѣ не только той же величины, что и хиша, но и освѣщена тѣмъ же числомъ оконъ: по два съ фронтономъ и главной длинной стороны и одно съ противоположной длинной стороны.

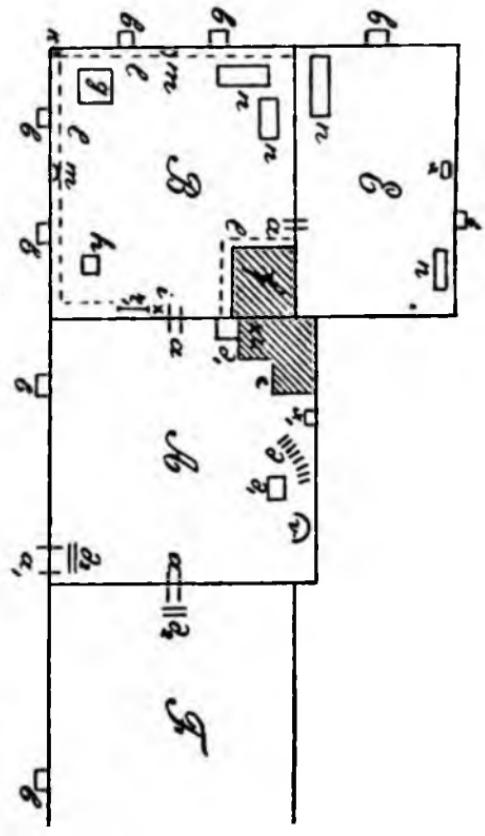
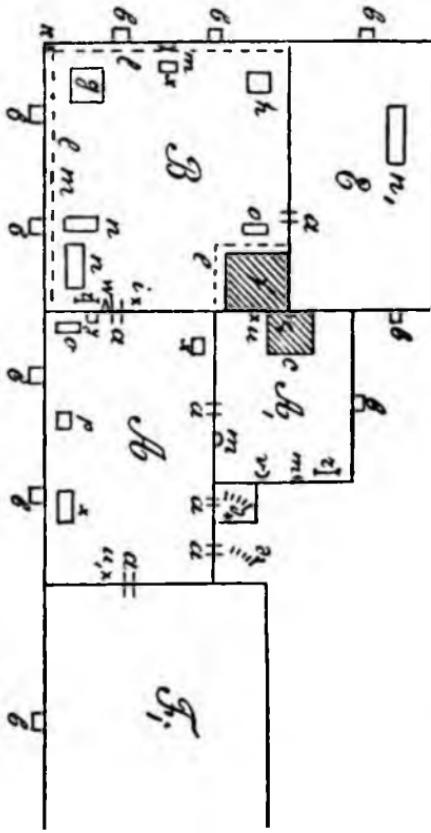
Совершенно схожіе типы съ типомъ только что описаннаго дома представляютъ слѣдующіе два, съ тою лишь разницей, что въ нихъ кухни въ большей степени дифференцировались. Первый изъ этихъ домовъ изъ дер. Ратече-Бѣдошечь изображенъ на рис. 10, (видна на рисункахъ дверь ведеть въ хлѣвъ, дверь же въ домѣ не видна). Низъ этого дома каменный, верхъ деревянный. Помѣщенію съ очагомъ (кухнѣ) удѣлена часть вѣжи постройкою стѣны наскось, (см. планъ на чертежѣ 10). Слѣва хиша, справа же чумната, называвшаяся хозяйствами камра. Фронтонныя окна имѣются только въ чумнатѣ, такъ какъ къ стѣнѣ хиши примыкаеть хлѣвъ, имѣющій особый наружный ходъ (см. рис. 10). Подобное расположение помѣщеній ни въ чемъ не нарушаетъ существа типа, такъ какъ постройка остается трехраздѣльной. Что касается второго изъ упомянутыхъ домовъ, то онъ (изображеніе его на рисункахъ 11) интересенъ тѣмъ, что состоять изъ двухъ этажей, при чемъ нижній этажъ исключительно для хозяйственныхъ надобностей. Домъ прислоненъ къ склону горы такъ, что этотъ склонъ образуетъ заднюю стѣну нижнаго этажа, почему домъ съ задней стороны въ одинъ этажъ. Внизу имѣются три помѣщенія (см. планъ на чертежѣ 11, I и II): одно большое со входомъ передъ крыльцомъ (см. рис. 11) собственно говоря хлѣвъ, но въ настоащее время служить для содержанія многочисленныхъ куръ; другія два помѣщенія, съ общимъ наружнымъ входомъ за крыльцомъ и соединенныя внутреннею дверью, представляютъ клѣтъ для присасовъ. Правая часть клѣти, выходящая къ фронтону, освѣщается небольшимъ окномъ. Весь домъ каменный и выстроенъ не позже 1766 года (цифра года на ключѣ дверной арки); впослѣдствіи домъ передѣльвался и, вѣроятно, именно тогда получилъ окна, по своему общему характеру не свойственныя обычнымъ домамъ Верхней Крайны. Въ настоащее время этотъ домъ, лежащий около дер. Бѣдъ, занятъ садовникомъ чехомъ. Поэтому внутреннее его убранство (съ современною плитою и печью) не представляетъ ничего типично-словинскаго. Однако расположение оконъ осталось старинное.

Какъ видно изъ чертежа 11, II, кухня совершенно отдѣлена отъ вѣжи; налево помѣщается хиша, а направо чумната.

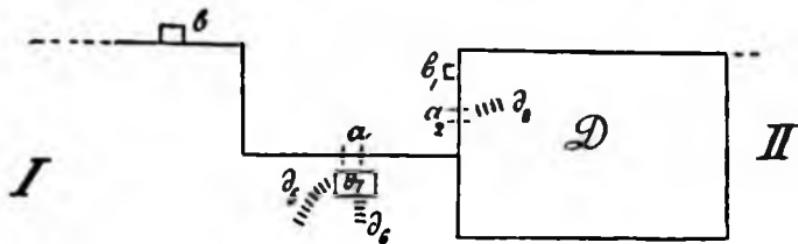
На основаніи описанныхъ выше примѣровъ верхне-крайнскихъ домовъ можно заключить, что двураздѣльная постройка, тѣсно связанныя съ хозяйственнымъ помѣщеніемъ (хлѣвомъ), превращаясь въ трехраздѣльную, утрачивала свою хозяйственную часть путемъ приспособленія ея въ дополнительное жилое помѣщеніе. При этомъ хлѣвъ, быть можетъ, переходилъ сначала въ кѣль или схрамбу, а затѣмъ въ чумната. Что касается собственно хлѣва, то онъ тѣсно соединялся со скеденемъ (въ данномъ случаѣ сѣноваломъ) или же переходилъ въ нижнюю часть дома, образуя его нижній, служащій хозяйственнымъ цѣлямъ, этажъ.

Однако присутствіе чумната вовсе еще не знаменуетъ обязательного исчезновенія схрамбы или даже стоящаго на ея мѣстѣ хлѣва. Напротивъ того, эти два помѣщенія могутъ существовать въ трехраздѣльномъ домѣ одновременно, занимая въ этомъ случаѣ совершенно равноправное мѣсто. Примѣромъ такого дома можетъ служить домъ изъ дер. Рѣчица, изображенный на рисункахъ 12-А и 12-Б. Домъ этотъ (планъ его на чертежѣ 12) каменный съ деревяннымъ поднятымъ чердачнымъ помѣщеніемъ; онъ выстроенъ не позже 1721 года (цифра года на дверной аркѣ). Вѣжа содержитъ очагъ, не выдѣливъ его въ отдѣльное помѣщеніе. При этомъ очагъ находится у передней наружной стѣны дома, что обыкновенно не наблюдается. Направо отъ вѣжи находится хиша, а налево два помѣщенія: переднее съ особымъ наружнымъ входомъ — хлѣвъ и заднее съ входомъ изъ вѣжи — чумната. Послѣдняя отличается отъ чумната ранѣе описанныхъ домовъ наличностью печи, съ топкою въ вѣжѣ. Къ чумната этой и хлѣву примыкаетъ скедень. Нижняя его часть состоитъ лишь изъ одной каменной стѣны, такъ что между нимъ и домомъ остается свободное пространство. Въ немъ помѣщается свинушникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ же ставятся телѣги. Верхняя часть скеденя переходитъ при посредствѣ крытаго хода въ чердачное помѣщеніе, съ которымъ оно такимъ образомъ составляетъ одно цѣлое.

Близкимъ по внутреннему устройству къ этому дому является домъ изъ дер. Нижняя Горы, изображенный на рисункѣ 13. Онъ выстроенъ въ 1748 году (цифра года на стропникѣ). Хотя отъ и перестраивался въ 1858 году (цифра на ключѣ дверной арки), но представляетъ значительный интересъ во многихъ отношеніяхъ. Онъ почти весь деревянный: изъ камня, кромѣ фундамента, лишь вѣжа, подвергшася перестройкѣ во время ремонта, который измѣнилъ и величину и форму оконъ. Домъ стоитъ на откосѣ, такъ что задняя его часть выше передней; въ послѣдней со стороны фра-

M_1 ————— N_1

ЧЕРТ. 30 (см. рис. 30-А и Б). Домъ въ деревнѣ Блѣдъ. выстроенныйъ тѣмъ 400 тому паздѣ. I—нижній этажъ во владѣніи семейства, состоящаго изъ мужа и жены съ тремя дѣтьми: А—вѣжа (см. рис. 44); В—хиша; Е—камра; F—клѣть; М—Н—улица; а, а—двери; а₁—широкая входная дверь; б, б—окна; с—очагъ; д—лѣстница наверхъ; д₁, д₁—каменные столбы, держащіе своды; д₂, д₂—лѣстница внизъ; е—печь; г—обѣденный столъ; h—малый столъ; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятіе; l, l—скамья; m, ш—омары; n, н—кровати; r—полка для тарелокъ; u (крестикъ)—топка печи; v—ниша (складъ дровъ); x—омара; x₁—омара въ стѣнѣ. II—вторая часть дома съ низшей: D—храмба; M₁—N₁—откосъ горы; а—входная дверь; а₂—маленькая дверь въ храмбу; b—окно нижнаго этажа; б₁—оконце въ храмбѣ; д₃—лѣстница внизъ; д₄—лѣстница наверхъ; д₅—площадка; д₆—стуپеньки внизъ въ храмбу. III—верхній этажъ во владѣніи стариковъ брата съ сестрой, сдающихъ помѣщеніе садовнику съ женой и четырьмя дѣтьми: А₁—вѣжа; А₂—кухнья; В—хиша; Е—камра; F₁—помѣщеніе надъ клѣтью, сдающееся въ паемъ жандармамъ подъ арестное помѣщеніе; М—Н—улица; а, а—двери; б, б—окна; б₁—задѣланное окно; с—очагъ; с₁—отверстіе для выхода дыма съ нижнаго очага; д₇—лѣстница снизу; д₈—лѣстница на чердакъ; f—печь; г—обѣденный столъ садовника; h—малый столъ владѣльца верхнаго этажа; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ) распятіе; l, l—скамьи; m, ш—омары; n, н—кровати семьи садовника; p—кровать владѣльца (сестра его спить на чердакѣ); o—скриня; р—комодъ; г, г—полки; u (крестикъ)—топка печи; v₁ (крестикъ)—уничтоженная топка; w—ниша; w—лова; x, x—шкафъ y—дымникъ левы.

въ нижней каменной части, служащей фундаментомъ, находится дверь въ хлѣвъ. Внутреннее размѣщеніе слѣдующее (см. чертежъ 13): большая вѣжа съ очагомъ, отъ которой направо хиша. Налѣво два рядомъ стоящія помѣщенія съ отдельными входами изъ вѣжи: заднее — схрамба и переднее — чумната, съ особою печью. Рядомъ съ чумната, входя въ составъ дома, находится хлѣвъ съ отдельнымъ наружнымъ ходомъ. Та часть дома, которая въ предыдущемъ занята была хлѣвомъ, въ данномъ домѣ отведена подъ чумната и отчасти подъ хлѣвъ, а ту часть, которая служила чумната въ предыдущемъ домѣ, заняла здѣсь схрамба.

Въ процессѣ предполагаемаго вытѣсненія схрамбы чумната получаются дома, въ которыхъ вместо этихъ двухъ помѣщеній имѣются двѣ чумнаты. Примѣромъ такихъ домовъ могутъ служить слѣдующіе два. Первый изъ нихъ (изъ дер. Благодать) каменный, изображенный на рисункѣ 14, представляетъ слѣдующее устройство (см. чертежъ 14). При входѣ въ вѣжу, видишь на задней сторонѣ арку, которая отдѣляется отъ нея помѣщеніе для очага, т. е. не вполнѣ дифференцировавшуюся кухню; слѣва находится обычнаго устройства хиша, а направо двѣ чумнаты. Изъ послѣднихъ передняя больше, съ входомъ изъ вѣжи, съ двумя окнами по боковой сторонѣ дома и съ однимъ по сторонѣ фронтона; другая чумната имѣть входъ изъ той части вѣжи, которая находится за аркой; это помѣщеніе имѣть лишь одно окно. Домъ имѣть наверху еще двѣ комнаты: по одной со стороны фронтона, соединяющіяся при посредствѣ сѣней, помѣщающихся надъ вѣжой.

Что касается другого изъ отмѣченныхъ домовъ, то онъ заслуживаетъ особаго вниманія. Виѣшний его видъ изображенъ на рис. 15—А и 15—Б. Домъ деревянный, покрытый глиной. Лежать онъ непосредственно на берегу Благодатскаго озера; выстроенъ въ 1783 году, какъ о томъ говорить цифра года на строшнике въ хишѣ. Со временемъ онъ подвергался ремонту, измѣнившему величину его оконъ. Съ передней стороны домъ одноэтажный, со стороны же озера онъ въ два этажа. При этомъ нижній этажъ состоять исключительно изъ хлѣва, входъ въ который находится подъ скеденемъ (см. рисунокъ 15—Б); два небольшой величины окна освѣщаютъ хлѣвъ. Со стороны озера имѣется крыльцо съ дверью въ вѣжу; крыльцо переходить въ крытую галлерею, сливашуюся со скеденемъ (см. чертежъ 15). Главный входъ въ домъ съ противоположной стороны (съ улицы) ведеть, какъ всегда, въ вѣжу; слѣва отъ нея находится хиша, а съ правой двѣ равныя по величинѣ чумнаты, съ однимъ окномъ по длиной сторонѣ дома. Къ стѣнѣ чумната прилегаетъ не соединяющіяся съ нимъ ходомъ скедень.

Трохраздѣльный домъ описанаго типа характеризуется, слѣдовательно, тѣмъ, что съ противоположной хишѣ стороны вѣжа имѣется дополнительное

помещение, служащее для жилья. Это придает удлиненный характер дому. Третье помещение — чумната, быть может, связанная генетически с хлѣвомъ и вѣроятно съ кѣтью или схрамбой, можетъ дробиться на два, изъ которыхъ одно сохраняетъ иногда значение кладовой (схрамбы). Для этого типа дома характерны, хотя и не обязательны, слѣдующія черты. Во первыхъ, кромѣ главнаго входа въ вѣжу, можетъ быть другой, расположенный на противоположной сторонѣ, независимо отъ того, выѣздила ли вѣжа изъ себя кухню или нѣтъ. Этого второго хода можетъ и не быть, но онъ, во всякомъ случаѣ, встречается часто въ домѣ описываемаго типа. Такъ какъ второй ходъ, какъ сказано, встречается въ домахъ весьма первобытнаго характера, то изъ этого можно заключить, что на отсутствіе его слѣдуетъ смотрѣть, какъ на явленіе позднѣйшаго порядка. Второй признакъ трехраздѣльного дома обсужденнаго типа — это крыльцо. Правда, и оно можетъ отсутствовать, тѣмъ не менѣе наличность его не представляется рѣдкостью и опять таки даже у домовъ мало развитыхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Затѣмъ третьей, довольно типичной, чертой представляется то, что хлѣвъ входить въ составъ дома, увеличивая его по длини. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ хлѣвъ переходитъ въ нижній этажъ; тѣмъ не менѣе такой хлѣвъ не препятствуетъ существованію другого хлѣва при самомъ домѣ рядомъ съ чумната или со стороны ея. Наконецъ можно наблюдать и еще одно явленіе, это то, что скедень часто примыкаетъ къ дому, всегда со стороны чумната и хлѣва; этимъ, въ свою очередь, увеличивается домъ по его длини. Правда, и скедень можетъ отсутствовать, составляя самостоятельное зданіе, тѣмъ не менѣе прямое его примыканіе къ жилому дому не составляетъ рѣдкости. Если мы снова обратимся къ дому первобытнаго типа и вспомнимъ, что съ нимъ, помимо хлѣва, тѣсно связанъ сѣноваль-сарай, то можемъ заключить, что и отдѣленіе скеденя есть явленіе позднѣйшаго времени. Всѣ эти черты, хотя, какъ сказано, и не обязательны, опредѣляютъ характеризующій описываемаго рода типъ трехраздѣльного верхнѣ-крайскаго дома.

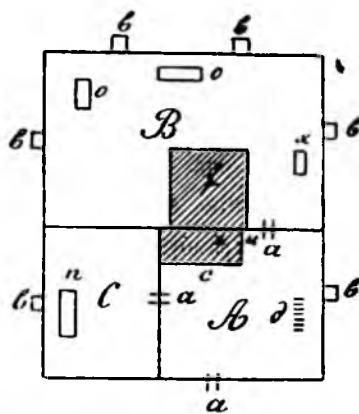
Б. Трехраздѣльный домъ широкаго типа (вѣжа, хила и камра). Этотъ типъ, встрѣчающійся гораздо рѣже, отличается отъ предыдущаго главнымъ образомъ тѣмъ, что развитіе его шло не по длини, а по ширинѣ зданія. Поэтому для него типично, что со стороны фронтона не два, а три окна. Вмѣстѣ съ тѣмъ схрамба, тамъ, где таковая имѣется, не составляетъ пристройки, а входить, такъ сказать, въ составъ вѣжи и поэтому не нарушаєтъ своимъ присутствиемъ трехраздѣльности дома.

Для данного типа, имѣющаго, какъ можно думать, совершенно иное, тѣмъ первый типъ, происхожденіе, характерно, что третьей камерой въ домѣ является не чумната, а камра, помещеніе, примыкающее не къ вѣжѣ (какъ чумната), а къ хилѣ. На вопросъ о томъ, какъ произошла камра, путемъ ли отдѣле-

нія части хиши или путемъ особой пристройки въ хищѣ—возможно отвѣтитьъ съ большою вѣроятностью, что образованіе камры шло не путемъ дифференціаціи изъ хиши, а путемъ прастройки. На эту мысль наводить тѣ обстоятельства, о которыхъ уже раньше упоминалось, а именно, что при деревянной хищѣ встрѣчается каменная камра, что камра и въ каменныхъ домахъ тоже иногда является позднейшей пристройкой, что камра, расширя фронтонъ, увеличиваетъ и число его оконъ, и что наконецъ окно камры, вопреки монатамъ о симметріи, иногда бываетъ меньшихъ размѣровъ, чѣмъ остальные два окна фронтона. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ отмѣтить, что одновѣдленное нами наблюденіе какъ бы противорѣчить высказанному предположенію о происхожденіи камры. А именно: въ одномъ домѣ (онъ будетъ подробнѣе описанъ ниже) можно было наблюдать, что камра—ничто иное, какъ часть хиши, отдѣленная отъ нея перегородкой, не доходящей ни до потолка, ни до противоположной (отъ наружной) внутренней стѣны.

Трехраздѣльный домъ предыдущаго типа, какъ сказано, имѣть удлиненную форму, трехраздѣльный же домъ широкаго типа коротокъ и по формѣ своего основания приближается къ квадрату. Существо расположения въ немъ отдѣльныхъ пемѣщений сводится къ тому, что одна сторона дома заната вѣжей съ кухней или бѣзъ нея, а другая—хижей съ камрой. Примѣръ можно видѣть на слѣдующемъ планѣ (см. чертежъ 16) дома изъ дер. Ратече-Бѣлошѣ. На этомъ планѣ видно, что изъ вѣжи входитъ въ кухню, въ которой имѣется пемимо очага съ топкой одной печь, другая топка для второй печи. Изъ вѣжи изѣво входитъ въ хижу, а изъ нея—въ камру. Послѣдняя представляетъ въ данномъ случаѣ некоторое исключение: во первыхъ, въ ней находится печь, что встрѣчается рѣдко, а во вторыхъ, окно съ помѣщается не со стороны фронтона, а съ длинной стороны дома, что почти не встрѣчается въ Верхней Крайнѣ.

Присутствіе дифференцированной кухни и въ описываемомъ типѣ трехраздѣльного дома не обязательно. Кромѣ того и здѣсь можетъ быть помѣщеніе для хозяйственныхъ надобностей, но оно примыкаетъ къ вѣжи такъ, что не нарушаетъ квадратоподобную форму дома, составляя часть вѣжи. Какъ примѣръ такого рода дома можетъ служить домъ изъ дер. Рѣ-

ЧЕРТ. 31 (см. рис. 31). Домъ близъ деревни Залево. А—вѣжа; В—хиша; С—камерца; а, а—двери; б, б—окна; с—очаг; д—гѣстница на чердакѣ; ф—печь; п—кровать; о, о—скрины; и (крестикъ)—топка печи; х—омара.

чица, изображенный на рисункѣ 17 и интересный тѣмъ, что къ нему тѣсно примыкаетъ скедень. Домъ расположенья на спускѣ горы; поэтому лѣстница (въ два всхода съ крылечкомъ) имѣть съ одной стороны пять, а съ другой четыре ступени. Внизу съ фронтона входъ въ хѣвъ, окно которого видно (внизу) на рисункѣ 17. За крыльцомъ, а именно: между нимъ и деревянной лѣстницей, находится дверь въ погребъ—кевдеръ. Деревянная лѣстница ведеть на галлерейку, изъ которой дверь въ скедень (см. планъ на черт. 17, II). Подъ нимъ пустое пространство для телѣгъ, а со стороны фронтона, по направлению къ бѣлому домику, видному на рисункѣ 17, идетъ искусственный спускъ (взъѣздъ) изъ скедена. Что касается внутренняго устройства жилья, то оно видно на планѣ, представленномъ на чертежѣ 17, I. Тутъ ясно, что кухня не составляетъ отдельнаго помѣщенія: она ограничена отъ вѣжіи лишь тѣмъ, что она находится ступенемъ ниже ея. Полъ въ вѣжѣ деревянный, а въ помѣщеніи съ очагомъ земляной, уложенный булыжникомъ. Изъ кухни ходъ въ скрамбу. Съ другой стороны дома помѣщаются хиша и камра. Въ этомъ домѣ, следовательно, скрамба занимаетъ то мѣсто, которое принадлежитъ, собственно говоря, кухнѣ. Въ слѣдующемъ домѣ эти два помѣщенія какъ бы подѣлились между собою пространствомъ. А именно, какъ то видно на планѣ, изображенномъ на чертежѣ 18 и принадлежащемъ дому въ дер. Ратече-Бѣлопечь (см. рисунокъ 18), кухня и клѣтъ (т. е. скрамба) стоять рядомъ другъ съ другомъ, при чёмъ послѣдняя лишь не много меньше первой. Домъ этотъ деревянный, старинный; онъ выстроенъ въ 1748 году (цифра года на стропникѣ). Дверь его скорѣе похожа на ворота; при этомъ вѣжа сравнительно очень велика. Домъ сохранилъ еще арханчные окна. Надъ входомъ выступаетъ мезонинчикъ съ комнатой о двухъ окнахъ съ балкономъ, поддерживаемымъ снизу шестами. Слѣва помѣщался прежде каменный хѣвъ, теперь не существующій; домъ ветхій и принадлежитъ бѣдной семье.

Очень интересенъ слѣдующій домъ того же, по внутреннему своему устройству, типа, что и описанный. Остановимся сначала на его вѣнчанемъ обликѣ (см. рисунокъ 19). Домъ этотъ находится въ дер. Верхнее Горье и выстроенъ въ 1760 году (цифра года на стропникѣ). Нѣтъ сомнѣнія, что онъ принадлежалъ нѣкогда богатымъ хозяевамъ. Теперь онъ запущенъ и бѣденъ. Домъ весьма обширный и выстроенъ такъ основательно, что даже теперь, не смотря на свой 142 лѣтній возрастъ, имѣть еще совершенно крѣпкій видъ. Онъ стоитъ на склонѣ, и поэтому фундаментъ его со стороны фронтона высоко поднятъ. Съ правой стороны, какъ видно на рисункѣ, фундаментъ выше и имѣть оконце; оно принадлежитъ кладовой, входъ въ которую со стороны двора. На фундаментѣ покоятся бревенчатый срубъ, составляющій всю хишу; рядомъ съ нимъ меньшій срубъ образуетъ камру. Вѣжа тоже деревянная, а

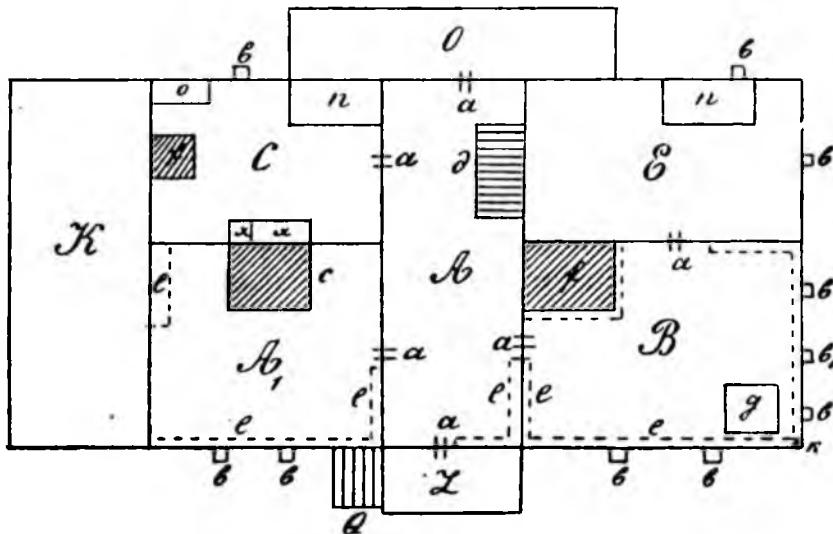
кухня изъ камня. На рисункѣ стоящій свинушникъ нѣсколько загораживаетъ входъ въ домъ, однако онъ виденъ. Вѣжа представляеть (см. чертежъ 19) весьма обширное помѣщеніе съ землянымъ поломъ. Задній ея уголъ отдѣленъ стѣнной, образующей схрамбу; между ней и противоположной стѣной двѣ широкія ступеньки ведутъ къ выходу. Направо въ концѣ вѣжи находится кухня съ громаднымъ очагомъ, занимающимъ почти половину ея. Съ правой же стороны вѣжи находится хиша, а налево отъ послѣдней камра, въ которую попадаешь черезъ двѣ ступеньки къ верху. Налѣво отъ вѣжи помѣщается хлѣбъ, а надъ нимъ скедень.

Какъ въ трехраздѣльномъ длинномъ типѣ дома, такъ и въ трехраздѣльномъ широкомъ типѣ на мѣсто схрамбы можетъ становиться жилое помѣщеніе, съ тѣмъ лишь разницей, что во второмъ случаѣ жилая комната (или схрамба) составляетъ часть вѣжи, тѣсно примыкая и къ ней и къ кухнѣ. Считая поэтому такую жилую комнату, какъ и схрамбу, не за обособленное помѣщеніе, приходится и подобные дома отнести въ число трехраздѣльныхъ домовъ. Тутъ, очевидно, процессъ развитія шелъ такъ, что въ большой по размѣрамъ вѣжѣ отгораживалась часть для хозяйственныхъ надобностей (съ образованіемъ схрамбы), приспособливавшаяся въ случаѣ нужды для жилья (съ образованіемъ камерца).

Примѣромъ подобнаго рода домовъ могутъ служить слѣдующіе два, по существу своего плана совершенно тождественные съ двумя послѣднеописанными домами. Одинъ изъ нихъ, изображенный на рисункѣ 20, каменный; онъ находится въ дер. Ильво. Домъ старинный, низкий; окно камерца у него и меньшихъ размѣровъ и иной формы, чѣмъ окно хиши фронтонной стороны. На планѣ (см. чертежъ 20) видно, что изъ вѣжи противъ входа ведутъ двѣ двери: одна въ кухню, съ выходомъ наружу, а другая въ жилое помѣщеніе — камерцу. Справа отъ вѣжи хиша, около нея камра. Другой домъ (см. планъ на чертежѣ 21) имѣть хишу и камру слѣва отъ вѣжи. Сзади послѣдней помѣщаются: кухня безъ выхода наружу и жилая комната — камерца. Какъ эта послѣдняя, такъ и камра имѣютъ отдѣльныя печи, съ топкою въ кухнѣ.

Разсмотрѣвъ дома второго трехраздѣльного типа не могутъ не привести къ убѣждѣнію, что этотъ типъ отличается отъ первого тѣмъ, что развитіе дома пошло по фронтону, но не по длиной сторонѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда схрамба (или замѣняющая ее камерца) существуетъ, она не составляетъ вѣшнаго прѣдатка, а только часть вѣжи, или вѣжи съ кухней. Поэтому схрамба (или камерца) здѣсь не можетъ быть разсматриваема, какъ отдѣльная комната въ отвлеченномъ значеніи этого слова, и домъ остается трехраздѣльнымъ, трехкамернымъ. Камра, напротивъ того, не

есть явные признаки дополнительного сооружения. При этомъ существенномъ различии имѣются въ обоихъ типахъ и общія черты. Какъ тамъ, такъ и здѣсь въходъ можетъ быть симметричный, имѣя двѣ двери: входную и выходную. Крыльцо можетъ существовать и у второго типа домовъ; скедень, равнымъ образомъ, можетъ и тутъ тѣсно примыкать къ жилой части дома, составляя съ нимъ одно цѣлое. Наконецъ и хлѣбъ можетъ быть рядомъ съ домомъ.

(ЧЕРТ. 32. Домъ въ деревнѣ Альтъ-Аусе въ Зальцбургѣ, выстроенный въ 1627 году. Домъ деревянный, меніялся съ теченіемъ времени мало). А—сѣни (Haus); А₁—кухня; В—изба (Stube); С—боковушка (Hauskamptze); Е—горница (Stubenkamptze); К—свинушникъ; Л—крыльцо (Brückl); О—галлерейка (Laube); Q—лѣстница къ крыльцу; а, а—двери; б, б—окна; в, в—окно выше другихъ, быть можетъ, позднѣйшаго происхожденія; с—очагъ; д—лѣстница наверхъ; f, f—печи; g—столъ; k (крестикъ)—котъ; l, l—прикрѣпленія скамьи; о, о—кровати; x, x—шкафы.

можетъ занимать и нижнюю, подвальную его часть. Какъ уже указано, трехраздѣльный домъ второго типа встрѣчается въ верхней Крайнѣ рѣже первого. При этомъ онъ, всецѣло взятый, не обнаруживаетъ такой массы переходныхъ ступеней отъ низшихъ формъ къ высшимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дифференцированная кухня встречается въ домахъ второго типа чаще, чѣмъ въ домахъ первого типа. Эти обстоятельства могутъ привести къ мысли, что домъ второго типа внѣдрялся въ Крайнѣ позже и полученъ ею уже въ болѣе или менѣе усовершенствованныхъ формахъ. Какимъ былъ первоначально второй типъ дома, сказать съ полной опредѣленностью представляется труднымъ. Однако можно думать, что къ вѣжѣ съ хищѣй присоединилась дополнительная комната, въ видѣ камры, прислонившейся къ хищѣ. Ранѣе отмѣченные уже факты даютъ на такое предположеніе довольно опредѣленные основанія. Схамба (или камерца), какъ часть вѣжи, могла появиться, ко-

нично, и послѣ камры, существуя, въ своихъ основанияхъ въ Верхней Крайнѣ, быть можетъ, рапѣе появленія нового типа домовъ.

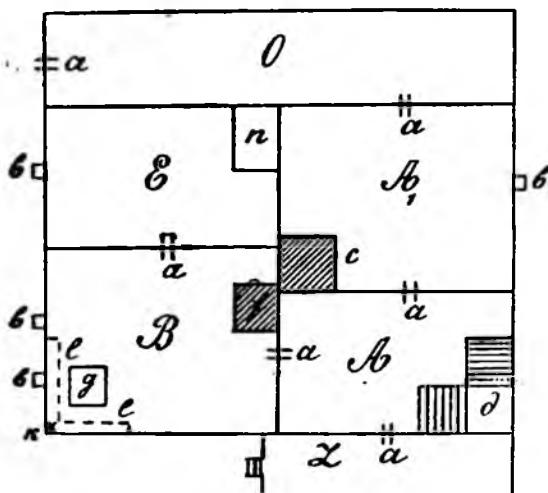
Ни первый, ни второй типы дальнѣйшаго самостоятельнаго развитія не получили. Развитіе верхне-крайнскаго дома прошло путемъ сочетанія описаныхъ двухъ типовъ. Соединившись вмѣстѣ, эти два типа дали болѣе сложную постройку, весьма характерную для Верхней Крайны, во постройку, основные черты которой съ полной опредѣленностью обнаруживають коренные типы, вошедши въ его составъ.

3. Четырехраздѣльный домъ (вѣжа, хиша, камра, чумната, или схрамба, или клѣтъ). Рассматриваа кухню, какъ часть вѣжи, на что, какъ указано, имѣется достаточно поводовъ, мы называли домъ, состоящій изъ вѣжи и хиши,—двураздѣльнымъ. При наличности схрамбы (какъ обособленнаго помѣщенія) или тождественной съ ней по существу чумната или при наличии камры, мы называли домъ трехраздѣльнымъ. Поэтому домъ, въ которомъ кромѣ вѣжи (съ кухней или безъ нея) и хиши имѣется камра и чумната, мы въ правѣ назвать—четырехраздѣльнымъ. Присутствіе схрамбы или тождественной съ ней клѣти въ подобныхъ домахъ не измѣняетъ, какъ мы увидимъ ниже, существа ихъ характера, и эти хозяйственныя помѣщенія либо замѣняютъ чумната, либо стоять рядомъ съ ней, какъ въ трехраздѣльныхъ домахъ длиннаго типа, либо составляютъ часть кухни какъ въ домахъ трехраздѣльного широкаго типа. Домовъ подобнаго типа, часто съ тенденціей къ двухэтажности, съ разными вариаціями встрѣчается въ Верхней Крайнѣ очень много. Рассмотрѣть ихъ въ извѣстномъ порядке представляется поэтому важнымъ.

Очень интереснымъ по своей конструкціи является слѣдующій (см. планъ на чертежѣ 22) домъ изъ дер. Бѣгунье. Вѣжа не имѣть дифференцированной кухни и заключаетъ поэтому очагъ. Почти противъ входа помѣщается выходъ, заброшенный въ настоящее время вслѣдствіе проведения вдоль дома шоссе. Направо отъ вѣжи находится чумната, къ которой примыкаетъ хибъ, съ отдельнымъ ходомъ, а къ нему навѣсъ для телѣгъ. Слѣва отъ вѣжи—хиша типичнаго устройства. Къ хибѣ примыкаетъ небольшая, не занимающая всей длиной ея стороны камра. Она теперь полуразрушена, вслѣдствіе проведения помянутой дороги. Этотъ домъ, благодаря своеобразной пристройкѣ камры, представляетъ характерный примѣръ начала сочетаніи длиннаго трехраздѣльного типа (съ чумната) съ широкимъ (съ камрой). Изъ плана видно, что основа дома—первый трехраздѣльный типъ, и что камра явилась какъ будто позже. Когда собственно она была сооружена, при самой постройкѣ дома или потомъ, выяснить не удалось. Во всякомъ случаѣ, домъ (каменный) является очень старымъ. Онъ не моложе 1735 г.

(цифра года на дверной аркѣ). Камера въ настоящее время настолько разрушена, что невозможно определить действительное число оконъ, которое она въ свое время имѣла.

Интересный типъ образования камры представляетъ и слѣдующій домъ (см. планъ на чертежѣ 23) изъ дер. Верхняя Горы. Домъ этотъ заслуживаетъ вниманія и благодаря своей не вполнѣ выдѣлившейся изъ вѣжіи кухни. Она отдѣлена отъ вѣжіи стѣной, образующей широкую арку вмѣсто двери. Надѣво отъ нея схамба, примыкающая къ чумрагѣ, отапливаемой особой печью. Что касается хиши и камры, то они представляютъ, строго говоря,

ЧЕРТ. 33. Домъ въ деревнѣ Альтъ—*Хусъ* въ Зальцбургѣ, *выстроенныйъ въ 1686 году*,
домъ деревянный, во кухнѣ каменная). А—*дѣмъ* (Haus); А₁—*кухня*; В—*изба* (Stube); Е—
горница (Stubenkammer); L—*крыльцо* (Brückl); О—*галлереяка* (Laube); а, а₁—*двери*; б, б₁—
окна; с—*очагъ*; д—*льстница* на верхъ въ чердачное помѣщеніе, гдѣ находятся дѣвъ ком-
наты; f—*печь*; g—*столъ*; k (крестицѣ) —*кюти*; l, l₁—*скамьи*; п—*кроватъ*.

одно помѣщеніе: послѣдняя отдѣлена отъ хиши тонкой стѣной, не доходящей до потолка и не достигающей печи, у которой она оставляетъ проходъ. Поэтому часть печи находится собственно въ хишѣ, а другая въ камрѣ. Послѣдняя не имѣть особаго окна со стороны фронтона, но окно помѣщается съ длинной стороны дома. Онъ выстроенъ лѣтъ сто тому назадъ, но когда именно сдѣлана поминутая перегородка: при сооруженіи ли дома или потому при его ремонѣ, — неизвѣстно.

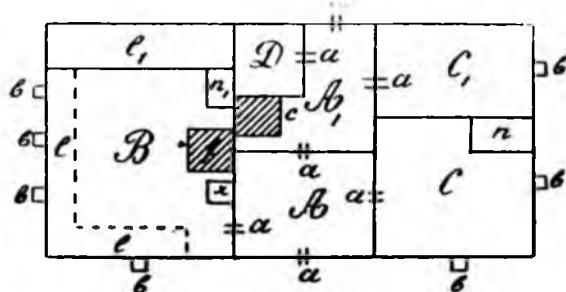
Надлежитъ остановиться еще на одномъ домѣ, представляющемъ примеръ ограничения камры отъ хиши и сочетанія ея вмѣстѣ съ тѣмъ съ чумнатой. Домъ этотъ изъ дер. Бытне изображенъ на рисункѣ 24. Домъ стоитъ среди усадьбы, отдѣленной отъ проходящей мимо дороги каменной низкой оградой съ воротами. Домъ весь каменный, но хиша состоять изъ бревенчатаго спуска.

Черезъ широкую дверь входишь въ очень обширную вѣжу, часть которой заната кухней съ большимъ очагомъ. Въ кухню ведеть дверь съ аркой. Налѣво отъ вѣжи по четыремъ ступенькамъ внизъ входишь въ чумнату, освѣщенную двумя большими и однимъ малевъкъмъ окнами. Направо отъ вѣжи помѣщается выступающая наружу хиша, къ которой примыкаетъ камра (см. планъ на чертежѣ 24). Послѣдняя выстроена изъ камня и рѣзко выдѣляется рядомъ съ деревянной хишей. Въ описанномъ домѣ съ полною уже определенностью выражается сочетаніе двухъ типовъ, породившихъ четырехраздѣльную постройку. При этомъ вѣжа такъ же, какъ въ первомъ примѣрѣ, проходная. Верхняя часть дома состоять изъ одного чердака безъ дополнительныхъ верхнихъ комнатъ.

На этомъ устройствѣ четырехраздѣльный домъ не останавливается. Напротивъ того, онъ идеть въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, образуя довольно сложное сооруженіе. Примѣромъ тому могутъ служить нижеиздѣйщіе дома. Во первыхъ, домъ изъ дер. Сламникъ, наружный видъ котораго изображенъ на рисункѣ 25. Деревня эта, лежащая высоко въ горахъ, представляетъ выселокъ рода Сламниковъ, изъ членовъ котораго въ настоящее время эту фамилию сохранилъ лишь одинъ хозяинъ, именно, владѣлецъ описываемаго дома. Остальные члены, утративъ со временемъ сознаніе связывавшихъ ихъ нѣкогда узъ родства, несутъ другія фамиліи. Изображеній на рисункѣ домъ принадлежитъ однокому старику, единственному представителю рода Сламниковъ. Домъ его выстроенъ приблизительно 120 лѣтъ тому назадъ, былъ когда то очень богатымъ и сохранилъ по настоящее время типъ вполнѣ благоустроенного хозяйства. Домъ весь каменный, за исключеніемъ чердачнаго помѣщенія, изъ котораго выдѣлено каменное же верхнєе помѣщеніе. Черезъ входную дверь попадаешь въ обширную вѣжу, въ концѣ которой находится кухня (см. планъ на чертежѣ 25, I), лежащая на двѣ ступени ниже вѣжи. Въ кухнѣ большой очагъ по тремъ стѣнамъ. Вдоль правой стѣны вѣжи и кухни находится хиша и камра, а слѣва вѣжи помѣщается схрамба. Прежде она служила для припасовъ богатой семьи, теперь же въ ней сложены сельско-хозяйственные орудія. Схрамба освѣщена двумя окнами и могла бы, по своему устройству, служить въ любое время чумнатой. Изъ вѣжи подымается лѣстница на чердакъ, изъ котораго, съ одной стороны, входъ на галлерею, а съ другой — въ жилое помѣщеніе съ печью — камерцъ. Чердакъ этого дома съ дощатымъ потолкомъ, надъ которымъ помѣщается верхній чердакъ, въ который проходить по лѣстницѣ черезъ люкъ. Отдѣльно отъ дома стоять обширный скедень обычного устройства, съ тремя хлѣвами въ нижней части и съ гумномъ и сѣноваломъ — въ верхней. Въ одномъ изъ хлѣвовъ потолокъ сводчатый: сводъ крестовый, опирающійся на каменные

колонну, стоящую въ серединѣ. Погищеніе это прежде служило, очевидно, не для хлѣва, а для иныхъ цѣлей. Скедень горѣть нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, былъ отстроенъ въ верхней своей части, тогда какъ нижняя совсѣмъ не пострадала или пострадала мало отъ пожара.

Если этот домъ между прочими интересенъ тѣмъ, что при наличии камры въ немъ мѣсто чумнаты занято схрамомъ, то слѣдующій домъ заслуживаетъ вниманія благодаря тому, что у него при существованіи камры имѣются какъ чумнаты, такъ и схрамба, стоящія рядомъ другъ съ другомъ. Домъ интересенъ и по наружному своему устройству и представляетъ типъ весьма развитой постройки (см. рисунокъ 26) съ разнообразными пристройками для хозяйственныхъ цѣлей. Домъ этотъ старинный, лежитъ въ глухихъ горахъ въ такъ называемой Нижней Долинѣ Св. Екатерины за мѣст. Тернинчъ. Низъ дома, не ис-

ЧЕРТ. 84. Домъ въ Дольній Туалѣ въ Бесії. А—съни (аралуко); А₁—кухня (куча); В—изба соба; С—дѣтская (собаджикъ); С₁—комната для прислуги; Д—кладовая; а, а₁—двери; б, б₁—окна; с—очагъ; f—печь; l—скамын; l₁—диванъ (долафъ); в—кровать; в₁—шомость для постели; х—шкафъ.

ключая и скеденъ, каменный, верхъ деревянный. Чердачное помѣщеніе имѣть галлерекъ. Въ скеденъ, нѣсколько выступающей передъ жилой частью дома, входятъ по особой лѣстницѣ, при чемъ имѣется вторая лѣстница съ входомъ въ примыкающую къ скеденю галлереку. Къ послѣдней прислоненъ свинушникъ, подъ которымъ свободное пространство для склада навоза. Другой свинушникъ находится съ задней фронтонной стороны дома (у скеденя). Тутъ же нѣсколько поодаль—колодезь. Передъ домомъ съ боковой стороны стоять стогъ (коволецъ). За нимъ ограда. Въ ся предѣлахъ лежитъ козій хлѣвъ, наружного вида какъ вочне, съ сѣноваломъ въ чердачномъ помѣщеніи. Между хлѣвомъ и домомъ стоять навѣсъ для дровъ, формы деревянны, но называемый хозяевами шупа (шира). Съ одной стороны навѣсъ этотъ поконится на каменной кладкѣ, въ которой продѣланъ квадратной формы и незначительной величины ходъ въ яму въ $1\frac{1}{2}$ приблизительно метра глубины и такой же приблизительно длины и ширины. Яма эта называемая ямницей (jamnica) служить для сохраненія овощей. Внутреннее расположение жилой

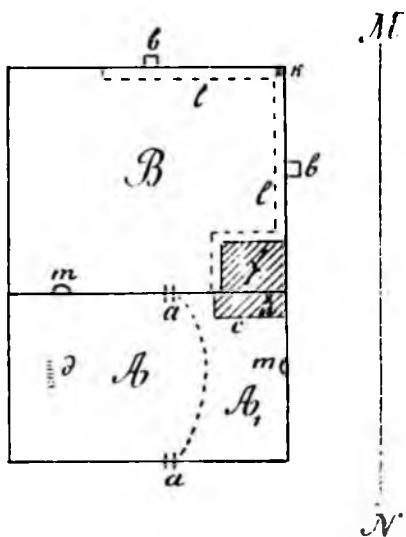
части дома слѣдующее: непосредственно за обширной вѣжой вдѣть почти та-
кой же величины кухни. Слѣва отъ нихъ хиша и камра, а справа чумната
и схрамба. Первая имѣть печь съ толкой изъ кухни и входную дверь изъ
вѣжи. Схрамба, называющаяся ходилами чевдеръ (т. е. погребъ), имѣть
входъ изъ кухни (см. планъ на чертежѣ 26).

Совершенно схожаго съ этимъ домомъ строенія является домъ въ дер.
Блѣдъ, изображенный на рисунѣ 27. Домъ этотъ весь каменный съ
мощными стѣнами. Онь считается однимъ изъ старинѣйшихъ въ назван-
номъ селеніи, и хозяинъ утверждаетъ, что ему нѣсколько сотъ лѣтъ. Въ пользу
этого говорить монументальность всей постройки. Домъ стоитъ въ усадѣбѣ,
отгороженной полукаменной, полудеревянной изгородью. На усадѣбѣ отдельно
стоящіе скедень и свинушникъ; часть усадѣбы занята фруктовымъ садомъ,
остальная представляетъ дворъ. Домъ и по настоящее время богатъ, содер-
жится чисто. Лѣтъ сто тому назадъ домъ ремонтировался, но, повидимому,
мало измѣнился отъ ремонта. Широкая ($1\frac{1}{2}$ м.) дверь, совершенно сбоку
вѣжи, ведетъ въ это помѣщеніе. Потолокъ послѣдней состоитъ изъ мощныхъ
сводовъ. Изъ вѣжи прямо ведетъ дверь въ кухню съ обширнымъ очагомъ.
Послѣдній былъ прежде вдвое больше, но впослѣдствіи часть была слом-
ана. Изъ кухни (см. планъ на чертежѣ 27) направо ведетъ дверь въ по-
мѣщеніе съ печью. Прежде оно было чумнатой, а теперь вслѣдствіе сырости
употребляется въ качествѣ схрамбы. Направо отъ вѣжи входитъ черезъ двѣ сту-
пени въ чумнату (или камру), которая прежде была схрамбой. Надѣво отъ вѣжи
и кухни помѣщается хиша и камра.

Послѣдніе два дома представляютъ примѣры максимальнаго развитія
верхне-крайскаго дома въ горизонтальномъ направленіи, а именно: дома эти
имѣютъ въ центрѣ вѣжу съ кухней, далѣе: съ одной стороны—хишу и камру,
а съ другой—двѣ чумнаты, или чумнату и схрамбу. Дальнѣйшее развитіе
идетъ уже въ вертикальномъ направлѣніи.

4. Двухэтажный домъ. Какъ первое начало развитія верхнаго
этажа надо рассматривать, какъ указывалось выше, отдѣленіе въ чердач-
номъ помѣщеніи части его подъ одну каморку. Послѣднія, какъ уже гово-
рилось, можетъ представлять изъ себя небольшой бревенчатый срубъ, даже
въ каменныхъ домахъ. Изъ этой ячен развивается второю этажъ постройки.
Ступень въ этомъ процессѣ представляется сооруженіе частичнаго второго
этажа, какъ, напримѣръ, въ домѣ деревни Сламникъ (рис. 25, черт. 25).
Примѣромъ дальнѣйшаго развитія можетъ служить слѣдующій домъ въ дер.
Верхнія Герья. Домъ весь каменный, за исключеніемъ небольшой камеры,
выходящей на дворъ (см. рисунокъ 28). Нижній этажъ этого очень богатаго
дома, выстроенаго въ 1778 году (цифра года на стропилѣ), состоя-

какъ видно на планѣ чертежа 28, изъ вѣжъ суть кухней, хиши, камры и чумнаты. Что касается верхнаго этажа (не отапливаемаго), то по гѣстиницѣ входишь въ совершенно пустое чердакообразное помѣщеніе, лежащее надъ вѣжой. Слѣва — та деревянная камерца, о которой было только что сказано, а справа — три комнаты, изъ которыхъ одна прежде имѣла печь, нынѣ не существующую. Эти три комнаты занимаютъ мѣсто надъ хишой, камрой и частью кухней.

ЧЕРТ. 35. Домъ въ деревнѣ Мянино. А—вѣжа; А,—помѣщеніе для очага за аркой; В—хиша; М—дорога; а, а—двери; б, б—окна; с—очагъ; д—лѣстница на чердакъ; е—печь; к (крестикъ)—распятіе; 1, 1—скамьи; ш, ш—омарцы; и (крестикъ)—топка печи.

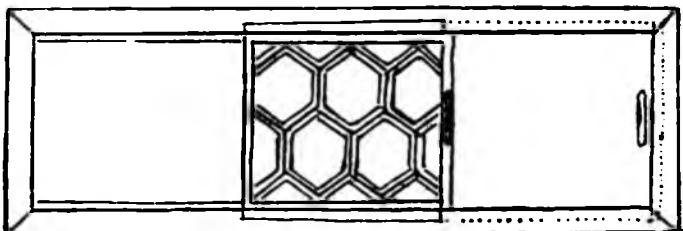
Въ процессѣ дальнѣйшаго развитія верхнаго этажа, послѣдній получаетъ и вѣжу въ кули, т. е. очагъ. Но раньше его, повидимому, внѣдрилась печь для отапливанія верхнаго помѣщенія. Иными словами, устроивъ вслѣдствіе роста семьи, верхнєе жилье, хозяева помѣщали туда часть своихъ сочленовъ, не выдѣляя ихъ въ обособленное хозяйство. Разросшаяся семья продолжала еще въ теченіе долгаго времени собираться, такъ сказать, вокругъ одного очага и лишь впослѣдствіи дробилась на двѣ единицы съ двумя очагами. Интересно въ этомъ отношеніи отмѣтить домъ въ дер. Верхнєе Горье, выстроенный въ 1786 году (цифра года на стропникѣ) и изображенный на рисункахъ 29-А и Б. Второй рисунокъ представляетъ хозяйственную часть дома — скедень, а первый —

жилую часть. Скедень обычного устройства: съ гумномъ, съновадомъ и галлерею на верху и съ конюшней и хлѣвомъ внизу. Что касается жилой части дома, то слѣдуетъ первымъ дѣломъ отмѣтить, что внизу его (см. два окна на рисункѣ 29-А) находятся два небольшихъ помѣщенія: одно съ очагомъ и безъ оконъ, а другое съ печью и двумя окнами (см. чертежъ 29, III). Собственно, главное жилье находится наворху (домъ на склонѣ горы): здѣсь, какъ видно на планѣ чертежа 29, I, вѣжа, кухня, хиша, камра и чумната. Надъ этимъ верхомъ въ чердачномъ помѣщеніи находятся (надъ вѣжой и хишой) еще двѣ комнаты (см. чертежъ 29, II), изъ деревянного сруба, выходящіе на верхнюю галлерею (перила послѣдней видны на рисункѣ 29-А). Одна изъ этихъ комнатъ содержитъ очагъ съ топкою печи и не имѣть оконъ; другая, съ печью, освѣщается тремя узкими арханчной въ уже описанной

ранье формы волоковыми окнами. Въ этомъ домѣ, следовательно, не два а даже три очага, что указываетъ, какъ можно думать, на выдѣль и обособленіе двухъ молодыхъ семействъ. Домъ, пожалуй, можно считать трехъэтажнымъ. Но низъ занимаетъ, строго говоря, подвальное помѣщеніе, совершенно не соответствующее, по размѣрамъ, главной части жилья. Верхъ (чердачное помѣщеніе), въ свою очередь, не развился еще въ полный этажъ.

Характернымъ въ смыслѣ развитія, доходящаго до раздвоенія, является старинный домъ въ дер. Бѣль, изображенный на рисункѣ 30-А. Домъ этотъ считается 400-ть лѣтнимъ. Въ пользу весьма значительного возраста его говорить его мощная стѣна. Надо имѣть въ виду, что дома въ названномъ селеніи въ 150—200 лѣтъ не представляются рѣдкостями. Поэтому молва о четырехсотлѣтнемъ возрастѣ описываемаго дома имѣеть, какъ можно предполагать, свои основанія. Кроме того слѣдуетъ отмѣтить, что въ此刻ое время домъ принадлежитъ двумъ хозяевамъ, не признающимъ своего родства, но допускающимъ, что между ихъ предками существовала родственная связь. Въ виду этихъ особенностей представляется важнымъ разсмотрѣть данный домъ съ возможной подробностью. Домъ длинной своей стороной выходитъ на улицу деревни. Одинъ фронтонъ, видный на рисункѣ 30-А, обращенъ къ усадьбѣ сосѣда, а другой, главный, выходитъ на усадьбу дома. Она отгорожена полуразрушеннымъ каменнымъ заборомъ отъ улицы. Часть занята фруктовымъ садомъ, другая представляетъ дворъ, на которомъ стоятъ склады обычного типа въ совмѣстномъ пользованіи обоихъ владѣльцевъ дома; даѣтъ свинушки. Весь домъ стоять на склонѣ горы такъ, что спускъ идетъ съ одной стороны по улицѣ, а съ другой по фронтону. Размѣры дома громадны: съ фронтономъ онъ 10,25 м., а съ длинной стороны—14,25 м. На длинной сторонѣ четыре окна внизу и пять наверху. На главномъ фронтонѣ по три окна внизу и наверху, на заднемъ же фронтонѣ имѣются лишь два окна, изъ которыхъ одно задѣлано (см. рисунокъ 30-А). Съ этой стороны чердачное помѣщеніе имѣеть два окна, а съ противоположной мѣсто оконъ застуپаетъ прорѣзь—ниша. Съ улицы ведетъ широкая (1,63 м.) съ аркою дверь черезъ двѣ ступени внизъ въ обширную вѣжу. Дверь помѣщается не въ серединѣ передней стѣны вѣжи, а съ праваго бока (см. планъ на чертежѣ 30, I). Вѣжа представляетъ почти квадратное (около 6 м. въ длину и ширину) свободное помѣщеніе, въ заднемъ лѣвомъ углу которого помѣщается очагъ (см. рисунокъ 30-Б). Вѣжа находится подъ сводами, упирающимися въ каменные столбы. Направо отъ вѣжи находится кѣть, темное и сырое помѣщеніе. Нагѣво отъ вѣжи—хижа и камра. У задней стѣны вѣжи находится каменная заворачивающая направо лѣстница на верхъ. Чуть восточь восьми ступеней приходишь на площадку (см. чертежъ 30, II); съ

напѣво наружу — дверь въ противоположную улицѣ сторону, за откосъ горы. Здѣсь домъ образуетъ нишу, иъ правой стороны которой идеть входъ въ низъ, въ схрамбу (или кевдеръ) съ однимъ маленькимъ окномъ. Это небольшое, почти темное помѣщеніе подъ коробковымъ сводомъ, всего высотою въ 1,7 м., принадлежитъ къ верхнему хозяйству. Далѣе съ указанной площадки лѣстница заворачиваетъ сюда направо и черезъ четыре ступени приводить въ верхній этажъ. Здѣсь (см. чертежъ 30, III) прежде всего попадаешь къ вѣжу, но безъ очага; изъ вѣя идеть лѣстница на чердакъ. Къ вѣжу примыкаетъ къ откосу — кухня, а съ боковъ: съ одной стороны — хижа и камра, а съ другой — помѣщеніе, соответствующее нижней кѣти.

ЧЕРТ. 36. Боковое окно дома изъ деревни Верхнее Горье съ внутренней стороны (см. рис. 19).

Въ этомъ домѣ (см. подробности въ объясненіи плана), сѣдовательно, два хозяйства, при чёмъ въ нижнемъ кухня не дифференцировалась отъ вѣжи, а въ верхнемъ имѣется обособленная кухня. Можно думать, что домъ строился на большую семью, сдѣлавшую первый шагъ къ распаденію, выдѣливъ молодую чету въ самостоятельное хозяйство, но подъ общимъ отцовскимъ покровомъ. Въ настоящее время, какъ сказано, домъ принадлежитъ двумъ хозяевамъ. Нижнее хозяйство (мужъ, жена, двое сыновей и дочь) вполнѣ благоустроенное. Верхнее же хозяйство разоренное. Хозяевами состоятъ старики: братъ и сестра, при чёмъ первый занимаетъ лишь камру, а вторая погибла на чердакѣ. Всё остальное сдается: вѣжа, хижа и кухня, а равно погребъ садовнику, помѣщеніе же, соответствующее нижней кѣти — мандармамъ, подъ арестную камеру. Съемщикъ — садовникъ съ женой и четырьмя дѣтьми — и является фактически представителемъ верхнаго хозяйства.

VI. Заключеніе.

Изложенное убѣждаетъ, что въ Верхней Крайней имѣются на лицо постройки разныхъ степеней развитія. Низшій типъ, однокамерный, подверженъ пѣваторымъ колебаніямъ, частью въ связи съ той или другой мѣст-

ностью, частью въ связи съ тѣмъ, для кого изъ обитателей онъ служить. Тѣмъ не менѣе онъ твердо сохраняетъ свою характерную физиономію. Типъ этого представляется то жилище, которое одновременно служить и помѣщеніемъ для очага и собственно жильемъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ очагъ находится въ серединѣ внутренняго помѣщенія, но въ большинствѣ случаевъ онъ сдвинутъ, ради удобства, въ сторону. Однокамерныя верхне-крайнія постройки, какъ бы онѣ не назывались, лишены оконъ въ настоящемъ значеніи этого слова, а также потолка и пола. Онѣ представляютъ типъ первобытнаго жилья. Нѣкоторый шагъ впередъ представляетъ постройка, называемая сиарницей, имѣющая сверхъ помѣщенія для очага еще собственно жилое помѣщеніе. Однако, и здѣсь, какъ и въ чисто однокамерныхъ сооруженіяхъ, ироватѣй не имѣется, и роль ихъ исполняютъ весьма примитивныя нары. Въ сиарницахъ найдена и древняя, какъ можно думать, форма очага, въ видѣ круга. Не смотря на всѣ эти архаизмы, первобытныя зданія въ Верхней Крайнѣ близки по своему виду къ зданіямъ уже развитшимся до степени болѣе сложнаго дома.

Въ отношеніе наименованій слѣдуетъ замѣтить, что названія, встрѣчающіяся въ простѣйшихъ строеніяхъ, не повторяются въ развитыхъ жилищахъ. Однако они не чужды сельчанину. Такъ, подъ именемъ кочея подразумѣваются хозяйственныя строенія (для сѣна или для сѣна и скота); кочами именуются весьма рѣдко встрѣчающіяся въ деревняхъ однокамерные дома; балта имѣеть значеніе хижинъ или хаты вообще, куча—значеніе дома. Съ другой стороны, названія частей сложнаго дома не совсѣмъ чужды и первобытнѣмъ постройкамъ. Такъ, камрой (камерой) называются дополнительныя части архаичнаго жилья въ двухкамерной сиарнице; въ ней же помѣщеніе съ очагомъ называется вѣмой. Внутреннее помѣщеніе тамора именуется коча. Лишь слово таморъ стоять какъ бы единоко, будучи связаннымъ съ своеобразнымъ жильемъ чедника. Эта своеобразность станетъ яснѣе, если вспомнить, что типичною для него формою является двухэтажная постройка, съ хѣвомъ внизу, съ жильемъ въ верхнемъ этажѣ и съ четырехскатной пирамидальной крышей. Подобнаго рода таморъ стоять среди построекъ Верхней Крайны совершенно обособлено. Можно поэтому думать, что эта постройка, въ свое время, быть можетъ, и весьма обычна, пошла на вымирание, не получивъ дальнѣйшаго развитія. Ближайшихъ родственниковъ тамора слѣдуетъ искать въ Крайнѣ, повидимому, далѣе на югѣ: въ Босніи и среди васоевичей въ Черногоріи.

Всѣ современные постройки Верхней Крайны, отъ низшихъ (за исключеніемъ помѣннутой формы тамора) и до высшихъ — двухскатны. Въ процессѣ развитія къ однокамерной постройкѣ присоединяется новая яча, дѣлившая домъ двураздѣльнымъ. При этомъ одно помѣщеніе содержитъ очагъ

другое служить собственно жильемъ. Послѣднее присоединилось къ основному помѣщению со стороны фронтона, удлинивъ тѣмъ самыи здание. Вопросъ конечно въ томъ, развились ли верхне-крайніе сложные дома въ своихъ вышнихъ формахъ непосредственно изъ описанныхъ первобытныхъ зданій или же эти формы внѣдрились въ страну или развились въ ней независимо отъ первоначальныхъ элементовъ. Отвѣтить на этотъ вопросъ съ полною опредѣленностью на основаніи наличнаго материала не представляется возможнымъ.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что всѣ низше типы жилья Верхней Крайны въ ихъ характерной формѣ имѣютъ входную дверь со стороны фронтона. Описанный и изображенный на рисункѣ 4 и чертежѣ 4 таморъ, въ виду существования иной его обычной формы, не можетъ считаться, по видимости своей, типичнымъ. Развитыя же постройки, начиная отъ двураздѣльного и кончая четырехраздѣльнымъ домомъ, имѣютъ входъ съ длинной стороны зданія. Это указываетъ какъ бы на перерывъ въ развитіи мѣстнаго жилища, указываетъ какъ бы на то, что горныя архаичныя постройки не имѣютъ генетической, въ отношеніе архитектурныхъ формъ, связи съ постройками сельчанина. Въ противорѣчіи съ этимъ стоять однако ихъ схожій съ двускатной крышей видъ. Признавая на основаніи этого родственную связь между постройками первого и постройками второго рода, мы должны теоретически предположить, что были нѣкогда болѣе сложныя, чѣмъ однокамерный домъ, постройки, которыхъ видѣтъ съ тѣмъ имѣли входную дверь со стороны фронтона. Теоретическое это предположеніе подтверждается строеніемъ сиарницы, а также и другими реальными примѣрами. А именно: описанными выше двураздѣльными домами близъ деревни Зазеро и изъ деревни Млино (см. планъ на чертежахъ 31 и 35 и рис. 31). Если въ отношеніе первого изъ этихъ домовъ нами и были высказаны сомнѣнія относительно характера двураздѣльности и вообще его типичности, то домъ дер. Млино долженъ считаться безусловно (за исключеніемъ мѣста положенія входной двери) совершенно нормальнымъ.

Сопоставляя послѣдовательно центральную часть описанного тамора, жилое кочне, сиарницу, только что помянутый домъ въ Млино и остальные болѣе сложные дома Верхней Крайны, возможно, повидимому, съ полной правдоподобностью утверждать слѣдующее. Въ основу современного верхне-крайнскаго дома легло первобытное жилище — зданіе съ двускатной крышей и съ входомъ со стороны фронтона. Образовалось это жилище, какъ можно предполагать, изъ двухъ навѣсовъ, покрывавшихъ естественное углубленіе въ почвѣ. Къ этому жилью присоединяется новое помѣщеніе со стороны фронтона. Входъ продолжалъ оставаться съ фронтона и въ этомъ видѣ постройка имѣла свое внутреннее развитіе. А именно: очагъ, уже ранѣе отодви-

иутый, ради удобства, въ сторону дахъ начало къ выдѣлению особаго помѣщенія—кухни. Обособленіе послѣдней шло очень медленно, совсѣмъ безъ зависимости отъ общаго развитія дома и не закончено и по настоящее время.

Входная дверь съ фронтона, сохранившись первоначально и въ двураздѣльной постройкѣ, меняетъ съ теченіемъ времени свое положеніе и переходитъ изъ длинную сторону. Ближайшей причиной такого перемѣщенія могло служить стремленіе оградить теплую хину отъ непосредственнаго проникновенія холоднаго воздуха; кромѣ того желаніе удлинить домъ со стороны вѣжи, противоположной хинѣ, не могло въ свою очередь не вызвать перенесенія входной двери на длинную сторону зданія.

Въ Крайнѣ были разныя этніческія населенія и, очевидно, все они въ большей или меньшей степени приняли участіе въ созданіи началъ, послужившихъ для развитія современіаго сложнаго дома. Неизвестнаго происхожденія аборигеновъ страны смѣнили въ Крайнѣ иллыры, подвергшіеся влиянию кельтовъ, уступавшихъ, въ свою очередь, господство римлянамъ. До осѣданія славянъ черезъ Крайну проходили и въ ней оставались остготы, лангобарды и авары. Видѣвшіеся въ страну славяне подвергались разнозрѣменно влиянию франковъ, саксовъ и баварцевъ, такъ или иначе колонизировавшихъ Крайну. Въ результатѣ же страны оказалась славянской, населенной потомками хорутанъ—словинцами. Не смотря на разнородность нашествій, захвата и колонизацій, въ жизни Крайны важнѣе всего отмѣтить иллрійскій фонъ, славянское разселеніе на этомъ фонѣ и германское воздействиѳ на словинскихъ колонизаторовъ. Поэтому мы въ правѣ въ первую очередь искать въ постройкахъ современной Крайны духовный началъ этихъ трехъ племенъ. Въ связи съ этимъ правильнѣе всего взглянуть на жилище какъ съвернѣе, такъ и южнѣе Крайны, не стѣсняясь прямymi ея границами. Въ этомъ отношеніи удобно остановиться, съ одной стороны, на одной изъ тѣхъ провинцій Австрии, въ которой славянъ не существовало, напримѣръ, на Зальцбургской провинціи, а съ другой—на славянской странѣ, на которой германское влияніе, какъ можно думать, не отражалось, напримѣръ, на Боснѣ¹⁾.

¹⁾ Аборигенами Босніи были иллыры. Въ IV в. до Р. Х. въ страну вторглись кельты. Влияніе ихъ отразилось, какъ показываютъ археологическія изслѣдованія, преимущественно въ сѣверо-западной части страны. Во II в. до Р. Х. начинается колонизація римлянъ. Ихъ формальное господство длится до паденія Западной Римской имперіи (476 г. послѣ Р. Х.). Въ V в. нашей эры страна подпадаетъ власти остготовъ и остается въ ихъ рукахъ до 535 г. Въ 548, 551 и 553 гг. въ Босніи впервые появляются славяне. Въ 598 г. на Боснію, стоявшую въ это время подъ властью Византійской имперіи, нападаютъ авары. Настойчивое наступленіе славянъ продолжается въ теченіе всего VI в., а главное ихъ разселеніе падаетъ на VII в. Изъ этого видно, что Боснія была свободна отъ германской колонизаціи такъ какъ господство остготовъ, болѣе, мѣроятно, номинальное, было очень краткогомъ.

Послѣдняя страна для сравненія въ отношеніи жилища съ Крайной и потому еще важна, что иллірійскій элементъ, который и здѣсь послужилъ фономъ для образованія современной народности, узнается во многихъ чертахъ быта страны. Наконецъ сопоставленіе Зальцбурга и Босніи съ Крайной и въ томъ еще отношеніи удобно, что какъ первая провинція, такъ и вторая страна служили полемъ изслѣдованія для одного лица. Поэтому наблюденія и тутъ и тамъ однотоны и поддаются сравненію съ нашими наблюденіями въ Верхней Крайнѣ съ большей легкостью.

Обратимся сначала къ Зальцбургу. Наблюденія производились ¹⁾ въ поселеніи Альтъ-Аусзѣ (Alt-Aussee). Дома здѣсь преимущественно старинные, восходящіе по своему возрасту до конца XVI в. Къ сожалѣнію изслѣдователь не приводить ни описанія, ни изображенія вѣнчнаго вида домовъ. Поэтому о ихъ вѣнчности невозможно получить какое либо представление, и въ этомъ отношеніи дома изъ Альтъ-Аусзѣ сравненію съ нашими подлежать не могутъ. По соотношенію отдѣльныхъ помѣщеній авторъ изслѣдованія раздѣляетъ дома на двѣ категоріи, соотвѣтствующія двумъ типамъ. Одинъ типъ — «крестовый» домъ (Kreuzhaus), а другой — «проходной» (durchgangiges Haus). Первый типъ называется Мерингеромъ, по нашему мнѣнію, безъ достаточныхъ оснований, «двураздѣльнымъ» (zweitheiliges Haus), а второй — «трехраздѣльнымъ» (dreitheiliges Haus). Крестовый типъ Мерингеръ считаетъ алеманскимъ, а проходной — франкскимъ, въ частности мѣстнымъ вариантомъ его, отличающимся отъ основного типа, непремѣннымъ отсутствиемъ очага въ сѣнахъ (вѣжѣ), т. е. дифференціація кухни. Типъ этотъ, т. е. такъ называемый франкскій, по мнѣнію изслѣдователя, какъ и Банкалари, строго говоря, совсѣмъ не германскій, а «до-германскій», замѣстованный, по мнѣнію Мерингера, у кельтовъ. Характерно для домовъ въ Аусзѣ обаихъ типовъ то, что хозяйственныя постройки децентрализуются, чего не замѣчается въ Крайнѣ. А именно: какъ хлѣбъ, такъ и кладовая, лѣтняя кухня и печь для печенія хлѣба стоять отдѣльно отъ жилого зданія. Обычный въ Аусзѣ проходной домъ представляется (см. планъ на чертежѣ 32) слѣдующее. Передъ домомъ крылечко (Bѣckl), черезъ которое входить въ сѣни (Haus, то, что въ другихъ мѣстностяхъ называется Flur). Справа и слѣва двери: одна въ кухню, другая въ избу (Stube, Stubn); какъ то, такъ и другое помѣщеніе могутъ находиться безразлично справа или слѣва отъ сѣній. Въ концѣ ихъ справа или слѣва находится лѣстница наверхъ. Въ задней стѣнѣ сѣній находится дверь, либо прямо

¹⁾ Dr. R. Meringer.—*Studien zur germanischen Volkskunde. Das Bauernhaus und dessen Einrichtung.* Mit. d. anthr. Ges. in Wien. B. XXI. Wien, 1891.

ведущая наружу, либо при посредствѣ галлереи (Laube). Какъ отъ избы, такъ и отъ кухни отдѣлены стѣной по одной комнатѣ съ каждой стороны; это Stubenkammer (при избѣ) и Hauskammer (при кухнѣ). При взгляде на домъ этого типа, нельзя не найти сходственные черты съ домами Верхней Крайны съѣзданного, какъ нами названо, четырехраздѣльного типа. А именно: сѣни проходныя съ лѣстницей наверхъ, съ одной стороны изба и камра, а съ другой—чумната. Но въ домѣ дер. Аусзѣ есть существенный признакъ, который рѣзко отличаетъ его отъ дома Верхней Крайны, именно то, что кухня вовсе не входитъ въ составъ сѣни, а является совершенно самостоятельнымъ придаткомъ къ дому, имѣющимъ его вѣшнія формы. Быть можетъ, при болѣе глубокомъ изученіи жилья, при изслѣдованіи всѣхъ фазисовъ его развитія и удалось бы установить генетическую связь между зальцбургскими домами «проходного» типа и домами въ Верхней Крайнѣ, но на основаніи имѣющихся данныхъ ближайшее родство между этими домами установить трудно.

Совершенно иное положеніе стоитъ дѣло съ такъ называемыми Мерингеромъ «крестовыми» домами. Типъ его слѣдующій (см. планъ на чертежѣ 33). Съ крыльца входишь въ сѣни съ лѣстницей наверхъ; затѣмъ прямо изъ сѣни входишь въ кухню; сѣни (или справа) отъ сѣни—изба, а къ ней примыкаетъ горница (Stubenkammer). Въ этомъ типѣ нельзя не узнатъ нами описанный крайинскій трехраздѣльный широкій домъ. Можно сказать, что оба совершенно тождественны. Тождественность усиливается, если разсмотрѣть внутреннее устройство дома въ Аусзѣ. Сѣни либо совсѣмъ не имѣютъ оконъ, либо имѣютъ одно небольшое. Въ углу избы стоитъ зеленая изразцовая печь ¹⁾ со скамьями на свободныхъ сторонахъ; напрѣкогъ отъ печи въ углу—кють, подъ нимъ обѣденный столъ; оконъ по два со стороны фронтона и со стороны боковой; по наружнымъ стѣнамъ избы—скамейки. Входъ въ домъ обыкновенно съ длинной его стороны, изрѣдка съ фронтона. Горница (камра) рядомъ съ избой, съ однимъ окномъ со стороны фронтона, служить въ качествѣ спальни; кухня обыкновенно каменная, даже если весь домъ деревянный; окна въ домѣ обыкновенно малой величины, но часто впослѣдствіи прорублены большихъ размѣровъ. Правда, едва ли не большинство приведенныхъ чертъ свойственны не только Аусзѣ и Крайнѣ, но и многимъ другимъ мѣстностямъ, въ томъ числѣ и Россіи. Тѣмъ не менѣе отмѣтить вѣдь здѣсь представляется умѣстнымъ. Надо, впрочемъ, оговорить, что народо-населеніе Аусзѣ, по заявлению изслѣдователя, германского типа не несетъ, и что языкъ вѣдь представляетъ много особеностей въ выговорѣ. Поэтому можно

¹⁾ Варочемъ, иного, чѣмъ въ Верхней Крайнѣ, устройства.

думать, что если домъ «крестового» типа и алеманского происхождения, то онъ занесенъ въ Авузъ къ народу не германского происхождения, а лишь германизовавшемуся.

Обратимся къ югу, къ Боснії. Страна эта представляетъ въ отношеніи народовъдѣнія вообще и въ частности и въ отношеніи построекъ кладохранилище. Постройки Боснії и своеобразны и сложны. Здѣсь, существуетъ нѣсколько типовъ домовъ. Одинъ изъ нихъ ¹⁾, часто встречающійся, слѣдующій (см. планъ на чертежѣ 34). Дверь ведеть въ сѣни (аралукъ), къ которымъ изъ задней ихъ стороны примыкаетъ кухня (куча) съ очагомъ. Часть ея занята небольшой кладовой. Изъ кухни есть выходъ наружу, а направо отъ нея помѣщеніе для прислуги. Направо отъ сѣнѣй находится комната для дѣтей (собаджинъ), а напрѣко—изба (соба) съ печью. Домъ этого типа нельзя не признать весьма близкимъ съ домомъ въ Верхней Крайнѣ трехраздѣльного длинного типа, съ которымъ онъ почти тождественъ.

Подобную тождественность между трехраздѣльнымъ и четырехраздѣльнымъ домами Крайны и домомъ въ другихъ, кромѣ Боснії, славянскихъ земляхъ мы находили, напримѣръ, и въ Моравії. Здѣсь ²⁾ черезъ крыльце (podstupek) и входную дверь попадаешь прежде всего въ сѣни (sin). Въ нихъ находится очагъ, который можетъ быть выдѣленъ въ особое помѣщеніе—кухню (kuchyn, kuchyna). Въ сѣнѣахъ же находится гѣстница, ведущая на чердакъ. Отъ сѣнѣй направо (или напрѣко) изба (izba), съ двумя окнами на фронтонной сторонѣ и съ однимъ или двумя на длинной сторонѣ дома. Къ избѣ можетъ примыкать совершенно такъ же, какъ примыкаетъ камра къ вѣжѣ въ Крайнѣ—пристѣнекъ (pristenek), помѣщеніе съ однимъ окномъ на фронтонѣ и съ однимъ же на длинной сторонѣ дома. Съ противоположной отъ избы стороны сѣнѣй помѣщается одна или двѣ комнаты, по своему расположению совершенно соответствующія чумнатамъ Верхней Крайны. Тождественность плана моравскаго дома съ планомъ трехраздѣльного длинного крайнскаго дома усиливается тѣмъ, что сѣни и въ Моравіи могутъ быть проходными, и что въ нижней части дома находится хозяйственное помѣщеніе съ входомъ со стороны фронтона. Эта нижняя часть, какъ и въ Крайнѣ, сооружается при деревянныхъ домахъ изъ камня. Того же типа, что и моравскій домъ, представляется домъ русскихъ въ Галиціи ³⁾, въ которомъ съ одной стороны проходныхъ сѣнѣй находится такъ называемая велика хата, соответствующая крайнскій хищѣ, а съ другой мала хата, занимающая мѣсто чумнатъ. Тоже-

¹⁾ Dr. R. Meringer.—Das volksthümliche Haus in Bosnien u. d. Herzegovina. Wiss. Mit. aus Bosn. u. d. Hrc. B. VII. Wien, 1900.

²⁾ Národopisná výstava česko-slovanská v Praze, 1895.

³⁾ Dr. R. Kaindl.—Haus und Hof bei den Russnaken. Globus, 1897. B. LXXI. № 9.

ственным (съ планомъ крайинского длинного дома) планъ мы встрѣчаемъ и въ домѣ словаковъ. И здѣсь направо (или налево) отъ сѣнѣй (pitvor) находится изба (izba), а слѣва дополнительная пристройка: побочна или бочна изба (робоѣна izba). Къ главной избѣ можетъ примыкать, какъ и у словинцевъ, камра (камога). Да же, домъ близкаго къ славянамъ племени литовцевъ¹⁾ представляетъ въ планѣ то же построеніе. Изъ сѣнѣй ведеть дверь прямо въ кухню съ выходомъ наружу. Съ одной стороны сѣнѣй дверь ведеть въ обширную комнату — избу, съ примѣгающей къ ней небольшой комнаткой, а съ другой — вдоль сѣнѣй и кухни — находится комнатка и кладовая. Здѣсь, съдовательно, какъ и въ иѣкоторыхъ домахъ Верхней Крайны, изъ двухъ добавочныхъ помѣщеній съ противоположной избѣ стороны сѣнѣй одна отведена подъ хозяйственныя надобности, а другая служить жильемъ. Наконецъ напѣть великорусскій крестьянскій домъ съ проходными сѣнѣями, отъ которыхъ на одну сторону лежитъ изба, а на другую горница или кѣль съ отдѣленіями для домашнаго скарба, ничто иное, какъ та же (по взаимному расположению помѣщеній) трехраздѣльная длиннаго типа постройка, что и въ Верхней Крайнѣ, Боснѣ, Моравіи, Галиціи, у словаковъ и литовцевъ.

Всѣ приведенные примѣры тождественныхъ типовъ домовъ не могутъ не навести на мысль, что основы верхне-крайинскаго дома слѣдуетъ искать въ глубокой древности, что родственники крайинскаго трехраздѣльного длиннаго дома, находясь у разныхъ славянскихъ племенъ и на югѣ и на сѣверѣ и востокѣ, указываютъ на единое происхожденіе ихъ, и что первичные элементы этого дома надлежитъ одинаково искать какъ въ самой Крайнѣ, такъ на Балкавѣ, у славянъ западной вѣтви и у наскъ въ Россіи. При первомъ взглядѣ на вѣнчность обычнаго верхне-крайинскаго дома, онъ представляется столь несходимъ съ домами другихъ славянскихъ племенъ, что сравненіе его съ ними можетъ показаться безцѣльнымъ. Планъ верхне-крайинскаго дома убѣждаетъ въ противоположномъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ деревянные дома, сохранившіе много арханамовъ, сохранившіе и больше, чѣмъ каменные, своеобразныхъ чертъ и всѣмъ своимъ виѣнчимъ видомъ и рѣзьбой и другими деталями, не скрываютъ своей генетической связи и съ домами Моравіи и Галиціи и Россіи. Что касается боснѣскаго дома, то и онъ, при всей своей своеобразности, не потерялъ генетической связи съжилыми постройками Верхней Крайны.

Въ виду наличности въ Верхней Крайнѣ двухъ основныхъ типовъ домовъ и въ виду существованія одного изъ нихъ, именно: болѣе часто встрѣч-

¹⁾ Dr. F. Tetzner.—Haus und Hof der Litauer. Globus, 1897, B. LXXII, № 16.

чащающагося трехраздѣльного длиннаго въ Босніи, Моравії, Галиції, у літовцевъ и словаковъ, а также въ Россіи, возможно высказать, что одной изъ главныхъ основъ современаго словинскаго четырехраздѣльного дома бытъ трехраздѣльный славянскій. Этотъ послѣдній, типичный своими сѣнами (вѣжей), отопляемый помѣщениемъ—избою (хішней), съ одной стороны, и неотопляемый — кѣтью (чумнатой) съ другой, имѣть долгую исторію развитія, и основы его восходятъ вѣроятно въ эпоху еще пра-славянскую. Что касается другого типа, какъ указано, болѣе рѣдко встрѣчающагося трехраздѣльного широкаго дома, то онъ, какого бы происхожденія онъ ни бытъ, вѣроятно бытъ занесенъ въ Крайну съ сѣвера отъ германскихъ сосѣдей. Главнейшая его роль въ Верхній Крайнѣ заключалась въ томъ, что онъ, принеся съ собою новое помѣщеніе—камру и сочтавшись съ длиннымъ типомъ, оживилъ и развилъ его до четырехраздѣльного, повидимому, національно-словинскаго дома. Во всякомъ случаѣ верхніе-крайній домъ представляетъ выдающійся интересъ, какъ домъ, стоящій на рубежѣ германскаго и славянскаго міровъ. Интересъ въ верхніе-крайніемъ домѣ заключается и въ томъ еще, что онъ въ своемъ развитіи видѣть очень сложенъ, и что при этомъ основныя его части поддаются наблюденію на болѣе низкихъ ступеняхъ развитія мѣстнаго жилья. Эти отдѣльныя части показываютъ, что домъ слагался изъ славянскихъ началахъ и что заимствованія со стороны были сравнительно незначительны. Въ этомъ убѣждаетъ наименования частей дома¹⁾, которые въ громадномъ большинствѣ случаевъ, какъ уже указывалось выше, славянскаго происхожденія и находить себѣ обыкновенно соотвѣтствующія наименования преимущественно въ сербскомъ, но и въ болгарскомъ, чешскомъ и русскомъ языкахъ.

Выше была отмѣчена генетическая связь, въ отношеніи архитектурныхъ формъ, существующая въ Верхній Крайнѣ между низшими и высшими типами жилья. Изъ этой связи, однако, не слѣдуетъ дѣлать заключенія, что современныи сложный словинскій домъ развился именно изъ первобытнаго наличнаго типа жилья. Иными словами: и коча, и станъ, и т. п. постройки могли въ

¹⁾ Не отрицая чуждыхъ вліяній на образованіе и развитіе словинскаго дома вообще и верхніе-крайнскаго въ частности, нельзя не обратить особеннаго вниманія, что не только такія слова какъ коча, вѣжа, хіша, изба, чумната—слова, передающія понятія о частяхъ дома, свойственнымъ другимъ славянскимъ народамъ и поэтому славянскія, но что вообще громадное большинство словъ, передающихъ понятія о сложеніи постройки и ее частей, равнымъ образомъ славянскія. Достаточно вспомнить, что словинцы называютъ славянскими именами крышу, чердакъ, крыльцо, двери, окна, печь, потолокъ поль, очагъ, а равно пристройки къ дому и всю его существенную утварь и т. п. Это повидимому указываетъ, что то, что заимствовалось (если оно заимствовалось) перерабатывалось на національныхъ началахъ.

свое время имѣть и иную, чѣмъ нынѣ форму. Съ этими первобытными постройками могло произойти то превращеніе, о которомъ мы говорили ранѣе въ отношеніи тамора, мѣстами утратившаго свою архамчную внѣшность двухэтажнаго съ пирамидальною крышею зданія и приобрѣвшаго внѣшность обычнаго для деревни дома. Можно даже думать, что напримѣръ коча, бывши когда то вѣроятно обычнѣмъ жильемъ для всей массы предковъ современныхъ словинцевъ, была со временемъ заброшена и замѣнена новымъ зданіемъ. Коча, какъ постоянное жилье, перешла въ горы, къ населенію полукочевому, т. е. тому, которое ведеть образъ жизни, свойственный когда то всемъ пра-словинцамъ.

Относительно тамора можно высказать совершенно другія мысли. Слово это, повидимому, совершенно неизвѣстно другимъ славянскимъ племенамъ въ противоположность словану: коча, станъ, хиша, вѣка, изба. Таморъ—слово, кстати будь сказано, совсѣмъ не славянское и не имѣть даже на словинскомъ языке—производныхъ. Со словомъ этимъ, какъ уже неоднократно указывалось, связано своеобразное жилье, своеобразное и по формѣ, и по функциямъ его обитателей. По внѣшности таморъ съ своей двухэтажностью и пирамидальностью крыши приныкаетъ къ постройкамъ босняковъ и васоевичей. Поэтому невольно навязывается предположеніе, что таморъ есть иллірійское жилище, хотя конечно оно могло быть и кельтическимъ. Допустима такая дальнѣйшая мысль: илліры, вытѣсненные пришедшими славянами, удалились въ горы и занялись чадничествомъ, породивъ и среди словинцевъ этотъ особаго рода промыселъ. Въ исторіи племенъ не рѣдкостью является, что та или другая профессія сохраняется среди потомковъ оттѣсненного покоренного народа. Эти явленія могли быть и въ Крайнѣ. Ими то и объясняется, быть можетъ, что таморъ не оставилъ замѣтныхъ слѣдовъ среди архитектурныхъ мотивовъ Верхней Крайны. Иначе дѣло обстояло въ Боснѣ, гдѣ иллірійскія вліянія прослышины во многихъ сторонахъ быта современного населения, какъ и въ его языке. Что касается васоевичей, то племя это, повидимому, лишь по языку славянское. Во всемъ своемъ обликѣ физическомъ и моральномъ, во всѣхъ своихъ обычаяхъ, какъ и въ одѣждѣ, васоевичи рѣзко отличаются отъ остального черногорскаго населения. Освѣтить вопросъ и о таморѣ, и о его происхожденіи, могли бы лучше всего наблюденія въ Албаніи, населеніе которой едва ли не чисто иллірійское.

Однако допустима и иная мысль, а именно мысль о томъ, что таморъ ничего иное какъ древней формы коча, принявшая лишь чужое наименование. Мысль эта какъ будто встрѣчаетъ подтвержденіе въ томъ, что внутреннее измѣненіе тамора, какъ было отмѣчено выше, несѣть наименование «коча». Быть можетъ именно въ таморѣ слѣдуетъ видѣть пережитокъ древнаго словинскаго жилища (кочи); быть можетъ, словинская принадлежность тамора лишь маскируется этимъ чуждымъ славянскимъ языкамъ наименованіемъ. Какъ бы то ни было коренное по формѣ различіе верхне-крайнскаго тамора съ иными мѣстными постройками остается въ силѣ, и архитектурныхъ родственниковъ его слѣдуетъ искать не въ Крайнѣ, а на Балканскомъ полуостровѣ и въ частности въ Боснѣ и среди васоевичей.

Что касается стана, то подъ постройкой этого имени, повидимому, у большинства славянъ подразумѣвается нечто временное. Лишь въ Босніи и въ нѣ-которыхъ другихъ сербскихъ мѣстностяхъ станъ означаетъ жилище, домъ вообще. Слово станъ не перешло въ видѣ наименования въ часть прочной постройки. У словинцевъ оно означаетъ временное мѣсто убѣжища пастуха. Можно поэтому думать, что въ Верхней Крайнѣ оно не приняло участія въ созданіи жилища и, въ современныхъ своихъ формахъ, отразило господствующіе въ странѣ архитектурные пріемы.

Байта, въ свою очередь, повидимому, не имѣла участія въ образованіи словинского дома. Байта, какъ указано, означаетъ хижину вообще. Слово это (байта) неизвѣстно ни остальнымъ славянскимъ народамъ, ни нашему языку. Быть можетъ, байта только словинское слово, внѣдрившееся въ словинский языкъ въ сравнительно недавнее время. Байта и въ Верхней Крайнѣ не представляетъ вполнѣ опредѣленного понятія о томъ или иномъ зданіи. Оно выражаетъ болѣе убогость постройки, чѣмъ характеръ ея.

Возвратимся къ кочѣ. Слово это, хотя и въ разныхъ вариантахъ (коча, куча, кутя, кутыя, кутча, хыща, куть), извѣстно всей южнославянской семье¹), извѣстно и русскому народу. Южные славяне подразумѣваютъ подъ этимъ словомъ съ одной стороны жилье лицъ, ведущихъ первобытно-подобный образъ жизни, а съ другой стороны, домъ вообще и наконецъ основную часть дома, т. е. помѣщеніе съ очагомъ или выдѣленную съ очагомъ кухню. Это обстоятельство позволяетъ думать, что если коча какъ таковая и не получила дальнѣйшаго развитія, но что понятіе о ней настолько внѣдрилось въ сознаніе населенія, что оно не было въ состояніи разстаться со словомъ коча и перенесло это понятіе на новое жилище и въ частности на существенную часть его. Доискаваться, какого происхожденія корень слова коча—трудно, да въ данномъ случаѣ и безцѣльно. Во всякомъ случаѣ слово это вполнѣ воспринято громадной массой славянъ и поэтому существуетъ какъ слово словинское съ массою производныхъ. Вариаціи слова коча и его производныхъ, сложенныхъ по законамъ языка каждого данного народа, въ состояніи убѣдить, что коча какъ жилище извѣстна, по крайней мѣрѣ части славянъ, съ весьма давнихъ временъ. А производные глаголы и на словинскомъ и на русскомъ языкахъ (кочевати, кущевать, кочевать) позволяютъ высказать мысль, что коча была извѣстна еще кочевымъ пра-словинцамъ или, быть можетъ, вообще пра-славянамъ²). Оставляя здѣсь другія славянскія племена въ сторонѣ, можно допустить, что собственно у словинцевъ коча какъ жилье была заброшена съ переходомъ отъ чисто кочевого къ полуосѣдлому быту. Къ этой мысли приводить между

¹) См. примѣчаніе на стр. 264. ²) Сл. кочеватъ, кочевникъ не въ связи съ кашта куча, Словинское коча. Дрслв. юстъ, замѣн. а, соотв. Слов. б. у Русск. же и Серб.—у. Да и кочеватъ, кочевнице примѣняются въ древне- и старо-русск. пам. только къ Татарамъ. Древнѣйшее же название кочевника было Тылковникъ, срвн. толкотинъ, толкучій рынокъ... Кашта слов. кѣё образов. изъ дрслв. кѣтъ (уголь), словин. кѣт—наше кутъ, Польск. кац, у Балт. слав. было сл. соотвѣтна (такъ въ Щетинѣ по слов. Зефр. (Ж. Отт Бамб.) были четыри кутини (общественные зданія—храмы). Гильфердингъ. Исторія Балт. Слав. въ XXXIX.

прочимъ то, что подъ кочемъ или кочне подразумѣваютъ и сѣнной сарайчикъ. Главное же, что склоняется къ этой мысли это то, что въ двураздѣльномъ зданіи кочи не существуетъ. Ее (даже въ сиарницѣ) замѣнила вѣжа. Коча у словинцевъ, по крайней мѣрѣ въ Верхней Крайнѣ, заключаетъ понятіе однокамерности, будь то отдельная постройка для жилья или внутреннее помѣщеніе, какъ напр. въ таморѣ.

Коча не сохранилась въ Крайнѣ въ своей первобытной формѣ. Факторы развитія жизни словинцевъ выдвинули новыя жилища. Они не только отѣснили, такъ сказать деградировали кочу, но и навязали ей чуждыя виѣшнія формы. Древняя коча однако не вымерла еще среди южныхъ славянъ. Она сохранилась въ Босніи подъ наименованіемъ куча, что означаетъ и домъ вообще¹). Въ этой странѣ развитіе жилища шло во многихъ отношеніяхъ совершенно инымъ порядкомъ, чѣмъ у словинцевъ вообще и въ частности въ Верхней Крайнѣ. Четыре стѣны, не превышающія ростъ человѣка, покрытыя четырехскатной, вытанутой крышей—вотъ прототипъ боснійскаго дома, прототипъ, встрѣчающійся и по настоящее время достаточно часто. Стѣны такого дома нерѣдко сплетены изъ вѣтвей, крыша—соломенная. Внѣшность такого дома (см. рис. 46) до того ясно шалашевидная, что происхожденіе его именно изъ шалаша не можетъ подлежать сомнѣнію. Хотя въ домѣ по его малымъ размѣрамъ едва можно повернуться, тѣмъ не менѣе онъ помѣщаетъ цѣлое семейство. Куча (коча) Босніи не была вытѣснена. Она развивалась и усовершенствовалась, сохранивъ свои основныя виѣшнія черты. Ступенемъ выше отмѣченной стоитъ та куча, которая обмазана глиной и покрыта крышей изъ мелкихъ досокъ. Подобная куча видна на рис. 47²). Домъ этотъ двураздѣльный. Черезъ входную дверь попадаешь въ помѣщеніе съ очагомъ, которое называется кучей; рядомъ съ ней собственно жилье—съ обѣа съ печью. Въ дальнѣйшемъ развитія подобная коча дала характерный боснійскій домъ, ранѣе уже помянутый (см. рис. 49). Процессъ развитія жилы въ Босніи очевидно сводился къ тому, что предокъ боснійца, переходя отъ кочевого къ осѣдлому состоянію, не забросилъ свою кочу (кучу), а усовершенствовалъ ее и, прикрѣпивъ ее къ землѣ, остался въ ней жить. Куча, переставъ быть переноснымъ шалашемъ, сдѣлалась домомъ шалашеподобной формы.

Что касается вѣжи, то слово это, какъ и слово коча, хорошо известно многимъ славянскимъ племенамъ³).

Умѣстнымъ представляется вспомнить, что слово вѣжа сохранило у наѣ (въ формѣ вежка, вѣжка) въ Курской губерніи понятіе о шалашѣ, сто-

¹) Вспомнимъ, что понятіе о кочѣ, какъ о домѣ, не утеряно и словинцами, и что въ Болгаріи подъ кыпшой понимаютъ домъ, жилье вообще, въ частности деревенскій домъ въ нѣсколько комнатъ.

²) Рисунки двухъ домовъ—кучей Босніи заимствованы изъ статьи Мерингера: *Meringer—Das Volksb黨mliche Haus in Bosnien und der Hercegovina.* (Wis. Mit. aus Bos. u. d. Herg. B. VII, Wien, 1900).

³) См. приѣчаніе на стр. 292.

рожкѣ, балаганѣ, и что на языкѣ хорватовъ вѣжа означаетъ между прочимъ навѣсъ. Изъ приведенныхъ ранѣе сравненій видно, что слово вѣжа, какъ понятіе о современнѣмъ славянскомъ жилищѣ, вообще не сохранилось. Слово это употребляется либо въ смыслѣ кочевого жилища у инородцевъ (угры, половцы), либо въ смыслѣ первобытнаго, хотя и неподвижнаго жилья инородцевъ (лопари), либо въ значеніи укрѣпленія, башни, тюрьмы (у нась, поляковъ, чеховъ, словаковъ), либо въ смыслѣ части современнаго славянскаго дома (у словинцевъ и хорватовъ), либо въ смыслѣ навѣса (у хорватовъ). Лишь, повидимому, въ одной Курской губерніи вѣжа удержала понятіе о жильѣ не инородческаго, а русскаго населенія (вѣжка). Тѣмъ не менѣе нѣтъ, повидимому, основанія сомнѣваться, что вѣжа когда то представляла самостоятельное славянское жилье. Спутанность понятій, связанныхъ со словомъ вѣжа, показываетъ лишь на древность этого слова. Что вѣжа когда то дѣйствительно была жилищемъ славянъ, хотя бы и не всѣхъ, доказывается, съ одной стороны, распространенностю слова, а съ другой тѣмъ, что слово вѣжа, въ формѣ *visa*, означало на языкѣ полабскихъ славянъ *домъ*¹). Каковъ онъ быль—сказать съ вѣроятностью очень трудно. Быть можетъ, освѣтить сомнѣніе въ со-стояніи хорватскаго понятія о вѣжѣ, какъ о навѣсѣ и сѣняхъ. Слѣдуетъ вообще замѣтить, что вѣжа словинцевъ совершенно соответствуетъ нашему понятію о сѣняхъ (чешская *siň*, польская *sien*, нѣмецкая *Fur*, *Haus*). Подъ словомъ сѣнь или сѣнница у нась подразумѣвается и наметъ, и палатка, и шатерь, далѣе навѣсъ, легкое жилье. Въ старину подъ сѣнью, сѣнницей понимали навѣсъ у дома на столбахъ. Въ настоящее время сѣнью называютъ и балдахинъ (надпрестольная сѣнь). Въ церковно-славянскому языку сѣнь—есть шатерь. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать евангельскій текстъ «соторимъ здѣ три сѣни» (Мате. 17, 4). На русскомъ языке «сѣнь» евангельского текста переводится словомъ *куща*, на французскомъ—*tente* (палатка), на нѣмецкомъ—*Hütte* (хижина), на словинскомъ—*šotor* (шатерь), на польскомъ *przedsѣki*, (обиталище, жилище). Все сказанное даетъ основаніе считать вѣжу и сѣнь синонимами и придавать имъ значение первобытнаго жилья, вѣроятно, въ первоначальномъ видѣ связаннаго съ навѣсомъ и поэтому, хотя и легкаго и временнаго, но скрѣе не передвижнаго.

Впрочемъ на основаніи слова вѣжи допустимы многочисленныя догадки. Одной изъ такихъ догадокъ могла бы быть слѣдующая. Переходя къ полуостѣдному быту, словинецъ не нуждался болѣе въ шалашѣ (кочѣ). Умѣстнымъ представлялось болѣе прочное не сдвигаемое съ мѣста жилье. Удобнымъ для устройства послѣднаго представлялись естественные углубленія почвы. Приспособленіе ихъ кромѣ большей прочности гарантировало и большую теплоту въ зимнее время. Шалапи (кочи) надо было покрывать на зиму шкурами звѣрей или

¹) Именно въ этомъ смыслѣ, смыслѣ дома, жилища, слѣдуетъ, повидимому, понимать слово вѣжа въ выраженіи Бѣлая Вѣжа или Саркель. Этотъ хазарскій городъ или укрѣпленіе или станъ хазарскаго правителя, извѣстный уже въ IX в. и лежавшій вѣроятно на Дону, по своему имени «Саркель», какъ его объясняетъ Константина Багрянородный. означаетъ «бѣлый домъ», «бѣлую гостинницу», т. е. бѣлое жилье.

заталивать снѣгомъ, какъ то дѣлаютъ наши кочующіе инородцы со своими чумами. Новое жилище въ углублениі почвы требовало лишь крыши изъ бревенъ, покрытыхъ дерномъ, или навѣса, или того и другого. Это новое жилье могло получить новое наименование—вѣжа. Она въ первичномъ своемъ видѣ могла представлять и сочетаніе старого начала съ новымъ. А именно: надъ углублениемъ почвы, такъ или иначе приспособленнымъ для жилья, ставился старый шалашъ (коча), какъ то мы видимъ у нѣкоторыхъ нашихъ финскихъ племенъ, сохранившихъ съ большою яркостью первобытныя формы жилья. Первоначальная вѣжа могла быть лишь временнымъ, въ зимнее только время, жильемъ. Лѣтомъ пра-словинецъ могъ продолжать пользоваться кочей, ведя зимою осѣдлый, а лѣтомъ еще кочевой образъ жизни.

Вѣжа въ современномъ быту словинцевъ есть помѣщеніе съ очагомъ въ двураздѣльной или болѣе сложной постройкѣ. Вѣжы, какъ однокамерной постройки, словинецъ, по крайней мѣрѣ въ Верхней Крайнѣ, не знаетъ. Словинскій языкъ не признаетъ за вѣжей значенія дома: вѣжа—это стѣни, передняя и тому подобное помѣщеніе, понятіе о которомъ предполагаетъ, какъ и понятіе нашихъ сѣней, еще какая то другая помѣщенія въ зданіи. Поэтому допустима, въ противоположность высказанной, и другая мысль, что вѣжа не замѣнила, какъ самостоятельная постройка, кочу, а замѣнила ее при появленіи болѣе сложнаго сооруженія—хиши, при которой вѣжа первоначально была только сѣнами безъ очага. Послѣдній въ этомъ случаѣ продолжалъ оставаться въ кочѣ, и лишь впослѣдствіи перешелъ, одновременно съ исчезновеніемъ кочи, въ вѣжу. Мысль эта какъ будто встрѣчаетъ подтвержденіе въ слѣдующемъ. Хозяинъ той кочи, которая изображена на рисункѣ 1 и чертежѣ 1, называлъ переднее помѣщеніе (A) своей кочи вѣжей, а помѣщеніе съ очагомъ (A₁)—хишой. Возможно ли придавать этому единичному случаю обобщающее значеніе—сказать съ определенностью невозможно. Хиша, какъ понятіе помѣщенія съ очагомъ, нигдѣ, кроме даннаго случая, наши не встрѣчена. Но если придавать помянутому заявлению значеніе, то на основаніи его возможно высказать слѣдующую догадку. Первоначальная хиша въ Крайнѣ есть, какъ и въ Болгаріи (хижа, изба), помѣщеніе съ очагомъ, а вѣжа при ней—есть дополнительная постройка, имѣющая характеръ и значеніе сѣней. Въ дальнѣйшемъ развитіи вѣжа принимаетъ очагъ, а хиша очищается собственно для жилья.

Въ созиданіи основныхъ частей словинскаго дома кроме вѣжи или, быть можетъ, вѣжи съ кочнѣй принало участіе строеніе, съ понятіемъ котораго связана прочность, домовитость, осѣдлость. Это—хиша или изба. Когда эти слова сдѣвались въ Крайнѣ синонимами—доказать на основаніи наличнаго материала невозможно. Хиша, какъ реальное зданіе, сохранилась, повидимому, лишь въ Болгаріи, у словаковъ, да, отчасти, у нась. Среди другихъ славянскихъ племенъ хижа, какъ домъ, повидимому, совсѣмъ неизвѣстна. Въ восточной Болгаріи, хижа или изба есть деревянный, обыкновенно неотопляемый, но съ очагомъ домъ; въ западнѣй Болгаріи—землянка; у словаковъ хижка (или изба) есть крестьянскій домъ. На Лонг хижка—есть землянка. Можно поэтому думать, что словинцы пріобрѣли хишу въ періодъ осѣдл.

лости, но недостаточного еще материального обеспечения и культурного развития. Какимъ путемъшло появление хиши у словинцевъ—остается вопросъ открытъ. Въ виду распространенія слова хиша (въ разныхъ вариантахъ) у разныхъ славянскихъ народовъ¹), можно полагать, что словинцамъ хиша была известна очень давно. Хиша отличается отъ вѣжи, какъ и отъ кочи, стана и байты тѣмъ, что она не имѣть очага. Хиша въ настоящее время дополнительная пристройка къ основному (съ очагомъ) помѣщенію. Съ присоединеніемъ къ вѣжѣ хиши вводится въ постройку двураздѣльность ея. Она встречается уже въ весьма простыхъ постройкахъ, сравнительно не далеко ушедшихъ отъ первобытныхъ. На болѣе низкихъ степеняхъ своего развитія хиша есть срубъ. Что хиша когда-то представляла въ Крайнѣ или вообще у словинцевъ особое жилище, повидимому, доказывается между прочимъ тѣмъ, что слово это (*hisa*) на словинскомъ языке по настоящее время не утратило значенія дома. Напротивъ того, словинецъ передаетъ понятіе дома въ нашемъ смыслѣ именно словомъ хиша. Въ первоначальномъ смыслѣ хиша означаетъ очагъ. Что уже первоначальная хиша представляла срубъ, видно изъ того, что именно эта часть современного дома наиболѣе упорно сохраняетъ срубъ. Уже раньше отмѣчалось, что прежде всего камень появляется въ вѣжѣ и кухнѣ, что даже камра, болѣе новая часть дома, сооружается изъ камня, тогда какъ хиша продолжаетъ состоять изъ бревенчатаго сруба даже въ богатыхъ, хотя и старинныхъ, домахъ. Наконецъ та верхняя комнатка, о которой упоминалось уже многократно выше и которая занимаетъ часть чердачного помѣщенія, именуясь обыкновенно камерцей, называется *gospa hisa*, т. е. верхняя хиша. Между тѣмъ, какъ указывалось, она даже въ капитальныхъ каменныхъ домахъ выстраивается изъ сруба. Если хиша есть срубъ, то она могла, очевидно, появиться лишь при осѣдломъ и довольно культурномъ состояніи народа. Однако, помянутая верхняя хиша наводитъ на мысль, что первичная хиша не отоплялась печью. Послѣдняя, какъ усматривается изъ приведенныхъ выше примѣровъ, въ горнѣ хиши совсѣмъ не обязательна. Поэтому то она въ настоящее время и называется часто камрой или камерцей, т. е. имѣемъ того помѣщенія, которое обыкновенно лишено печи.

Не смотря на сказанное, невозможно вполнѣ отрицать, что первичная хиша Крайны была не срубомъ, а землянкой, получившей срубчатый характеръ по мѣрѣ своего поднятія, въ связи съ развитіемъ, изъ подъ земли. На эту мысль наводитъ развитіе болгарской ижи (хиши). Въ своихъ первобытныхъ формахъ, сохранившихся въ западной Болгаріи,²) ижа есть землянка. Этого рода жилище на низшей ступени (бордель) состоитъ изъ ямы (трапъ) и схода (гривица). Болѣе развитая землянка, именуемая ижей, содержитъ отдельные комнаты (стая) и покрыта двускатной крышей²).

Современная хиша, какъ указывалось, имѣть характерную особенность—наличность печи. Уже по этому самому она въ правѣ носить другое наимено-

¹⁾ См. примѣчаніе на стр. 293.

²⁾ Д. Мариновъ.—Градиво за веществената култура на западна България. (Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина; книга XVIII. Материали. София, 1901.

ваніе—наименование избы¹⁾). Она въ дѣйствительности называется и этимъ именемъ, но, повидимому, лишь потому, что, слившись съ избой и получивъ отъ нея печь, она тѣмъ самымъ сдѣлалась однозначущимъ съ нею помѣщеніемъ.

Что касается избы, то она у словинцевъ, повидимому, никогда не служила отдельнымъ жильемъ. Въ настоящее время въ словинскомъ языке подъ словомъ изба понимаютъ лишь комнату, жилую комнату, горницу, въ частности хишу, но никогда словомъ изба не называютъ дома. Въ этомъ отношеніи развитіе словинского жилища шло инымъ путемъ, чѣмъ напр. у словаковъ и у насъ русскихъ. У насъ, очевидно, первобытое, предшествующее избѣ, жилище было замѣнено избой. Послѣдняя сама по себѣ усовершенствовалась, превращаясь изъ «черной» въ «белую» и изъ этой послѣдней въ «красную». Изба известна у насъ и въ видѣ однокамернаго низко развитого жилья, и въ видѣ усовершенствованнаго дома, и въ качествѣ комнатъ, до дворцовыхъ покоевъ царя Алексея Михайловича включительно. У словинцевъ, повидимому, изба сдѣлалась какъ бы синонимомъ печи, давъ свое имя отопляемому помѣщенію, какъ печка соба Балканскаго полуострова дала въ Босніи свое наименование отопляемой печью комнатѣ. Изба известна всѣмъ славянскимъ народамъ или, по крайней мѣрѣ, почти всѣмъ и обыкновенно въ одномъ смыслѣ: въ смыслѣ отопляемой половины дома, рядомъ съ сѣнями, содержащими или не содержащими очагъ. Исключеніе представляютъ Черногорія и Герцеговина, да отчасти Болгарія, где подъ избой понимаютъ кладовую или конюшню или погребъ нижняго этажа. Изба однако не обусловливаетъ обязательной дву-или многокамерности постройки. Въ Сибири, напримѣръ, у старожильческаго населенія избою называется именно однокамерное, низшаго порядка зданіе. Если послѣднее имѣть не одну, а нѣсколько комнатъ, то оно, по терминологии старожильческаго населенія, уже не изба, а домъ. Однако и простѣйшая сибирская изба имѣть печь и при томъ весьма усовершенствованную, известную у насъ подъ названіемъ русской. Какъ бы ни обстояло дѣло съ вопросомъ о возникновеніи и развитіи вообще избы, у словинцевъ Крайны появленіе избы составляетъ тотъ же прогрессъ, что появленіе ея и у большинства другихъ славянъ: жилое помѣщеніе начинаетъ отапливаться печью.

Дальнѣйшее развитіе словинскаго дома шло въ связи съ образованіемъ камры и чумнаты. Появленіе именно ихъ породило два типа домовъ. Помѣщеніе, соответствующее камрѣ словинцевъ, очень распространено, но подъ разными наименованиями. Однако, назначеніе этого помѣщенія всегда одно и то же—служить спальней. Устроивъ комфортабельное жилище изъ вѣжи и хиши, словинецъ, двигаясь далѣе по ступенямъ культурнаго развитія, образовалъ особую спальню. Она была необходима въ многолюдномъ семействѣ. Зачатокъ помѣщенія, соответствующаго камрѣ, сохранился у насъ въ Россіи. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ въ той части избы, которая соответствуетъ мѣсту, занимаемому

¹⁾ См. примѣчаніе на стр. 300.

камрой, помѣщаются палаты для спанья. Начиная отъ такой ступени, могла развиться и крайнскія спальни—камра. Однако, камра могла внѣдриться въ Верхнюю Крайну уже въ качествѣ совершенно готоваго помѣщенія извнѣ, отъ сосѣдей. Къ этой весьма правдоподобной мысли приводить само название камры, а также и то обстоятельство, что она встрѣчается въ трехраздѣльномъ домѣ широкаго типа, тождественнаго съ типомъ «крестового» дома нѣмецкаго населенія. Камра могла быть заимствована такимъ образомъ у германскихъ сосѣдей, но она могла быть занесена въ Крайну и инымъ порядкомъ. Слово камра и ему подобныя, въ смыслѣ комнаты дома, какъ уже было указано, очень распространены среди славянскихъ населеній. У настѣ камера употребляется, какъ известно, болѣе въ переносномъ смыслѣ, въ смыслѣ древней палаты; до-петровская Русь камры не знаетъ. Слово камера (камега)—латинское и означаетъ въ первоначальномъ своемъ смыслѣ комнату со сводомъ. Лишь впослѣдствіи слово это было обобщено: итальянская камега, нѣмецкая Каштег, французская—chambre. У словинцевъ камра, въ свою очередь, получила, какъ указывалось, распространенное значеніе въ смыслѣ дополнительной въ домѣ комнаты, вообще говоря, не отопляемой, но жилой. Можно думать, что камра появилась въ Верхней Крайнѣ сравнительно очень поздно, быть можетъ отчасти, въ связи съ каменнымъ материаломъ. Къ послѣдней мысли приводить то обстоятельство, что камра часто, даже въ деревянныхъ домахъ, выстраивается изъ камня. Во всякомъ случаѣ въ Крайнѣ она не утратила и по настоящее время характера дополнительной пристройки, обнаруживающей ея юное происхожденіе. За юный возрастъ камры въ Крайнѣ говорить, повидимому, и то, что она встрѣчается преимущественно въ сложныхъ, вполнѣ развившихся домахъ четырехраздѣльного типа, или же въ рѣдко сравнительно встрѣчающемся трехраздѣльномъ широкомъ типѣ.

Происхожденіе чумната, въ противоположность происхожденію камры, вѣроятно, сравнительно древніе. Чумната въ типичномъ своемъ мѣстоположеніи имѣть, какъ можно думать, длинную исторію развитія. Лишь впослѣдствіи положеніе ея становится менѣе опредѣленнымъ, въ связи, вѣроятно, съ появленіемъ посторонняго новаго типа дома—трехраздѣльного широкаго, принесшаго съ собою, повидимому, камру. Наименованіе послѣдней постепенно начинаетъ вытѣснить наименованіе чумната, и она въ настоящее время нерѣдко называется то камрой, то камерцей. Эта замѣна одного слова другимъ въ данномъ случаѣ особенно понятна, такъ какъ въ развитшемся бытѣ и чумната и камра, два обыкновенно не отопляемыя помѣщенія, исполняютъ одну и ту же функцию служа спальней. Уже раньше высказывалось, на основаніи существующихъ типовъ домовъ, предположеніе, что чумната стала на мѣсто схрамбы, а эта послѣдняя—на мѣсто клѣти, занявшей, въ свою очередь, мѣсто хлѣва. Здѣсь умѣстнымъ представляется отмѣтить, что слово клѣть, повидимому, постепенно вытѣсняется въ крестьянскомъ быту Верхней Крайны словомъ схрамба, употребляемымъ въ видѣ синонима: клѣти. Эта послѣдняя хорошо известна славянскимъ народамъ и въ ча-

стности намъ русскимъ. У насъ она занимаетъ совершенно то же положеніе что и въ Верхней Крайнѣ чумната или схрамба или первоначальная кѣть. Именно она обусловливаетъ характеръ столь знакомаго славянамъ трехраздѣльного длиннаго дома. Кѣть есть дополнительная, неотдѣляемая обыкновенно и предназначенная для хозяйственныхъ надобностей часть дома съ противоположной избѣ (хишѣ) стороны сѣней (вѣжи). Въ качествѣ кладовой она соответствуетъ схрамбѣ и отождествленіе ея съ послѣдней поэтому законно. Но кѣть у насъ въ старину, да и теперь въ крестьянскомъ быту, служить спальней. Поэтому въ этомъ своемъ значеніи она соответствуетъ чумнатѣ. Кроме того, есть еще функция кѣти для нея очень характерная. А именно: она отводится новобрачнымъ и служить, слѣдовательно, въ качествѣ дополнительного помѣщенія для разросшейся семьи. Ту же роль играетъ въ Верхней Крайнѣ и чумната. Интересно отмѣтить, что въ сербскомъ языѣ слово кѣт означаетъ не кладовую, а комнату. Это послѣднее слово нечто иное, какъ чумната словинскаго языка; въ смыслѣ помѣщенія оно известно уже древней Руси. Древняя комната есть пристройка къ избѣ. Она служила разнымъ цѣлямъ, напр. для обѣдовъ, пировъ, невѣстиныхъ смотринъ и между прочимъ въ качествѣ брачнаго помѣщенія. Лишь впослѣдствіи, впрочемъ, еще въ до-петровской Руси слово комната получило у насъ обобщенное значеніе, въ частности значеніе кабинета. Именно въ этомъ значеніи слово чумната понимается въ современномъ словинскомъ языѣ. Такимъ образомъ изъ изложеннаго съ полной очевидностью явствуетъ, что наша древняя комната—равнозначащее помѣщеніе со словинской чумната, что чумната, какъ и русская комната, замѣнила собою кѣть, и что и то и другое помѣщеніе удѣлялось новобрачнымъ. Поэтому чумната и камра, хотя и посять иногда одно и то же наименованіе (камра), но по существу составляютъ совершенно разныя помѣщенія и по своему мѣстоположенію и по возникновенію своему и по тому назначенію, которому они служатъ.

Развитіе словинскаго дома отъ простой двураздѣльной постройки до четырехраздѣльной и двухэтажной слѣдуетъ поставить въ тѣсную связь съ жизнью и развитіемъ семьи. Ютясь первоначально совмѣстно въ хишѣ, часть семьи пользовалась для ночлега и хлѣвомъ и ставшей на его мѣсто кѣтью. Послѣдняя, вероятно, и у словинцевъ, какъ и у насъ, уже давно получила значеніе того помѣщенія, которое отдѣлялось для новобрачныхъ, передавъ это свое назначеніе замѣнившей ее чумната. Другія взрослія дѣти въ многолюдныхъ семьяхъ пользовались для ночлега, какъ то дѣлается и теперь, чердакомъ. Это постоянное использование послѣдняго въ качествѣ жилья не могло не привести къ оборудованію части его въ видѣ коморки—горнѣй хиши, или въ видѣ нѣсколькихъ такихъ коморокъ. Горнія хиши, расширяясь и усовершенствуясь, дали верхній этажъ. Ими, очевидно, пользовались и женатые сыновья, остававшіеся въ составѣ семьи родителей и образуя съ ними задругу. По мѣрѣ эманципаціи молодой семьи, она получала наверху свой очагъ. Въ нѣкоторыхъ, болѣе рѣдкихъ случаяхъ

образовывались не одна, а двѣ молодыхъ семьи, совмѣстное сожитіе которыхъ давало три очага. Эти предположенія подтверждаются тѣмъ, во первыхъ, что чумната и въ настоящее время отдѣляется для новобрачныхъ, что за отсутствіемъ ихъ чумната имѣть значеніе дѣтской спальни, что взрослые дѣти живутъ наверху, что верхній этажъ въ настоящее время, когда большія семьи представляютъ уже рѣдкость, обыкновенно сдается въ наемъ. Въ отношеніи плана дома интересно отмѣтить, что верхній этажъ появляется уже въ трехраздѣльномъ домѣ, при этомъ въ обоихъ его типахъ. Однако, какъ весьма обычное явленіе верхній этажъ представляется въ четырехраздѣльномъ домѣ. Изъ этого правильнымъ представляется заключить, что верхній этажъ появился въ Верхней Крайнѣ до начала сочетанія двухъ трехраздѣльного типа домовъ. Присутствіе верхняго этажа, хотя бы и въ зачаточномъ состояніи, какъ въ широкомъ, такъ и въ длинномъ трехраздѣльномъ домѣ, затрудняетъ рѣшеніе вопроса—принадлежитъ ли верхній этажъ въ своеемъ возникновеніи тому или другому типу или же обонимъ.

Что касается хозяйственной части дома, то въ ней, вѣроятно, уже издавна обнаруживалась скорѣе централизація, чѣмъ децентрализація жилья. Хлѣбъ весьма обычно примыкаетъ къ жилой части дома, даже на первыхъ ступеняхъ его развиція. Шогребъ и кладовая входятъ непосредственно въ составъ жилья. Гумно и сѣновалъ, образуя скедень то съ хлѣвомъ, то безъ него, весьма часто дополняютъ домъ. Свинушникъ, въ свою очередь, примыкаетъ либо къ дому, либо къ его скеденю. Кухня никогда не выдѣляется изъ дома. Лишь такія специальные сооруженія, какъ паштба для сушки плодовъ или конопли, ута, лопа, дырвеница и т. п. ставятся отдѣльно на усадьбѣ, а чисто сельско-хозаѣственныя сооруженія, какъ козолецъ, стогъ и т. п. относятся въ поле. Словинецъ Верхней Крайны старается, на сколько то позволяютъ мѣстныя условія, соединить все нужное въ одномъ зданіи. Это соединеніе, повидимому, тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ менѣе пространства въ его распоряженіи. Владыцъ болѣе крупнаго клочка земли устраиваетъ усадьбу, раскидывая на ней скедень, свинушникъ, дырварницу, лопу и паштбу. Не располагающій пространствомъ крестьянинъ собираетъ всѣ постройки, по возможности, подъ одну крышу. Именно такой сборный домъ съ хлѣвомъ, конюшней, скеденемъ, навѣсомъ и свинушникомъ несетъ много го своеобразныхъ чертъ. Онъ такъ, съ первого взгляда, сложенъ, что разобраться въ его отдѣльныхъ частяхъ представляется труднымъ (см. напр. рисунокъ 26). Лишь постепенно, изучая домъ въ его отдѣльныхъ частяхъ, приходишь къ убѣжденію, что основы его болѣе просты, чѣмъ то представляется при первомъ знакомствѣ.

Какимъ образомъ у словинцевъ могла одна постройка замѣняться другой и новое зданіе примыкать къ старому—отвѣтъ на это мы можемъ найти въ современномъ бытѣ нашихъ инородцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ переходятъ въ настоящее время отъ кочевого быта къ осѣдлому; многие изъ нашихъ инородцевъ подъ вліяніемъ русскихъ крестьянъ заимствуютъ ихъ способы построекъ жилья..

Переходъ къ осѣдлости происходитъ на нашихъ глазахъ между прочимъ у киргизовъ и бурятовъ. У нихъ можно наблюдать всѣ стадіи этого процесса. Киргизъ былъ когда то исключительнымъ обитателемъ подвижного шалаша (аблайча), развившагося до сравнительно сложнаго сооруженія—кибитки (монголь.—гирь, геръ, тюркс.—юртъ). Затѣмъ киргизъ сталъ устраиваться на зиму въ ямѣ—землянкѣ. Эта землянка, поднимаясь въ связи со своимъ развитіемъ надъ почвой, дала глиняную зимовку. Въ этихъ зимовкахъ киргизъ-полукочевникъ проводить зимнее время. Лѣтомъ, когда имѣеть еще мѣсто кочеваніе, киргизъ продолжаетъ жить въ кибиткахъ. Зимовка даже въ томъ случаѣ, когда она воспроизводить вицѣшнія формы первоначальнаго обиталища—кибитки, не несеть уже этого наименованія. Она называется кустау (кыстау).

Подобная явленія могли имѣть мѣсто и у предковъ словинцевъ. Кочевники пра-словинцы жили въ кочахъ. Переходя къ полуосѣдлому образу жизни, они сооружали вѣжу, пользуясь ею, какъ болѣе прочнымъ, чѣмъ коча, жильемъ въ зимнее время и спускаясь, быть можетъ, съ горъ въ долины. Впослѣдствіи по мѣрѣ развитія самой вѣжи пра-словинцы забрасывали кочу. Съ одной стороны, они сдали ее той части населенія (чедникамъ и пастухамъ), которая сохранила формы первичнаго образа жизни, а съ другой—приспособили ее для надобности своего осѣдлого хозяйства, примѣнивъ кочу въ качествѣ сѣнного сарайчика или сарайчика съ хѣвомъ. Очевидно, напримѣръ, что если первичная коча была шалашемъ, а вѣжа состояла изъ естественнаго углубленія почвы съ навѣсомъ или крышей, то жилища эти были по существу различны и носили поэтому и разныя наименованія.

Дальнѣйшее развитіе словинскаго жилья можетъ пріимѣрно быть объяснено развитіемъ жилищъ у нашихъ бурятовъ. Народность эта еще сравнительно недавно жила сплошь въ шалашахъ изъ жердей и звѣриныхъ шкуръ—бухѣ. Со временемъ (уже въ XVIII в.) шалаши развились въ распространенную теперь у нихъ форму жилища: бревенчатую шестиугранной формы юрту, не скрывающую по вицѣшности своего происхожденія изъ шалаша. Эта юрта въ значительно большей степени гарантируетъ тепло, чѣмъ бухѣ, которое на зиму забрасывается для тепла снѣгомъ. Интересно дальнѣйшее развитіе бурятской юрты. Желая расширить жилое помѣщеніе и доставить себѣ большія удобства, состоятельный бурятъ приставляетъ къ задней части своей шестиугранной юрты бревенчатый срубъ съ двускатной крышей. Задимствовавъ эту пристройку у русскихъ, онъ называетъ ее русскимъ именемъ—изба. Въ настоящее время у нашихъ бурятовъ можно наблюдать три главныя степени быта: часть ведетъ кочевой образъ жизни и живетъ въ бухѣ, часть перешла къ полуосѣдлости, обитая описанными юрты, и наконецъ зажиточная часть сдѣлала еще шагъ впередъ, приставивъ къ юртѣ избу.

Не менѣе рельефно, чѣмъ у бурятовъ, выступаетъ исторія развитія жилища у финскихъ племенъ. Растигнувшись отъ Балтійскаго моря до Иртыша и стоя на разнообразнѣйшихъ ступеняхъ культурнаго развитія, финны хранятъ бога-

тѣйшій матеріалъ для изученія ихъ жилищъ въ постепенномъ ходѣ развитія. На основаніи его можно заключить, что первичныи жилье финновъ служило шалашъ: *kota*¹). Нѣкоторые подъ этимъ словомъ или подобными словами подразумѣваютъ временное, лѣтнее жилище, другое—кухню, иные—часть современаго, усовершенствованаго жилья. Подымаясь по лѣстницѣ культурнаго развитія, финны переходили къ землянкѣ²), въ основу которой легла яма. *Sauna* и теперь еще называется у нѣкоторыхъ финновъ и яма, и землянка, и бана. Лишь впослѣдствіи, научившись дѣлать срубы, финны стали строить дома, первой ячейкъ сдѣлалась пыртъ.

Подобный ходъ развитія могъ быть и у предковъ словинцевъ. Когда часть еще кочевала въ своихъ кочахъ³), а другая полуосѣла въ своихъ вѣжахъ, наиболѣе состоятельные и потому наиболѣе культурные могли расширить свои жилища. Расширение могло произойти и подъ вліяніемъ сосѣдей и въ силу личной изобрѣтательности. Жилище расширилось пристройкой къ вѣже—хиши. Первичная хиша, какъ можно думать, была безъ печи. Ее дало другое зданіе, общее почти всѣмъ славянамъ—изба. Послѣдняя у словинцевъ однако не вытѣснила хиши и не замѣнила ее, она ее лишь усовершенствовала. Поэтому то изба и хиша, два первоначально разныхъ понятія, сдѣлялись у словинцевъ синонимами.

Процессъ развитія шелъ медленно, конечно, не одновременно у всего народа. Были очевидно періоды, когда часть еще кочевала, другая въ полуосѣданіи состояніи обитала вѣжу, многіе болѣе прогрессировавшіе имѣли рядомъ съ вѣжей и хишу, но еще не отопленную, и наконецъ наиболѣе культурная часть населенія, примѣнивъ отопленіе, свойственное избѣ, усовершенствовала хишу, сдѣлавъ изъ нея избу. Наряду съ этиими разными по культурному развитію слоями словинского населенія, въ горахъ вели свой особый образъ жизни остатки аборигеновъ страны, вѣроятно илировъ, упорно державшихся старины, ютясь въ своихъ таморахъ.

¹) *Kota*—тавастовъ и кареловъ, *koda*—эстовъ, *kata*—скандинавскихъ лопарей, *kuvaksa*—русскихъ лопарей, *kud*—черемисовъ и мокши, *kudo*—ерзя, *koda* и *kuoda*—ливовъ, *kodi*—вепсовъ, *gid*, *kua* и *kva*—вотяковъ, *hot*—остяковъ.

²) О временномъ (зимою) пользованіи землянокъ свидѣтельствуютъ и преданія и историческая свидѣтельства, какъ, напримѣръ, арабскаго писателя Х. в. Ибнъ-Даста. (См. подробности относительно тюркскихъ, монгольскихъ и финскихъ племенъ: Ник. Харузинъ—«Очеркъ развитія жилища у финновъ», М. 1895 г. и «Исторія развитія жилища у кочевыхъ и полукочевыхъ тюркскихъ и монгольскихъ народностей Россіи», М. 1896 г.).

³) Шалашъ, какъ обычное, хотя и временное жилье, встрѣчается еще въ Черногоріи подъ названіями: *савардак*—въ Дроблянахъ и *бирог*—у васосовичей. И то и другое конусообразный шалашъ изъ жердей, покрытый соломой и содержащий очагъ. Наряду съ шалашемъ въ Черногоріи (въ Колошиѣ и у Никичича) сохранились первобытныя мазанки—землянки съ бревенчатымъ остовомъ и рѣшетчатыми стѣнами. Слово шалашъ въ формѣ салашъ извѣстно и сербскому языку, но въ иномъ, чѣмъ у насъ значеніи, а именно: въ смыслѣ сарая для плодовъ. Въ Черногоріи (въ Морачѣ и у васоевичей) салашъ означаетъ корзину для кукурузы, т. е. то же что въ остальныхъ мѣстностяхъ Черногоріи называется кош, кошар, въ Босніи—кош и кукурузникъ, въ Болгаріи—кошъ, житница, амбаръ.

Первичная коча пра-словинцевъ могла быть, какъ сказано, шалашемъ; вѣжа—пещеркой, ямой съ навѣсомъ или чѣмъ нибудь подобнымъ, хиша—срубомъ. Впослѣдствіи каждая изъ нихъ развивалась подъ вліяніемъ появившихся со временемъ болѣе совершенныхъ формъ. Такъ куа (куа) вотяковъ, бывшая, по ихъ собственнымъ преданіямъ, нѣкогда ихъ единственнымъ жильемъ и означающее и нынѣ еще шалашъ, представляетъ въ современныхъ формахъ срубъ¹⁾). Во всякомъ случаѣ вѣжа, какъ можно думать, требовала, если не осѣдлой жизни, то по крайней мѣрѣ частаго возвращенія къ одному мѣсту и длительнаго на немъ пребыванія. Измѣненный образъ жизни требуетъ и измѣненнаго жилья, а это послѣднее съ измѣнившимися формами выдвигаетъ и новое наименование. Старыя названія переносятся на тѣ постройки, временные, или для специальныхъ цѣлей, которыхъ ни что иное, какъ первоначальное жилище. Однако, часто старыя названія вкореняются въ понятіе народа такъ глубоко, что онъ не отказывается совершенно отъ нихъ и при новыхъ постройкахъ, употребляя эти старыя наименованія въ обобщенномъ или отвлеченномъ значеніи жилья, дома, жилого строенія. Старыя названія живы и тогда, когда первичная постройка вошла въ составъ нового жилища. Поэтому куча въ нѣкоторыхъ сербскихъ мѣстностяхъ ни что иное какъ кухня; такъ, у черемисовъ куд—кухонная часть избы; въ томъ же значеніи употреблялось у эстовъ еще въ 40-хъ годахъ XIX в. слово кота; у словинцевъ сѣни называются вѣжей, а домъ именуется кучей; буряты, пристроивъ къ своей юртѣ отмѣченный выше срубъ—избу, не перестаетъ называть юртой и измѣнившееся жилище; мало того, онъ и русскіе домъ и избу называетъ юртѣ, понимая это слово въ общемъ значеніи дома, жилища.

Такимъ образомъ отмѣтить можно, что въ созиданіи дома словинца, таморъ какъ и станъ и байта не играли, повидимому, прямой роли; коча связывалась, по-видимому, съ передвижнымъ, кочевымъ образомъ жизни; вѣжа дала, быть можетъ нѣкоторую устойчивость, прочность; хиша—осѣдлость, а изба—извѣстный комфортъ. Дальнѣйшее развитіе послѣдняго стояло въ прямой связи съ появленіемъ кѣти, перешедшей въ чумнату, а равно съ появленіемъ камры и схрамы. Всѣ эти пристройки, развитіе которыхъ нами указано выше, имѣли и имѣютъ подчиненное значеніе. Существо жизни крестьянина разыгрывалось и продолжаетъ разыгрываться въ вѣжѣ и хишѣ-избѣ. Онъ—средоточіе источниковъ существованія: огня и происходящаго отъ него тепла; въ нихъ именно выражается весь характеръ существованія; онъ именно содержитъ очагъ, печь, обѣдненный столъ, Распятіе; въ нихъ, въ частности въ хишѣ-избѣ, собирается семья, принимаются гости, происходятъ собесѣданія. Въ вѣжѣ—источники жизни: огонь и пища, въ хишѣ—сама жизнь согрѣтыхъ печью и накормленныхъ за общимъ столомъ людей, ютящихся подъ сѣнью Распятія.

Ал. Харузинъ.

¹⁾ Куа—означаетъ на вотятскомъ языке и жилье и храмъ (прав. вѣжа у словинцевъ. означающая равнымъ образомъ храмъ—чеја bozja).

Былинная поэзия на Печорѣ.

I.

Въ іюнѣ 1901 года мнѣ удалось на Низовой Печорѣ въ селѣ Устьцыльмѣ записать семь былинъ. Былины эти были приняты для напечатанія въ «Ізвѣстія 2-го отдѣленія Императорской Академіи Наукъ»¹), а весной 1902 года Императорское Русское Географическое Общество и 2-е отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ дали мнѣ средства, чтобы еще разъ сѣѣздить на Печору, уже нарочно за былинами. Чтобы поѣзда была наиболѣе плодотворной, а запись былинъ возможно большей, нужно было прїѣхать на Печору въ такое время, когда мѣстные крестьяне совсѣмъ свободны отъ работы. Такимъ временемъ бы-
ваетъ обыкновенно время отъ Пасхи до Петрова дня, собственно, пожалуй, меньше—отъ Пасхи до вскрытия Печоры, т. е. время распуты, такъ какъ по-
вскрытии Печоры часть крестьянъ сейчасъ-же начинаетъ ловить рыбу и кончаетъ это занятіе глубокой осенью, когда Печора встанетъ. Принимая все это во-
вниманіе и наученный къ тому-же горькимъ опытомъ лѣта 1901 года, когда
я прїѣхалъ на Печору чутъ не къ Петрову дню, и потому только и успѣлъ за-
писать семь былинъ, а не 70, нынче я рѣшилъ вѣхать на Печору по зимнему
пути на лошадахъ. Но и тутъ нужно было разсчитать время такъ, чтобы
прїѣхать въ самый разъ—не позже, не раньше, такъ какъ во второмъ случаѣ
я рисковалъ долго прожить на Печорѣ безъ дѣла; и это непремѣнно-бы случи-
лось, если-бы я прїѣхалъ на Печору еще въ Великомъ посту, особенно на его
послѣднихъ недѣляхъ: печорцы-раскольники, да и печорцы-православные, обычно
очень религиозно настроенные, едва-ли-бы стали мнѣ пѣть что нибудь свѣтское
въ это время. По крайней мѣрѣ, я встрѣтилъ послѣ въ Устьцыльмѣ старинщика,
не согласившагося пѣть мнѣ даже на пасхальной недѣлѣ, а послѣ праздниковъ
пѣвшаго только по воскресеньямъ. Я разсчиталъ, какъ мнѣ прїѣхать на
Печору къ самой Пасхѣ и, выѣхавъ изъ Петербурга 2-го апрѣля, 5-го быль
въ Архангельскѣ, а 6-го уже выѣхалъ по самому послѣднему пути на лоша-

¹) Томъ VII (1902) . . . стр. 277—355.

дяхъ на Печору. Мне предстояло сдѣлать въ саняхъ около 800 верстъ, а время стояло самое неблагопріятное для этого: немилосердно для ранней на сѣверѣ весны палило солнце, быстро таялъ снѣгъ и быстро портились дороги, по которымъѣхать становилось едва возможно, а такъ какъ большая половина зимнаго тракта на Печору идетъ рѣками (С. Двина, Пинега, Мезень, Цыльма и др.). то и небезопасно: ледяной покровъ рѣкъ вездѣ освободился отъ снѣга и посыпалъ, появились большія забереги, у самыхъ краевъ дороги зловѣще темнѣли подъны... Возможно быстрѣе подвигаясь все впередъ и впередъ, отыхая на станціяхъ только при перепряжкѣ лошадей и за питьемъ чая, эти 800 верстъ я сдѣлалъ въ шесть дней и, сильно разбитый, 12 апрѣля приѣхалъ на Печору въ Устьцыльму. Дорога разбила меня страшно, но приѣхалъ я какъ разъ во время—лучше нечего было и желать. Три дня отдохнувъ съ дороги, со второго дня Пасхи я уже могъ приняться за работу. Знакомствъ заводить мнѣ было не надо: въ Устьцыльмѣ жили стариинщики, не использованные мною еще въ прошлый мой прѣездъ на Печору. Всю пасхальную недѣлю я записывалъ былины въ Устьцыльмѣ и къ концу ея, когда стариинщики отчасти поистощились, а отчасти поутомились, въ Фомино воскресенье, 21 апрѣля, выѣхалъ въ селенія на рѣкѣ Пижмѣ. И выѣхалъ все еще по зимнему пути: на самыхъ послѣдніхъ дняхъ страстной недѣли погода внезапно измѣнилась, подулъ вѣтеръ съ океана, выпала «перенбва», и свѣтлый праздникъ печорцы встрѣтили, какъ рождество, въ совикахъ и малицахъ. Сѣѣздить въ селенія, раскиданныя по рѣкѣ Пижмѣ, по зимней дорогѣ было очень прельстительно: путь во всѣ деревни укорочался на половину, и втрое сокращалось время. Побывавъ во всѣхъ деревняхъ Пижмы, кромѣ трехъ отдаленнѣйшихъ, съ небольшимъ жиломъ, где навѣрняка, говорили мнѣ, нѣтъ былинъ, 26 апрѣля я приѣхалъ обратно въ Устьцыльму, гдѣ и стала переживать распуту, ждать вскрытия Печоры. Ждать этого «события» на Печорѣ, мѣняющаго совершенно ея зимнюю физиономію, пришлось нынче очень долго. Высчитано, что Печора въ среднемъ вскрывается 5-го мая, рѣдко она вскрывается въ самомъ концѣ апрѣля, а нынче въ Устьцыльмѣ Печора тронулась 14 мая, а по настоящему и пошолъ ледъ 16 мая. Въ Пустозерскѣ и др. нижнихъ селеніяхъ Печора тронулась нынче 26—28 мая! Все время расputы я уже ни шагу не могъ сдѣлать изъ Устьцыльмы, такъ какъ гораздо раньше Печоры вскрылись маденъкіе, впадающіе въ нее ручьи и рѣчки и обратясь въ стремительные буруны отрѣзали путь даже въ ближайшія къ Устьцыльмѣ деревни: мостовъ вѣдь на Печорѣ не полагается. Въ отношеніи записи новыхъ былинъ все время распуты было для меня потеряно, такъ какъ Устьцыльмскіе стариинщики были мной всѣ использованы. Все это время я записывалъ въ Устьцыльмѣ историческія и другія пѣсни и сказки, заполнялъ академическую программу говорить, знакомился съ архивомъ Устьцыльмскаго собора, знакомился съ стариинными рукописями въ частныхъ рукахъ и частью приобрѣталъ ихъ. Когда Печора совсѣмъ очистилась ото льда, и пришелъ первый пароходъ, я уѣхалъ изъ Устьцыльмы и уже все время вплоть до 4-го июля—

дня моего выѣзда съ Печоры обратно—провелъ въ разѣдахъ то на пароходѣ, то въ лодкѣ, то на лошадяхъ, а случалось, что ходилъ и пѣшкомъ. За это время я проѣхалъ Устьцыльмскую и Пустозерскую волости, сѣздили въ Ижемско-зырянскій край, селенія котораго разбросаны по р.р. Ижмѣ и Печорѣ, отъ впаденія въ нее Ижмы вплоть до границы Вологодской губерніи, а также побывалъ въ осѣдлому самоѣдскомъ селеніи—Колва, которое стоитъ на р. Колвѣ-же, впадающей въ р. Усу, главный притокъ Печоры. Совершенно безпрепятственно мои работы по записи былинъ могли происходить только во время распуты, когда всѣ крестьяне были дома, но въ распутье я успѣлъ обслѣдовать только село Устьцыльму и селенія по рѣкѣ Пижмѣ. По вскрытии Печоры, когда я поѣхалъ въ Пустозерскую волость, уже многихъ изъ хорошихъ сказателей я не засталъ дома. Такъ два раза проѣзжалъ мимо дер. Абрамовской, я спрашивалъ о гремащемъ по всей Печорѣ старинщикѣ—Иванѣ Ивановичѣ Горенкѣ, но оба раза не заставалъ его дома. Пробовалъ я сѣздили на рыбную тоню и тамъ поработать. Но условія работы на тоняхъ крайне неблагопріятны, можно сказать, невозможны. Записывалъ былины я, напр., у костра, между двухъ лодокъ: если сидѣть близко у костра—тепло, но дымъ невыносимо есть глаза; есть отъ костра дальше—нѣть дыму, но руки коченѣютъ отъ пронизывающаго съ океана вѣтра. Вѣтеръ рветъ листы бумаги, валить чернильницу, сыплетъ песокъ въ глаза, и того и гляди, пойдетъ дождь. Ко всему этому нужно прибавить, что человѣкъ 20—30 рыболововъ толпятся около и своими разговорами, замѣчаніями, вопросами дѣлаютъ работу въ конецъ невозможной. Плохо записавъ двѣ былины и получивъ наスマркъ, отъ дальнѣйшихъ попытокъ записывать былины на тоняхъ я отказался. Но съ грѣхомъ пополамъ дѣло еще можно было вести до Петрова дня. Этотъ праздникъ—послѣдній день, въ который печорцы свободны. Теперь-же поспѣваетъ трава на пожняхъ, раскинутыхъ по берегамъ Печоры и ея притоковъ, и въ лѣсныхъ росчистахъ, начинаетъ большими массами идти вверхъ по рѣкѣ семга, болѣе или менѣе богатая добыча которой означаетъ болѣе или менѣе сѣтый годъ для Печорца. Это въ Устьцыльмѣ. Въ Пустозерской волости многіе съ очищеніемъ Печорской губы отъ льда, а съ Петрова дня всѣ безусловно заняты или ловлей семги или отправляются въ губу за рыбной и звѣриной ловлей. Вообще въ обѣихъ волостяхъ съ Петрова дня не до пѣнія старинъ. И вотъ, сѣздили послѣ Петрова дня къ ижемцамъ-зырянамъ и къ осѣдлымъ самоѣдамъ, 4-го июля я выѣхалъ изъ Устьцыльмы Тайболой-же обратно. Конечно, морскимъ путемъ—изъ Кую на Архангельскъ—было быѣхать гораздо удобнѣе и скорѣе, но первая половина лѣта была нынче такъ холодна на Печорѣ, и все время стоялъ такой «сѣверъ», что никакой надежды не было, что морской пароходъ придетъ въ Кую 15 июля—по расписанию. Проѣхавъ Тайболу и доѣхавъ берегомъ Мезени до села Ниссагоръ, я не свернулъ на городъ Пинегу, куда идетъ трактъ на Архангельскъ, а поѣхалъ на городъ Мезень, такъ какъ слышалъ, что могу тамъ застать морской пароходъ на Архангельскъ. Этимъ я, во первыхъ, избавился отъ необходимости сѣдѣвать лишнихъ версты 300 на лошадяхъ, а во 2-хъ и глав-

ное, надѣялся найти въ селеніяхъ по р. Мезени немало старинныхъ рукописей, въ чёмъ и не ошибся: $\frac{3}{4}$ пріобрѣтенныхъ мною рукописей куплены въ селеніяхъ по р. Мезени.

Чтобы покончить общий обзоръ моей поѣздки на Печору, послѣ которого я попытаюсь сдѣлать болѣе подробный очеркъ былиннаго эпоса на Печорѣ, я долженъ еще привести цыфры записанныхъ мною былинъ и пр. Всего былинъ по содержанію записано мною нынче 46, а съ варіантами (считая былины не полныя и отрывки) 82. Если причислить сюда записи прошлаго лѣта, то получимъ цифру всѣхъ былинъ по содержанію сохранившихся доселѣ на Печорѣ. Цифра эта будетъ равна 50 ²⁾). Варіантовъ съ прошлогодними записано мною 89. Духовныхъ стиховъ—по содержанію 9, а съ варіантами—15. Историческихъ, разбойничьихъ, горочныхъ и обрядовыхъ пѣсенъ записано мною 44, сказокъ—50.

Для будущихъ экскурсантовъ на Печору можетъ быть небезынтересны будуть цифры сдѣланныхъ мною во время пынѣшной поѣздки верстъ; на Печорѣ сдѣлано мною всего 1825 верстъ, изъ нихъ на пароходѣ 1400, на лодкѣ 117 верстъ, на лошадяхъ 284 версты, пѣшкомъ 24 версты. Такъ какъ путь на ошадахъ и въ лодкѣ—путь самый утомительный и орогой, то я приведу цифры верстъ, сдѣланныхъ мною указанными способами передвиженія всего, между Петербургомъ и Печорой и на Печорѣ: на лошадяхъ всего сдѣлано мною 1600 верстъ, въ лодкѣ 125 верстъ, остальное количество изъ 5000 слишкомъ верстъ падаетъ на пароходы и желѣзныя дороги.

II.

Ставя записываніе текста былинъ главной цѣлью поѣздки на Печору, я рѣшилъ выяснить: 1) Какія былины на Печорѣ сохранились и 2) въ какомъ видѣ онѣ сохранились. Для этого я рѣшилъ, такъ сказать, переписать по содержанію всѣ обращающіяся на Печорѣ былины и по одному разу хота-бы и такія, которыя уже извѣстны въ массѣ пересказовъ, записывая мало-

²⁾ Святогоръ. Вольга Всеславьевичъ. Первая поѣзда Ильи Муромца. Бой Ильи М съ сыномъ (Застава Богатырская). Илья М. и голи. Илья, голи и Угарище. Илья М. въ опалѣ. Никита Романовичъ, рожденіе и дѣтство Добрини. Бой Добрини съ Маринкой. Добриня и Зима. Бой Добрини и Дунай. Олеша Поповичъ, Екимъ и Тугаринъ. Олеша и сестра двухъ братьевъ Долгополыхъ. «Маево» побоище. Дунай Ивановичъ. Иванъ Гостиновичъ. Иванъ Горденовичъ. Поталъ Артемововичъ (онъ же Ивановичъ) 12-ти лѣтъ. Чурло Пленковичъ Дюкъ Степановичъ. Ставерь-бояринъ. Данилко Староильевичъ. Василій Казимировичъ. Василій Игнатьевичъ. Соловей Будимировичъ. Потыкъ. Идолъ Жидойловичъ и племянница Владимира. Васька Окуловъ и Солдманъ. Василій Буслаевъ въ Новгородѣ. Василій Буслаевъ въ Іерусалимъ ёдстъ. Садкѣ. Фатенко Блудовичъ. Дмитрий Бранской. Михаило Казаринецъ. Михаило Карамышевъ. Скопинъ. Бутманъ Колыбановичъ. Иванъ Грозный и сынъ Федоръ Лука Давидовичъ. Данилко Денисевичъ. Князь Долгоруковъ и ключникъ Егорей, мать и жена. Смерть Александра I-го. Кострюкъ. Горо. Отрывокъ неизвѣстной былины. Васька Захаровъ. Небылица I-я, II-я и III-я.

известные и совсемъ неизвестные въ большемъ количествѣ разнорѣчій. Намѣреваясь переписать всѣ печорскія былины, я руководился тѣмъ, что былины у насть—родъ народнаго творчества, наиболѣе быстро исчезающій изъ народнаго обихода, и сохраненіе ихъ по отдельнымъ областямъ, какою несомнѣнно является Печора, вслѣдствіе ея полной почти изолированности отъ остальной Россіи, во всякомъ случаѣ, интересно. Въ былинахъ, известныхъ въ десяткахъ пересказовъ, въ этомъ глухомъ краю я думалъ найти такие эпизоды, штрихи, намеки, какихъ нѣтъ еще въ покоящихся по сборникамъ былинахъ, а вѣдь и самые незначительные намеки очень иногда цѣнны при изученіи былинъ, что такъ блестяще доказалъ покойный академикъ И. Н. Ждановъ. И я не ошибся: даже въ извѣстнѣйшей былинѣ о Василіѣ Буслаевѣ я записалъ на Печорѣ нѣчто такое, чего нѣтъ пока еще въ извѣстныхъ о немъ былинахъ, хотя, съ другой стороны, мнѣ пришлось записать не мало былинъ, гораздо худшаго качества, чѣмъ таковыя же былины въ сборникахъ Гильфердинга, не говоря уже о классическомъ Киршѣ. Но если принять во вниманіе, что отъ записей былинъ «Сборника Кирши Данилова» насть отдѣляется, по крайней мѣрѣ, полтораста лѣтъ, а отъ времени, когда записывалъ А. Ф. Гильфердингъ все-таки 30, то худшее качество многихъ былинъ будетъ понятно.

У приема записывать старины все впередъ и впередъ были, конечно, и свои недостатки: записывая старины все впередъ по содержанію, мнѣ не пришлось вначалѣ разбирать качество пѣвцовъ, а затѣмъ, впослѣдствіи, когда большая часть бытового обихода Низовой Печоры была уже записана, при дальнѣйшихъ встрѣчахъ, иногда у лучшихъ старищиковъ, мнѣ пришлось записывать только-то, чего у меня пока еще не было, хотя-бы старины, уже записанныя у меня, эти послѣдніе старищики и знали лучше. Всѣ старины записывались мною непремѣнно съ голоса, и исключенія я сдѣлалъ только для «Святогор», спѣть котораго никто изъ встрѣчавшихся мнѣ старищиковъ не могъ, и еще трехъ отрывковъ старины, записанныхъ мною отъ пустозерскаго волостного старшины, который, послѣ долгихъ упрашиваній согласившись разсказать, что знаетъ, рѣшительно отказался пѣть мнѣ старины.

Первую изъ поставленныхъ мною себѣ задачъ: какія старины существуютъ на Печорѣ, мнѣ сдается я выполнилъ. Мнѣ хотя и не удалось видѣть всѣхъ печорскихъ старищиковъ, но и тѣ 32 лица, отъ которыхъ я записывалъ старины, безъ сомнѣнія, знаютъ всѣ старины на Печорѣ, хотя-бы по наслышкѣ. Вторую задачу: въ какомъ видѣ старины сохранились, я едва-ли рѣшилъ удовлетворительно, такъ какъ, повторю, мнѣ не всѣ старины пришлось записывать въ лучшемъ видѣ, отъ лучшихъ старищиковъ-сказителей.

Низовую Печору въ этнографическомъ смыслѣ можно подраздѣлить на три группы: 1) на русскихъ, 2) зырянъ—ижемцевъ и 3) самоѣдовъ. Мое вниманіе привлекали, конечно, только двѣ русскія волости на Низовой Печорѣ—Устьцы-земская и Пустозерская; самоѣды и кочевые, и осѣдлые русскихъ былинъ со-

всѣмъ не знаютъ³), зыряне-ижемцы старинъ почти не знаютъ, большинство даже не понимаетъ, что значить старина или былины. Совсѣмъ не записывая старинъ у зырянъ, я все-же скажу по поводу ихъ два три слова.

Въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ ижемцы старинъ знаютъ. Мнѣ называли въ селѣ Сизябскѣ старика, поющаго «пѣсни про богатырей»: Илью Муромца и др. Но видѣть лично мнѣ этого старика не удалось. Нѣсколько такихъ стариковъ живутъ еще по разнымъ селеніямъ въ Ижемскомъ краѣ на Печорѣ; отъ нѣкоторыхъ я лично слышалъ, что они знаютъ старины. Г. Истомину въ 1890 году удалось записать «среди зырянъ Усть-Божвинской волости нѣсколько былинъ, распѣваемыхъ ими на ломанномъ русскомъ языке». Это заставило г. Истомина предположить, что «былины... заимствованы зырянами отъ русскихъ сосѣдей ихъ—устыцемовъ». Но когда поиски г. Истомина былинъ у устыцемовъ не увенчались успѣхомъ, вопросъ о томъ, «откуда зырянами заимствованы русскія былины, остался для него (г. Истомина) не выясненнымъ»⁴.

Теперь дѣйствительно можно съ большою вѣроятностью предположить, что зыряне-ижемцы заимствовали свои былины отъ своихъ сосѣдей русскихъ. Предположить это можно тѣмъ больше, что зыряне почти не имѣютъ своей поэзіи, и въ настоящее время они пробавляются исключительно русскими пѣснями. Но съ другой стороны, для меня большимъ сомнѣніемъ является, что въ пѣсни зыряне-ижемцы заимствовали отъ своихъ сосѣдей русскихъ, т. е. устыцемовъ и пустозеровъ. Я нѣсколько разъ слыхалъ, какъ поютъ ижемцы, и между ихъ пѣніемъ и пѣніемъ ближайшихъ къ нимъ устыцемовъ—громаднѣйшая разница, разница въ напѣвахъ, въ содержаніи, въ языке. Пѣсни ижемцевъ—это или старинныя пѣсни центральныхъ губерній Россіи («Ахъ вы сѣни», «И вечоръ молода», «Снѣжки бѣлы и пущисты»), поющіеся здѣсь такими-же напѣвами, или это совсѣмъ и не народныя, а модныя пѣсни, стихотворенія изъ книгъ, романсы, перешедшіе изъ полуинтеллигентныхъ слоевъ сначала въ мѣщанство, а потомъ и въ крестьянство: «Хазъ-Будать удалой», «Гляди на лучъ румяннаго заката», «По синимъ волнамъ океана», самоновѣйшая знаменитая «Разлука» и др. «Ваньку Ключника» ижемцы поютъ пѣсней, своимъ текстомъ совпадающей съ текстомъ подъ нынѣшними лубочными картинами; въ Устыцемовской волости про «ключничка» поютъ старину, опредѣленно связывая его съ именемъ князя Дол-

³) Академикъ Озерцковскій говорить про «достопамятныя древности самоѣдскія земли въ Мезенскомъ округѣ»:... «Народныя преданія, сверхъ сего правила ихъ вѣры заключаются въ старинахъ (сюдовопцѣ) и въ сказкахъ (вада). Старины поютъ голосомъ, а сказки разсказываютъ просто; въ чёмъ заключается исторія сего народа: Увеселительныя пѣсни (хынопцѣ) поютъ и слагаютъ и мужчины и женщины». «Путешествія акад. Ивана Лепешкина», т. VI, стр. 204. Знающіе по самоѣдски пустозеры отзываются о самоѣдахъ, какъ прекрасныхъ сказателяхъ своихъ старинъ, а также сказокъ. Отъ устыцемовъ А. Чупрова я записалъ прекрасную русскую сказку, которую онъ выучилъ отъ самоѣда. Не зная самоѣдскаго языка я, конечно, и не приступалъ къ самоѣдамъ.

Н. О.

⁴) «Извѣст. Имп. Р. Геогр. Общ.» томъ XXVI, стр. 433—434.

горукова, а дѣйствіе пріурочивая къ Москвѣ. Что заимствованія пѣсень ижем-
цами отъ устьцымовъ не могли быть обильны, если они и были—за это-же
говорить и старая вражда между тѣми и другими. Покойному С. В. Максимову
въ 1856 году такъ разсказывалъ объ этомъ одинъ устьцымовъ: «Ижемцы—наши
супостаты, супротивники мы съ ними, изъ старины во враждѣ и дира-
лись, крѣпко-на-крѣпко дирались прежде, до смертоноснаго побитія дирались.
Теперь вотъ только нѣшто поулаживаемъ промежъ себя-то, миримся кое-какъ.
Да и то нѣтъ»...⁵). Едва-ли такая «до смертоноснаго побитія» исконная вражда
служила благопріятнымъ условіемъ для поэтическихъ заимствованій. Но откуда-же
такимъ образомъ заимствовали свои старины Ижемцы. Зыряне-ижемцы, выходцы
съ рѣки Вычегды, Яренского у., Вологодской губерніи, могли, во первыхъ, оттуда,
со своей родины, принести на Ижму, а потомъ на Печору былины. Затѣмъ
ижемцы, издавна отличаясь торговыми наклонностями, могли перенять старины
и любомъ мѣстѣ при своихъ торговыхъ странствіяхъ. Но всего вѣроятнѣе мнѣ
кажется слѣдующее предположеніе. Въ церковной лѣтописи Ижемской церкви
написано: «По устнымъ преданіямъ старожиловъ первые обитатели (Ижмы) были
выходцы новгородскіе, что между прочимъ подтверждается и фамильями: Ану-
фріевы, Истомины, Рочевы. Затѣмъ къ этимъ выходцамъ поселились изъ Воло-
годской губ., Яренского у., деревни Глотовой-слободѣ два-три семейства. Эти
послѣдніе были зыряне, отъ которыхъ на Ижмѣ—Ижемско-Зырянское нарѣчіе,
смѣсь русскаго языка съ зырянскимъ». Церковный лѣтописецъ (священникъ
80-хъ годовъ прошлаго вѣка), говоря о выходцахъ новгородскихъ, какъ пер-
выхъ поселявшихъ Ижму, не говорить только, откуда новгородцы взялись на
Ижму. Зато очень определенно объ этомъ говоритъ академикъ Озерецковскій
въ 1772 году: «Первые поселяне (Ижмы) были зыряне... Потомъ въ разныя
времена присовокупились къ нимъ многія россійскія семьи, вышедшия изъ
устьцымской слободки»⁶). «Населеніе Ижмы, говорится въ Геогр. Слов.
состоитъ изъ зырянъ, вышедшихъ изъ Вологодской губерніи, самоѣдовъ и рус-
скихъ, говорящихъ по зырянски». Есть преданіе, что на Ижму выселились бояре
отъ преслѣдованія Ивана Грознаго⁷). Наконецъ у Ижемского старожила—дьякона
Сизабской церкви Петра Истомина я записалъ слѣдующее: «Первый житель по-
селился въ 1567 г. изъ Волог. г., Яренской округи, деревни Глотовой, изъ
слободки зырянинъ, по имени неизвѣстно. Отъ него зырянскій языкъ остался
въ селеніи Ижма навсегда. Къ нему пріѣхали изъ Устьцымской слободки
пять братьевъ Чупровыхъ, изъ новгородцевъ поселились Рочевы, еще есть по-
коленіе одно изъ чудскихъ жителей, что нынѣ записаны крестьяне Поповы».
Эти данные, основанныя на преданіяхъ, имѣютъ подъ собой уже и чисто

⁵) «Годъ на Сѣверѣ» т. 2, стр. 56, 57.

⁶) «Путешествіе академика Ивана Лепехина въ 1772 году», часть IV, стр. 282, 283.
О выходцахъ въ Ижму и въ Устьцыму упоминаетъ и Максимовъ «Годъ на Сѣверѣ» т. 2,
стр. 148.

⁷) «Геогр. стат. словарь Россійск. Им.» т. 2, стр. 309.

реальную почву: 1) Зыряне-ижемцы различно отличаются отъ зырянъ Вологодской губерніи своимъ типомъ: они высоки, стройны, въ громадномъ большинствѣ блокуры съ голубыми глазами, и если-бы не языкъ ижемцевъ, въ большинствѣ совершенно нельзя было бы отличить ихъ отъ потомковъ новгородцевъ—устыцлемовъ. 2) Языкъ зырянъ вообще изобилуетъ русизмами, вслѣдствіе бѣдности его, языкъ же ижемцевъ почти на половину состоять изъ русскихъ или извращенныхъ русскихъ словъ и по своимъ формамъ такъ рѣзко отличается отъ языка зырянъ вологодскихъ, что ижемецъ и зырянинъ съ Вычегды плохо понимаютъ другъ друга. Съ другой стороны, ижемское нарѣчіе такъ приближается къ русскому, что, не зная совершенно языка ижемцевъ, но начинав вслушиваться въ него, всегда можно уловить, по крайней мѣрѣ, тему разговора. Вотъ не предки ли русскихъ засельщиковъ Ижны, выходцы изъ Устьцыльмы и занесли къ зырянамъ русскія былины? Это во первыхъ. Во вторыхъ, ижемцы, всегда разѣзжая по торговыи дѣламъ, сани могли научиться нѣть былины на Мезени, Пинегѣ и др. мѣстахъ. Въ третьихъ въ Ижму, въ свою очередь всегда прѣѣзжали купцы изъ разныхъ мѣстъ. Озерецковскій такъ говорить объ этомъ: «Для покупки мягкой рухляди прѣѣзжаютъ къ нимъ (ижемцамъ) изъ Яренска, Мезени, Пинеги и изъ Архангельска, а иногда изъ Москвы и съ Вологды торговые люди»⁸⁾.

Две русскія волости на Низовой Печорѣ—Устьцылемская и Пустозерская располагаются по берегамъ Печоры приблизительно на 325—330 верстахъ; Устьцылемская волость—кромѣ того еще по рр. Цыльмѣ, Пижмѣ и Нерицѣ, а Пустозерская—по одному селенію на рѣчкѣ Сулѣ (д. Сула) и Куѣ (выс. Порсундуй). Если къ линіи, по которой селенія обѣихъ русскихъ волостей расположились по Печорѣ, причислить линіи поселеній по рр. Цыльмѣ, Пижмѣ, Нерицѣ, Куѣ и Сулѣ, то получить цифру до 1.000 верстъ; само собой разумѣется, что объѣхать все селенія до одного обѣихъ русскихъ волостей было бы чрезвычайно трудно въ два мѣсяца, да и въ этомъ я не видѣлъ никакой необходимости для моей цѣли: навѣрное извѣстно, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ совсѣмъ нѣть старинъ. Посѣщеніе каждого селенія, можетъ быть необходимо было для изысканій другого рода, довольно легко можно сдѣлать только зимой «по дорогѣ», какъ здѣсь называютъ зимній санный путь. Зимой посѣщеніе каждого селенія было бы вполнѣ возможно, не трудно и не дорого, лѣтомъ-же по отношенію къ нѣкоторымъ селеніямъ это прямо-таки невозможно⁹⁾.

⁸⁾ «Пут. ак. Ив. Лепехина». Т. IV, стр. 284.

⁹⁾ Напр., дер. Омелина на р. Цыльмѣ, мѣсто бывшаго Цылемскаго раскольническаго скита (закрыть, если судить по бумагѣ Пинежскаго духовнаго правл. отъ 20 Апр. 1851 г. хранящейся въ архивѣ Устьцылемскаго собора—въ 1851 году), весьма интересная для посѣщенія, находится въ 250 в. отъ Устьцыльмы. Ёзда туда лѣтомъ въ лодкахъ, на шестикахъ, верстъ 200, по совершенно не заселеной мѣстности. Земскіе ямщики туда, конечно, не повезутъ, вольнонаемные также едва-ли, а если-бы какой нибудь охотникъ и согласился пройти 500 в. въ лодкѣ—возьметъ очень дорого. Омелинцы, правда, прѣѣзжаютъ разъ въ годъ въ Устьцыльму за хлѣбомъ, во время прїѣзда на Печору чердынцевъ, но они едва-ли

Сообщение по реке Печоре, конечно, стало безусловно доступное въ послѣднія десять лѣтъ, но все-же оно еще очень далеко, напр., даже отъ любого глухого земскаго уѣзда въ Россіи. Дѣло въ томъ, что Печора совсѣмъ еще не знаетъ телѣжныхъ дорогъ, если исключить двѣ станціи (Шылемецъ-Пустозерскъ=24 в. и Пустозерскъ-Тельвиска=20 в.). Лѣтомъѣздятъ исключительно въ лодкахъ или, въ послѣднее время, на пароходѣ. Занеся на Печору нѣкоторыя названія хозяйственныхъ предметовъ, печорцы постепенно, не примѣная, извратили ихъ: кореткой, напр., зовутъ маленькия крашенныя зимнія санки, телѣгой зовутъ таратайку-двуихолеску и пр. и пр. На Печорѣ завелись теперь пароходы, и есть даже почтово-пассажирское пароходство, такъ что изъ конца въ конецъ или между главными селеніями можно проѣхать скоро, легко и удобно. Но почтовый пароходъ дѣлаетъ рейсъ въ 10 дней—во первыхъ, во вторыхъ, перѣездки изъ мелкихъ селеній въ таковыя-же или изъ мелкихъ въ крупныя и обратно, но прежнему, приходится совершать на очень большихъ печорскихъ лодкахъ, внизъ по водѣ на веслахъ, вверхъ—бичевой, если неѣть попутнаго вѣтра. Но не бѣда-бы еще, если-бы всегда Печора была доступна дляѣзды по ней въ лодкахъ: какъ только поднимется сильный вѣтеръ, такъѣзда по Печорѣ въ лодкахъ становятся невозможной, и мнѣ не разъ приходилось подчиняться капризамъ этой сѣверной красавицы. Когда на Печорѣ поднимется сильный вѣтеръ, а это бываетъ очень часто, не только не особенно заинтересованные земскіе ямщики никуда не повезутъ васъ, но и сами печорцы въ самую горячую для нихъ рабочую пору также никуда неѣздятъ въ лодкахъ. Въ Великой Висѣ я видѣлъ трехъ печорцевъ, которые чуть не плакали отъ досады, сидя совершенно безъ всякаго дѣла въ Висѣ дни четыре, а выѣхать домой не могли, хотя деревня и была всего въ 9 верстахъ. Ехать въ вѣтеръ нельзя—все равно «прижметъ» къ берегу, гдѣ и придется сидѣть, пока вѣтеръ не стихнетъ. Бываетъ часто, что, выѣхавъ въ хорошую погоду, но застигнутые въ пути вѣтромъ, путешественники робинзонствуютъ гдѣ нибудь на пустынномъ берегу Печоры недѣлю и больше. Вотъ почему, еще по зимнему пути поѣхивъ всѣ почти селенія Пижмы, я не могъ того-же сдѣлать на р. Цыльмѣ, Нерицѣ и не могъ объѣхать всѣхъ селеній по Печорѣ. Да въ этомъ, повторяю, и не было нужды: старинщиковъ по имени знаютъ въ каждомъ селеніи, знаютъ даже приблизительно, какія старинны кто поетъ, и такой списокъ на основаніи разсказовъ мной составленъ.

Въ Пустозерской и Устьцылемской волостяхъ старины записывались мною въ 17 различныхъ селеніяхъ отъ 32 различныхъ сказателей. Такъ какъ я считаю нужнымъ строго различать старины обѣихъ волостей—почему, скажу подробно ниже,—то здѣсь приведу въ отдельности и цифры по волостямъ. Изъ

согласятся везти къ себѣ посторонняго человѣка, а если и увезутъ впередъ, никакъ нельзя будетъ возвратиться обратно. Дер. Омелиной очень заинтересованъ противураскольничій миссіонеръ, живущій въ Устьцыльмѣ, и все-таки въ цѣляхъ шесть лѣтъ онъ не былъ тамъ еще ни разу.

Н. О.

17 селеній, въ которыхъ записывались старины, 11 селеній, съ 23 пѣвцами падаетъ на долю Устьцылемской волости ¹⁰) и 6 селеній съ 9-ю пѣвцами приходится на долю Шустозерской волости ¹¹). Изъ всѣхъ 32 пѣвшихъ мнѣ старины лицъ было 10 женщинъ и 23 мужчины. Почти всѣ стариинщики и стариинщицы—старики, свыше 60 лѣтъ, и только одинъ мужчина и одна женщина—въ возрастѣ 40—45 лѣтъ. Изъ 10 женщинъ грамотная одна, изъ 23 мужчинъ грамотныхъ—два. Одна женщина и 4 мужчины—сыпцы. Составленный мною списокъ стариинщиковъ и стариинщицъ въ обѣихъ волостяхъ не пѣвшихъ мнѣ по разнымъ причинамъ, состоитъ изъ 38 лицъ, проживающихъ въ 24 различныхъ селеніяхъ ¹²).

¹⁰) Селевія Устьцылемской волости суть: 1) Устьцыльма, въ ней стариинщики: Петъ Родионовичъ Поздѣевъ, Иванъ Петровичъ Поздѣевъ, Аксинья Поздѣева, Димитрій Карповичъ Дуркинъ, Игнатій Михаиловичъ Дуркинъ, Григорій Ивановичъ Чупровъ, Алексій Носовъ, Иванъ Рочевъ, Екатерина Торопова, Алексій Васильевичъ Чупровъ. 2) Рощинскій ручей: Игнатій Васильевичъ Тороповъ. 3) дер. Уеть: Анисимъ Федоровичъ Вокуевъ. 4) дер. Верхнєе Бугаево: Василій Шишоловъ. 5) село Среднее Бугаево: Анна Шишолова. 6) Нижн. Бугаево: Иванъ Кисляковъ. По рѣкѣ Пижмѣ. 7) дер. Боровая: Анна Осташева. 8) дер. Аврамовская: Василійavr. Чупровъ. 9) село Замежное: Тарасъ, Анна Поздѣева, Устина Чупрова, Анкудинъ Осташовъ. 10) дер. Чуркина: Федосья Емельяновна Чуркина. 11) дер. Замогильникъ: Афанасій Васильевичъ Кирилловъ.

Н. О.

¹¹) 1) Село Великая Виска: Алексій Васильевичъ Дитятевъ, Николай Шальковъ, Степанъ Безумовъ, Парасковья Дитятева. 2) дер. Цылемецъ: Степанъ Федоровичъ Хабаровъ. 3) дер. Бѣдовая: Павель Марковъ. 4) дер. Устье: Маремьяна Филиппева, 5) село Кую: Парасковья Шевелева и 6) дер. Нарыга: Василій Никоновъ.

Н. О.

¹²) Конечно, и въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ я былъ лично, не всѣ стариинщики были использованы мною, отчасти потому, что я не засталъ ихъ дома, отчасти по другимъ разнымъ причинамъ.

Привожу здѣсь списокъ селеній и лицъ: Въ селѣ Устьцыльмѣ знаютъ старины, но не спрошены мною—Никита Алексѣевичъ Рочевъ (знаетъ Сокольника, Ваську Окулова) и Семенъ Родионовичъ Поздѣевъ (знаетъ Данилка Староильева и Данила сына Борисова). Въ дер. Алексаевѣ: Перфиль. Въ селѣ Замежномъ: Афанасій Макспровъ; въ дер. Аврамовской: Иванъ Петровъ Поздѣевъ; въ дер. Боровской: Тимофей Семеновъ въ Парасковья Проворова (Соловей Будимировичъ). Всѣ эти селенія на р. Пижмѣ, гдѣ такъ обр. нѣть деревни, кромѣ трехъ верхніхъ, гдѣ не знали-бы старины.

Въ селеніяхъ на р. Цыльмѣ старины знаютъ, но мнѣ не удалось ни побывать тамъ, ни записать имена стариинщиковъ.

Въ селеніяхъ на р. Нерицѣ населеніе полурусское, полузырянское, старины знаютъ тамъ мало, хотя мнѣ указывали на начетчика Марка, въ дер. Большой Нерицѣ, знающаго старины. Несомнѣнно одно: на Цыльмѣ и особенно на Нерицѣ старины знаютъ несравненно меньше, чѣмъ на Пижмѣ.

Затѣмъ пойдутъ селевія по Печорѣ въ Устьцылемской волости: въ дер. Полушкиной старины поютъ. Въ дер. Щелиной живетъ стариинщикъ Гавриль Филипповичъ Кисляковъ; въ Верх. Бугаевѣ: Федоръ Алексѣевичъ Кычинъ, родомъ съ Мезени; въ дер. Росвинской: Григорій и Яковъ Макаровичи Кисляковы; въ дер. Ховриной: Корниль Афанасьевичъ; въ дер. Клиновкѣ: Иванъ Ивановичъ Горенка и Василій Ефимовичъ Чупровъ; въ дер. Абрамовской: Афанасій Калиновичъ Дуркинъ; въ дер. Чурвинской: Семенъ Степановичъ Овчинниковъ; выселокъ Крестовскій: Родіонъ Авдѣевъ Поташевъ, родомъ съ Пижмы. Такимъ образомъ въ Устьцылемской волости мнѣ указали 18 человѣкъ, поющихъ старины, которыхъ я не видѣлъ.

III.

Записи былинъ нынѣшняго лѣта я считаю нужнымъ строго раздѣлить на 1) старины Устьцылемской волости и 2) на старины Пустозерской волости, а первыя еще, кромѣ того на старины Пижемскія и Печорскія. Сначала скажу о причинѣ раздѣленія старинъ по волостямъ. Между Устьцылемской и Пустозерской волостями есть разница не только въ говорѣ (хотя обѣ волости твердо окаютъ, цѣкаютъ, не знаютъ мягкаго ? [ѣ]), что сейчасъ-же видно при сравненіи старинъ той и другой волости, но разница есть и въ содержаніи старинъ: однѣ и тѣ-же былины поются въ той и другой волости различно, и это относится иногда къ былинамъ распространеннѣйшимъ, напр. Женитьбѣ Дуная. Кромѣ того, нѣкоторыя былины известны только въ той или другой волости: такъ въ Устьцылемской волости совсѣмъ не знаютъ распространенную—бой Васьки Буслаева съ новгородцами. Не знаютъ еще въ Устьцылемской волости былинъ Пустозерской: Вольгу, Потапа Артемоновича, Идолища и племянницу Владимира, Ивана Горденовича, Кострюка, Горе, небылицу про щуку изъ Бѣлаго озера. Зато и въ Пустозерской волости не поютъ былинъ Устьцылемскихъ: про Давила Староильевича, Дмитрия Бранского, Бутмана Колыбановича, Луку Даниловича, Князя Долгорукаго. Нѣкоторая разница въ содержаніи одинаковыхъ старинъ и незнаніе старинщиками одной волости старинъ другой будуть вполнѣ понятны, если вспомнить, какъ насылались эти двѣ рядомъ лежащія по одной рѣкѣ волости.

Что касается Пустозерской волости, то въ ней указанія мнѣ были сдѣланы на слѣдующія лица: въ дер. Вѣдовой: Афанасій Сидоровичъ Марковъ; Андрей Савичъ Богдановъ; въ дер. Сопѣѣ: Николай Васильевичъ Марковъ; въ дер. Лабазской: Василій Михаиловичъ Тарабарѣвъ; въ с. Великой Вискѣ: Иванъ Ивановичъ Дитятевъ; въ дер. Устьѣ: Авдотья Андреевна и старуха Маремьяна; въ дер. Голубковой: Терентій Григорьевичъ Марковъ; въ селѣ Оксинѣ: Федоръ Алексѣевичъ Сумароковъ; въ селѣ Тельвискѣ Федоръ Ивановичъ Банинъ; въ селѣ Кубѣ: Евлампій Гавриловичъ Логиновъ, Егоръ Васильевичъ Тарасовъ и Аксинья Степановна Шевелева; знаетъ старины: Дюкъ, Кострюкъ, Свято-горь, скору Ильи и Владимира, Ставерь, бой Добрыни и Дунья, Добрыня и змѣя, Добрыня и Маринка, Скопинъ, Садко, Потыкъ, Васька Буслаевъ, Васька Игнатьевъ, Васька Турецкѣй, Василій Казимировъ, сорокъ Калинъ, Илья и Голи, Илья и соловей, Мученія Егорія, Егорій и Александра, голубиная книга. Аксинѣ всего 21 годъ, говорять, это замѣчательная пѣвица. Списокъ старинъ, которыя она знаетъ, полученъ мной отъ матери ея «Пойдовчанки», скверно спѣвшей мнѣ одну старину. У Аксинѣ, по словамъ-же матери, знаетъ старины и братъ, а ся сынъ Яковъ 13 лѣтъ! Особенно славится знаніемъ старинъ въ Пустозерской волости лежащія въ сторонѣ деревни: Большая и Малая Нарыги; въ первой мнѣ указали на: Степана Васильевича Корепанова, Егора Ивановича Корепанова, Василія Федоровича Корепанова и Никифора Васильевича Макарова; въ дер. Малой Нарыги: Артамона Семенова Корепанова и Прокопія Семенова Корепанова. Такимъ образомъ въ Пустозерской волости кромѣ спрошенныхъ мною знаютъ старины еще 19 человѣкъ, а въ той и другой волостяхъ 37 человѣкъ. И можно наявѣрное сказать, что не всѣ старинщики еще попали въ составленный мною списокъ.

Первый засельникъ Устьцылемской волости былъ новгородецъ Ивашка Ластко, съ товарищемъ Власкомъ, основавшій слободу Устьцыльму въ 1542 г. ¹³⁾). Къ первымъ засельникамъ мало по малу стали приходить пришельцы съ Мезени, Пинеги, Кевролы, Двины и др. рѣкъ, гонимые тяготой жизни со старыхъ мѣстъ и искавшие вольности на новинѣ. Все это были, нужно думать, или прямые новгородцы или потомки ихъ, изъ только что отошедшей къ Москвѣ Двинской земли. Важно для насъ то, что все населеніе слободки было, повидимому, изъ представителей чистой «земли», т. е. землемѣрческаго сословія,—крестьянъ.

Совершенно не то мы видимъ въ Пустозерской волости. Такъ сказать, за-вязью волости былъ Пустозерскій военный острогъ. «Острогъ былъ устроенъ въ 1499 году князьями Курбскимъ, Ушатовымъ, Заболоцкимъ, для сбора ясака съ восточныхъ самоѣдовъ» ¹⁴⁾). Слѣдовательно волость Пустозерская заселилась служилыми людьми Московскаго государства, прямymi потомками которыхъ и являются нынѣшніе пустозеры. Первые русскіе засельники волости были военные люди: «здѣсь имѣли мѣстопребываніе воеводы» ¹⁵⁾.

Затѣмъ, «городокъ (Пустозерскъ) со временемъ самой отдаленной старины русской, служилъ мѣстомъ ссылки многимъ боярскимъ фамиліямъ, павшимъ подъ царскую опалу» ¹⁶⁾). Изъ лицъ опальныхъ, кроме многихъ безвѣстныхъ въ исторіи, бывали лица съ крупными историческими именами: не считая протопопа Аввакума, сгорѣвшаго здѣсь со своими товарищами на кострѣ за свою идею, въ Пустозерскѣ сѣмь лѣтъ (съ 1676—1682) выжилъ бояринъ Артамонъ Матвѣевъ, двадцать лѣтъ прожилъ (съ 1691 по 1710 г.) князь Василій Васильевичъ Голицынъ; въ началѣ же 18 вѣка жилъ здѣсь князь Семенъ Щербатовъ. Эти опальные лица пріѣзжали сюда не безъ провожатыхъ и не безъ челяди; такъ бояринъ Матвѣевъ жилъ здѣсь съ сыномъ Андреемъ, а при нихъ были: учитель сына, священникъ и 30 человѣкъ слугъ. Вотъ какимъ пришлии элементомъ пополнились быстро вымиравшіе въ суровомъ краю первыя русскіе посельники. И вѣтъ бы они, первыя засельники, безусловно вымерли, если бы, смѣшиваясь съ самоѣдами и зырянами ¹⁷⁾), не приспособились такимъ образомъ къ суровому краю и не образовали въ теченіе времени какъ бы особаго пустозерскаго типа послѣ чего они и окрѣпли, стали плодиться и разселяться по волости. Конечно инородцы, входившіе въ родственныя кровныя связи съ русскими, не могли не подпасть подъ полное ихъ культурное и религіозное вліяніе и въ совершенствѣ усваивали языкъ, религію, обычаи и преданія, но и русскіе, обильною волною воспринявшіе инородческую кровь, не могли, сохранивъ свой духовный обликъ, не попортить свой внѣшній типъ, внесеніемъ въ него инородческихъ чертъ. Выхватите изъ толпы пустозеровъ и устьцылемовъ по одному рядовому

¹³⁾ С. Максимовъ. «Годъ на сѣверѣ», т. 2 стр. 23—24.

¹⁴⁾ «Геогр. Стат. словарь Рос. Имп.» т. IV стр. 248—249. П. П. Семенова.

¹⁵⁾ П. П. Семеновъ. Геогр. словарь.

¹⁶⁾ С. Максимовъ: «Годъ на сѣверѣ», т. 2, стр. 59.

¹⁷⁾ До сихъ поръ указываютъ на кр-нъ Дитятевыхъ и Безумовыхъ, какъ произошедшіе отъ чуди.

и сразу-же бросится въ глаза большая разница; устьцылемъ вообще выше средняго роста, строенъ, силенъ, бѣлобуръ, непремѣнно съ голубыми глазами, обладаетъ громкимъ голосомъ, подвиженъ, весель, словоохотливъ, добродушенъ; пустозерь всегда ниже средняго или низкаго росту, черноволосъ, смуглъ, глаза непремѣнно черные, съ какимъ-то особенно лаковымъ не глубокимъ блескомъ, какой вы часто увидите и у самоѣдовъ. Пустозерь говорить тихимъ голосомъ, не откровененъ, себѣ на умѣ, склоненъ къ низкопоенству и лести.

И вотъ «земля» одной волости и «служилое сословіе» другой не могли не отразиться въ былинахъ обѣихъ волостей. Устьцылемъ поеть старину увѣренный, что все, что въ ней изложено, было. Но потомокъ новгородцевъ—онъ не отличаетъ одного царя отъ другого, а въ сущности не ясно представляеть себѣ эту власть. Идеалы его въ былинахъ не государственные и политические а чисто нравственные, общечеловѣческие. Совсѣмъ не то пустозерь. Онъ твердо знаетъ, что значитъ царь, и не спутаетъ его ни съ кѣмъ. Пустозерь не запутается и въ хронологіи: не споеть, напр., что, положимъ, Еострюкъ былъ въ Киевѣ у Владимира, или что Васька Буслаевъ жилъ въ Москвѣ. Передъ былиной онъ разскажетъ преданіе и послѣ еще что нибудь дополнить и объяснить. Его очень интересуетъ судьба государства, царей, политическое положеніе дѣлъ и старины изъ цикла историческихъ пѣсень онъ особенно знаетъ и любить, а своеольный Васька Буслаевъ едва ли пользуется его сочувствіемъ. Устьцылемъ—раскольникъ, весь ушедший въ религию или точнѣе въ мелкое исполненіе ея обрядовыхъ предначертаній, совсѣмъ не знаетъ даже мѣстную исторію раскола, остается какъ то безучастенъ къ ней. Но мнѣ попадались старинщики пустозеры, напр., Павель Марковъ изъ Бѣдовой или Василій Никоновъ изъ Нарыги, которые разказывали объ Иванѣ Грозномъ такъ, какъ будто это было всего лѣтъ 30 назадъ, на ихъ памяти ¹⁸⁾).

18) Выше я говорилъ предположительно, что предки нынѣшихъ пустозеровъ—московские служилые люди, смѣшившіеся впослѣдствіи съ мѣстными инородцами. Мой старинщикъ изъ Бѣдовой Павель Марковъ упорно передавалъ мнѣ мѣстное преданіе, что пустозеры—новгородцы, бѣжавшіе изъ Великаго Новгорода во время извѣстныхъ казней Ивана Грознаго. Марковъ отрицалъ даже, что его родная деревня Бѣдовая—выселокъ изъ Пустозерскаго острога. Онъ утверждалъ, что Бѣдовая, да и нѣкоторыя другія деревни заселились непосредственно выходцами изъ Россіи. Для подтвержденія его разсказа имѣтъ даныхъ: противорѣчить ему и название всѣхъ жителей Пустозерской волости—пустозерами что значитъ, что всѣ они вышли когда то изъ городка Пустозерска. Совершенно также всѣ жители устьцылемской волости называются—устьцылемами, и уже навѣрно извѣстно, что всѣ они дѣйствительно потомки устьцылемовъ. Но Павель Марковъ не придумалъ мнѣ легенду. Она записана Озерцковскимъ: «Жители сей волости (Пустозерской), по объявленію ихъ, происходить отъ чуди и изъ новгородцевъ, поселившихся, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ». («Путешеств. акад. И. Лепешинна» Т. IV стр. 277). О новгородскомъ происхожденіи пустозеровъ говорить и В. Н. Латкинъ въ своемъ «Дневникѣ путешествія по Печорѣ: «заселеніе здѣсь началось позже (12 вѣка) и, вѣроятно, тоже выходцами изъ Новгорода; сюда шли селиться... по выгодности промысловъ и для мѣны съ кочевыми народами; или оставляли берега родного Волхова во время разгрома новгородскаго» (стр. 59)... «У пустозеровъ передается преданіе, что они потомки выходцевъ изъ Новгорода; и дѣйствительно, эти люди сохранили типъ сѣверныхъ славянъ: ихъ обычай и ломашній бытъ

Выше я говорилъ, что старины Устьцылемской волости можно еще подраздѣлить на старины жителей, живущихъ въ селеніяхъ по рѣкѣ Нижнѣй и на старины припечорскихъ селеній. Между тѣми и другими старинами нѣтъ разницы въ ихъ содержаніи, и только одного Бутмана Колыбановича, котораго почему то особенно любятъ пижемцы, не знаютъ припечорцы. Разница между старинами той и другой мѣстности, во первыхъ, въ напѣвахъ, во вторыхъ — немного въ говорѣ. Разница въ напѣвахъ между пижемцами и остальными устьцылемами (т. е. жителями всей волости) да пожалуй, и вѣсмъ русскими печорцами — громадна. Дѣло въ томъ, что на Нижнѣй цѣлыхъ 114 лѣтъ ¹⁰⁾ существовалъ раскольничій Великоположенскій скитъ. Скитъ этотъ почти сто лѣтъ былъ единственнымъ просвѣтительнымъ мѣстомъ на Печорѣ, и въ немъ не только учили грамотѣ и получали полемическія познанія раскольники, но тутъ же учились они и пѣть для нуждъ богослуженія, которымъ въ скиту свершались благоіѣпно. Теперь даже, 58 лѣтъ спустя послѣ закрытія скита, деревни Скитская и Замогильникъ, образовавшіяся на мѣстѣ упраздненного скита, известны своимъ пѣніемъ, которое тамъ по традиціи передается отъ отцовъ и дѣдовъ. Лучшіе раскольнички пѣвцы и справщики службъ на Печорѣ и теперь живутъ въ Замогильникѣ и Скитской; — лучшіе чѣмъ гдѣ либо на Печорѣ пѣвцы живутъ не только въ этихъ двухъ образовавшихся на мѣстѣ скита деревушкахъ, а и по всей Нижнѣй, по вѣсмъ ея деревнямъ. Если Нижнѣя и теперь несетъ славу центра печорского раскола (на ста верстахъ живутъ 5 наставниковъ, одинъ изъ которыхъ, древній старецъ — исповѣдникъ чуть ли не всей волости, а другойѣѣзди съ требами въ предѣлы Вологодской губерніи), то пижемскія дѣвицы слытутъ лучшими пѣвцами на всей Печорѣ. Онѣ такъ хорошо поютъ въ сравненіи со вѣсмъ остальными печорками, что какъ только пижемки приѣзжаютъ во время ярмарки въ Устьцыльму и являются на горкѣ, устьцылемки отходятъ прочь, уступая имъ первенство въ умѣніи пѣть пѣсни.

Удивительно чистыми пріятными голосами, но какими то особенными, скорѣе пѣсеннными мотивами поютъ пижемцы, все равно и старики и молодые, — былины, которыхъ пижемцы знаютъ больше, чѣмъ гдѣ либо на Печорѣ, и почти въ каждой деревнѣ.

Разница въ говорѣ между пижемцами и остальными устьцылемами и припечорцами зависить, вѣроятно, отъ того, что пижемцы на половину, если не

рѣзко отличаются ихъ отъ типа и обычаявъ сопѣднихъ Устьцылемцевъ и Ижемцевъ; и не трудно замѣтить путешественнику, что послѣдніе не родные имъ по отчизнѣ (стр. 60). Послѣднимъ своимъ замѣчаніемъ г. Латкинъ, конечно, разрушаетъ все то, что онъ воздвигъ для доказательства, что пустозеры-новгородцы, такъ какъ ^{уже вѣдь всякихъ} сомнѣній, что Устьцылемцы-то именно и есть новгородцы и если они ^{рѣзко отличаются} по типу другъ отъ друга, то... Нельзя также никакъ сближать Устьцылемцевъ и Ижемцевъ, такъ какъ послѣдніе зыряне, хотя, вѣроятно, и безъ сильной струи русской крови.

Н. О.

¹⁰⁾ Основанъ приблизительно въ 1730 г. выходцами съ Мезени, въ 1744 г. спорѣль по возобновлѣнія святъ и закрытъ начальствомъ въ 1844 г. «Живая Старина» 1901 г. № 12. Н. Ончукова: «О расколѣ на низовой Печорѣ». стр. 441.

больше, мезенцы родомъ, не столь отдаленного выхода. Рѣчь ихъ совсѣмъ не чѣвуча, какъ у устьцылемовъ, въ ней меньше цѣканья, она больше литературна, и это послѣднее можетъ быть потому, что обладательница просвѣщенаго скита—Пижма не мало приносить въ свою рѣчь оть книгъ.

Выше было сказано, что Пустозерская волость не знаетъ нѣкоторыхъ старинъ Устьцылемской волости и наоборотъ. Является вопросъ: неужели за время четырехъ столѣтій двѣ съ русскимъ населеніемъ рядомъ лежащія волости не могли обмѣняться старинами? Но, во первыхъ, мы не знаемъ—когда старины пошли на Печору, а во вторыхъ, дѣйствительно двѣ сосѣднія волости мало сносились между собою, и на это были особенные причины. Во первыхъ, обѣ волости только въ послѣднее время, какихъ нибудь 40 лѣтъ, т. е. тогда, когда уже былинный эпосъ сталъ падать на Печорѣ—стали почти прикасаться другъ къ другу селеніями, раньше-же они были довольно далеки другъ отъ друга ²⁰), а такъ какъ сотни двѣ верстъ разстоянія приходилось по такой большой и неспокойной рѣкѣ, какъ Печора, то ничего нѣть удивительнаго, что сношения были и не часты. Но главная причина незначительныхъ сношений между пустозерами и устьцылемами была также, что и между послѣдними и ижемцами-зырянами, о чёмъ уже было говорено выше. Причина эта была вражда изъ-за рыбныхъ угодий на Печорѣ. Въ 1856 году старикъ, бесѣдовавшій съ С. В. Максимовыемъ, такъ говорилъ ему... «И теперь дѣло съ пустозерами не можемъ рѣшить: загребли Печорушку всю, почесть; выселки свои понадѣлали у насъ чуть не подъ самыми носомъ. Тако дѣло!..» ²¹). О томъ-же говорить и г. Истоминъ... «граница между двумя сосѣдними волостями (Пустозерской и Устьцылемской) до сихъ поръ точно не установлена: размежеваніе не произведено, и эта неопредѣленность вызываетъ большія недоразумѣнія. Столкнувшись на какомъ-нибудь угодья и устьцылемы и пустозеры убѣжденno считаютъ его своей территоріей; поднимается споръ, который и рѣшается въ пользу сильнаго, нерѣдко послѣ жестокой драки» ²²). мнѣ лично самый старый въ Устьцыльмѣ человѣкъ Лазарь долго и много рассказывалъ нынче, какъ онъ лѣтъ сорокъ тому назадъ ходилъ выборнымъ, чтобы хлопотать передъ прѣѣхавшимъ на Печору «землемѣромъ» о выгодахъ своего общества. Устьцылемы дѣйствовали навѣрняка: собрали денегъ съ каждого домохозяина и вручили ихъ Лазарю на взятки «землемѣру». Но пустозеры были богаче устьцылемовъ, и деньгами нельзѧ было пичего сдѣлать. Тогда дальновидный Лазарь познакомился «съ супругой землемѣра» и подарилъ ей какую-то особенно дорогую и диковинную шаль. Успѣхъ былъ полный, и

²⁰) Озерецковскій въ 1772 г. говорить: «Домовъ въ самой Устьцыльмѣ 120, да въ приписанныхъ къ ней четырехъ деревняхъ—20». «Путешествіе академика Ивана Лепечихина». Т. IV, стр. 280. Конечно, всѣ четыре деревни Устьцыл. волости были вблизи слободки Устьцыльмы, никакъ не больше 20 верстъ, если не меньше, слѣдовательно, до первого селенія пустозерской волости, Великой Виски, въ концѣ 18 вѣка было отъ Устьцылемской волости 200 верстъ.

Н. О.

²¹) «Годъ на сѣверѣ», т. 2, стр. 36—37.

²²) Ф. М. Истоминъ. «Предв. Отчетъ о поѣздкѣ въ Печорскій край». стр. 17.

дѣло выиграли устьцлемы. Послѣ торжества одной волости надъ другой взаимные столкновенія, конечно, не прекратились, и до сихъ поръ еще устьцлемы и пустозеры не особенно-то дружатъ. До сихъ поръ на тоняхъ рѣдко вмѣстѣ ловятъ семгу пустозеры и устьцлемы, а встрѣчаясь, часто ссорятся, а то и дерутся.

Теперь можно затронуть вопросъ: какъ попали старины на Печору? Если считать былины-старины произведениемъ профессиональныхъ пѣвцовъ древней Руси—скомороховъ и отчасти каликъ, то сѣды ихъ найдутся и въ печорскихъ старинахъ, о чёмъ ниже. Но, конечно, въ высшей степени трудно даже и предположить, чтобы калики и особенно скоморохи пробирались въ такую глушь и дичь, какъ Печора. Другое дѣло, если произведенія, перенятыя отъ нихъ, заносились на Печору посредственno. Выше было уже говорено, что Пустозерскъ издавна служилъ мѣстомъ ссылки боярамъ, иногда знатнымъ, иногда даже временщикамъ, и что они жили на Печорѣ не безъ своихъ людей. Что же удивительного, что изъ 30 человѣкъ челяди, жившей въ Пустозерскѣ съ бояриномъ Артамономъ Матвѣевымъ, было нѣсколько знатоковъ старинъ. Можно допустить даже, что Матвѣевъ, отправляясь въ ссылку, нарочно взялъ съ собой побольше людей, могущихъ утѣшить и развеселить его въ суповой «странѣ льда и ночи». То же можно сказать и про Годицына и про Щербатова и прочихъ неизвѣстныхъ невольныхъ жителей Москвы въ Пустозерскѣ. Челядь, знавшая старины, могла быть и у воеводъ пустозерскихъ, у надсмотрщиковъ за ссылными и другихъ служилыхъ людей такъ или иначе имѣвшихъ дѣло съ Пустозерскомъ. Былъ и еще путь, по которому старины могли очень легко переходить на Печору, и трудно решить, которому изъ нихъ отдать предпочтеніе. Этотъ второй путь—торговая сношенія съ Пустозерскомъ. Озерецковскій говорить въ 1772 году: «Для покупки мягкой рухляди бывають въ Пустозерскѣ изъ разныхъ городовъ купцы, а больше изъ Архангельска, Холмогоръ, Пинеги и Мезени, также съ Вологды, а временемъ изъ Москвы. Они прѣѣзжаютъ туда обыкновенно въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ, а отѣзжаютъ передъ Рождествомъ»²³⁾. Такимъ образомъ по два мѣсяца живали здѣсь архангельскіе, вологодскіе и московскіе купцы, и все это время, конечно, уже не такъ были завалены дѣломъ, чтобы не оставалось времени и для забавы—для пѣнія и слушанія старинъ. В. Н. Латкинъ свидѣтельствуетъ, что «по сохранившемуся списку съ указа данного Пустозерской воеводской канцеляріи видно, что въ 1574 году въ здѣшний край (въ пустозерскую волость) приходили Двиняпе, Устюжане и Пинежане промышлять моржей и окуль»²⁴⁾... Приходя сюда, они не могли не сталкиваться съ Пустозерами и могли передавать имъ старины. Наконецъ, сами Пустозеры прежде производили дѣятельную торговлю съ Березовыми на Оби²⁵⁾. А въ Сибири тоже знаютъ старины.

²³⁾ «Путешествие академика Ивана Лепскаго». Т. IV, стр. 277.

²⁴⁾ «Дневникъ Путеш. по Печорѣ», стр. 37, ч. II.

²⁵⁾ Тамъ же, стр. 58.

Вогъ пути, по которымъ могли попадать старины въ Пустозерскую волость.

Но если устьцылемы жили во враждѣ съ пустозерами и не отъ нихъ заимствовали свои старины, то откуда? Тотъ-же Н. Озерецковскій на свой вопросъ: «прѣѣжаютъ-ли въ Устьцыльму иногородцы за мягкою рухлядью и изъ которыхъ мѣсть?» отвѣтъ: «Въ Устьцыльму прѣѣжаютъ все тѣ же, какіе и въ Пустозерскъ»²⁶⁾). Но тогда почему устьцылемы переняли не всѣ старины, какія переняли пустозеры и наоборотъ. Въ отвѣтъ на это можно предположить, что въ выборѣ старины отъ заѣзжихъ купцовъ у жителей той и другой волости руководило чувство симпатіи къ тому или иному герою старины и чувство вкуса, такъ что непоправившійся, напр., «Кострюкъ» устьцылемами и не запоминался. Но вѣроятнѣе всего, что устьцылемы, заимствовали свои старины не этимъ путемъ. Дѣло въ томъ, что устьцылемы кромѣ продажи продуктовъ своего промысла прѣѣждали купцамъ, сами вели еще торговлю съ городомъ Пинегой и съ зырянскимъ краемъ на р. Вашкѣ, Вологодской губерніи, где они также могли встрѣчаться съ русскими изъ другихъ городовъ. Торговля эта была бѣлой рыбой, которую устьцылемы добывали осеню на озерахъ и въ замороженномъ видѣ цѣлыми обозами отправляли на Никольскую ярмарку въ Пинегу и зырянскій край. Дорога въ городъ Пинегу шла 150—200 верстъ по мезенскимъ селеніямъ, а мезенцы—извѣстные старищники. Кромѣ того, сами мезенцы-раскольники, переселившись въ 1730 году на Печору, могли занести старины на Печору. Была и еще возможность занесенія старины въ Устьцылемскую волость: Великопоженскій скитъ, какъ одинъ изъ столповъ древняго благочестія, за 100 слишкомъ лѣтъ своей жизни не переставалъ, сносился съ другими центрами раскола. Особенно часты и обильны были сношения Пижмы съ знаменитыми Выгорецкими скитами²⁷⁾), находящимися въ Олонецкой губерніи, которую В. Ф. Миллеръ не даромъ назвалъ «Исландіей русскаго эпоса».

Выше было сказано о слѣдахъ профессиональныхъ пѣвцовъ въ пещерскихъ старинахъ. Ихъ очень не много. Старинщикъ изъ Устьцыльмы Петръ Поздѣевъ три изъ 11-ти спѣтыхъ мнѣ старинь (Илья и Угарище, Чурило и невѣрная жена и Васька Окуловъ) оканчивалъ такъ:

Кабы бросиль тулово во чисто поле,
Тамъ чернымъ-то воронамъ на воскурканье,
Онъ сѣрымъ-то волкомъ на востарзаніе,
Тамъ какъ синему морю на утишенье,
Кабы всѣмъ намъ молодцамъ на послуханье,
Кабы старымъ старухамъ да на долгой вѣкъ.

²⁶⁾ Тамъ-же стр. 281.

²⁷⁾ Въ дер. Скитской я нашелъ портреты двухъ выгорецкихъ столповъ благочестія: «Симеона Діонисьевича» (Денисова) и «Петра Прокопьевича»; нашелъ списки посланія витеватаго поморскаго характера, обрывки рукописей поморскаго письма и видѣлъ одинъ пѣвческій октоикъ замѣчательной работы, съ раздѣланнымъ красками и золотомъ первымъ листомъ.

Если все вышеприведенное и. б. показываетъ на пріемъ кончать такъ подхоядящія старины професіональными пѣвцами,—такимъ образомъ даютъ они понять слушателямъ объ концѣ старины,—то послѣдній стихъ не говоритъ-ли, что пѣвцы эти, по крайней мѣрѣ, на Печорѣ, были старухи, при окончаніи своей работы полуушутливо желающія себѣ долгой жизни. Иначе не понятно—почему только однѣмъ старухамъ слѣдуетъ это пожеланіе. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, пѣвцы, какъ-бы обращаясь къ слушателямъ, называютъ ихъ «братцами», что вѣроятно слѣдъ уже чисто мѣстный.

Переходя затѣмъ къ вопросу о томъ, какъ сохранялись и передавались былины на Печорѣ можно уже, выйдя изъ области гаданій, съ большою вѣроятностью утверждать слѣдующее. Конечно, на Печорѣ не было професіональныхъ пѣвцовъ мѣстныхъ, такъ же совершенно, какъ ихъ не было и на всемъ Сѣверѣ, т. е. не было лицъ, пѣніемъ старины снискавшихъ себѣ пропитаніе. И это потому главнымъ образомъ, что на Печорѣ и особенно въ Усть-цилемской волости, чисто крестьянской, вообще не было какихъ нибудь сословныхъ различій, исключая развѣ нѣкоторыхъ имущественныхъ—тамъ всѣ равны. Страшная глушь Печоры, ея отрѣзанность ото всей остальной Россіи и расколъ служили главными причинами, что старины до сихъ поръ удерживались на Печорѣ. Заброшенная въ суровомъ климатѣ за полярнымъ кругомъ, недалеко отъ Ледовитаго океана, совершенно въ сторонѣ отъ всего боя жизни всей остальной Россіи, Печора до самаго послѣдняго времени жила укладомъ жизни и духовными интересами, по крайней мѣрѣ, конца 17-го вѣка. Въ области религіозной пытливость печорцевъ не простиралась дальше споровъ между собой и съ миссіонерами о мелкой обрядности, о буквѣ св. писанія; огромное движеніе народныхъ массъ въ Россіи въ религіозной области въ сторону рапіонализма совсѣмъ не коснулось печорцевъ, осталось для нихъ непонятнымъ и чуждымъ²⁸⁾). Даже въ костюмахъ Печора сохранила парчевые боярскіе наряды, въ центрѣ Россіи хранящіеся только въ музеяхъ. И въ области духа—въ поэзіи, въ пѣніи Печора оставалась вѣрна своимъ, застывшимъ во всемъ остальномъ, формахъ, и пробавлялась Богъ вѣсть когда сложенной былиной, невольно приспособляя ее къ мѣстнымъ условіямъ и, по своему, многое въ ней понимая.

Конечно, печорецъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ даже не задается вопросомъ—правда-ли все то, о чёмъ поется въ старинахъ? Для большинства все удивительное и необыкновенное въ старинахъ то же, что для насть газеты, также доставляющія всю суть необыкновенного и важнаго, совершающагося въ мірѣ. Да и безъ вѣры въ чудесное, необыкновенное, о чёмъ рассказываютъ старины, старины, конечно, потеряли-бы всякий интересъ и, конечно, давно забылись-бы. Нужно только видѣть, съ какимъ живымъ одушевленіемъ и вни-

²⁸⁾ Мне завѣдомо известно, что на Верхнюю Печору, въ Чердынскій уѣздъ, Пермск. губ., проникали въ качествѣ рабочихъ на заводъ Бердыши не то штундисты, не то баптисты. Но ихъ не поняли, и они не имѣли успѣха. Про ученіе ихъ одинъ раскольникъ рассказывалъ мнѣ, какъ о крайней степени нравственного паденія, чутъ не безумія. Н. О.

манемъ слушаютъ печорцы старины, подчеркиваютъ особенно нравящіяся имъ мѣста, объясняютъ по своему темыя или совсѣмъ непонятныя; опять приходится сравнить съ газетами, жадно прочитываемыми по утрамъ нами. Чудесное въ былинахъ для печорца совсѣмъ, впрочемъ, и не представляется чѣмъ-то особеннымъ. Этимъ чудеснымъ полна его дѣйствительная жизнь—міръ, его окружающій полонъ чудесъ и необыкновенностей: въ рѣкахъ и особенно озерахъ обитаютъ водяные, въ лѣсу—лѣшие, въ собственномъ дому, за печкой хозяйствуетъ домовой, вокругъ—оборотни, вѣдьмы, шишкѣ, колдуны, которые—разсердилихъ—и нынче обратить въ гибкого тура.

Въ Страстной Четвергъ печорцы гоняютъ плащами и палками верхомъ на лошадяхъ шишковъ, которые въ послѣднее время совсѣмъ въявѣ начинаютъ дѣйствовать передъ всѣми: кто-же, какъ не шишкѣ, сидѣть подъ палубой парохода, двигаетъ рычагами стальной машины и заставляетъ пароходъ идти вверхъ по Печорѣ, да еще тащить за собой десятокъ баржъ съ грузомъ? Кто, какъ не шишкѣ, со скоростью вѣтра переносить вѣсти по телеграфу или, наконецъ, кто-же иной еще запрятанъ въ маленький ящикъ и выкрикиваетъ и завываетъ разныя несуразицы въ мѣдную трубу, съ шипомъ и свистомъ. Міръ, окружающій печорца, теперь нисколько не менѣе чудесенъ, чѣмъ прежде, міръ былинный. И то, что на первый взглядъ казалось-бы чудомъ, совсѣмъ и не чудо, Напр., кажется невозможно узнать, чтоѣ уготовано человѣку на томъ свѣтѣ. Но при знаніи и это возможно узнать и совсѣмъ ужъ не такъ трудно. Упорно говорили нынче при мнѣ слѣдующее: у мѣстнаго богача умеръ единственный сынъ. Родители страшно его жалѣли, много плакали, молились, подавали милостыни, заказывали сорокусты и пр. И вотъ, чтобы узнать, угодили-ли ихъ молитвы Богу, и уготовано-ли мѣсто ихъ сыну, черезъ 40 дней раскопали могилу и смотрѣли: тѣло все еще не побѣлѣло, значить молитвъ, и милостыни было мало. И стали снова упорно молиться. Что-же удивительного, что при всѣхъ этихъ условіяхъ Печора совершенно не утратила вкуса ко всѣмъ произведеніямъ старой поэзіи и письменности, а новой, пожалуй, она и не пойметъ. Какъ, видя телеграфные столбы, поставленные въ послѣднее время по Печорѣ, между Устьцѣльмой и Архангельскомъ, и слыша о порожающей умъ печорца быстротѣ передаваемыхъ извѣстій, раскольникъ попрежнему объясняетъ это нечѣмъ ишьмъ какъ дѣйствіемъ шишкѣ (чорта), съ быстротой молнии нереносящаго извѣстіи по дырачкамъ внутри соединяющихъ телеграфные столбы проволокъ, такъ точно отѣзжая на пашню раскольникъ по прежнему береть съ собой прологъ, повѣсть о новгородцѣ Щилѣ, «повѣсть объ іерѣѣ содѣявшемъ тажкій грѣхъ съ дѣвицею, бѣжавшемъ въ Казань и поступившемъ въ татарскую вѣру». Такой литературой печорецъ совершенно удовлетворяетъ свою пытливость и свои духовные запросы. По этому же самому печорецъ до сихъ поръ поетъ и былины, благо для усвоенія сотенъ и тысячъ стиховъ есть благопріятныя условія, это— большой досугъ, являющійся не какъ лѣнъ или какъ отсутствіе работы, а большой досугъ даже на самомъ важномъ дѣлѣ.

Этот досугъ на работѣ невольно является, напр., у устьцылемовъ на рыбной ловлѣ, производимой два раза въ годъ, лѣтомъ и осенью, причемъ оба раза ловля значительно разнится, а въ зависимости отъ этого разнится и досугъ. Лѣтомъ устьцылемы ловятъ семгу, для чего хозяевъ по 20 по 30 и даже больше скопляются на особыхъ мѣстахъ Печоры, «тоняхъ», гдѣ идеть вверхъ по рекѣ рыба. Ловятъ семгу большими неводомъ, причемъ закидываются, соблюдая строго очередь, и если ловъ происходит на хорошей тонѣ, и собралось положимъ до 50 хозяевъ, то каждый ловецъ, закинувъ неводъ разъ, слѣдующей очереди долженъ ждать, когда закинуть остальные слѣдующіе за ними 49 человѣкъ. Такимъ образомъ получается большой промежутокъ совершенно свободного времени, и этотъ невольный досугъ у каждого домохозяина тѣмъ больше, чѣмъ больше на тони народу. Вотъ въ это то свободное время, достигающее иногда полусутокъ, а иногда даже и больше, и поются старины. Но ловля лѣтомъ семги слишкомъ важное дѣло: отъ величины улова зависитъ весь годъ жизни устьцылема. Время лова семги поэтому горячее, напряженное, первое, часто сопровождающееся ссорами, дрягами, иногда даже драками изъ-за очереди; часто тутъ не до стариинъ. Особенно не до стариинъ тогда, когда ловля происходитъ на неважной тони, и гдѣ, съдовательно, ловить немного народу, иногда такъ немного, что свободного времени чуть чуть хватаетъ на отдыхъ.— Совершенно другой характеръ носить ловля рыбы осенью, на такъ называемыхъ осеновьяхъ. Осеновья— это ловля бѣлой рыбы осенью или вначалѣ зими на озерахъ. На осеновья уѣзжаютъ обыкновенно артелями въ 6—7—10 человѣкъ. Уѣзжаютъ съ запасами провизіи за много верстъ отъ двора, за 100—150 и больше, гдѣ и проводятъ осеннюю распуту, а по первому снѣгу возвращаются домой. День на Печорѣ осенью и особенно зимой очень коротокъ и, проработавъ часовъ 5—6, при наступившей темнотѣ всѣ принуждены на невольный отдыхъ. Работы кончаются въ 5, въ 4 часа дня, а спать еще рано, разговаривать не о чѣмъ, дѣлиться не чѣмъ; всѣ знаютъ о каждомъ порознь всю подноготную. Вотъ тутъ то и выступаютъ на сцену сказочники и стариинщики, которыхъ, говорили мнѣ, нарочно старается, всѣми мѣрами заучить въ артель составляющей ее староста. Въ хорошемъ стариинщикѣ на осеновѣя такая потребность, что стариинщики пользуются нѣкоторыми преимуществами въ совершенно равноправной артели, гдѣ и староста, хлопотами котораго артель собирается, а иногда и держится, имѣть только нравственное, а не материальное преимущество, стариинщики же въ артели, повторяю, пользуются и послѣднимъ. Стариинщику, напр., не поручаются особенно трудную часть работы, и они дѣлаютъ въ артели то, чтобъ обыкновенно исполняютъ малолѣтніе и подростки, если таковые есть въ артели, пользующіеся однако совершенно одинаковымъ паемъ съ остальными членами артели; при раздѣлѣ добычи стариинщику, особенно угодившему своимъ стараніями артели, возможно, что дается и до нѣкоторой степени лучшая часть добычи; обѣ частыхъ, угощеннѣахъ стариинщиковъ особенными любителями стариинъ въ артели я уже не говорю: стариин-

щика возможно чаще стараются угостить алабышами—(особаго рода блины), а алабыши старинщику, не въ примѣръ прочимъ, особенно жирно мажутъ масломъ, чтобы голосъ былъ звонче и катился маслянѣе, а старинщикъ охотнѣе и лучше пѣть старины.

Къ этому можно добавить, что и вообще старинщики пользуются на Ильинской Печорѣ уваженiemъ среди сельчанъ; ихъ считаютъ особенно развитыми, надѣленными какой то особенной способностью, даромъ, которымъ, пожалуй, можно и гордиться, и фраза: «О, онъ сказитель!» служить большой похвалой. И только молодожникъ въ большихъ центрахъ, напр., въ Устьцыльмѣ, похожей больше на городъ, относится иногда какъ бы скептически къ старинщикамъ. Но скептицизмъ этотъ въ данномъ случаѣ особенный, не искренний, и зависить, во 1-хъ, просто отъ свойства русского человѣка надѣяться слегка посмѣяться, особенно когда дѣло происходитъ въ компаніи, а во 2-хъ, тутъ, пожалуй, сказывается зависть, зависть къ заработку и угощеніямъ, которые получали отъ меня старинщики за свою работу, а также зависть и къ исключительному вниманію къ старинщикамъ пріѣхавшаго изъ Петербурга человѣка. Что вѣсколько настыливо отношеніе къ старинщикамъ отъ молодожника не искренне даже и въ Устьцыльмѣ, видно хотя бы изъ того уже, что въ той же Устьцыльмѣ мнѣ предлагали пѣть старины два молодыхъ парня, желая заработать на «половинчика». Вездѣ по другимъ всѣмъ мѣстамъ Печоры къ старинщикамъ относятся съ большими почтеніемъ, ихъ знаетъ непремѣнно каждый въ своемъ селеніи, а иногда слава ихъ гремитъ на всю Печору, напр. имя Ивана Ивановича Горенки, известно положительно всей Печорѣ. Правда эта слава не всегда совпадаетъ съ дѣйствительною цѣнностью старинщика, и мнѣ не разъ приходилось разочаровываться въ старинщикахъ, о которыхъ наговорено было слишкомъ уже много. Но какъ бы то ни было, подъѣзжая зимой по тайболѣ къ Устьцыльмѣ я еще за три станціи отъ нея занесъ въ записную книжку имена нѣсколькихъ известныхъ старинщиковъ, а въ томъ числѣ и И. И. Горенку, хотя деревня, гдѣ онъ живетъ, была отъ станціи по крайней мѣрѣ въ 250 верстахъ. Нечего и говорить, конечно, что стоять пріѣхать даже въ такое огромное село какъ Устьцыльма, какъ почти первый встрѣченный разскажетъ вамъ, кто поетъ въ селѣ старины. Поэтому мнѣ мало понятно — какимъ образомъ прежніе путешественники на Печору ничего не слыхали о старинахъ. Если путешественники позапрошлаго столѣтія академики Лепехинъ и Озерецковскій и путешественникъ 40 годовъ 19 вѣка В. Н. Латкинъ, какъ єздившій на Печору не съ этнографическими цѣлями, могли еще не спросить про старины, то ужъ совсѣмъ не понятно какимъ образомъ о старинахъ не слыхали этнографы — С. В. Максимовъ и О. М. Истоминъ, и особенно послѣдній, даже сознательно интересовавшійся былинами на Печорѣ²⁹⁾). Неуспѣхъ г. Истомина можно

²⁹⁾ «Однимъ изъ крайне интересовавшихъ меня вопросовъ въ нынѣшнюю поѣздку, былъ вопросъ о былинахъ. Названныхъ въ прошломъ году знатоковъ я вторично не засталъ дома, а разспросы мои о старинахъ, которыхъ они знаютъ убѣдили меня, что это

объяснить разъѣ только, такъ сказать, методомъ его поѣздокъ: «желаніе ознакомиться съ возможно большимъ числомъ населенныхъ пунктовъ,—писалъ онъ,—вынуждало меня почти все время тратить на разъѣзы... Болѣе или менѣе продолжительныхъ остановокъ столь необходимыхъ для полнаго этнографического изслѣдованія края, въ особенности для составленія значительного собрания памятниковъ народнаго творчества, такихъ остановокъ въ нынѣшнюю поѣзду на долю мою почти не выпадало» ³⁰⁾.

Много значитъ, конечно и тотъ методъ, съ какимъ приступать къ разспросамъ у пещерцевъ-раскольниковъ о стариахъ. А между прочимъ, онъ такъ простъ и еще 30 лѣтъ тому назадъ изложенъ въ двухъ словахъ А. Ф. Гильфердингомъ: «Программа на случай встрѣчи со старообрядцами, говоритъ Гильфердингъ ³¹⁾», была у меня готова: обходиться съ ними вѣжливо, не употреблять выражений, оскорбительныхъ для ихъ религиознаго чувства, а когда придется рѣчь о религіи, относиться къ ихъ вѣрованіямъ тѣмъ тономъ уваженія, которымъ принято въ образованномъ обществѣ говорить съ иновѣрцемъ объ его религиозныхъ уѣжденіяхъ». «Какъ можно меныше «божественности»! Тонко замѣтилъ все по поводу того-же одинъ наблюдательный, знающій народъ печорскій чиновникъ.

Совершеннѣйшою новостью мои открытия десятковъ былинъ на Печорѣ были всей печорской бюрократической интелигенціи: учителямъ, священникамъ, чиновникамъ, между которыми есть одинъ—дѣйствительный членъ Географического общества по отдѣленію этнографіи... Никто и не подозрѣвалъ о существованіи былинъ на Печорѣ, не подозрѣвалъ потому, конечно, что работая годы, иногда десятки лѣтъ среди народа, просвѣща, уча, руководя имъ, эта интелигенція очень повинна именно въ неисполненіи вышевыписанной программы Гильфердинга; служа десятки лѣтъ народу, интелигенція эта, къ сожалѣнію, въ большинствѣ совершенно чужда народу; это какія то двѣ отдѣльныя націи, другъ другу чуждыя, другъ друга совсѣмъ не понимающія, если только не враждующія. Такъ и живутъ обыкновенно, выказывая, съ одной стороны, недостижимое превосходство и иногда прямое презрѣніе, съ другой, приниженность изъ сознанія безсилія и пугливую скрытность...

Въ извѣстности старииниковъ на всей Печорѣ нѣть, конечно, ничего удивительнаго, если принять во вниманіе, что старины поются главнымъ образомъ на рыбныхъ ловляхъ, гдѣ скопляются иногда представители чуть-ли не всей волости. Извѣстность старииниковъ на Печорѣ, впрочемъ, и не представляетъ чего-то особеннаго: нечего удивляться тому, что Горенку знаетъ вся Печора, если собиратель «Бѣломорскихъ былинъ» г. Марковъ, бывшій въ Зимней Золотицѣ, записалъ имена и фамилии особенно извѣстныхъ старииниковъ на Мезени.

но былины, а разсказы и записи объ устьцемской стариинѣ... Дальнѣйшіе мои поиски былинъ не увѣчались успѣхомъ». «Предвар. отчетъ о поѣзд. на Печору», стр. 3.

³⁰⁾ «Продв. отч.» стр. 2.

³¹⁾ «Олонецкая губернія и ея народныя рапсоды» Вѣстн. Евр. 72 г. № 3».

Относительно того, где старины больше сохранились—въ глухихъ-ли деревняхъ или въ центрахъ жизни на Печорѣ, казалось-бы, можно утвердительно сказать, что въ глухихъ мѣстахъ. Однако это не совсѣмъ такъ. Маленькия глухія деревушки вдали отъ центровъ жизни, съ ихъ новыми культурными нововведеніями, школами и пр., конечно, имѣютъ больше шансовъ для сохраненія старинъ, но это только вообще говоря. Въ частности-же можетъ быть и иначе. Все зависитъ отъ того, какъ старо каждое отдельное маленькое глухое селеніе, и живутъ-ли въ немъ старики. Если селеніе старинное, и въ немъ живутъ старики, навѣрняка можно сказать, что въ немъ поютъ и старины, и что среди молодого поколѣнія есть будущіе стариинщики; но если глухое селеніе—недавній выселокъ, старииниковъ въ немъ обыкновенно не бываетъ; но это опять-таки въ томъ только случаѣ, если на новое мѣсто не выселились и старики. Такъ что, установив общее правило, что въ молодыхъ поселкахъ старииниковъ нѣть, въ видѣ исключенія можно наткнуться на такой выселокъ, образовавшійся, можно сказать, вчера, а въ немъ живеть прекрасный стариинщикъ. Теперь возьмемъ центръ Низовой Печоры—Устьцыльму. Это совсѣмъ почти городъ: двѣ церкви, двѣ школы, полицейское управление, казначейство, почта, телеграфъ, больница, квартиры крестьянскаго чиновника, мирового судьи, податного инспектора и пр.; въ ней всегда много прѣѣзжихъ, лѣтомъ постоянная горка, зимой общественные игры молодяжника на улицахъ—вообще всѣ условия, способствующія быстрѣшему вымиранию и полному забвенію устьцыльмами старинъ.

И однако это не такъ: въ Устьцыльмѣ я записалъ старины отъ 9 человѣкъ, а на самомъ дѣлѣ старииниковъ тамъ и еще больше. Почему это? Причина та, что живущіе почти въ городѣ устьцылемы поголовно всѣ, такъ-же, какъ и жители всѣхъ самыхъ маленькихъ и глухихъ селеній, заняты рыбной ловлей, являющейся для нихъ пока преобладающимъ промысломъ. И если Устьцыльма преобразуется въ настоящій городъ, устьцылемы обратятся въ мѣщанъ, старины въ ней все будутъ держаться, какъ, напр., въ городѣ Мезени, и удержанятся онѣ до тѣхъ поръ, пока устьцылемы съ рыбной ловли не перейдутъ на какое нибудь другое домашнее дѣло. Такъ сказать бюрократичность Устьцыльмы, можно сказать совсѣмъ пока не отвлекаетъ ея жителей отъ ихъ исконнаго дѣла; даже женская прислуга у чиновниковъ въ Устьцыльмѣ почти поголовно не мѣстная, а отчасти съ Ижмы, отчасти съ Мезени, а то и изъ Архангельска.

Несомнѣнно только одно, что населенность, бойкость и обиліе чиновниковъ въ Устьцыльмѣ ведеть къ тому, что устьцылемки-женщины уже не знаютъ старинъ. Въ самой Устьцыльмѣ отъ женщинъ мнѣ не пришлось записать ни одной старины, и только двѣ женщины пѣли мнѣ стихи. Совсѣмъ не то, напр., на рекѣ Пижмѣ, где изъ 7 пѣвшихъ мнѣ лицъ четыре были женщины. И этому объясненіе одно: устьцылемы мужчины почти не поютъ старинъ дома, а только на рыбной ловлѣ. Дома имъ есть, гдѣ и какъ провести время и безъ того: лѣтомъ, во время прѣѣзда чердынцевъ, каждый день горка, тутъ-же гдѣ

нибудь игра въ мячъ, въ которой принимаютъ участіе и взрослые; играютъ также въ городки, борются, часто происходятъ драки, что то же привлекаетъ много зрителей. Все это ведеть къ тому, что дома, въ селѣ, нѣтъ ни времени, ни охоты пѣть старины, а дѣвицамъ не у кого стариинамъ учиться. Да если бы старики дома и пѣли старины, всякая дѣвушка, конечно, предпочла бы пѣнью стариковъ горку, гдѣ она является активной участницей пѣсень, игръ и пр. Въ ловлѣ же рыбы, гдѣ главнымъ образомъ поются старины, устьцылемки участія не принимаютъ. Совсѣмъ не то въ глухихъ деревняхъ на рѣкѣ Пижмѣ. Тамъ есть деревни въ 4—5—10 дворовъ, расположенные на крутомъ берегу рѣки. Нѣтъ тамъ ни хороводовъ, ни горокъ, ни игръ, такъ какъ ко всему этому располагаетъ, и все это возможно только при большомъ количествѣ молодежи; а на Пижмѣ въ деревняхъ часто бываетъ, что есть въ одной деревнѣ дѣвки, а парней нѣтъ: частю переженились, частю въ солдаты ушли, а то еще не подросли. Или такъ случается: въ деревнѣ 2—3 парня и одна дѣвушка—какой-же тутъ хороводъ! Нечего дѣлать, не на что смотрѣть въ свободное время и старикамъ, и вотъ они собираются въ одну избу и поютъ старины, вся деревня слушаетъ, а болѣе воспріимчивые, какъ парни, такъ и дѣвки, перенимаютъ. Вотъ почему нѣтъ старинщицъ въ бойкомъ и огромномъ селѣ Устьцыльмѣ и есть они въ маленькихъ и глухихъ деревняхъ на рѣкѣ Пижмѣ. Въ селѣ Бугаевѣ я уже опять нашелъ старинщицу, но все-же въ селеніяхъ Устьцыльмской волости, расположенныхъ по Печорѣ, женщины знаютъ гораздо меньше старины, чѣмъ на рѣкѣ Пижмѣ. Въ Пустозерской волости женщины знаютъ старины мало, но все-же мнѣ пришлось встрѣтить лично трехъ старинщицъ (двѣ изъ нихъ ужасно плохи) и объ одной замѣчательной старинщицѣ (въ с. Куѣ) слышать. Незнаніе пустозерками старины, я думаю, зависитъ отъ того, что положеніе женщины въ Пустозерской волости рѣзко отличается отъ того-же въ Устьцылемской, гдѣ женщина положительно равноправна мужчинѣ³²⁾). Собираясь въ гости въ какой нибудь домъ, женщины — пустозерки всегда держатся въ сторонѣ отъ мужчинъ, если есть отдельная изба, сидѣть въ ней, если нѣтъ, стараются помѣститься хоть въ особой комнатѣ³³⁾) — условія для звучиванія старины, конечно, неблагопріятныя.

Заучиваются старины, вообще говоря, въ дѣтскомъ или юношескомъ возрастѣ, когда умственная воспріимчивость гораздо сильнѣе, но изъ этого общаго правила есть разительные исключения. Приведу примѣры: старинщица Петръ Поздѣевъ, спѣвшій мнѣ стариинъ больше, чѣмъ кто либо, такъ заинтересовался моей работой, что приходилъ ко мнѣ и тогда, когда старины пѣли другіе.

³²⁾ «Живая Старина» вып. 3—4 за 1901 г. См. мою статью: «О расколѣ на Низовой Печорѣ». *H. O.*

³³⁾ Это строгое разобщеніе половъ, можетъ быть, сще одинъ лишній признакъ того, что пустозеры — потомки московскихъ служивыхъ людей. Древняя Русь, нравы которой дольше вѣкъ носилъ Новгородъ, конечно, не знала того, что явилось послѣ татарскаго шла въ Москву.

Однажды у меня пѣлъ Д. Дуркинъ старину о Лукѣ и змѣѣ, а Петръ Поздѣевъ быль тугъ, и старина ему очень понравилась. Увидавшись со мной черезъ нѣсколько днѣй, онъ со смѣхомъ заявилъ мнѣ, не хочу-ли я отъ него прослушать новую старину «О Лукѣ и змѣѣ». Оказывается, что онъ, прослушавши разъ, запомнилъ старину, а когда єздилъ въ лѣсъ за дровами, попробовалъ спѣть и спѣлъ всю отъ начала до конца. П. Поздѣеву 65 лѣтъ! Когда я быль въ деревнѣ Чуркиной на Пижмѣ, ямщикъ мой указалъ мнѣ на Петра Агѣева, знающаго какую-то очень ужъ складную старину, такую, какую ямщикъ не слыхалъ больше нигдѣ. Пошелъ я къ Агѣеву и попросилъ спѣть. Тотъ долго отшѣкивался, а потомъ, когда согласился, сказалъ, что старину онъ не поетъ, а «читаетъ, какъ по книжкѣ». Дѣлать нечего, я согласился и на это. Тогда Агѣевъ взялъ деревянную покрышку съ горшка, легъ на кровать и, глядя въ покрышку, какъ въ книжку, безъ запинки отбарабанилъ мнѣ лермонтовскую пѣсню про купца Калашникова. Онъ зналъ ее такъ твердо, что заинтересовалъ одного священника, тотъ слѣдилъ за нимъ но книгѣ и не нашелъ ни одного пропуска. Пѣсню 40—45 лѣтній Агѣевъ запомнилъ недавно, когда его грамотный братъ, солдатъ, читалъ раза два но книжкѣ.

Поются старины на Печорѣ многими, но учатся старинѣ не отъ многихъ, а только отъ лучшихъ пѣвцовъ. На Пижмѣ, напр., все, пѣвшіе мнѣ старины, ссылались или на Васю Малаго (д. Аврамовская) или на тетку Катю (село Замежное). Иногда этотъ знатокъ старинъ служитъ учителемъ цѣлаго поколѣнія и цѣлой кучки деревень, не связанныхъ между собою никакимъ родствомъ. Передаются старины, такъ сказать, и по наслѣдству отъ отца, дѣда и пр., и, въ свою очередь, нынѣшніе старинщики передаютъ старины своимъ дѣтямъ. Такъ у Петра Поздѣева старинщикомъ быль отецъ, и вотъ изъ четырехъ его сыновей двое—Петръ и Семенъ поютъ старины, а одинъ, хотя и неграмотный, ушелъ въ книжную мудрость раскола; у Петра Поздѣева есть дѣти, изъ которыхъ сынъ Иванъ, служацій сельскимъ писаремъ, знаетъ старины, а 20 лѣтнія грамотная дочь Аграфена типъ грамотной раскольницы-начетчицы: она уже теперь читаетъ по покойникамъ, поетъ панахидки и пр. Замужъ она, вѣроятно, не выйдетъ, и теперь уже и отецъ и мать ею гордятся. У Григорія Чупрова, по его словамъ, отецъ быль замѣчательный старинщикъ, а сынъ Григорія, 15 лѣтній подростокъ Иванъ, грамотный, опять съ сильною наклонностью къ расколу и, можетъ быть будущій начетчикъ, знаетъ много сказокъ, интересуется и старинами, но не заучиваетъ ихъ, предпочитая читать по книгамъ. Сынъ Дмитрія Дуркина перенялъ нѣкоторыя отцовскія старины, и проч. и проч.

Относительно того—падаетъ-ли былинная поэзія на Печорѣ?—можно сказать утвердительно: да, падаетъ. Еще и теперь печорская рѣчъ такъ сказать пропитана старинами, и выраженія изъ нихъ, ввидѣ поговорокъ и пословицъ, можно слышать постоянно. Вотъ на улицѣ разговариваютъ парни о своихъ дѣлахъ, а одинъ изъ нихъ говоритъ: «Поди-ко съ нимъ свяжись: онъ схватить за руку—рука прочь, схватить за ногу,—нога долой». А то вотъ на сельскомъ

сходѣ, когда нужно было высказаться о чёмъ-то, а все молчали, одинъ мужичекъ сказалъ: «У насъ, когда дѣла коснется—меньшой хоронится за среднаго, средній за большого, а и отъ большого отвѣту вѣть». — «Ты дари намъ чо-ле—сказалъ одинъ устьцылемъ мѣстному богачу, который просилъ услужить,—дари намъ, такъ мы тебѣ будемъ помогать», а тутъ-же бывшая его жена дополнila: «Кунью шубу въ пятьсотъ рублей». Даже маленький сынишка священника часто говорить: А пойду я, мама, «вонъ па улицу». Недавно еще составлялись и распѣвались цѣлые пародіи старинъ, гдѣ дѣйствующими лицами выставлялись мѣстные крестьяне; я списалъ два отрывка пародій, и вотъ одинъ изъ нихъ:

Не у вора у Васьки у Захарова,
Не упито было не уѣдено,
Не баско хорошо было не изношено,
На царевъ кабакъ да было сношено.
Походитъ Васинъка на царевъ кабакъ,
Поносить шапочку пуховъ калпакъ,
Большими-те тюнями онъ принахлашывать,
Слѣпыми-те глазами онъ да прироспилькивать, (приразглядываетъ).
Приходитъ Васинъка да на царевъ кабакъ,
Отдаватъ шапочку пуховъ калпакъ,
Просить за шапочку пятьсотъ рублей,
А давають ему пять копеечекъ.

И все-таки старинная поэзія на Печорѣ шадеть, не смотря на все это. Объ этомъ говорять въ одинъ голосъ уже сами старинщики. Какъ только становишь спрашивать про старины, такъ все и говорятъ: «Вотъ пріѣхалъ-бы ты лѣтъ 10—15 назадъ, когда былъ живъ (такой-то). Вотъ онъ тебѣ-бы нацѣль! А мы што...»

О паденіи былинной поэзіи говорятъ и мои личныя наблюденія. Есть еще и теперь прекрасные старинщики и старинщицы (Авдотья Чуркина, Анисимъ Вокуевъ, Степанъ Хабаровъ, Павелъ Марковъ), но и они уже отчасти устарѣли, а отчасти, можетъ быть, не встрѣчая прежняго сочувствія и прежняго спроса на свое искусство, много забыли; Авдотья Чуркина много уже путается, а двѣ старины спѣла совсѣмъ плохо и отчасти, кажется, сочинила. О большинствѣ-же нечего и говорить: путаютъ, перевираютъ извращаютъ старины сильно. Таковъ, напримѣръ, хотя-бы спѣвшій мнѣ больше всѣхъ Петръ Позднѣвъ. Всѣ старины онъ поетъ однимъ «ясакомъ» (папѣвъ), что хорошій былинщикъ никогда не позволить, да и не сумѣть; все происходитъ у него въ Кіевѣ при князѣ Владимира, куда онъ отнесъ даже и князя Долгорукова съ ключникомъ, во всѣ старины вносить однообразные факты, фразы и цѣлые дѣйствія, и не помня подлинныхъ слышанныхъ отъ стариковъ выраженій, привносить много своего, отражая, особенно въ разговорахъ, строй современной въ Устьцыльмѣ рѣчи. Болѣе древнія старины знаютъ плохо: такъ про Вольгу я записалъ только отрывокъ про Святогова

никто не сумѣлъ мнѣ спѣть. У многихъ старинъ не знаютъ нынче конца, нѣкоторыя старины поютъ не сначала. Такъ, записывая Ваську Игнатьева, я только на третій разъ записалъ и конецъ; конецъ Данилы Староильевича я записалъ въ 4-й разъ; Бутмана Болыбоновича, записавъ четыре раза, я такъ и не записалъ всего; Скопина мнѣ никто не могъ спѣть сначала въ Устьцымской волости, всѣ начинали:

«Много Скопинъ по землямъ бывалъ,
Много Скопинъ городовъ видалъ»...

То-есть начинали съ середины рѣчи Скопина на пирѣ у князя. То, что всѣ старинщики Устьцымской волости начинаютъ старину непремѣнно съ этихъ словъ, показываетъ, что старина заучена отъ одного устьцымца, въ свою очередь, слышавшаго старину гдѣ-нибудь не сначала.

Итакъ былинная поэзія на Печорѣ, несомнѣнно, падаетъ и падать будеть все больше больше съ каждымъ годомъ, такъ какъ съ каждымъ, можно сказать, годомъ развивается промышленно Низовая Печора. Моему предшественнику на Печорѣ г. Истомину, бывшему тамъ 11 лѣтъ назадъ, еще пришлось съѣздить по Печорѣ въ лодкѣ, я уже благополучно воожиравъ на пароходѣ. Въ Устьцымѣ теперь телеграфъ и почта, проведенъ трактъ на Архангельскъ, а лѣтомъ совершаютъ свои рейсы морскіе пароходы. Три года, какъ уже на Печорѣ работаютъ шведы, вырубая лѣсъ для отправки заграницу, и ими у устьевъ Печоры поставленъ лѣсопильный заводъ, занимающій много рабочихъ рукъ. Другой заводъ такой же строится теперь еще русскимъ купцомъ изъ Архангельска, а на р. Ухтѣ, притокѣ Ижмы, говорятъ, идутъ усиленныя подготовительныя работы для добычи давно извѣстной тамъ нефти. И вотъ, когда Печора покроется заводами, которые съ занятіемъ, въ качествѣ рабочихъ, мѣстныхъ крестьянъ будутъ привлекать и полчища «бродячей руси» изъ центровъ Россіи, это нашествіе, въ концѣ концовъ, свалитъ старую культуру Печоры, а съ ея упадкомъ постепенно исчезнутъ и былины. И Печора имѣть всѣ данные на то, чтобы съ развитіемъ на ней промышленности скоро перенять чужое и совсѣмъ обезличиться: у ней нѣтъ поддерживающаго старину элемента—на Печорѣ земледѣліе почти не имѣть значенія, и промыслы здѣсь,—единственный хлѣбъ насущный. Получится то-же, что я имѣлъ наблюдать напримѣръ, на р. Вишерѣ, въ Чердынскомъ уѣзда. Черезъ 15 лѣтъ послѣ постройки первого въ уѣзда Кутимскаго горнаго завода населеніе совершенно измѣнило свой характеръ и изъ нѣсколько грубоватыхъ, но строго честныхъ, съ патріархальными нравами лѣсныхъ и рыбныхъ промышленниковъ превратилось въ безшабашно-дерзкихъ и наглыхъ подсобныхъ рабочихъ горнаго завода и спилось. Можетъ быть, это и необходимо, какъ одна изъ стадій промышленнаго роста страны, но это грустно.

Н. Ончуковъ.

Рис. 1. Обезд пустозеровъ на тони на берегу Ичоры; впереди былинщикъ Степанъ Хабаровъ изъ дер. Ильемца.

Рис. 2. Деревянная церковь во имя Архангеловъ Михаила и Гавріила
въ селѣ Юромѣ, на р. Мезени. Постр. въ 1685 г.

Рис. 3. Деревянная церковь во имя прор. Ильи въ селѣ Юромѣ, на р.
Мезени. Постр. въ 1743 г.

Рис. 4. Старая деревянная церковь (Рождества Пресвятой Богородицы) въ городѣ Мезени; построена въ 1717 г.

Рис. 5. Рельефная икона (изъ дерева) Св. Георгія Побѣдоносца (до 2 аршинъ въ вышину) въ церкви Рождества Богородицы въ г. Мезени.

Маньчжуры—кто такие и где они?

Выяснение точного значения словъ «Маньчжурия» и «маньчжуръ», по-
лагаютъ, имѣть интересъ для насть, русскихъ, уже по тому, что изъ всѣхъ
странъ, которыми Китай на протяженіи 9.100 верстъ¹⁾ соприкасается съ
Россіей, Маньчжурия является наиболѣе важной по значенію.

Самостоятельное употребление этого географического термина возвуждаетъ
во многихъ представлениіе о ней, какъ о странѣ, пользующейся иѣкоторою
автономістію и находящейся съ Китаемъ какъ бы въ отношеніяхъ уніи
или вассальной зависимости. Другое же, и такихъ еще больше, предста-
вляютъ себѣ Маньчжурию какъ иѣчто національно самобытное, а потому и
отличное отъ застѣнныхъ владѣній боярхана. Всѣ географіи²⁾ говорятъ о
китайской имперіи, что она состоитъ изъ собственнаго Китая, Маньчжурии,
Монголіи и Тибета. Такое отдѣленіе Маньчжурии отъ собственно Китая и
сближеніе ея съ Монголіей и Тибетомъ имѣло еще иѣкоторый смыслъ до
введенія въ Маньчжурии гражданской администраціи Въ 1876³⁾ же году
было введено гражданское управление въ Мукденской провинціи; въ 1878 г.
та же реформа была произведена и во второй, Гиринской, провинціи Маньч-
журии; вскорѣ затѣмъ и сѣверная, Хэйлунцзянская, провинція была устроена
по образцу первыхъ двухъ. Послѣ этихъ реформъ Маньчжурия стала отли-
чаться отъ провинцій внутренняго Китая только тѣмъ, что въ ней остались
еще не упраздненными прежнія военно-административныя учрежденія, такъ какъ
среди населенія ея много военнообязанныхъ. Правда, эта страна представляетъ
окраину китайской имперіи, где всего лишь какихъ нибудь 25 лѣтъ какъ
разрѣшена официально⁴⁾ китайская колонизація. Но если мы примемъ во

¹⁾ Леерь. Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ. Томъ VI. Выпускъ III, стр. 386.

²⁾ Elisée et Onesime Reclus. L'empire du milieu. Paris 1902.—Новѣйшее популярное
сочиненіе о Китай, трактуетъ лишь о провинціяхъ внутренняго Китая, ничего не упоминая
о Маньчжурии, хотя эта страна и находится въ тѣсной связи съ ост. имперіей.

³⁾ Барабашъ. Записка о Маньчжурии (по даннымъ, добытымъ при поѣздкѣ въ Ги-
ринь въ 1882 г.). Сборникъ материаловъ по Азіи, выпускъ I, изд. Всено-ученаго коми-
тета 1883 г. стр. 107.

⁴⁾ Путята. Записка о запрещеніи китайцамъ селиться на маньчжурскихъ земляхъ.

вниманіе, что окнатаеніе ¹⁾ Маньчжуріи началось еще до завоеванія Серединной имперіи маньчжурями, и что нынѣшия маньчжурская династія, владѣя китайской имперіей по праву силы, должна была для поддержанія своего престижа съ самаго начала размѣщать по многочисленнымъ и многолѣтнимъ китайскимъ городамъ вѣрные ей маньчжурскіе отряды, то станетъ понятнымъ, что страна уже давно стала терять свою этнографическую обособленность ²⁾.

«Въ случаѣ войны или народнаго мятежа, когда требовалось увеличить императорскія войска, постояннымъ источникомъ комплектованія ихъ всегда служили оставшиеся въ Маньчжуріи маньчжуры. Подобнымъ образомъ лучшіе и наиболѣе способные изъ маньчжуръ уже издавна навсегда уходили изъ страны, а на мѣсто ихъ мало по малу стали явиться тысячи и десятки тысячъ выходцевъ изъ Чжи-ли, Шаньси и другихъ ближайшихъ провинцій сѣвернаго Китая. Выходцы эти въ громадномъ большинствѣ случаевъ приходили въ Маньчжурію холостыми и, водворившись въ ней окончательно, женились на маньчжуркахъ. Происходившія отъ подобныхъ смѣшанныхъ браковъ дѣти становились уже совершенными китайцами. James, производя наблюденіе надъ маньчжурами солдатами, установилъ виѣшнія отличительныя черты маньчжурского типа. Meadows, человѣкъ весьма наблюдательный, но видѣвшій маньчжуръ только въ (Мугденской) провинціи, ближайшей къ собственному Китаю, утверждаетъ, что во виѣшніхъ физическихъ чертахъ положительно не видно никакой разницы между маньчжуромъ и уроженцемъ сѣверныхъ провинцій Китая. Рихтгофенъ свидѣтельствуетъ, что, путешествуя по Маньчжуріи, онъ неоднократно принималъ за китайцевъ лицъ, которыхъ считали себѣ маньчжурами, какъ впослѣдствіи оказывалось изъ вопросовъ».

Позволю себѣ привести также и свои собственныя наблюденія, явившіеся плодомъ пятилѣтнаго пребыванія въ Китаѣ, изученія китайскаго языка и постояннаго общенія съ туземцами. На на Квантунѣ, который я изѣздилъ весь при сборѣ податей въ 1899 г., ни въ южной и средней Маньчжуріи, гдѣ во время военныхъ дѣйствій мнѣ пришлось ездить верхомъ около 3.000 верстъ, нигдѣ я не встрѣчалъ другого типа кромѣ китайскаго.

Въ сѣверной, хейлунцзянской, провинціи Маньчжуріи встрѣчаются мѣстности, гдѣ инородческое населеніе преобладаетъ надъ китайскими переселенцами. Тамъ находятся ³⁾: дауры орочоны, манегры, гольды и солоны, племена тунгусской крови, а потому и родственные маньчжурамъ. Солоны часто смѣшиваются съ маньчжурами по сходству ихъ языковъ, а также и потому,

¹⁾ В. Горскій. Начало и первыя дѣла Маньчжурскаго дожа. Труды членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ.

²⁾ Описаніе Маньчжуріи. Подъ редакціей г. Позднѣева.

³⁾ См. Зиновьевъ. «Пріамурскія Вѣдомости» № 102—1895. Кириловъ, стр. 73, 123. 237, 378. Рубиновъ, стр. 54, Стрѣльбицкій, стр. 40, Овсяный, стр. 40.

что они, какъ и послѣдніе, обязаны военной службой въ восьми знаменахъ (шо ци). Въ сѣверо-западной части Маньчжуріи, смежной съ Монголіей, ко-
чуютъ, въ небольшомъ числѣ, принадлежащіе къ монгольскому племени бу-
чыты, чиличинъ и болты¹). По долинамъ рекъ Ялу-цзана, Тумынь-ула и
Чхъ притоковъ, т. е. въ зонѣ Маньчжуріи, пограничной съ Кореей, живутъ
корейцы. Изъ всѣхъ племенъ, населяющихъ Маньчжурію наиболѣе много-
численными являются китайцы и совершенно окитаевшіе маньчжуры, въ
наиболѣе же крупномъ изъ остальныхъ инородческихъ племенъ, обитающихъ
по окраинамъ страны, въ корейскомъ едва ли насчитывается болѣе 50 ты-
сячъ душъ обоего пола²).

По мнѣнію James³), на долю маньчжуріи приходится изъ всего на-
селенія Маньчжуріи не болѣе 5%. Между тѣмъ по справкамъ, собраннымъ
Д. В. Путатой⁴) на мѣстѣ 15 лѣтъ тому назадъ, главнымъ образомъ у
служащихъ лицъ, маньчжурское населеніе составляло въ то время въ Гирин-
ской провинціи 71% и въ хэйлунцзянской 29%, а следовательно, во всей
Маньчжуріи по меньшей мѣрѣ 30%.

По поводу этихъ чиселъ, а также и самыхъ названий маньчжуры и
Маньчжурія слѣдуетъ замѣтить, что китайцы статистики движения населенія
не ведутъ, и названія «Маньчжурія и Маньчжурь» у нихъ не употребляется.
Свѣдѣнія о численности китайского населенія, почерпнувши обыкновенно изъ
податныхъ списковъ, весьма не полны, потому что:

1) подушная подать (жень-день) вносится лишь частью населенія и
при томъ не лично, а за известное число семействъ (дворовъ);

2) податные списки содержать въ себѣ главнымъ образомъ указание
лишь на неизначительное, сравнительно со всѣмъ населеніемъ число лицъ, за
которыми числится земельные участки;

3) и населеніе и администрація имѣть свои основанія стремиться къ
тому, чтобы въ податныхъ спискахъ число плательщиковъ не увеличивалось
безъ особо побудительныхъ причинъ.

Военно-обязанное населеніе состоять на учетѣ, но послѣдній не отлича-
ется точностью и систематизацией. Поэтому выводъ какихъ-либо процент-
ныхъ отношеній въ населеніи Маньчжуріи представляется дѣломъ почти со-
вершенно лишеннымъ документальныхъ основаній.

Что же касается слова Маньчжурія, то оно въ китайцѣ никакого пред-

¹) Стрѣльбіцкій, стр. 40, Овсяній, стр. 84, 85.

²) Описаніе Маньчжуріи подъ ред. г. Позднѣева.

³) James. The long white Mountain.

⁴) Отчетъ о путешествіи въ Маньчжурію въ 1888 г. Сборникъ материаловъ по Азіи,
вып. XXXVIII. Изд. Военно-ученаго комитета Главнаго штаба, 1889 г.

ставления не вызываетъ. Маньчжурія по китайски называется Дунь-сань-шень (три восточныхъ провинціи) или Гуань-дунь-сань-шень (т. е. три провинции къ востоку отъ прохода Шань-хай-гуань). Китайское слово Маньчжоу, изъ втораго и образуются употребляемыя нами слова Маньчжурія и маньчжуръ, является въ китайскомъ языке архаизмомъ и понимается какъ исторический терминъ. Въ первый разъ это название встрѣчается въ исторіи Китайской и Корейской въ 1480 году. Нурхачи (род. 1553), родоначальникъ настоящей Маньчжурской династіи, утвердилъ за своимъ домомъ название Цинъ, т. е. чистый. Послѣднее название и замѣнило устарѣвшее Мань-чжоу¹). „Маньчжурскій языкъ, говорить „Описание Маньчжуріи“, въ настоящемъ времени стать языкомъ почти мертвымъ, на немъ говорить только при китайскомъ дворѣ, да кроме того развѣ 10% наличныхъ въ Маньчжуріи природныхъ маньчжуръ. Что касается маньчжурскаго письма, то оно въ такой степени забыто среди населения страны, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ для обучения ему въ Гирингѣ солдатскихъ (?) дѣтей, пришлось вызывать двухъ учителей изъ Пекина“.

Въ разъясненіе этой выдержки изъ почтеннаго труда, изданнаго Министерствомъ Финансовъ подъ редакціей г. Позднякова, сгѣдуетъ добавить, что при дворѣ Маньчжурскій языкъ употребляется, лишь когда этого требуетъ этикетъ, обніковенно же боярханъ, князья и дворъ говорятъ на китайскомъ языкѣ. Этотъ фактъ настолько известный, что всякий китаецъ и европеецъ, жившій въ Пекинѣ, подтвердить это. Представились два раза боярхану, я лично имѣлъ случай убѣдиться, что при дворѣ обычный языкъ китайскій. Князья, саковники, дворцовые чины и прислужники говорили съ нами и между собой исключительно по китайски. Кругомъ настъ слышалась только китайская рѣчь. Маньчжурскую рѣчь мы услыхали, лишь когда представили предъ трономъ боярхана. Такъ въ одноть изъ представлений рѣчь декана дипломатического корпуса въ Пекинѣ, американского посланника г. Дембі (Demby), сказанныя по англійски, была переведена по китайски старшимъ драгоманомъ Россійской дипломатической миссіи П. С. Попонімъ, а затѣмъ доложена боярхану старшимъ изъ князей Гунь-цинъ-ваномъ на маньчжурскомъ языкѣ. Боярханъ также отвѣчалъ по маньчжурски, а затѣмъ этотъ отвѣтъ былъ переведенъ Гунь-цинъ-ваномъ на китайский языкъ и переданъ П. С. Попову, который перевѣлъ его по французски. Въ другомъ случаѣ, въ маѣ 1897 г., князь Э. Э. Ухтомскій, вручая боярхану письмо Государа Императора, говорилъ, обращаясь въ сыну Неба, по русски, а затѣмъ его рѣчь такимъ же порядкомъ была переведена по китайски и доложена боярхану.

¹) П. Е. Поповъ. Китайско-русскій словарь, ч. I, стр. 388.

хану на маньчжурскомъ языке. Богданханъ такъ же, какъ и въ первомъ случаѣ, отвѣчалъ по маньчжурски, и его отвѣтъ былъ переданъ Гунь-цинь-ваномъ по китайски. Архивы высшихъ государственныхъ учрежденій ведутся на маньчжурскомъ языке; доклады, непосредственно представляемые богданхану, по закону должны писаться исключительно по маньчжурски. Такимъ образомъ можетъ показаться, что императоръ Китая не знаетъ другого языка, кроме маньчжурского. Но оказывается, что въ обычной жизни, въ официальныхъ приемахъ и официальной переписки, богданханъ употребляетъ почти исключительно китайскій языкъ. Вопросъ, какимъ языкомъ обыкновенно пользуется Сынъ Неба, особенно интересовалъ секретаря Итальянской дипломатической миссии въ Пекинѣ, барона Guido Vitale, и отъ, подробно изслѣдуя этотъ вопросъ, долженъ былъ прийти къ убѣждению, что нынѣшній Императоръ Китая пользуется маньчжурскимъ языкомъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, указываемыхъ придворнымъ этикетомъ, и при томъ владѣть этимъ языкомъ не вполнѣ свободно. На вопросъ, предложенный барономъ Витали дадъ императора Гунь-цинь-вану, на какомъ языке обыкновенно говорить царствующій богданханъ, послѣдний отвѣчалъ: „по китайски“.

Административныя учрежденія Маньчжуріи и Монголіи, слѣдѹ архан-ческимъ традиціямъ, ведутъ официальную переписку на маньчжурскомъ языке, но съ приложениемъ китайскаго текста, которымъ собственно и руководится. Сношенія китайцевъ съ вашими иограничными властами должны вестись, по буквѣ устарѣлыхъ дипломатическихъ солланій, также на маньчжурскомъ языке. На практикѣ же къ маньчжурскому тексту всегда присоединяется китайскій, и зачастую должность переводчика маньчжурского языка при по-границыхъ комиссарахъ замѣщается лицами, которыхъ, кроме русскаго, знаетъ только китайскій языкъ.

Въ Пекинскомъ университете маньчжурскій языкъ преподается, какъ иностранный, наравнѣ съ европейскими языками. Высшія официальныя учрежденія, а также амьни (канцеляріи) Монголіи въ Маньчжуріи въ случаѣ из-дѣбности пополняются знатоками маньчжурскаго языка изъ Пекина.

Относительно упомянутаго указания „Описания Маньчжуріи“, что по маньчжурски говорить не болѣе 10% наличныхъ въ Маньчжуріи маньчжуръ, слѣдуетъ напомнить, что:

- 1) всякаго рода статистическая свѣдѣнія о населеніи Китая весьма гадательны;
- 2) что китайцы не выдѣляютъ маньчжуръ въ особую группу, какъ это дѣляютъ европейскіе этнографы;
- 3) что никогда въ населеніи Маньчжуріи не слышно маньчжурской рѣчи

Никто ¹⁾), кого я не спрашивала, не могъ мнѣ указать на существование въ Маньчжуріи и вообще где-либо въ Китаѣ лицъ, для которыхъ Маньчжурскій языкъ былъ бы роднымъ. А потому подсчетъ процента говорящихъ на этомъ языке представляется мнѣ дѣломъ весьма затруднительнымъ, а указываемая въ цитируемомъ трудѣ цифра лишней всячаго основанія.

Китайцы, не признавая этнографической обособленности маньчжуръ, дѣлятъ себя на двѣ соціальные группы ²⁾: Ци — (занятые или военно-обязанные) и минъ (народъ). Возникновеніе этого дѣленія относится ко времени завоеванія маньчжуріи Китаѣ. Въ первую группу вошли всѣ маньчжуры, а также китайцы и монголы, содѣйствовавшіе маньчжуріи въ завоеваніи Китаѣ. Вторые, минъ, состоялись изъ покоренныхъ китайцевъ. Ци обложены меньшими податями; получивъ значительно большия земельные надѣли и права на достиженіе ученыхъ званій и служебныхъ должностей, они были обязаны военной службой и выдѣлились такимъ образомъ въ соціальную группу, особенно покровительствуемую правительствомъ, а потому въ особенно обизваниную ему. Такимъ образомъ дѣленіе на ци и минъ хотя и выросло на почвѣ племенной розни, но имѣть чисто соціальное значеніе.

Невозможность точно опредѣлить эти термины безъ знанія китайской письменности и нѣкоторое большинство переводчиковъ, какъ китайцевъ, такъ и русскихъ, повидимому, были причиной того заблужденія, въ которое впагъ известный изслѣдователь Маньчжуріи Д. В. Путята. Изъ официальныхъ источниковъ онъ получилъ свѣдѣнія, близкія къ дѣйствительности, о числѣ ци, т. е. военно-обязанныхъ, которые и были приняты имъ за маньчжуръ. Что же касается James ³⁾, то приведенные имъ цифры, по всей вѣроатности, ни на чёмъ другомъ не основаны, какъ на поверхностномъ наблюденіи.

Резюмируя вышесказанное, я позволю себѣ прийти къ заключенію, что слѣдуетъ признать фактъ административнаго и этнографическаго единства Маньчжуріи съ внутреннимъ Китаѣмъ. На вопросъ же, существуютъ ли маньчжуры, слѣдуетъ отвѣтить отрицательно.

„Необходимо признать,—говорить Описание Маньчжуріи, за безусловный фактъ, что маньчжуры успѣли въ настоящему времени окитаться, за исключеніемъ развѣ какихънибудь частностей, въ отношеніи всѣхъ сторонъ своего быта, точно также и въ отношеніи языка“.

¹⁾ По словамъ г. Ладыгина, сопровождавшаго капитана Козлова въ его посыпѣдней экспедиціи въ Тибетъ, маньчжуры встречаются въ Западной части Китаѣ, въ такъ называемомъ китайскомъ Туркестанѣ. Но не принимаетъ ли г. Ладыгинъ за маньчжуръ племена Солонъ, которая дѣйствительно тамъ находятся и несуть военную службу въ восьми земанахъ (на—ци).

²⁾ Русский Китай. «Очерки занятія Квантуномъ и быта туземнаго населенія. П. Россовъ.

³⁾ The long white Mountain.

Другой изслѣдователь Маньчжуріи, генер. инг. полковникъ (нынѣ генераль-лейтенантъ) Барабашъ, наблюдавшій населеніе ея на мѣстѣ, отзывается еще болѣе категорически:

Маньчжуры, пишетъ онъ, давно уже утратили всѣ свои национальныя особенности, начиная съ языка, уступившаго мѣсто китайскому, и кончая мелкими подробностями образа жизни ¹⁾.

Какъ известно, понятие о націи слагается изъ трехъ данныхъ: обособленности физического типа, языка и территории, ею занимаемой. Маньчжуры, какъ указано выше, потеряли особенности своего физического обличія; языки ихъ стали мертвымъ; нѣкогда обособленная страна ихъ нынѣ этнографическомъ и административномъ отношеніяхъ слилась съ собственнымъ Китаемъ.

Такимъ образомъ можно съ полнымъ основаніемъ и твердой увѣренностью сказать: „Маньчжурія больше нѣть“, а потому и название „Маньчжурія“ не должно нынѣ быть употребляемо для обозначенія какогонибудь этнографического типа.

* * *

1) Барабашъ, Записка о Маньчжуріи. Сборникъ матер. по Азіи. Вып. I. стр. 26.

ОТДѢЛЪ II.

Областные слова Рыбинского уезда Ярославской губернии ¹⁾.

(Деревня Юрцано, Орехинская волость. Записаны въ 1901 году).

Б.

Баска, и, ж. Денная кофта въ талию. Иначе—казакъ, Беспереводный, ая, ое. Непереводящійся; то, что не переводится. «У нась куры безпереводныя».

Богданикъ, а, м. Божница, полка, гдѣ стоять иконы.

Боговый, прилаг. отъ сл. Богъ. Боговая старушка—убогая, Божья старушка. Боговое масло—масло отъ лампадки, что у иконы.

Божатка, и, ж. Крестная мать.

Большакъ, а, м. Бѣльшій гдѣ либо, въ чёмъ-либо. «У меня Ванюха большакъ», т. е. старшій изъ дѣтей.

Бринь, нескл. См. Сендерви.

Брюхо. Брюхъ всегда разыщетъ (погов.).

Бурмосить, сю, сиши, сить, симъ, сите, сять. Говорить во снѣ, бредить.

Мальчаки вашъ штой-то во снѣхъ бурмосить.

Бухара, и, ж. Пчела.

Бѣлоглѣнецъ, лыца, м. Имѣющій бѣлое тѣло. «Наши ярославцы-бѣлоглѣнцы, красавцы: пудь мыла извели, родимаго пятна не свели».

Бѣлѣвка, и, ж. Раст.: Пикульникъ длинноцвѣтный (*Galeopsis Ladanum L.*).

В.

Весёлка, и, ж. См. Мутовка.

Возмужѣть, ъю. 1) Возмужать.

2) Стать здоровымъ, поздоровѣть.

Выкланяться, яюсь. Съ дат. падеж. Кланяться.

Выдребаться, аюсь. Выпачкаться. *Дѣлка какъ по грязи ишила, даъ вся выдребалась.*

Выжига, и, ж. Земля, на которой выжженъ лѣсь.

Гдѣ пашетъ?—На выжигъ.

Вымодѣть, ъль. Изболѣться, захирѣть.

¹⁾ Въ этотъ перечень вошли слова наиболѣе интересныя, т. е. не вошедши въ словарь Даля, либо вошедши, но не съ тѣмъ значеніемъ.

Долю то фъ юроди жила?—«Два юджа»... Ну и вымодъла! См. Модѣть.
Вытьница, вытьница, и, ж. Женщина, умѣющая выть, причитать.
Вѣковѣчный, ая, о. Вѣчный.

Г.

Годенскій. Въ выраженіи: «годъ-годенскій»—цѣлый годъ.
Годовикъ, а, и. Имѣющій отъ рода годъ; годовалый. «Мальчикъ—годовикъ». Велика у
тебя дочка?—Нѣ, годовикъ!
Гонобѣль, я, и. Какое-то ягодное растеніе.
Гораздо, нескл. Очень, сильно.

Что гораздо у тебя, голубушка,
Скоры ноженки да подходчивы... (причеть)
Готвникъ, а, и. Ягода синяго цвета съ маленькими желтыми косточками, поспѣвающая
раньше другихъ ягодъ.
Грохотѣть. Грохочѣть, грохотѣль. Гремѣть.
Телка по улицѣ грохотитъ. Гармошка грохотать зачала.

Д.

Ддка, и, ж. Папироса.
Додня, и, ж. Папироса.
Должный. «Что бережно, то и нѣдолжно»—погов.
Дрѣтить, чу, чиши. Спать. *Доволено вамъ дрючитъ-та!*
Дѣвочка, и, ж. 1) Вообще дѣвочка.
2) Молодая дѣвушка.

Ж.

Желанчикъ, а, и. 1) Милый, желанный, любимый человѣкъ.
2) Любовникъ. «Желанчикъ не прощалованный», ибо та, которая его любить,
никакъ не можетъ напѣловаться съ нимъ.
Ср. въ Сборн. Панкр. (Терск. обл.):
«Выло у братца три сестрицы,
Три сестрицы желанницы».
Желанницы, по его объясненію (стр. 126),—жадѣвшія. Кажется, вѣрный будетъ
такъ: милыя, желанныя. Желанница въ прямой связи съ желанчикъ (ср. же-
ланный).
Жадюга, и, общ. Жадный человѣкъ. *Это ты, жадюга!* (Ср. Такой жадай быль, что какъ
увидить монету, даже словно обезпамятѣть весь. Салт. Невин. разск.).
Жукъ. «Въ чужихъ людяхъ—жукъ и то мясо!» (погов.).

3.

Забурмосить. Начать бурносить (См. сл.). *Бабушка онять забурмосила.*
Заворовывать, перех. Совершать первое для известнаго периода времени воровство; дѣлать
починъ въ воровство для дальнѣйшей удачи.—*На Пасху и Благовѣщеніе*
воры заворовываютъ, ибо, по поговорѣ, «какъ Благовѣщеніе проведешь, такъ
и весь годъ».

Завшівѣть. Обзавестись вшами.

Малъчонокъ зашиполь (Ср. Развѣ возможно... въ баню неходить...

Вѣдь этакъ ты нась всѣхъ обовшивишъ. Саловъ. Смерть модистки).

Завѣничивать, (Завѣнчать), перех. Обрядомъ вѣнчанія дѣлать что-либо неизмѣнныиъ, на вѣки нерушимыиъ.

Когда на вѣнчавшихся наѣваютъ вѣнцы и священникъ говорить: «Вѣнчается рабъ Божій...», то женихъ, крестясь, тихо говорить: «*Буйму голобу вѣнчачю, а скорби и болезни не завѣничиваю*». Невѣста же въ это время тихо говорить:

«*Мить родить, а мужу мучиться*». Вѣрять, что если женихъ и невѣста вѣнчаются, будучи чѣмъ-либо больны, то ихъ болѣзни никогда не пройдутъ.

Загрохотѣть. Начать грохотѣть (см. сл.).

Закартомѣть. Дѣйств. соверш. къ глаг. картомитъ (см.).

Закоковать. Начать коковать (см. сл.).

Закомѣлистый, ая, ое. Имѣющій развитой, утолщенный комель, рѣзко уточнчающійся на небольшой высотѣ отъ земли.

Закомѣльный, ая, ое. То же, что закомѣлистый.

Закукать, перех. Сильно приколотить. См. кукать.

Закурѣть, неперех. Запить запоемъ; загулять; закутить.

Закурѣнѣть. Соверш. видѣ къ гл. курнѣнѣть (см.).

Закустѣ и закустѣ, я, ср. Мѣстность, мѣсто за кустами, позади кустовъ.

Я ходилъ по закустю да зайцевъ сторожилъ.

Закутыкатъ Соверш. видѣ къ гл. кутыкатъ (см.).

Залѣжный ая, ое. 1) Старый, залежалый. *Еюргъ сказывалъ, что у него залежнаго зерна немножко есть.*

2) Лишній. У *дяденки моего залежнаго денныи были*.

Залѣтный, ая, ое. 1) Случайно или на короткій срокъ залѣтѣвший.

2) То же о человѣкѣ (съ отѣнкомъ: милый, желанный). Залѣтный ты, залѣтный, милый мой. (Шѣсня).

А, птишечка залѣтная, какъ живешь?

Заленетатся. Заговориться, заболтаться, завраться. *Какъ пошла намъ странница разсказывать, такъ таکя ужасти... и—и!* Совсѣмъ заленеталась. См. лепетать.

Заливѣть (залѣтѣть) глаза, бѣльма—угощать, поить виномъ, водкой; задобрять кого та-кимъ угощениемъ. *Будн ужъ хвалитъ ею. Знаемъ: онъ тебѣ глазища залѣтѣлъ*

Также: напиваться пьянымъ. *Съ самаго утра зенки (бѣльма) залѣтѣли... здорово!*

Заливѣть—пьянистовать. *Петройка ихній шибко заливѣтъ.*

Заливѣть—много врать, завирагтися. *Ты дѣло говори, а не заливай.* (въ двухъ посл. случаихъ глаголъ неперех.).

Заливѣтися (залѣтѣси). О быстромъ движеніи: бѣжать и т. п.

Я было побѣгъ за зайцемъ а онъ какъ залѣтѣлся...

Заливній дождь—проливной дождь.

Заливдхъ, и, общ. Кто много врѣть.

Залишекъ, шка, и. Излишекъ.

Залишній, яя, ее. Излишній.

Залишней птицы у насъ нѣть.

Залѣбокъ, бка, и. Фронтонъ у крестьянскихъ построекъ.

Залѣгъ, а, и. Земля, никогда не паханная. Залогъ подымать.

Залѣй, я, и. См. Намой.

Залупатъ (залупить). 1) Задирать, заворачивать.

Ноить залупила. Залупила платье выше головы.

2) Запрашивить очень дорого. *Больно дорого ужъ залупила! Уступи маненъко!*

Залупатися (залупить). Заворачиваться, загибаться.

Залучатъ (залучить). Заманивать, завлекать.

Залучала сокола, удалого молодца!

Залущить. Начать лущить (см.).

Залѣсица, и, ж. Пространство замы, лежащее за лѣсомъ.

Залѣсье, ы, ср. Пространство за лѣсомъ. *Косили по-подъ залѣсью.*

Залѣтный, ая, ое. Престарѣлый. *Залѣтная невѣста*—дѣвушка, выходящая изъ лѣта замужества. См. Перелѣтовый.

Залюбить. 1) Начать любить. 2) Валюбить.

Залядашій, ая, ее. Хилый, хворый, болѣзеній. *Изболѣлась видно. Залядашая стала.*

Залядѣть, ыю. Заболѣть, захирѣть. *Шагою путь пройду, и духъ зайнѣтся: вотъ до чю залѣтна.*

Замазуля, и, общ. Неопрятный, запачканный.

Замолѣтиться. Наговорить много вздора, завраться.

Заманути. Заманить куда-либо. *Онъ замануло еї въ лѣсъ по людки.*

Заматерѣть. Начать бранить матерно.

Заматерѣтися. Заматерѣничить (ся)—начать браниться матерно.

Заматюг(к)атъ. 1) Начать браниться матерно. 2) Изругать матерно.

Заметюкнуть. Выругать матерно.

Замерекъ, а, и. Первый снѣгъ въ самомъ началѣ зими.

Заметѣтить. Начать метелить (о метели). Безл.: *Заметѣлио*—началась вьюга.

Заметблістый, ая, ое. Съ частыми метелями.

Заметель и заметель, и, ж. Вьюга, метель.

Замилой, ая, ое. Очень милый, любимый.

Павуха у насъ замилой человѣкъ.

Употр. и какъ существ.

Ахъ, ты, замилой! Погостить пріѣхалъ?

Замирѣться (замирѣтися). Мириться, заключать миръ. Употр. и съ пред. на. *Они замирѣлись на этомъ... на часъ времени...*

Заморѣтить. 1) Начать морочить. 2) Обморочить.

Заморушекъ, шка, и. Заморышъ.

Была у нихъ только курчонокъ, не курчонокъ, а такъ... заморушекъ.

Замѣтло, безл. Забылось, не вспоминается.

Впрно не скажу тебѣ, стара стала: замѣтло.

Замуравѣть, ыль. Начать покрываться маленькою густою травкой

Замуслакать. Замуслить, заслюнивить.

Замѣна, и, ж. Что либо, могущее въ извѣстномъ отношеніи сойти за другое. *Борода не вреда, а глаза замѣна* (погов.).

Занапрасный, ая, ое. Напрасный, тщетный, безрезультатный.

Нарѣч.: *Занапрасно*—Занапрасно, мальчикъ ходишь,

Занапрасно ножки бѣшь: Ничего ты не получишь... (пѣсня).

Занардкъ, нарѣч. Нарочно, съ умысломъ.

Занѣза, и, перевосно (общ.). Обидчивый, придирчивый, задорный человѣкъ.

Ты, видать, замоза! Ты парень—заноза. Дѣвки—зимоза.

Заорѣтъ, перех. Взрѣть поле (землю) косулей (напр. передъ боронованіемъ его).

Запанъ, а, и. Женскій фартукъ.

Запѣстоватый, ая, ое. Въ серединѣ толстый, а на концѣ круто заостренный.

Заполѣбѣть, ыль. Затвердѣть, сдѣлаться жесткимъ.—*Дождя не было, земля и за-полѣбѣла.*

Запросватывать (Запросватать). Уговариваться съ родными невѣсты (это дѣло свахи) обѣ условіяхъ брака, приданомъ и проч., а также «пропиваться» невѣсту (дѣлается это въ домѣ невѣсты. Собираются гости, которыхъ угощаютъ. Невѣста причитается). Иначе—справлять говорки. *«Еленюшку запросватами ужъ, а рукобитѣ опосля будетъ»*. Эта пирушка (говорки, пропой, слово) и называется «запросватанье».

Заплѣтиться. Начать смотрѣть выиучь глаза; начать смотрѣть пристально, упорно. «Ты чеко на меня заплѣлся?»

Заскорбнуть, у. Безличн. Затвердеть, стать жесткими.—*Полушубокъ совсъмъ заскорб-
мую. Тряпка ночесъ сисьма на морозъ и заскорбла.*

Заскорбнуть, уль Зачергствѣть.

Пирокъ-та заскорбумий.

Заснѣха, общ. Соня.

Экій барчукъ у васъ! Вотъ заснѣха: до полудня дрыхнест!

Заспиртиться, рюсъ; рятся. 1) *Наши ребята какъ схватятся, да заспорятся,
даже хотѣть изъ дома бѣжіи..*

2) Начать биться (удариться) о закладъ. *Заспорились они о трёшинѣ.*

Застрѣха, и, ж. Конёкъ у избы.

Засѣть, а, и. Первый посѣвъ зеренъ, т. е. начало сѣва, сѣянія. Засѣвъ дѣлаетъ мужчина или женщина. Выйдя «на полосу», крестятся, кланяются на четыре стороны и, бросая первую горсть зеренъ, говорять: «Уроди, Боже, всѣмъ православ-
нымъ христіанамъ».

Засѣвать (засѣять) перех.—дѣлать (сдѣлать) засѣвъ.

NB. Въ Кубанск. обл. въ этомъ же случаѣ говорять: «Уроди, Боже, жито, на-
шавѣцу и всякую ражнѣцу».

Затирѣть, (затерѣть), перех. Здавливать, спирать чѣмъ-либо.

«*Затѣрло Суворова съ пирогамъ*»—(тв. пад.)—погов.—говорять, когда не
посиѣваютъ сдѣлать что-либо.

— *Ахъ, рѣдная, дѣла-та сколька! Еле поспѣшишь! Затѣрло Суворова съ
пирогамъ!*

Затрепескаться, аюсь. Затрястись, затрещаться. *Я отъ смиѳу даю вся и затре-
пескалась...*

Зафѣркать, аю. 1) Начать фыркать. 2) Начать огрызаться.

Захвѣрвать (захварять). Заболѣвать (Заболѣть).

«*И отъ простуды захварываются.*

Захилѣть. Стать хилымъ, захирѣть. *Совсѣмъ ты захилѣлъ... еле ходишь.* (Зам. Не
знаю, соберусь ли съ силами написать къ Б. Я., такъ морально и интеллекту-
ально охилѣлъ. А. Турген. «Хрон. русскаго» Современ. 1836 г. Г.).

Захлебаться, аюсь. Захлебнуться. *Я на рѣчкѣ чутъ ле утопла: совсѣмъ было
захлебалась.*

Захломостить, мощу, мостѣть, перех. См. хломостить.

Заходить. Случаться. *Въ чемъ тутъ трыхъ зашелъ?*

Зацапать и **зацарапать**, перех. Замусливать, захватывать, запачкать руками (отъ чего-либо
грязными).

Зачинать, перех. Начинать. *Зачинай, Митрій, пѣсню, а мы ужъ подтянемъ. За-
чать. Зачала (зачала) я это ужъ бѣлье мять, глядѣ... тетка идетъ.*

(Ср. Иль то капли дождевыя

Зачинающей грозы? (Тютч., 100).

Зачинаться (Зачаться). Начинаться. (Ср. Зачинается разсказъ
Отъ Ивановыхъ проказъ.

Ерш. К. горб.).

Затумѣть. Одурѣть. *Намедни до тою я въ печи напарилась. что было ужъ за-
чумѣла.* (Ср. «30 верстъ отъ насъ карантинъ; выпрошу позволеніе отправиться
туда, зачумѣю... Батюшк. Пис. Гнѣд. 1815 г.»).

Зачухаѣть, перех. 1) Начать чуять. Собака зачухала штой-то. 2) Начать привюхиваться.

Зашекотѣть, кочѣ, кдѣтъ; тѣшь, тѣтъ, тѣтъ.

1) Начать щекотать.

2) **Зашекотать**.—*Баринъ ко мнѣ въ пішевни закатился (забрался) да чутъ
меня од-смерти не зашекотилъ.*

Зашѣлка, и, ж. Приспособленіе для удержанія дверей закрытыми, для запиранія ихъ;
дверной запоръ. Уменьш.: **Зашѣлочка**, и **Зашѣлкивать**. *Зашѣлкнуть дверь—
запереть ёе защелкой.* (Ср.

Сбранкула защелочка серебряная.

(Шишонко. Оп: изъ нар. тв. 208. Пермск.).

Заявлаться (заявиться). Ноказываться, объявляться, являться. *А, заявился! Давно тебе не было!* (Ср. Да и спросить не у кого.. «Заявился швейцару?»—Заявился. Заточниковъ. Покрывало обм. Еж. Соч. 1900. XII).

Зашелушить, перех. Начать лущить. *Дъёдочки столячки защелушили.*

Зайдать. Кромъ обычного значенія: 1) о какой-либо ъдкой жидкости—начать щипать.

У меня отъ уксусу руки заплю. 2) перех. Загрызать; изводить постоянными попреками, замѣчаніями. *Менихъ скрьгъ заподаетъ...* *Поподомъ пытъ...* *Она меня совсѣмъ заплы.*

Задѣсть. 1) Ведя праздную сытую жизнь, излѣниться. *Матрена, какъ была въ дѣтѣхъ, такъ работала, а теперь ничего не дѣлаетъ: заплыла!* 2) Заважничать отъ сытой, лѣтней жизни. *Ихъ, теперь къ наложѣнію не кажется...* *заплыся!*

Звонкій, ая, ое. О звукѣ: 1) высокій по своему тону, пронзительный. *Звонкай у тебя голосокъ-ти!*

2) Громкій, сильно звучащий (имѣется въ виду сила звука). *Мать моя, золотище-то какой звонкай!* (Ср.

Голосъ мой не звонкой.

● Луж. Велк. и. п. III. 357.

Звонкіе ладони: Курск. Тамъ-же. Терск Сб. 1891 г.

...Придастъ фонтанъ надъ звонкими камнями.

Фофан. Больная.

..Сочатся звонкіе ключи.

Фоф. Монологи, 49)

Звонко, прилаг.-сказ. (въ обоихъ знач.). *А и звонко же онъ поѣтъ. Звонко по мордѣ ею ѡдарилъ.* (Ср.

Дѣвка платье мыла.

Звонко колотила.

Самар. Вел. и. п. I, № 452.

Дѣлали гусельцы звонко на звонко.

Рукоп. Сборн. Публ. Библ. XVIII в. № 57.

Вхаль грушникъ и звонко кричаль: «Са-адова-ай».. Горькій. Троє. Онѣ звонко распѣловали Ольгу Алекс. Гиппіусъ. Смирновъ).

Звончай. Сравн. ср. Да вы, дѣвочки, пѣсню-та звончай пойте!... (Звончай: Курск. Вел. я. п. II, 487.

Сопоставь:

И звенѣль раскатъ

Соловьевъ ночныхъ...

Фоф. Равлуха.

Подъ половьями звенѣль снѣгъ. В. Успенск. Странники. Жизнь, 1901 г. (Настя) такъ бывало и звенить какъ птичка. Тамъ-же. (Вѣтеръ) плачеть въ печныхъ трубахъ, звенить дождемъ въ окна. Гнѣд. Рабѣ.

Звонить. Кромъ обычн. знач. еще: съ вин. п. или предл. о, проболтать. *Буде тебѣ мупости-та звонить. Она гораздо обо всѣмъ звонить; лзыкъ-та у нею во какой длиннай...* (Замѣть:

Что за рѣчушкой за быстро

Во новой ввонъ бывутъ?

Гроецк. Варш. Г. В. 1891 г.).

Звѣздышка, и, ж. Уменьш. отъ сл. звѣзда.

Эти звѣздышки сила наша..

(Зам. Гроецк. Варш. Г. В.).

Здоровѣхонкій, ая, ос. Очень здоровый. *Мальчикъ у насъ здоровѣхонкій.* (Здоровѣхонкій: Пѣсен. 1821 г., III. 216).

Здоровѣшенькій, ал, ое. Очень здоровый. *Она здоровѣшенька...* *Чего ей сдѣлается-та отъ тою, что съ воза упала!* (Здоровѣшенькій: Пѣсен. 1780 г. III, 96. Олон. Г. В. 1868, № 24. Волог. Сб. IV. 355).

Здоровый, ая, ое. 1) Обладающий хорошим здоровьем. *Здоровое*—прилаг.-сказ. *Ты водку не пей: тебе это не здорово*. Какъ привѣтствіе при встрѣчѣ: *Здоровъ старика!* *Здоровое*: сравнил. ст. *Оно здорѣетъ меня*. (Сравни:

Здоровово-ль ночку ночевала...

Курск. Вед. и. п. II. 565.

Здорово, сестрица, здорово!

Ів. Кур., Дон., Волг., Самар., Олон. 4, 3, 562, 561, 560.

Только что пообѣдалъ: сидѣть не здорово, запрещено. Станк. Пис. Невѣрову 37 г. Душевно желаю, чтобы вы и М. К. здорово и весело кончили свое лѣченіе... Станк. пис. К. 39 г. Здорово ли у васъ? Какъ ты поживаешь? Батюшк. Пис. Гнѣд. 1808 г.

Я прихожу домой здоровѣй,
И ночью снится Клара Штихъ.

Станк. пис. брату, 38 г.)

2) Большой, оказывающійся не по силамъ. *Этотъ дрюкъ та здоровый: я ею не стащу*. *Здоровое*: прилаг.-сказ.—со значеніемъ: сильно, крѣпко, хорошо. *Здоровое она меня въ ухо треснула*. Хорошо скучались?—*Здоровово!* (Ср. Сонька уроки даетъ. Она—здороно! Рублей по 12 въ мѣсяцъ привносить. Горькій. Троє.).

Здѣмать. Вздумать, задумать, надумать. *Здумаль она въ городъ попѣхать*.

Зѣкалки, локъ, ж. Глаза; То же, что «бѣльма». *Чею зекамки та выступають?*

Зѣнки, нокъ, и. То же значеніе.

«Ой, у друженѣки
Рожа, какъ прѣсло!
Ой, у друженѣки
Зенки, какъ склянки.

(или: «глазки, какъ салазки»).

Зимогрѣ, а, м. Оборванецъ, босякъ. *Куда за нею злумужъ итти: она зимоюръ*.

Уменьш.: *Зимогорюшкъ, шки*.

Злѣбиться, злѣблюсь, злѣбится (озлѣбится, позлѣбится). Сердится, питать злобу. *Чево жъ ты на меня злобишся?* (Ср. На всѣхъ злобясь... Нонѣ, братъ, народъ не прежний. Короленко. Въ гол. годъ. Арзамасъ).

Зрѣшный, ая, ос. Дѣламый зря, попускому, *Дѣло-та, я вижу, у васъ зряшное* (Ср. А вотъ, говорю, что зряшной ругани вашей не хочу больше слышать. Горькій. Ф. Горд. Замѣтъ: Да, можетъ, опись эта зрящая? Нужно посмотретьъ ее... Селезневъ. Хуторск. разск. Недѣля 94 г. III).

Зѣкнуть. Издать громкій звукъ: громко крикнуть, скиснуть и т. и. *Я какъ зѣкну, да къ зѣкцу изъ куста-ти выскочилъ и отъ меня кубаремъ и пошелъ, и пошелъ*.

НВ. У Горькаго (Троѣ): «Потомъ Петруха ва меня какъ зѣкнетъ! Ты, говорить!.. Гони, говорить, вонъ Ильку». «Чего тамъ не смѣла! зѣкнуль воевода». Полевой Госуд. Кречатникъ.

Зѣвордтка, и, ж. 1) Ротозѣйка. 2) Глупая, несмысленная, простая женщина.

Зѣзи, и, общ. Простофиля. (Ср. Пинеж.: зюзя—пьяница; неряха. Слов. Подв.).

И.

Изматерѣть, рю, перех. Изругать матерно.

Изматерѣнничать, аю, перех. Изругать матерно.

Изматерѣнничаться. Привыкнуть ругаться матерно.

Извозолить, лю, лять, лиль. перех. Натереть мозоли. Извозолилъ руки. То же, что смолить.

Изнѣчка, и, ж. Спина. *Минь спать либо на боку, либо на изнѣчкѣ*.

Индюха, и, ж. Гордливая женщина.

К.

Казакъ, а, и. Женская дешевая кофта въ талію. (Это слово, очевидно, въ связи съ сл. казакинъ).

Казѣть, казу, казутъ Показывать.—*Какъ я буду казать, даъ я маза назадъ* (погов.).
(Ср. Здѣсь повсюду земля кажется видъ опустошенія и безплодія. Батюшк. Отр. изъ пис. о Финѣ.).

Казѣться. Показываться. *Я ему три дни на маза не казалась.*

Камдній, ая, ое. Тоже, что закомѣлістый.

Картомѣтъ избѣ—приготавлять избу для «гулянья» (посадѣлокъ), которыя бываютъ съ Петрова дня до Покрова. Гуляютъ все время въ одной избѣ. Расходы несутъ парни. *Приходите, дѣвицы: нужно избу картомѣтъ* (Ср. въ Арханг. г.: ко(а)ртѣніе—отдавать, брать въ аренду. Отъ зырянского картемъ—залогъ, прокатъ Слов. Подв.).

Картофельница, ы, ж. Кушанье: печеная картофель съ яицами и молокомъ (всё это запекается въ печи).

Картофница, ы, ж. То же, что картофельница.

Картушива, ы, ж. Увелич. отъ сл. картошка.

Катдѣкъ, тка, и. Землед. орудіе (тяжелый деревян. валь; на ось которого насажены оглобли), которымъ укатываютъ землю, напр., яровое поле послѣ того, какъ его заборонуютъ.

Катышекъ, шка, и. и катышокъ. Круглый кусочекъ, шарикъ изъ чего-либо.

Уменьш.: *Катышечка*, чка.

Кладеній, ая, ое. Холощеній. Кладеній быкъ.

Клѣщи, сѣ, и. Клещи.

Клокѣтить, чу, тиши, тать. О волосахъ: путать, ерошить. «Не клокотать свою голову».

Клокѣтиться. О волосахъ: сбиваться, путаться. *А ты чеси голову, а то клокатиться будѣтъ.*

Княжій (княждѣй) столъ—первый «столъ» (обѣдъ) у новобрачнаго. Бываетъ обычне на второй день свадьбы (т. е. вѣнчанія). Если же онъ бываетъ въ одинъ день съ вѣнчаніемъ, то свадьбу зовутъ «обмѣнной» (однодневной, въ одинъ день сыгранный).

Княжнѣца, ы, ж. Раст.: смородина красная

Кобылице, и, ср. 1. Увелич. отъ сл. кобыла. 2. Бранное слово (относ. къ женщинѣ).
Что ты, кобылице окажнная, орѣмъ!

Коковать, кокую. 1. О кукушкѣ: куковать. 2. Горевать, печалиться. 3. Говорить иронично.

Колосникъ, а, и. Жердь, положенная на переводахъ въ ригѣ. На колосникахъ сушить хлѣбъ.

Колдтикъ, а, и. Растеніе болотное или рѣчное; растеть подъ камнами.

Ображая невѣсту къ вѣнцу, всыпаютъ этотъ сущеный «колдтикъ» въ ея чулки или башмаки (отъ «порчи»).

Иначе зовутъ (тутъ же)—*колдтина*, ы, ж.

Колупать, перех. Задирать, заковыривать, отковыривать. Сов.: *колупнуть*.

Колупаться (колупнѣтъся). Задираться, заковыриваться, отковыриваться.

У меня стъмячки не отъ зада колупаются, а на денежки покупаются.

Колѣть, ѿ. О скотинѣ: умирать.

Корова колѣтъ.

Колѣлый, ая, ое. Дохлый. Колѣлая лошадь.

Комель, я, и. Стволъ дерева. У растенія—стебель.

Комлеватый, ая, ое. Закомельный (см. сл.).

Конѣха, и, ж. Лихорадка. (Ср. въ Онеж. у.: комдха—лихорадка. Слов. Подв.).

Конѣзъ. «Фу-са, какой конѣзъ: *стъмы арбузъ, отрынулось рѣдѣкой!*» погов.

Говорить, когда вѣдѣто чего-либо ожидаемаго получается совсѣмъ обратное.

Кончаться (кончиться). Кромъ обычн. знач. еще: умирать. *Вчера чутъ съпѣтъ начало, дѣдушка и кончился. До утра не дотянула.* (Ср. Онъ (выстрѣль) покатился въ темнотъ и кончился гдѣ-то далеко за моей спиной. Чеховъ. Сват. ночью).

Конь, и. То же, что конёкъ (у избы), застрѣха.

Ковыльевый щавель—кононъ щавель.

Коробѣщикъ, и. Тотъ, кто везетъ приданое невѣсты (везутъ его въ домъ жениха обычно на 2-ой день свадьбы).

Коровка, и, ж. Бѣлый грибъ.

Коровѣкъ, ѣ, и. Дурной, скверный, а также безобразный человѣкъ. *Живучи на стѣку, придется дать и коровяжку* (погов.).

Корѣха, и, ж. Корь. У ребенка-то кориха.

Корѣвый. ая, ое. 1. Шероховатый, съ сучками, не гладкій. 2. О лицѣ: не чистое, съ рябинами, болячками и т. п. *Что корявые, рѣбые—мои други все мыши...* (пѣсня).

Косокъ, ска, и. Косой уголь, кусокъ чего-либо.

Косдочекъ, и.—уменьш.

Косѣля, и, ж. Землед. орудіе: плугъ съ косынью (отрывомъ). Имъ «орѣть» землю. Потомъ её боронуютъ. См. Лембѣкъ.

Косынка, и, ж. Ласкат. отъ сл. коса.

Не бери ты, моя голубушка,
Да мою да русу косынку...

(Изъ причета).

Косѣкъ, ѣ, и. Подоконникъ. Оперлась я на косиѣкъ, гляжу въ оконечко...

Кѣченъ. Род. п.: кѣчения и кочнѣ. и. Кочанъ, голова капусты.

Кѣчка, ж. Засохшій на дорогѣ комѣ земли.—«Голова не кочка, что-нибудь да здѣмаетъ» (вадумаетъ)—погов.

Кошёночекъ, чка, и. Уменьш. отъ кощей.

Она совсѣмъ кошёночка: ровно высохла. Въ томъ же знач. *Кошёночка*, и, ж. Она теперь словно кошёночка, худенькая стала.

Красный, аи, ое. Красень и краснѣ, краснѣ, краснѣ. Кромъ обычнаго значенія:

1. О погодѣ: хороший, погожій, солнечный. *Когда краснѣ, дакъ на улицы хлѣютъ.* (Ср.

Я восхіщенъ природой красной...

Батюшк. Воспом. 1807 г.

О, юность красная, цѣѣти...

Бат. Сов. дружъиль).

2. О лицѣ: красивый. *Парень этотъ не краснаво лица...* «Дажь што-то: съ лица не воду пить!»

3. Поговорка: *Красна птица первомъ, а человѣкъ учонѣмъ. Краснѣ коле пшено мѣ, а беспѣда умомъ.*

Замѣтъ: *красота.*

«У тебя, голубушка... Вѣлы рученъки подъѣмчины ко моей да ко русой косѣ и къ моей дѣвьей красотѣ» (причетъ).

Край. «Знай край, да держись — не падай» (погов.)—соблюдай во всемъ иѣру, будь остороженъ.

Кривулѣчка, и, ж. Закорючка, крючекъ.

— Въ рукахъ у нею палочки, а ручка то у неї кривулѣчкой.

— На матеріи такія кривулѣчки розоватеньки.

Крѣнка, и, ж. Глинняный невысокій кувшинъ, въ серединѣ утолщающійся.

Уменьш.: *крѣночка.* Переи.: *крѣночка сѣтѣя* (т. е. со снятыми съ коленъ пѣнками, сливками)—дѣвушка, утратившая невинность до замужества.

Крѣшево, а, ср. Нашинкованная капуста.

Кровѣще, и, ж. Увелич. отъ сущ. кровь.

Крышка. Въ выраженіяхъ: «пришла, сдѣлалась крышка»—умеръ.

Кудрявиться (закудрявиться). Виться, завиваться. У нею волосы кудрявятся. (Ср. Крупные, головастые кочни капусты кудрявились. Полевой. Челов. предполагаеть). Кукать, перех. Стукать, колотить. Ужъ я ей кукала, кукала. Кудакъ. *После драки кулаками не машутъ* (погов.). Курница. «Ровно курица стоячаго оббежжть, курица стоячаго оббежжть»—погов.—говорится, когда хотять указать на медленность движенія. Курныкать, аю. 1. О кошкѣ: мурлыкать. 2. Говорить себѣ подъ носъ. 3. Печалиться, горевать. Кутельба, и, ж. Заметель (см.). Кутѣкать, аю. 1. О курицѣ: кудахтать. 2. Говорить вперемѣшку, торопясь, сбивался. Куть, и, ж. Прихожая въ избѣ.

Л.

Лемехъ, а, и. Большой широкій зубъ, находящійся передъ отрѣзомъ (т. е. левіемъ) косули (плуга). Зубъ этотъ деревянный; иногда для прочности оковывается жестью. Ленъ. Въ погов.: «Севодни выпалася я что бѣлый ленъ!» (Ленъ хорошо устилается, ложится рядами, а потому тутъ имѣется въ виду, что было удобно лежать). Лепестъ, а, и. Большой листъ (растенія). Лепетать. 1. О говорѣ ребенка: говорить. 2. Говорить быстро, невнятно, какъ бы захлебываясь. Залепетать—начать лепетать. Въ томъ же значеніи: лопотать, почу, почать; замопотать. Лизавица, и, ж. Улитка. (Замѣтъ, что обѣ улиткѣ говорятъ: «Улитка пойдѣть, словно лижеть»). Линялый, ая, ое. Линячій. Ситець линялый. Лічишко, а, ср. Уменьш. отъ сл. лицо. *Личинко то маленькое, бородёнка чернаж...* (Въ Куб. и Терск. обл.: лѣчинко). Луговина, и, ж. Нонь, цѣлана; земля, еще ни разу не паханная. Лукдшко, а, ср. Круглая, неглубокая корзина, въ которой несуть хлѣбныя зерна для свяинія. Къ ней прикрепляется ремень (или веревка), перекидываемый черезъ плечо. Иначе—сѣтево, а, ср. Лушать, щѣ, щать. Сдирать скорлупу. *Лущить стѣмячки—грызть ихъ.* Лѣдѣлый, ая, ое. Хворый, хилый, болѣзненный. То же, что залидѣлый. *Мальчишка совсѣмъ лѣдѣлый... какъ душа еще держится!* Лѣпушка, и, ж. Какая-либо замазка для запѣлки чего-либо. *Вишъ, стекло въ окно треснуло... Надо каку-нибудь лѣпушку сдѣлать да замазать.* Лядѣлый, ая, ое. Плохой, негодный, хврый, болѣзненный. Лядѣть, ѿ. Хворать, хирѣть, болѣть.

М.

Магазѣя, и, ж. Общественный амбаръ. Макаташечки, шечекъ, ж. Женскія груди. *Макаташечки Христовы* Прикатили изъ Ростова! (погов.). Маковыи, ая, ое. Красная девочка, Спей-ка изъ рубашечку Извъ макового листа;

Прострочи строчку,
Не прорви листочка... (песня).

Макъ—символъ дѣства. Сравни:
Что и маковый цветокъ,
То молодушки у насъ.

Тул., Волог. (Шейнъ. Великор., вып. I, 75, 77).

Мастерить (смастерить) перех. Дѣлать что-либо, т. е. какую-либо вещь. *Ты что это мастеришь?* Да вотъ погожечку для мальчонки. (Ср. Несколько новыхъ творений у меня не появилось съ того дня. Я только мастерилъ и отливать формы.. Ибсенъ. Когда мы мертв. просн. Пер. Бальт. и Полякова).

Матерщникъ, и. Тотъ, кто матерно ругается.

Женск. р.: *Матерщница*.

Матюгать. Сов. видъ: *матюнуть*. Ругать (выругать) матерно.—*Онъ меня здорово матюнугъ.*

Матюкать (матюкнуть), перех. То же значение.

Матюшникъ, а, и. Тотъ, кто ругается матерно. Такъ же: *матюжникъ*.

Меринчай. Прилаг. отъ сл. меринъ. (Зам. Мерашка—лошадь. Донъ. День. 1862 № 28).

Миагиръ, я, и. Наука.

Милокровый, ая, ое. 1. Хорошій, милый; 2. Красивый.

Модѣть, ъю. Хирѣть, болѣть.

Молодѣхонъкъ, ая, ое. Очень молодой. *Благослови меня да молодѣхунъку...*

Молодѣцъ, дца, и. Кромѣ обычн. знач еще: неженатый парень.

Молѣдка, и, ж. Женщина, недавно вышедшая замужъ. Иначе: *молодуха*.

Молотило, а, ср. Цѣпъ.

Моржуха, и, ж. Верестъ. Пронзн.: *моржжуха*.

Мунн. См. Шуни.

Муслякать, аю. Слюнявить, муслить.

Мальченокъ мой свою куколку всѣ муслякаетъ.

Мутѣвка, и, ж. Деревянная мѣшалка (съ развилиами на концѣ) для чего-нб. жидкаго; весѣлка.

Мышакъ, а, и. Собачій грибъ.

Мѣра. «Когда рожь, тойда и мѣра» (погов.), т. е. всему свое время.

Масинна, и, ж. Мясо.

Н.

Навернѣть на что-либо—захотѣться, потянуть на что-либо.

Другой разъ еї на такую надостъ навернѣть...

Навозница, и, ж. Время, когда вывозятъ со двора навозъ (передъ Петровымъ днемъ).

Набѣка, и, ж. Набѣгъ. *Сюдня ужъ наѣмка рабочихъ била*.

На-короткѣ, нарѣч. выраж. Въ короткій срокъ.

Нарѣчникъ, а, и. Наружный ставень (у окна).

Намѣй, ая, и. Синякъ. *У меня намѣй на руки...*

Намѣй, я, и. Низменное мѣсто, затопляемое водой; замѣй.

Напбримъ, нескл. Напрямикъ.

Нѣ-прямо. Совершенно прямо. «Бду я нѣ-прямо въ лѣсъ». *Прямо на-прямо.* Совершенно прямо. «Ты это ему на-прямо и сказаљ? — Такъ прямо — на-прямо и сказаљ».

Насандаливать (насандалить). Усиленно, быстро дѣлать что-либо.

Настолѣщикъ, а, и. Скатерть, на которой обѣдаютъ.

Начѣсывать (начесать). Зачѣсывать.

Начѣсываться (начесаться), прїчѣсываться, зачѣсываться.

Куда мнѣ начѣсываться?—«А што, разви простого лохой ходить лучше?—

Непереносный, ая, ое. Трудно переносимый. «Боль у меня у живота непереносная».

Неудалый, ая, ое. Гадкий, плохой, неважный.

Неввордящий, а, и. Раст.: Полынь подевая (*Artemisia campestris* L.).

Низкокопытливый, ая, ое. 1. Кланяющийся низко. 2. Занискивающий, лягушатий.

Ножище, и, ср. Увелич. отъ сл. нога. «Подъ старую жопину—молодая ножища»—погов. (о неравномъ бракѣ, когда мужъ старый).

Ночевывать (ночевать)—проводить ночь во снѣ, спать.

Нутречъ, а, общ. Холощеный; лишенный яичекъ. *Кошка-нутречъ. Плутухъ-нутречъ.*

0.

Обдѣжить, перех. Шерен.: сильно выругать. *Ну, и хотѣла я ею обдѣжить!*

Обдѣпываться (обдѣваться). Пачкаться, забрызгиваться чѣмъ-либо жидкостью. Гл. дѣйств. обдѣпывать.

Обнѣка, и, ж. Объятіе. *На бесподѣлъ (посидѣкахъ) та тенеръ парень съ фокой съ обнѣкомъ сидѣть.*

Уменьш.: *Обнѣмочка.*

Обирать (обобрать). Собирать что-либо всѣ до-чиста. *Я съ лавокъ всю зрячу оббрала (и оббрала).*

Обормотъ, а, и. Соблазнитель женщина; тотъ, кто пристаетъ къ нимъ съ дурными намѣреніями. Негодай, низкій человѣкъ.

Презрительство: *обормотина, и, и.*

Обоснѣваться. Заслаться; спать слишкомъ много.

Что это вы обоснѣались севоднѣ?

Обуваться (обуться)—съ предѣл. въ. *Въ сапоги обулась.*

Обшмыгать. Обшарить, обсмотрѣть. «Весь домъ обшмыгалъ, а ключа не нашелъ».

Обѣдѣривать (обѣдѣрать). Обходить косудай, сохой, плугомъ вокругъ чѣмъ-либо, проводи борозду. Обѣдѣрываютъ, напр., деревню при «пovѣtrї» (повальной болѣзни)—ночью, до восхода солнца.

Обѣдѣній, ая, ое. Въ одинъ день совершающійся. См. *княжій.*

Оводно, искал. Много оводовъ (спѣшилъ).

Холодно, да лучше: не оводно.

Озимовѣй, ая, ое. Озимый.

Одноконка, и, ж. Косуля, соха (плугъ) въ одну лошадь.—Вообще и какой-либо экипажъ въ одну лошадь.

(Замѣтѣ: Въ Кубанской обл. перекладную, въ которую заложено двѣ лошади, назыв. «шаровѣнка»).

Однокѣсный, ая, ое. О женщинахъ: съ косой, заплетенной въ одинъ жгутъ.

Окартомѣтъ, илю, мать. Соб. въ гл. картомить (сн.). Чѣмъ, дѣвицы? *Окартомѣти сѣбѣ избу?—«Нѣтъ, еще не окартомѣна».*

Окѣтда, и, ж. То, во чѣмъ путаются, закутываются; то, чѣмъ окутываютъ чѣмъ-либо.

Омолоднѣться. Оскоромиться. (Ср. въ Арханг. г. Молоднѣться, измолоднѣиться, обновлѣніться—скоромнѣться, оскоромнѣться. Слов. Подв.).

Опѣривать (опѣрить). Паромъ обжигать. *Я кака мылаась въ почѣ (въ деревняхъ бани вѣтъ) да паримась, даас спину себѣ всю опарилъ.*

Опѣриваться (опѣриться). Обжигаться паромъ.

Опрытъ. Запрѣтъ. *Больно толста баба стала: мыломъ опрѣсть.*

Опустѣть. О почвѣ: истощиться. *Земля опустѣла, не родитъ.*

Откладывать, перех. Отодрать за волосы.

Откѣдывать (откѣдить) кровь—пустить (пускатъ) кровь.

Отовладѣть, перех. Отобрать у кого-нибудь что-нибудь себѣ во владѣніе.

Отпидничать. Закусить во время перерыва денней работы.

Отрыгнѣться (отрыгнуться). Выйти отрыжкѣ.

Весь день яйцами отрыгается.

Отрѣзъ, а, и. Лезвіе косули (см. сл.).

Отстава́ть (отстать) отъ чеголибо (и безъ предл.). Перестава́ть дѣлать чеголибо.

Пока не нахочочусь веюю, жить не отстать.

Отстань ты отъ каши! Голоденъ што ли... Вѣдь облонаешься...

Ощущи́ть, перех. Сильно ударить, огрызть.

Я сю́ такъ по юлости памкѣ ощущила, што дому помнить будемъ.

П.

Падкій, ая, ое (съ предл. до). Весьма склонный къ чему-нб., охочій до чеголибо.

Что коротка—короткѣ,—До робята она падкѣ (пѣсня).

Палѣвочникъ, а, и. Попка у стѣны.

Паренина, и, ж. Паровое поле. Говорится и прямо: «паровѣ». Это яровое.. Это паровое. (Зам. Батюшки мои, родные мои, паровая бягвть, паровая бягвть! Донъ. День 1862 г. № 28. Паровая—пароходъ).

Паужка, и, ж. Закуска, закусываніе передъ ужиномъ, т. е. въ 4—5 часу.

Пѣрвое Воскресѣніе—первое послѣ Петрова днія воскресеніе.

Первохристосованіе, я, ср. Яйцо, полученное отъ кого-нб. при первомъ христосованіи («христосаніе, христосованіе») послѣ Свѣтлой Заутреніи.

Переждѣться. Задѣться, соскучиться ожидая.

А мы ужъ сась переждамъ! Думали, што не придѣте.

Пережінь, а, и. Родъ колдовства въ полѣ съ хлѣбомъ. Дѣлается для того, чтобы привлечь къ себѣ удачу («спорынъ»), а на другихъ напустить обратное. Для этого срѣзываютъ перекрученный пучокъ колосьевъ.

Передгъ, а, и. Земля, покинутая на время вслѣдствіе истощенія почвы.

Перелѣтный, ая, ое. Престарѣлый.

Перелѣтная невѣста—невѣста, вышедшая изъ лѣта замужества.

Перекѣтка, и, ж. Черевѣдельникъ.

Перемѣтникъ, а, и. Черевѣдельникъ.

Перепечѣ, и, ж. Коровой хлѣба, который каждый, желающій говѣть, даетъ священнику въ тотъ день, когда священникъ приходитъ въ село съ «постной» (см. сл.) колѣтвой.

Перъе, яя, ср. собир. Перъя.

Красна птица перъемъ, а чистотѣ ученьемъ (послов.). (Замѣтъ слѣд. собир.: Найлучшее пневмическое смоље получается изъ птиц лѣтъ черезъ десять. О смолокуреніи. Всѣгда—помочь 1899 г. VI. Кожи выѣмывать дубовыми корыема—искусство открыто въ Англии. Памятникъ вѣры изд. 1825 г. Молодое подгорье еще не залубленыло. Слов. Дали).

Петровщина, и, ж. Сборь яицъ и сметаны, который производить въ свою пользу церковный причетъ въ началѣ Петрова поста (за этотъ постъ).

Пинать (пиѣть) перех. Пихать, толкать. Собаку ногой не пинай: укусить. (Ср. Позалили Воздухова на полъ и первый... пиналъ его ногами съ грудь. Нов. Вр. 1901 г. № 8949).

Племянка, и, ж. Племянница.

Плѣшка, и, ж. Большая глиняная чашка, въ которой пекутъ коравай.

Плѣшь, ж. На—пѣши капищь, о—пѣши ляпинь, съ пѣши долой. (Загадка. Блинъ).

По-за. Позади. По-за молодцамъ (тв. и.) отъушики стоятъ. Я по-за вакъ (тв. и.) стану.

Повѣнникъ, а, и. Женск. головн. уборъ, который носять только молодухи и старухи (въ родѣ чепчика).

Побѣвшіться. Помереть, умереть.

Дядо-то мой въ ясойдѣ побѣвшился.

Повымотаться. Растратиться. Силушка—та у вась повымоталась.

Погляненье, я, ср. Поглядывье.

Податесье, я, ср. Пространство, и́сто за лесомъ. «Мы по подлесью косили». Си. Залесье. Подножье, я, ср. Кусокъ материи, который кладется въ церкви во время венчания под ноги жениху и невестѣ.

Подокъ, дка, и. У помела—длинная палка, на которую насаживается вѣнчикъ изъ прутьевъ.

Подпорашивать (подшорошить). Посьпать, устилать сизгомъ (о первой порошкѣ).

Замережка (си.) ишио не было, а такъ подпоршило.

Подприкденокъ, ика, и. Маленькая конина возлѣ большой.—Стоитъ конна съ подприкденомъ (скороговорка).

Подсельщина, и. ж. 1. Поселки и усадьбы, находящіеся подъ селомъ. 2. Общ. Жители этихъ поселковъ и усадьбъ.

Подсолинечникъ, а, и. 1. Подсолинукъ (самое растеніе). 2. во множ. ч.—сѣмечки его. Подступать, подступасться. Подходить близко.

Свои собаки гремутся, чужая не подступаися (послов.).

Подсубботничать, чка, и. Что либо сдѣланное подъ субботу.

Подсыхать. (Подсыхнуть). «Сегодня охъ да завтра охъ,—ужъ у меня и живо-тихъ подсохъ» (т. е. подвел). Погов. Говорится про нужду, бѣдность.

Подсѣкъ, а, и. Площадь лѣса, предназначенная къ обращенію въ пашню, съ незы-женнымъ еще лесомъ.

Си. сажиста.

Подходчивый, ая, ое. 1. Быстро подходящій.

Скоры ноженъки у тебя да подходчимъ...

Ко моей да ко русой кости... (прічеть).

2. Дѣлающій что-нб. не просто, а съ «подходами» (т. е. съ хитростью, преду-прѣдѣленіемъ).

Подъ. Преди. «Это лице не подъ лицо,— красное лицо». Погов., т. е. это лицо не къ лицу, не идеть иже, для меня не годится.

Подъѣмчивый, ая, ое. Легко поднимаяющійся.

(Прии. подъ сл. красный).

Подъѣбница, и, ж. Подполье. Въ подъѣбнѣ мыши завелись.

Подымать (поднять) залогъ—расплахивать въ первый разъ землю, никогда еще не на-хаваную.

Позажариться. Черезчуръ зажариться. Поставила я бабку съ укусомъ яички, а она и позажарилась.

Понять. Совершить coitus.

Пококовать. 1. О кукушкѣ: немного покуковать. 2. Погоревать. 3. Поговорить ино-точно.

Покукаакать. Немного побить; поколотить слетка.

Покуринкать. 1. О кошкѣ помурлыкать. 2. Поговорить подъ носъ, побурчать. 3. По-горевать иного.

Покутыкать. О курицѣ: покудахтать.

Поддип, ей, и. 1. Перерывъ въ работѣ въ полдень или около него. 2. Ща, закуси-ваніе въ это время.

Поддничать и поддѣгать. Закусывать во время полуденного перерыва работы.

Въ стаканъ долю поломичатъ не приходится.

Полугодіна, и, ж. 1. Полгода. 2. Въ ед. и множ. ч.—день полугодья чemu-либо.

Полусорочины и полусорочини, ъ, ж. 1. Двадцать дней со дня смерти кого-нб. 2. За-упокойн. обѣдня, совершаемая въ 20-ый день со дня смерти.

Понститься. Безличн. Поморщиться, показаться.

Да что ты! Нешто это жть помстилось?

Понять. Переять, усвоить. Мы эту писню отъ него слыхали и поняли её.

Поперечника, и, ж. Переиздания въ боронѣ, въ которую вставлены «зубы» (зубы).

Попорощить. Медко посыпать; посыпать чёмъ-нб. мелкимъ. — *Сыпь попорощь.*

Нужно бабку сухариками малость попорощить.

Попретить. Начать претить, «*Аппетитъ, пока не попретъ!*» (не омерзеть, не надоесть). Погов.

Попрятаться. Почудиться, померещиться (употр. безл.). (Ср. Чѣмъ тебѣ самому попрѣчилось, старому лѣшему! проворчала старуха. Гейнце. Новг. вольница).

Попутникъ, а, и. Раств.: Подорожникъ. (*Plantago media* L.).

Пораздѣлать. Раскинуть умокъ, подумать. *Сразуничко не скажешь: тутъ надо пораздуматъ...* *А какъ пораздумаю, такъ скажу тебѣ* (Ср. Мѣтъ всегда казалось, что... женщина могла бы повременить... хорошенько пораздуматъ. Лѣск. Разск. Кстати. Нива. 99 г. № 30. Вѣднѣй... вынула изъ-за пазухи камень и замахнула; потомъ пораздѣлалася, бросивъ камень на землю.. Л. Толст. 1-я книжка ч. 7.

«Она порывисто хотѣла прибѣгнуть къ яду... Но пораздумала — и вѣтъ остынетъ и живеть.

Фофановъ. *Поэтесса*).

Ср. Раздуматься.

Посадскій, аго, и. Жулпкъ, мазурикъ.

Посидалка, и, ж. Сидѣница.

Поскрабѣнекъ, шка, и. 1. Кусочекъ какои-нб. ёды, соскобленный, выскобленный со дна посуды. 2. Перец. Послѣдній сынъ у родителей, послѣдышекъ. Въ томъ же знач.: *Поскрабѣнъ.* (Ср. въ Холмог. у.: Заскрабѣнъ — небольшое печеніе изъ тѣста изъ оскрабковъ отъ стѣнъ и дна сосуда. Слов. Подвысоцкаго).

Поскѣлить, лъ. Громко пошлакать.

Послѣдышекъ, шка, и. Послѣдній сынъ у родителей.

Посочить. Немногій выпустить сокъ изъ чего-либо. *Мы намедни березу посочили.*

Поскорѣиться. Дѣвср.: Поскорѣвши. *Они все утро ругались и теперь поскорѣшились.*

Постарѣть. Состариться. *А ешь, баринъ, постарѣши...*

Постная молитва. Въ одинъ изъ ближайшихъ дней послѣ чистаго понедѣльника священникъ созываетъ въ какую-либо избу всѣхъ иерархій и тамъ послѣ молитвы записываетъ тѣхъ, кто будетъ говорѣть.

— У кого постная молитва? «У Еюра Никитича».

Постоловать. Соверш. видъ къ гл. столовать (сн.).

Посмѣянуть. Стать немногій жиглий, обмыкнуть.

Поточить. 1. Погрызть, понадѣлать дырокъ. Жукъ поточилъ доску. 2. Покусать, искушать (о настѣномъ). *Богусь снать тутъ: меня тараканы поточатъ.*

Позвастѣться. Побѣсть себѣ вѣнкомъ, царясь въ бандѣ.

Поздѣнать и поцарапать. 1. Потрогать руками. 2. Растищить что-либо.

Почѣтница, ж. Дѣвушка, которую нарець выбралъ себѣ въ невѣсты.

Почѣтъ, нерх. Почуять.

*Чухаю — почухаю,
Притаду — понюхаю.*

Прахъ, а, и. Переносно: неизвѣстная причина.

«Отъ какою это праха руки чешутся?»

На кой прахъ — Для чего-то; Богъ вѣсть, почему.

*«Вѣ сапоти она обулась,
На кой-то прахъ надулась.
Дулась, дулась, повернулась;
Тую стало — разстекнулась».*

Прженѣцъ, ица, и. Пышка изъ тѣста (такъ же: прженѣцъ).

Прибѣдна, и, ж. Прибѣдника, и, ж. Узкая планка вдоль наружнаго, переднаго края (ребра) скамьи.

Прибываѣтъ. Бѣзл. Прибыло — разнесло (какъ пожеланіе дуриного). «Чтобъ тебя прибыло!»

Прибыль, ая, ое. Оказывающийся прибылью; нарочитый какъ прибыль.

«Сколько овецъ-то?» — Десятъ, да за эту весну прибыло съ шесть.

Если у молодухи (недавно вышедшей замужъ) подолъ закупился (завернулся) — прибылому быть (т. е. сыну).

Привѣтливый, ая, ое. Привѣтливый. Привѣтливъ росто муха лѣтомъ. Я человѣкъ привѣтливый: привѣтлю скоро ко вскому

Припѣвшень, шка, и. Маленький припѣвъ. Къ письмамъ и припѣвушкамъ бывають.

Прискѣтъ. 1. Прибѣжать, неожиданно явиться.

Чею ты прискѣти суда? Тебя еще не хватало!

2. Прискѣтъ.

Присловка, и, ж. Присловье, прибаутка.

Прихватить, чѣ, тать. Схватить, взять крѣпко.

Она сю за руку и прихватила: стой, говорить...

Прихѣнъ, и, и. Любовникъ.

Услыхала отъ мамаши вѣ давнѣ:

Мамаша хвалить прихѣненю моего.

Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ.

Дочка милая моя,

Какой хорошій прихѣнъ у тебя!

Причѣрина, и, ж. То же, что прибона (см.) уменьш.: Причѣрника.

Пришва, и, ж. «Голова какъ пришва», т. е. гладкая, низко выстриженная или лысая.

Пробудь, а, и. Пробужденіе. Спите безъ пробуду.

Простынь, и, ж. Простыня.

Протягать, перех. Протягивать.

Прохочатъся; чѣсъ: Облегчить себя, нахочатавшись; нахочатъся дѣ-сыта. — Охъ, ю-
лубчики, не прохочочусь никакъ!

Процѣловать. 1. Перех. Совсѣмъ зацѣловать. 2. Провести время, цѣлуя кого-нб. 3. «Же-
ланчикъ не процѣлованный» — милый, желанный другъ, котораго все хочется
цѣловать и съ которымъ никакъ не нацѣлешься.

Прѣсло, а, ср. «Рожа какъ прѣсло», т. е. нѣть рожи хуже.

Прѣшеть. Говорить во снѣ.

Пупырышекъ, шка, и. 1. Прыщикъ, волдырчикъ. 2. Пузырекъ въ закипающей водѣ.

Пустошь, и, ж. Сѣнокосное мѣсто.

Пустырь, ё, и. Пахотная земля, покинутая на время вслѣдствіе истощенія почвы. См.
Перелогъ.

Пухавка, и, ж. Что-либо мягкое, какъ пухъ.

У нею волоса, какъ пухавка.

Пылиться. Смотрѣть выпуча глаза.

Что она тутъ ходитъ да пылится?

Р.

Разбоситься. Ходить много босикомъ. Чѣ-то сего дня я разбосился.

Разваливать (развалить) дорогу — устранять на дорогѣ препятствія, вѣшающія проѣзду
по ней (напр., дѣлаемыя свадебному поѣзду).

NB. Заваливать (звалить) дорогу — дѣлать на дорогѣ загражденія.

Раззѣва, и, общ. Разиня, ротозѣй.

Разламывать (разломить). Ломать (о болѣзненномъ состояніи тѣла, напр., во время ли-
хорадки). Употр. бел. Такъ меня и разламываетъ... Всю меня разломило.

Разломило все мои косточки. (Ср.

Моготы моей нѣть за тобой бѣжать,

Разломило мнѣ несть знамя царское!

Донъ. День 1862 г. № 29).

Разодраться. Подраться, передраться. «Дѣ-пьяна напьемся, всѣ раздеремся».

Раздуматься. 1. Раскинуть умомъ; подумать, взвѣшивая обстоятельства. 2. Раскинуться въ думахъ, размечтаться. 3. Раздумать, перерѣшить.

Разжигать (разжечь). Бездлично: разжигасть, разожгло—о повышенной температурѣ тѣла—есть жаръ. «Мальчику такъ и разжигаетъ».

Разорвать. Безл. раздряло—какъ пожеланіе дурного.—Чтобъ тебя разорвало!

Разругаться. Дѣвр.: разругавши. Онь о ту пору былъ съ ней разругавши.

Расстѣхнуться. Расстѣхнуться.

Оно мѣшъ только слово сказаъ, а я и разсмѣхнумасъ.

Разцѣть, а, и. Цвѣть, цвѣтеніе. Что цвѣтеть безъ разцѣта? (Заг.—Сосна).

Разъѣба, и, ж. Непотребная женщина, блѣдь.

Разъѣрѣбъ, я, ср. Разиня, ротозѣй.

Раскимѣкивать, аю. Тоже, растобаривать, точить лясы, болтать попусту.

Да ты не раскумѣкай: говори прямо, что надо-то?

Распахать, перех. Кромѣ обычнаго значенія («Распахать полосу») еще: разбросать, раскидать что-нб. Вы все въ комнатѣ распашите.

Распрашиваться (распроситься)—просить о чёмъ либо долго, усердно, надоѣдливо.

Распѣтѣшь, я, и. Пѣтухъ, лишенный яичекъ.

Молодка, а куда отлѣся наша распѣтушъ? (Замѣтъ любопытное Поморское слово—Арханг. г.—Размужчье, т. е. женщина съ смѣлыми, подобно мужчины пріемами; Слов. Подвѣс.).

Растѣна, и, общ. Неловкій человѣкъ, разиня, неуклюжій человѣкъ.

Экая ты мамина растѣна: ничего сдѣлать не умѣши!

NB. Мамина, т. е. находящійся на попеченіи матери; о которомъ заботится мать.

Родъ, а, и. Семь батюкъ на юду, одна мать на роду. (Погов.).

Руда, и, ж. Кровь.

Изъ копытъ руда бѣтъ...

Рукобитѣбъ, я, ср. Первое пирожанье у невѣсты за недѣлю или днія за три до вѣнчанія.

Рѣчникъ, а, и. Длинное полотенце и вообще полотенце (личное). Иначе: Утиральникъ.

Рѣдкий, ая, ое. Совершающійся, дѣлаемый подрядъ.

Мы по покойничку ряднѣ обѣдни попу заказами; значитъ—до сорочинъ самыхъ.

C.

Саздѣнъ, а, и. Человѣкъ отмѣнныи по своимъ дурнымъ качествамъ (равнозначуще слову «карась»).

А у ней поморовникъ... Да, хорошаю саздна завела!

Такъ же: Создна.

Салазки, окъ, ж. Глазки, какъ салазки (погов.).

Собрникъ, а, и. То же, что повойникъ (см.).

Свистодѣрка, и, ж. Спилетница.

Свѣтѣцъ, тца, и. Подставка для луничы.

Свѣтъ, а, и. При названіи человѣка: милый, дорогой.—Сѣть ты моя рдная ма-
тушка!

Сѣтикъ, а, и. Милый, дорогой, любимый.

— Сѣтикъ та моя ясный, касатикъ ненаглядныи! (Ср.

Свѣтъ ты, моя волюшка;

Свѣтъ ты, моя изгушка;

Свѣтъ ты, моя дѣвичья красота!

Терск. обл. Сб. Панкр. 100).

«Свѣтъ, моя сѣни», «Свѣтъ, моя соловей». Сказ. р. нар. 142.

Сендервѣ. Нескл. Въ припѣвѣ:

Какъ на морѣ-морѣ
Дѣвчка платье мыла,
Громко колокила,
Сухо выжимала,
На берегъ кидала.
Сендерѣй, бринь душа,
Фельма—ферѣть,
Кумъ Лаврентій, кумъ Иванъ!

А что значитъ это сендерѣй?—«Да ничего! Такъ проплюшишь». (Прозн.: сендерѣй).

Скисать (скѣснуть). 1. Напр. о моловѣ. 2. «Скѣснуть»—какъ пожеланіе дурного. *Да уходи ты отъ меня, чтобы тобѣ скиснуть!*

Складчина, и, ж. Складчина.

Скѣрнуть. Твердѣть, дѣлаться жесткими. *Мокрая тряпка на морозѣ скѣрнется.*

Скѣркъ, нескл. На спину, за спину.

Скѣлить, лю, лять. Громко плакать.

Славѣнка, и, ж. Богатая дѣвушка (слава о богатствѣ которой пошла далеко).

Сладкій, ая, ое. Кромѣ обычн. знач. еще: 1. Милый, желанный, любимый.
«Сладкій ты, сладкій, милый мой!»

2. Пріятный, хороший. У *нихъ то миѣ было хорошо.. Житѣе сладкое было.*

Сладко, пріл.-сказ. Кромѣ обычн. знач.: хорошо, пріятно, отрадно, радостно.
Тебѣ, поди, въ городѣ не сладко жилось?—*Стелетъ онъ мяко, да спать то не сладко.—Бѣтъ да пѣть сладко, всегда одѣта, обута...—А и сладко же я цѣловался съ ней!*

Слезовѣй, ая, ое. Слезливый. Да и слезовой онъ человѣкъ: чуть што, сейчасъ плачетъ.

Смѣстачить, чу, чать. Перех. сдѣлать, смастерить.

Смозолить, лю, лять; лиль. Соверш. Перех. Натереть мозоли. «Пакеда къ вамъ шоль, всѣ ноги смозолиль. За этай работай всѣ руки смозолиль».

См. измозолить.

Смордній, ая, ое. Смрадный. Смордно: прилаг.—сказ.

Смідрдѣй, а, и. Смрадъ.

Смѣхъ. и. Въ косв. пад. удар. на концѣ. *Не для смѣху это говорится.*

Мн. ч.: *Смѣхъ*—въ знач. смѣшки, усмѣшки, пересмѣхиванье.

Снѣзки; зокъ, ж. Вусы, завлзывающіяся лентами. — *Ишь, въ снѣзки обрядиласъ, словно въ праздникъ.*

Созднѣй, а, и. См. Сазонъ.

Созднѣцъ, ица, и. Уменьш. и презрят. отъ сл. созонъ. — *Сидѣла въ дѣвкахъ до солнца и высидѣла созонца* (О разборчивой, засидѣвшейся невѣстѣ).

Сонѣля, и, общ. Тотъ, кто много спить, соня. Иначе: *заспиха*.

Сорочини, ъ, ж. 1. Сорокъ дней со дnia смерти. 2. Сорохоусть.

Такъ же: *сорочины*. См. полусорочины.

Сорочка, и, ж. Раст.: Цаповникъ обыкн.

(*Chrysanthemum leucanth. L.*).

Сочѣть, перех. Извлекать, пускать сокъ изъ чего-нб. *Весной березу сочать.*

Спокой, ая, и. Покой. *Миѣ отъ неї спокою нѣть.* (У Ватюшк. къ Муравьеву:
Спокойся! Съ первыми громами

Къ знаменамъ славы полетиши).

Спѣртиться 1. О дѣлѣ: идти хорошо. 2. Спорить. «Коди такъ, я не спорюсь».

Спорынѣй, ъ, ж. (въ связи съ гл. спорѣться). Удача, удачливость.

«*Будь у меня спорынѧ, а по деревни лѣнъ!*» говорить, дѣлая пережинъ (см. сл. прозн.: *Спорынѧя*).

Спровѣдывать (спровѣдать). Провѣдывать, начѣщать. *Гдѣ была?—«Сосѣда спровѣдалъ».—Я ею спровѣдала.*

Стандѣкъ, ика, и. Остовъ боровы.

Старши́й, ая, ее. О возрастѣ: съ дат. пад.

У насъ съ семе́й я старши́я есть́: и братъя и сестра́я (т. е. старше всѣхъ).

Стёкъ, а, и. Выступъ крыши надъ стѣной (отъ сл. стекать).

Столова́ть (сов.: постолова́ть). Дъска столу́етъ, или дъской столу́ютъ — такъ называется столъ (т. е. обѣдъ, пирушка) у отца невѣсты до вѣчанія.— Тута свадьба плохая: дъска столо́вала.

Сущ.: Столо́ванье, ья, ср.

Сторона́, и, ж. Родина — У насъ такъ съ стороны́ все не такъ!

(То же въ Терск. и Кубан. обл.: У насъ на сторонѣ какъ рожь родится!)

Стоячій, яя, ее. Спертый (о воздухѣ). «У комнать воздухъ (духъ) стоячій».

Строчить, чу, чать. Щелуши́ть, лущи́ть.

Столички строчи́тъ.

Стуница, и, ж. Ступа въ колесѣ.

Счастье. Погов.: Счастье не рожъ, въ подолѣ не уребёшъ.

Съренокъ, ика, и. Сърная спичка, сѣрникъ.

Сътво. Си. Лукошко.

Т.

Тананій, двъ, и. Срамныя части тѣла.

Таски́вать (таскать). Кромѣ обычн. значенія: теребить, трясти.

«Моя мачиха лиха, не ласкова:

Комуха (см.) ей не таски́вала!»

Теня́тникъ, а, и. Наукъ. Теня́тникъ съ потолка свалился... Глянь! Да какой большой!

Теплячекъ, чка, и. Простой и ласковый человѣкъ.

Тѣнкій, ая, ее. О голосѣ: высокій. Дъвочки поютъ пѣсню тонкимъ голосомъ.

Топнікъ, а, и. Глиняный, низкій и широкій горшокъ съ длиннымъ, широкимъ носикомъ и съ ручкой (въ немъ топятъ масло).

Торопомъ, неска. Торопливо. А я пошелъ къ нему торопомъ; думалъ — застану.

Тошній, ая, ее. Тошній. Да какой ты тошній!

Травіна, и, ж. 1. Травка, былинка (иногда съ оттѣнкомъ увеличенія).

Выдерни травину, она только рѣбъку глушитъ.

2. Собира́т, увеличит. Ну и травина на луу! По поясъ!

Трёпавый, ая, ее. Растрескавый. Ишь, какая ты трёпаная! — «Съ огорода привезла»...

Трепескаться, аюсь. Трястись, трепыхаться.

Трёпнуться. Сразу свалиться, упасть, бухнуться.— Какъ я это трёпнулась на кровать, такъ ровно мёртвая заснула.

Трирадка, и, ж. Матерная брань.

Будетъ тебѣ трирядкой ругаться! Я ему трирядку зажнуль.

Трясучка, и, ж. Лихорадка.

«Трясучка тебя забери!» (какъ бранное выраженіе).

Тукманка, и, ж. Тумакъ, ударъ по затылку.

Она мить за эту тукманку дастъ.

Тяжёлая. Беременная.

Батюшки вы мои, она опять тяжелая! Какъ это ей угораздило.

у.

Угадѣть. Въ выраженіи: «Сколько я на это времени-то увожу (увель)» — какъ много трачу (потратилъ) времени.

Углѣда, и, ж. Взглядъ.

Улядки не безъ утешки.

Угрѣбать (угрѣсть). Забирать, загребать. Угрѣби-ка уголья съ печи.

Угрожать. Сов.: угрозить. Грозить, дѣлать угрозы.

Удѣбность, и, ж. Удобство. «Въ вашей избѣ никакой удобности нѣту».

Улѣпнуть. Пропасть. Безл.: Улѣпно — пропало. (Употр. только безлично).

Умазаться, умажусь. Вымазаться. Мазала избу да и вся умазалась.

Утиральникъ, а, и. Личное полотенце.

Ушѣнничко, а, ср. Уменьш. — ласк. отъ сл. ухо.

Ушѣнничко мось надуло.

Ущѣпнать, перех. Соверш. в. къ глаг. щупать; выщупать.

— Штой-то тамъ съ жмѣнкой есть! — «Я ущупалъ: не то яблоко, не то мотокъ нитокъ.

Ф.

Фельмѣ — ферентъ. См. Сендерви.

Фыркать (фыркнуть). Кромѣ обычн. знач. переносно: огрызаться. — А ты не фыркой, а то у меня живо получиш! — «Да я такъ».

Х.

Хвѣрѣвать (хворѣть) — болѣть, недомогать.

Хвастать. 1, перех. Бить вѣникомъ по тѣлу, парясь (т. е. въ бани).

2, непер. Имѣть половое сношеніе съ женщиной.

Хвастаться, аюсь. Бить себя вѣникомъ, парясь (т. е. въ бани). (Въ Арханг. г. въ томъ же знач.: хвѣщться. Слов. Подвѣс.). (Зам.: въ лѣтоп. Нест. «хвѣщутся»)

Хломостѣть, мошѣ, мостѣть, перех. Заваливать, загораживать, загромождать. — Всю дорогу хлоростомъ захломостила ктой-то.

Хлыстать (хлыснуть), перех. 1. Бить хлыстомъ. 2. Бить рукой или чѣмъ-либо; бить сильно. Мотрѣ, подъ руку не подворачивайся, а то я какъ хлысту! Хлыснуть.

Хлѣвъ, а, и. Помѣщеніе, куда загоняютъ скотину. Произн. такъ же: клемъ.

Хозинъ, а, и. Такъ зовутъ домового.

Холера, и, ж. О человѣкѣ, который всегда недоволенъ, всегда брюзжитъ: «У, холера листопадная!»

Храбрый, ая, ое. Храбѣръ, бра, бро. «Храбѣръ пѣтухъ на пепелищѣ. Поговъ». (т. е. пѣтухъ храбръ тамъ, гдѣ никого нѣтъ).

Хохель, я, и. Кошель, кошелекъ.

Хохлиться, люсь, лятся. Сунуться. «Чево ты хохлишься?» Нахохмитъся — насунуться.

Хрѣнъ, а, и. Кромѣ обычн. знач. еще: 1. Старый человѣкъ (о мужчинѣ). Ахъ таа, старый хрѣнъ!

2. Мужской половой членъ.

Ц.

Цапать и цапать (цапнуть), перех. Трогать, хватать руками.
Цѣль, и, ж. Ремешокъ у молотила (цѣла), привѣпляющій къ длинной палкѣ малень-
кую, которой колотить.

Ч.

Чернѣленка, и, ж. Черное пятно, пятнышко.
Чумакъ, ая, ое. Упрямый.
Чуять, перех. Чуять.
Чухаю, почухаю, припаду, — понюхаю.

Ш.

Шашия, и, ж. 1. Оглобля. 2. Множ. ч. Амурныхъ похожденія.—*Ты эти шашни ос-
тавь. Оно завелъ шашни съ дѣвочками.*
Шесть, а, и. Переносно: «Шесть получила»—получить отказъ въ сватаніѣ за дѣ-
вушкой.
Шахомъ, нескл. О звуке: издавая звукъ ш—ш—ш...
Шдрнуть, перех. Больно ударить.
Шдрнуться. Больно удариться. Хорошо—таки я шорснулась локтемъ.
Шумѣть. «Что шумитъ безъ спѣра?» (загадка.—Вода).
Шуни-шуни, нескл. Трапье; рваное бѣлье, одежда; обноска.

Щ.

Щакотѣть, кочѣ. Щекотать.
Щѣкотный, ая, ое. Чувствительный къ щекотѣ.
Щѣкотно—прил.-сказ.—*Ай, не трожь: щѣкотно!*—«Да ты щѣкотная...
Иись!»
Щѣкоть, а, и. 1. Щекотаніе. *А ты щѣкотомъ не занимайся.* 2. Щекотка. Я боюсь
щѣкоту.
Щелушѣть, перех. Лущить, сдирать скорлупу. *Шшалушитъ.*
Щѣчинка, и, ж. Уменьш. отъ сл. щека.

Я.

Ядрёный, ая, ое. 1. Крѣпкій, здоровый.
2. Ядрёна матъ—бранное выраженіе.—*По Сенокѣ и шапка, по ядрёно
матери комокъ* (послов.).
Языкъ. «Какъ съ языка сняль»—погов—угадаль мою мысль; сказалъ именно то, что
я хотѣлъ сказать.
Яйцо, ср. Въ поговоркѣ: «Это мицъ не подъ лицо,—красное яйцо», т. е. что-либо
для меня не годится, слишкомъ дорого, хорошо, роскошно для меня.

Сообщилъ Вячеславъ Водарскій.

Материалы для изучения говоровъ могилевской губерніи¹⁾.

Могилевская губернія въ наибольшей чистотѣ сохранила бѣлорусскій типъ и бѣлорусскій языкъ. Отдѣленная отъ восточной и южной Россіи витебскими, смоленскими и черниговскими бѣлоруссами и находясь въ большой отдаленности отъ Польши, она подверглась чуждымъ вліяніямъ меньше, чѣмъ какая бы то ни было изъ остальныхъ бѣлорусскихъ губерній. Меньше, чѣмъ витебская губернія, соприкасающаяся на сѣверѣ съ сѣвернорусскимъ племенемъ и на западѣ съ латышами, и даже менѣе, нежели минская, которая, несмотря на дебри и болота, подверглась, благодаря состоянию съ Вильной, сильному вліянію полонизма и литвы, а за Припетью вліянію южнорусского племени. Не говорить уже о виленской губерніи, где славянское населеніе разъединено большими островами населенія литовскаго, и о гродненской, населеніе которой представляетъ интересѣйшій конгломератъ съ потомками ятвяговъ, литовцевъ и мазуровъ на сѣверѣ, съ бужавами и волынцами на югѣ, и которая, какъ этапный пунктъ между польской Варшавой и литовской Вильной, подверглась сильному вліянію и Литвы и Польши. Точно также подверглись болѣе сильному постороннему вліянію и бѣлорусы черниговской, орловской, калужской, смоленской, тверской и псковской губерній, живущіе рядомъ съ сильнымъ великорусскимъ племенемъ.

Вотъ почему говоры могилевской губерніи имѣютъ особо важное научное значение.

Для руководства лицъ, желающихъ принять участіе въ дѣлѣ собирания материаловъ по говорамъ могилевской губерніи мы даемъ нѣкоторыя общія указанія.

Извѣстно, что признаки современныхъ русскихъ нарѣчій описаются на черты древнихъ говоровъ, которыми различались древнерусскія племена. Могилевская губернія, по Нестору, населена радиическими, занимавшими бассейнъ Сожа, и кривичами двухъ вѣтвей: смоленской — въ сѣвероосточной части, и полоцкой — въ сѣверозападной (полочанами). Такимъ образомъ, населеніе губерніи должно дѣлиться по говорамъ на три вѣтви. Это дѣленіе въ дѣйствительности существуетъ и до сихъ поръ, и особенности говоровъ еще довольно рѣзки, несмотря на сильную инвѣлировку школы и военной службы.

Если мы возьмемъ область радиическихъ — Присожье, то есть нынѣшніе гомельскій, рогачевскій, быховскій, отчасти могилевскій, чаусскій, черніковскій и климовичскій уѣзды, то отличительными чертами говора этой области будутъ:

1. Отсутствіе дзеканія.

Крутъ-верть, у чарапочку смерть.

Годи, годи кучараваго любить.

2. Твердое р.

Была ў бабки курка-рабка.

Зара зарада, ключъ патирала.

Якъ памрошъ, дацъ пахавають.

1) Изъ «Мог. Губ. Вѣд.» 1902 г. Перепечатываемъ эти материалы съ разрешенія хъ издателя — Редактора «Могилевскихъ Вѣдомостей», известнаго этнографа Рожанкова.

3. Отсутствие флексии *ть* не только въ глаголахъ первого спряженія, но и въ тѣхъ второго спряженія, гдѣ удареніе находится не на окончаніи.

Хто крѣта да матая,
Тамъ Вогъ памагая. (Воровская).

Ходя, ходя, да й ни шамая.

Гавдра, гавдра—а ў роти хладна.

Любя, ни любя,
Пацалюя, напллюя,
Къ сѣрпу прыжіе,
Къ чорту пашле.

Но подъ удареніемъ флексія сохраняется во 2 спряженіи:

Ляжыть—маучыть,
А вѣзьмишь—заплача.

4. Значительная лексическая особенности и некоторые фонетическая и грамматическая. Въ другихъ Могилевскихъ говорахъ, напр., невозможны формы:

Я паузъ кузыню ишлѣ,
Бугалѣкъ знайшлѣ.

Твѣ-ѣвъ, пакуль и годы.

Хиба що такъ.

Дыдава кѣзка даўгда, и т. п.

Нѣть сомнѣнія, что этотъ говоръ раньше имѣлъ здѣсь болѣе значительное распространеніе, чѣмъ теперь, и, вѣроятно, захватывалъ все Присожье, средній Дѣвіръ и Придругье. Но когда радимичи потеряли свою независимость, и когда образовалось сильное смоленское княжество, въ радимичскую область широкими потоками хлынула кривичскій говоръ и оттеснилъ его на югъ. Въ уѣздахъ пограничныхъ съ Смоленскомъ—Климовичкомъ, Чериковскомъ, и даже чаускомъ и Могилевскомъ, вышеуказанные признаки наблюдаются теперь только спорадически.

Но примыкая къ другимъ южнорусскимъ говорамъ, онъ имѣетъ громадное распространеніе по Черниговской, Минской, Виленской, Гродненской и другимъ губерніямъ.

Съ другой стороны, если мы возьмемъ область полочанъ, то есть—въ Могилевской губерніи—нынѣшній Сѣнченскій уѣздъ, часть Оршанскаго, Могилевскаго и чаусскаго, то увидимъ тамъ слѣдующія особенности:

1. Сильнѣшее дзеканье.

Дзѣдъ бабу тапіць вядзець,
А баба крычыць—ня йдзець.

Дзеніхъ манць, вѣтку пъеци,
Дзѣвакъ любіць, жонку бѣеци.

2. Твердое *r*.

Я ў сѣраду радзілася,
Горка май доля.

Каша брѣха завируха.

Чаразъ мора катоў хвостъ, и т. п.

3. Постоянное присутствіе флексии *ть* во всѣхъ глаголахъ, какъ это видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ.

Говорь этотъ можно назвать чистымъ белорусскимъ. На югъ онъ соприкасается съ радиническимъ, на востокъ съ крическимъ и простирается на западъ и за сѣверъ въ минскую и витебскую губерніи.

Наконецъ, въ восточной части нашей губерніи, прилегающей къ области смоленскихъ кричичей, слѣдующія особенности:

1. Сильное дѣканье.

2. Мягкое *r*, даже съ усиленнымъ смягченіемъ, въ родѣ: крѣпчай стараія, трюбочку пукуріцъ и т. п.

3. Постоянное присутствіе флексій *ть* въ глаголахъ.

Говорь этотъ въ могилевской губерніи употребляется въ уѣздахъ мстиславской, горецкой и оршанской, въ большей части климовичского и чериковского и спорадически въ чаусскомъ. Онъ имѣть громадный районъ распространенія въ смоленской, ка-
лужской, тверской, псковской и витебской губерніяхъ.

Всѣ эти говоры могилевской губерніи относятся къ числу акающіхъ, хотя это название въ отношеніи ихъ не совсѣмъ точно, такъ какъ въ полачанскомъ и кри-
чическомъ говорахъ безударное *о* въ извѣстныхъ случаяхъ произносится какъ *е*:

«Нимбрали кырабельщики тывару и пѣхълы. Вѣхы вѣлы таго острыва, а ка-
точь скокъ на вострые и пѣхъхъ у горыть» (сказка «Сынъ Хораборь» въ «Вѣл. Сб.», III).

Если мы скажемъ, что каждый изъ этихъ говоровъ дѣлится на нѣсколько под-
говоровъ, и что досадѣ у насъ точно не установлены тѣ границы, где встрѣчаются
другъ съ другомъ даже главные говоры, то важность собирания на мѣстахъ образцовъ
извѣстныхъ говоровъ выясняется сама собою.

Дѣло же записыванія—немудреное дѣло. Надо только со всемъ точностью слѣдо-
вать рѣчи рассказчика и не позволять себѣ мудрствовать лукаво надъ формами и сло-
вами, исполненными для записывателя. Этотъ совѣтъ мы даемъ въ особенности
тѣмъ лицамъ, которые записываютъ образцы говора не на родинѣ и которыхъ, какъ мы
знаемъ по многочисленнымъ опытамъ, склонны при записахъ уклоняться въ сторону
своего родного языка: говорящіе съ тверскимъ *r* не замѣчаютъ мягкаго *r*, дѣкающіе
не замѣчаютъ отсутствія дѣканья и т. п.

Что касается лицъ, отъ которыхъ надо записывать образцы говора, то это за-
виситъ отъ рода записываемыхъ произведеній. Сказки напр. авѣріяного вноса (о мед-
вѣдѣ, волкѣ, лисицѣ, собакѣ, котѣ, быкѣ и т. д.) лучше записывать отъ старухъ, такъ
какъ подобная сказка сказана въ разрядѣ дѣтскихъ. Отъ старухъ же лучше записи-
вать толкованія сюжетъ, пріемы и обряды: родничные, крестинные, обиходные, рели-
гіозные, свадебные и погребальные. Пѣсни удобнѣе записывать отъ девушки. Посло-
вицы, загадки, сказки бытовыя и богатырскія—отъ стариковъ. Заговоры отъ знахарей
(захарки очень плохо знаютъ заговоры); духовные стихи—отъ нищихъ (настыровъ).
Сказочниковъ избѣгать надо грамотныхъ и бывшихъ въ военной службѣ. Ихъ сказки
относящія къ Бѣлоруссіи не вѣрить и во всякомъ случаѣ винажутъ подозрѣнія.

Затѣмъ, надо слѣдить, чтобы рассказчики говорили своимъ обыденнымъ языкомъ,
не стараясь говорить «по-писански».

Каждое произведеніе должно быть снабжено записью—гдѣ, отъ кого и кѣмъ
оно записано. О пѣсняхъ непремѣнно надо сказать, когда онѣ поются: въ Колида, на
насланіцѣ, въ гукалье весны, на Купалу, на свадьбѣ, на крестинахъ и т. д.

Хорошій опытъ такихъ записей сдѣлали въ селѣ Высокомъ I. П. Матковичъ-Да-
лецкій, пользовавшійся личными указаніями пашни и привлекшій къ этому хорошему
дѣлу деревенскихъ грамотеевъ, окончившихъ курсъ въ мѣстномъ народномъ училищѣ.
Этихъ записаній мы и даемъ здѣсь мѣсто.

Село Высокое Оршанского уезда.

1. Прийгы и повърья. Кыли кураца трёплиць хвастомъ, то будить ма-
тёлица¹⁾

Сколько у Марцы вады, столько у Празь травы

(Фома Ермоленокъ).

Кыли пятухъ выпасть у ложку, то будить атайга, а кыли у цоть—тады будить мардь.

Кыли ворынъ увялить ии шагальникъ кричучъ, то будить кяртьвөцъ у народи.

Кыли вардва лягти ии пуудынъ и кричать, дыкъ будить тёпла, а кыли на плодыничъ, то будить съткёно.

Кыли ии Удакён (1 марта) съмыхъ пятесть, дыкъ и с пуни въмитить чиста.

(Лукианъ Шакуро).

Ны Раштвъ нада на куть съматье ибсъ, то рай ии будуть утикатъ.

У Кылайды иилязя прастья, а то кардвы ии будуть таилъца.

Кыли ў Кылайды што пилна нада дѣлть, дыкъ нада на тойустю Кылайду ии-
ставить вънникъ дыгары у кычарджинку и пирядъ тымы якъ дѣлть, нада ии иго пы-
гядѣть.

Кыли жыдоускими празьниками будить халдна, то наша будить тёплая Вал-
кыдьна.

На Русалный иядъли иилязя братъ кыли што найдишъ: ета русалка на бяду
поткинила.

(Полик. Мартусевичъ).

Нирдйшишъ чарись ирухъ, на лицу будить крухъ (лишай).

(Герас. Коржицкий).

Кыли ии Раштвъ матёлица идеть, дыкъ и ўлётку рабу нёди будить дѣль.

Искыры с пёчы съплюнца—гости будуть.

Тры сароды ииызыковыхъ, кажуть, нада выласи пыдрызать, капъ расыл
больши.

Кыли идеть с пола напериди ржымы кардва, дыкъ пагода будить, а кыли чор-
ныя—дыкъ дожь; кыли рабы—дыкъ дожь пиратинами, а кыли бълыя—дыкъ тунай
будить.

Кыли ка Масьдинку пагода, дыкъ нада пашаницу съить, будить уруджай ха-
ропый.

Кыли гарелку пъять ды пупирхалыца, ета кажуть, што и налъта тадъ парой
будишъ дить.

Кыли у вадныи мѣсицы титарифъ зыбалбочить, тады у другимъ мѣсицы на-
стути вырагочить (замграетъ въ рожокъ). Или: пастухъ зыагочить (закричать: го го-го).

Кыли кардва тёлка, на трёба ѿс акранцъ.

Кыли ииша зорыкъ ии ѿси три Кылайды на неби. дыкъ грыбоу ии будить, а
жтыды и арехи будуть.

Кыли будутъ зорки на пёрвую Кылайду, то будить грыбы, якъ жыта пыливашть;
а кыли ии сардымъю Кылайду—то будить, якъ жыта пасыпивашть, а кыли ии пасы-
хъдьнию, тады будить, якъ авдьсъ высыпашть (или: асдинськія грыбы).

Кыли што лопнить, то ихта сылгай.

Кыли на Русалный иядъли што дѣлишишъ, то вовцы будуть радицца то съ пятъ
ныгани, то гырбатыя, то дурнёя—бо авечки ии Русалный иядъли бѣгуща.

На тойустю Кылайду дѣуки блины пякуть, ии парохъ кладуть, сыбаку иднютъ;
чый блинъ упяротъ сыбака схвотить, тая скарб земушъ зайдить.

Кыли пытлушки лягти, дыкъ кажуть: памынки сяни чыд иибуть.

Кыли бутянъ съкинить дятёнка, дыкъ будить галодный готъ, а кыли яйцо,
дыкъ будить уруджай.

(Гр. Бусъ и др.).

¹⁾ И надо читать какъ дѣз, т—какъ иибс.

II. Толкованіе сіновъ. Кыли видіши ва сънѣ—мінисѧ, дыкъ твад ѿндынъ гавдють абъ тибъ инхараш, ало мысльють ны тибъ.
Кыли видіши нардсъ, будить пагода.
Кыли пажаъ видіши, нардсъ будить.
Кыли ва сънѣ видіши грабы, гѣжа будить.
Игрѣны ясѣ вѣ сънѣ, балачки будуть, скѣлья.
Грошы, мѣдь—дыкъ слѣзы, а кыла гробы-серебро, дыкъ радосъ.
Кыли видіши журавль, дыкъ мятѣлица будить.
Кыли кынапишъ яки, дыкъ алдѣсвики твад накапыть ны тибъ.
Кыла ва сънѣ гардншъ платѣнъ, дыкъ ны тибъ злосъники бунтують.
(Захарій Голісъ).

III. Пословици. Ти нада краўцы?—Дальши кроскч!
Ти нада шыпувалы?—Дальши шыпувалы!
Краўцу буванть, што на ‘дымъ’ дни три пёчы хлѣба спытывать.
Дыбрахвочый усяды глядить скупому у вочы.
Мыладецъ, ды ни хызяйнъ.

(Лукашъ Шакура).

Хыраш у людѣхъ, ды хрѣпты у грудѣхъ.
Хыраш та тамъ, ідѣ вась ишина, а йдѣ ны пабуднъ, дыкъ усё пагуднъ.
Хто нарася ўкравъ, у таго ў вѣшиш пынчить.
Якъ жаніўся—галиўся, а жаніўши сялося.
Жывій якъ братъя, а рахўйся якъ жыть.
Посыли нась ня будить нась.
Работа ни падѣвѣдь, іджана заўтра пыглядѣть.
Вѣши пыдній, а скрося палцы ни гляди.
Цусынішъ дятѣ на воли, дыкъ самъ будошъ у на воли.
Якѣй пень, такѣй и атуростыкъ.
Тая кардва наяднна, каторюю прыдѣлна.
Анагд пасфють, а семь рѣдніца, а ўсё владѣнія сюдніца.
Падтынікъ на плотнікъ, а лішыть ахвѣтнікъ.

(Фома Ермоленковъ).

Хаўтүры—добрый натуры; хуты галдсють, ды гарднки падидсють.
Твой дѣла—эъ ніса капъ, а рѣтамъ халь.
Твай сила г—о мясіда.
Ны чуждій шын вала съпѣкъ бы, а ны свой и вѣщны байцца забить.
Чужыни ближніи усакій свайкъ дадоу пумянуу бы.
Скѣльки у дярўні редоу. стольки мінъ гадоу.
Капъ ни ‘дека ды ни вѣка—андѣкъ бы лёжа.
Вѣдніу, якъ ганічаръ гарнікъ лѣпнить, ды саўкъ ни наўчніўся.
Табѣ ‘сб ‘дна (все одно) што путай на вадѣ.
Табѣ какы якъ пию, табѣ ‘сб рѣуна.
Табѣ такъ говорка прыстаётъ, якъ гардхъ въ състакъ.
Твай гавдюка—якъ вадѣ вядётъ за гарю, а вада ни ўдѣть.
(Полік. Мартусенічъ).

Капу лядкъ, а кывалінъ лядкъ.
Ни дварѣ лѣтъ—кывалінъ лѣтъ.
Кыли ўстанишъ Китай, тады жысь (жизнь, жистъ) кидай.
Дарид што праѣнікъ, а ўроку ни знаю.
Гора гаруишъ, а бяды никыдѣ ни минушишъ.
Хади ішака—будить гайтка.
Я съ табой буду зѣкты, а ў кыриллі будить рѣпнить.
Кыналь будеть, жонка піётъ; шавецъ шыкты, а жонка кул’ угадоу вѣкты.
Збрадліваму сыбаку хуты хвостъ атсячы, а ёнъ усё пу вакнахъ лазить.
Вѣдному шыу Богъ торбу, а быгдтыну дывъ.
Хто быгдѣть, тамъ й ладна, сыбака кыснѣтъ, яму й топла.

Што панъ, дысь сыбака.
Што жыть, дысь палка.
Цыганъ ии цыганъ, тольки тъла зыкаптъла.
У вялікімъ роди уда́сца кур.. и злодій.
Ты знашь тёя кальцо, што се́мь ии яйцо.

(Тим. Ермолеекъ).

Мя́таль павивайтъ—пастукъ усьпивайтъ (восігнаетъ).
Ды Міколы ии вывадай кони на поль, а да Юрыя карин үсікыга дурия.
Вывала и варона ласти абывала, а танэръ и грасть ходить такъ.
У гаду дэвъ Міколы, два Юрыи, а ободва аднъ халодны, другій галдны.
Дэти, жита ў клети, а на поль ящо боли.
Хто ў тронки гуляйтъ, тай сардочки ии майтъ.
Клади гной густа; ия будить у клети пуста.
Аднъ быу сыбачка брахлівны, и таго воўкъ зыву.
На што ии віраўці, виши ии міа аўці.
Ча ты худый, ти хвараў?—Нѣ, ии хвараў, а насть хворымъ сядзў.

(Ефреемъ Будисъ).

У каго даўгій языктъ, дысь широка дарога ун 'аднъ канецъ, а ў другій дысь-
и візкія ямы.

Гни барёву пакуль гнёца, а якъ ии саге́шь, дысь самъ павісьнішъ.
Мала дайтъ—бард, а пидалёка шлютъ—иа йди.
Вісь працы ии въясі кылача.
У Вітебську кёпска, у Віоры ящо горы, а Дуброўна ия үскыр роуна.
Дарога сілска, ды гыра ии иіска.

(И. Полуакішкисъ).

Рыба ѹшты глыбатъ, а чилавѣкъ дыбретъ.
Кашъ ии піфітъ, дынь ба голя ии будо.
Чаго ии ясі, у ротъ ии насы.
Працюнішъ-працюнішъ, и смаку ия чуяшъ.
Ни буть ии війтішъ, ни сядзішъ—ни будзішъ чилавѣкімъ прыкітішъ.
Коны ии статкы, дубіки ии люди.
Што лопъ выпяташъ, дысь пузу выкаташъ.
Улётку нагой копъ, а узімку рукой хопъ.
Авечка кругомъ чилавѣчка.
Добрая жонка хату приглайдзітъ, а худая й рукавы ристрысаітъ.
Якъ дамъ табі пыдъ дывітмо рабріну.
Зыдавій ў бы бікса, кашъ былі віроўки.
Атъ наўшыга парогу валишь үсю дарогу.
Віцца ии гадицца, а тольки пихні ў, кашъ ии дыхні ў.
Пруть, дысь якъ ия ўмрутъ—іхъ ладонікъ.
Я ишъ пунпудзі, вашъ ии руїна.
Кыли коны, дысь вязі, а кыли кардва, то дывай вылако.
Аднъ съвата ия зыдзімішъ.
Скользкі ў юры глыбатъ, стольки да неба висатъ.
Да неба стольки вярсьтінікъ, скользкі ии кані шарсьтінікъ.
О, ты пъ та касій, кашъ хто касій наслій..
Што ваши бабы дылуютъ?—А што дылуютъ: таўкутъ ды идлютъ, адуть ды с—тъ..
Дрэнныя дэти ии быяцца кія, а слайчыны дыкъ быяцца ківа.
Панідга ёсь ии вяліка чесь: ия будзішъ быгатъ, ды будзішъ нузатъ.
Али ты ладисъся; ўсё рывід якъ съвёкыр пялёнкі кіть.
Усякі цыганъ свайтъ дятей хвалітъ: о, батынку! мае билагаловікі!
Хутъ а наяна, а зы табе вялікую хувыцца ия буду.
Богу маліцца у цёркву, а аўдзітъ к папу.
С аянішъ пўзымъ на се́мь аўдзій ў ии спраўісъся.
Хутъ наяна, ды присадиста.

Хто зъ изычомъ, тэй и съ пирашкомъ.
Хто крадить, тэй самъ сабѣ вѣку кырычанть.
Мы тады к вамъ прайдимъ, якъ мы сталъ близны увидимъ.
Сыбака валить хвастомъ, а амманыщикъ изычомъ.

(Дарья Ермоленкова).

Ни ў кусты сядѣть, ни с куста лягѣть.
На дномъ, па дномъ уси памрдимъ.
Ны чужѣй стыранѣй клавійся быранѣ.
Вѣха на ўчить, якъ хлѣпъ радѣть.
На тѣхыга Божъ вынясѣть, а жѣтвий самъ выбажыть.
Кыли ё—дыкъ ни пашать, а нима—дыкъ ни купить.
Хто хлѣпъ носить, тэй ёсь на просить.
Старбога кынѣ гань, ды ва дворъ мань, а мыладога хвали, ды з дырѣ гань.
Старый воўкъ звѣть толкъ.
Старый воўчышча знать порядишча.
Ни стыявшы у пардан, ни бѣднѣшъ сядѣть ны кутѣ.
Дай Божа прыдѣть у дварѣ, а купить ны бызары.
Ласка ни кылѣска: ни ўсыѣднѣшъ, ни пѣднѣшъ.
Доўгъ ни равѣть, а спать ни даѣть.
Душу ўпитау, дыкъ якъ Божъ даў.
Валікій кусачыкъ ротъ дарѣть.
Чужда сирабрѣдъ колить пыдѣ рабрѣ.
Мижъ тѣсныхъ дѣвярѣ палца ни кладѣ.
Пашдўши ны тянѣкъ, бѣднѣшъ хадѣть тры дянѣкъ.
Ни надѣйся Рыманъ ны чужѣй кырианѣ.
Густыя каша дятѣй ни рызгынѣть.
Соннига лабудисѧ, дянѣвыга дашлѣисѧ.
Каму кыпнатиб, а панѣ пылатиб.
У быгатыга чортъ дятѣй калышыть, а у бѣднѣга зъ люльки выкидаиць.
Куди, вѣуча, бляжышъ?—Ны ўдаѣйну кароўку.
Сыбаччы брохъ да неба ни даходиць.
Усій покойники хырашы.

(Л. Рохлина).

Кароста ни папоуства, семь гадоў одбудвть, тазы ни бѣдить.
Кишкѣ на зѣркыла, што ўпёръ—абы на кѣркыла.
Пу матули уси рѣуны, а пы шкатули пань.
Абъ вашыхъ мальцы ў здароўя гыварыть сардина.
Самъ на въясі, а другіи рыздасі.
А я и быранку ў гольду падѣшъ.
А дѣ Іванька?—С—а зъѣла, и мы тябѣ зубы наистрыла.

(Гр. Вусъ).

У дѣўки семь скуль ны баку и то ни ў знаку, а замушъ заідѣть, адна сядѣть и тая валить.
Кыли жывѣцца, дыкъ жывійся, а кыли самквѣцца, дыкъ тольки дяржыся.
Дѣбрыму чилавѣчку ё мѣста в у запечѣку, а блыкатѣ нима мѣста и на кутѣ.
Макъ чорны, ды салоткій, а рѣтка бѣлый, ды горькыя.
Кыли ёсь у кылитѣ, дыкъ сѣдѹть ны кутѣ, а кыли увидиць хатуль, дыкъ пытлююща: аткуль?

(З. Голіасъ).

Дай Божа спажыть, што ў чужѣй клѣти ляжыть, а ў сваѣй ніхай дали пытляжыть.
Спорня ў дяжу!—Спасиба, сто рублей табѣ ў машнѣ и жаниха (или неіѣсту) ны вясиу.
Печь тваю малину.
У кагд Раштров, а ў насъ ня што.

Нидумълый дуракъ хужы злоба злобника.
Рызвизауся мѣхъ ии на сиѣхъ. (Угешеніе родильницѣ).
Адиу сыбака пѣсью умѣу, а ты и туу атыбрау.
Капъ ты ат вѣтру мѣтаяуся ды за згарду диржайси.
Кылъ пыработуу, ия грехъ и адыхвѣтъ.
У в адинъ часъ усб дүнъла. (О пожарахъ).
Семъ гдѣтъ у запичку сядѣла, ишѣ ии свадьбу зыхатѣла. (Или: пасынла).
Шакулъ на вуккуразъѣ атмалайси, дыкъ ии истрабѣ забыуся. (Стихи иищихъ о скотинѣ и о штициѣ).
Ты вѣдышъ пять, ды ии вѣдышъ якъ щитать.
Вынgra съ пронгры на 'дныи' канн ёдитъ.
Май систрѣ ии ўдува, пыдывай сиэзѣ рублѣ сирыбрѣ.
Мой швадро ии ўдавѣцъ, пыдывай сида чырванѣцъ. (Обѣ первоначально свадебныя).
Азъ, буки, вяди, глаголь, дабрѣ—баба разбѣла вядрѣ, клѣпички у печь, ия бу-
дить течъ.
Купи касу зы дваццать капеникъ: ия бу-дншъ касить, бу-дншъ гыласить.
Будутъ дароги каминныя, будутъ суды иллправидныя.
Бу-дить то, што агънъ можна ў кырманн диржать. (Древнія предсказанія).
Маѣ сыны ўдалайси: адинъ у шыры, другей у Сибіры, а треттей на съвѣту ходить
ды людей зводить.
Ня бѣ икая варона: ии дира-вѣннськая, ды гырыцкая.
Ня ёу тыры гады, ия буду ёсь никады.
На Юрья выпускай усакыга дурня. (О скотѣ. Но можетъ быть в историческая).
Хто наѣтъ кышапель, тэй ударууся апъ пень. (Отказъ въ конопляхъ).
Отъ крупнн дѣти паглупѣли, а якъ ии стала крупъ, стау батька глупъ.
Зыгыдай кабылу, а кабыла жырыбай.
Якъ иимъ вады, дыкъ ии купить, а якъ ёсь кады, дыкъ ии напитъ.
Питтѣ—съмиттѣ, а пысядёника дорыга.
Хто зѣ бырадай, таму зы вадай.
Пашалъ дурука за быкамъ, а ёнъ привядеи тѣлку.
И я ишѣ гнилому тялёнку атарвѣ хвостъ.
И ракуу ии хатай, и с—и ии мачы.
Моръ на вѣши!—Споръ на грощи! (Взаимныя пожелавія).
А зы ваши гаворки ванъ на шыи вядрѣки.
Лапитъ ии киясь, аблѣ ды ў грасъ.
Кыжавда матка пляшывая, сырэя капусты ия лѣбить.
Ягъ ў стѣпу усадлушки, у сѣмь тукачдѣ ии пупадѣшъ.
Куды ўлѣсь, такъ и атвѣтъ.
Капъ ии пыгбатыя, дыкъ бы ии была пыкниврѣтъя.
Луччи ў лужину ўтапицца, начымъ сапалыву любить. (Изъ пѣсни).
Ну, штѣчка: ия зѣсь ии воукъ, ии сучка.
Капъ счастлайбы, вялкъ ростъ, батьку-матку зы хахоль трдсъ. (Шутливое по-
желавіе на крестинахъ).
Братъ иыть сястрю, якъ воукъ иыть казю.
Сядить ии канн и кывѣ пытантъ.
У тибѣ сумурдаки ў иоси, трѣба ихъ выгнить.
Кроу чылабѣчча ии 'вѣчча'—ии прынадѣтъ.
Видинъ пу вычахъ ште злодай.
Дираушына дираушыны п лахвить. (Деревенщина).
Ни пыдняушы, ии кажы б... .
Я самъ Марко, жына мый Варка: лѣтгымъ касить былъ жарка, а зимой маросъ,—
ускалау на вось ды й павѣсь. (О лѣнившихся работать).
Ныурать, ти вѣйтить рѣшты бобу.
Дамъ табѣ шытикъ кыла иосъ.
Идѣ и золыта дивалыся, капъ ии ўпадалыся.

Кыли бүдишъ знать ды кынцà, систарынись якъ аүцà.

Якъ ударю, дыкъ цыблы рассыплюца.

Из Богымъ Хадоска, яйдомъ дарошка.

Цытты дәти: рыхжывомъся, якъ у пустухъ наймёсся, тады намъ усй винуваты будуть.

Дашъ уранку оы быранку, а ўдень пить, а ўвёчыры буду кимъ бить. (Шугаютъ дәтей инишиими).

Музыкъ ды крууцà никалы ни пашынца бырызинъ ды кынцà.

Хто Богу ўгодинъ, ни будить галодинъ.

Два дүрни на съвѣти: едінъ, што көнин поючы свищчить, а другеи—ни цытиравши ѹищчить.

Заутры свистунобу будутъ сушыть, төргъ и ў ж... пөртъ. (Свистать въ домъ нельзя: запустеть, вѣтеръ только будетъ свистать).

Штд ты, пустыня, свищчышь: тутъ вубравы ёсъ. (Тоже).

Рыстуپися зынлъ мать—пойдить пъаница гулать.

Назүсся пупъ крупъ, зыхатъ сала.

Зыгу.. нау ѿю сваю пырхвю.

Плюватель ны карәту, што лышадей иѣту, сымъ пувязеть.

Удавына күрьица и прасла ләминъ.

Аччагд грыжа (ссора) стала: кыли хлѣба ни стала.

Нихай расытѣтъ батъку—иаццы ны патъху, а людимъ ны зайдзысь. (Крестинное желаніе).

(И. П. М.-Далецкій, К. Гонакъ и др.).

IV. Скороговорки. Чә ты к намъ прышдou: зы прысмихаустводи, ти за вѣпрсымхууствимъ?

Я таёе прысмихауствю и вѣпрсымхууствю.

И вѣкрую и вѣпрымю, зы вардты дамъ и ў вакнô пыдамъ.

Пайду ў лѣсъ пы рѣбю кардову. (Шыока пиригынать дындиць разб).

(К. Гонакъ).

V. Загадки. Два каты адінъ комъ масла лижутъ.

Зывалылъся бардска ны кажный дворъ пу сучку.

Чорныя кардва пувалыла трасынкъ, а бѣлый быкъ пыднай трасынкъ.

Семсогъ вуювала, адна матка пухувала, а дѣвѣ и таперь вайдютъ.

Чорну чаңиушку гопъ пыдъ валюшку.

Ня 'тонъ, ды пячеть.

Пераксътися ды й лѣсъ ны мяне.

Громъ грымавень, дожъ зыливевъ, выда пы калѣни, а напицца нѣбди.

Мала маленька, зы лѣсъмъ раунѣнка, и зы лѣсу ни ведать.

10. На дѣнъ выгынжютъ, на вычъ выпускадютъ.

Ишоу кылы шупулынныя хатки, вѣскычыли шупулынныя рибәтки, якъ стали мяне шунујить, чутъ ни зушупулъли.

Ни свѣтъ-ни зыря бижѣтъ носъ выдира.

Два гальи у боти скажутъ

Ишоу дардгын, ишоу шырдкай, вѣджу—дабрд у дабрэ хдитъ. Я ўзяу, дыбра вѣрву и дабрд дабрдимъ вѣгну и ўзидва дабрд у дабрд ўкйну.

Бардугъ у рыхатыга, прупускадютъ скроcъ пыскания, ильлютъ у глининыя, а з глининыя у кытядокъ.

Бочка стогицть, былдыры мѣтъ пъютъ.

Пашдю дѣндра ў лѣндру, узай съ собой пасѣйника; вѣскычыу съ күндры путтатынка, ухаппай пасѣйника; дѣндра ўхаппай пандру я адбираңай пасѣйника.

Сядить дѣндра на пѣнды, кричать на кѣндре: ня лѣсъ, кѣндра, ў пѣндре, у пѣнды стайгъ кѣндра. (Обѣ—видъ условныхъ языковъ).

Узыдю на гдраку, аччиню камдру; кап ни дымъ, дыкъ бы сыбаки зыбли.

20. А ў тәинный тәиннцы ткуть панны красынцы—ни вузлъ, ни пятьнцы.

Идѣть мядынѣдъ пыт зямѣлью, зямлю дярѣть и вонъ кладѣть.

Сидѣть мядмѣдь на күпинцы у сваѣй халұпинцы, трясобца, колдотца, аб үсіхъ клапотица.

Ишла баба лгымъ, сustrѣла Бога: «китній ат мянѣ тоя, чаго ү табе нимъ».

Стайтъ рузрубиха, ү рузрубиси рываліха, ү рываліси хдыхла, у хдыхли вѣхла, у вѣхли бутикъ, у боутику тѣкыла.

Пришду хто, узлѣ што; ганісі за имъ, има вѣдима за кимъ.

Шу вадѣй идѣтъ—ни пляшещица, ни салдин идѣтъ—ни шалхницица.

Лейсинъкъ жирибчикъ с-пыт павѣтъти глядѣтъ.

Што у хдти бизы дна?

Пять пунь, аднѣ вардты.

30. Стайтъ чилавѣкъ и крѣгѣтъ, а зъ яг҃о жышка бяжѣтъ. У спротки зыгарѣлъса ү сарѣтки, а ү дѣбрыга мызыцѣ пыкатѣлъса с кынца. Рыскрасиѣтъ, рыспыхтѣтъ якъ из лазни, а с кынца капъ-капъ.

Кардва кывалѣва, а быкъ гынчардю, абиялдиси, пувядиси прѣма ү роу.

Сидѣть мядмѣдъка ны красныхъ яѣчакъ.

Пойна балодца кычарәжычыкъ.

Бхыли былгары, узліли маю пічу ны сани, а я крѣчу: аддай маю пічу.

Дрѣги дрыгаютъ, жылъ үстывѣютъ, голый діавыль дірки шукашъ.

Чатыры чатырничики, пѣтыя лубушычка, шыстая жывушычка.

Бду-ѣду ны старымъ дѣду, якъ прыѣду к броду—шусъ у вѣду.

40. Прашу пакорна пумачать у чорна, вынугъ—патерти ды й яшо упѣрти.

Мядмѣдъ стайтъ, а вуши плѣщутъ.

Пүни шырысътнай, замкѣ зялѣзны.

Што збѣдица с твой вардны, кыли миѳеть сѣмый готъ?

Пыть капой мыши дѣхнуть.

Ишла рѣбина да Кіюва, сваѣ кѣсъти покїнна.

Дупъ, дупъ, дупъ и вѣсь, исяндовый пытпирдѣсъ, а у баку дірка, а ү заду шипилька.

Пиндрікъ вялікъ, а пиндрічка пивялічка.

Плѣшъ на плишъ яшо кѣплишъ, үснунуу пу пади и вѣнью азинъ.

Десить братуу Пынваратуу ны пир—вѣду гару нѣвѣтъ тѣгнүтъ.

50. Ишду, дѣвѣ дароги нашбў и ү вабѣдъви пашду.

А ү вѣшига пана пысярѣтъ пузя яма.

Лятыли бѣлый галуби, сѣли ны пиряруби.

Сининъкъ клубочикъ шмыкъ пудъ лубочикъ.

Ны якимъ дѣрюп дѣвѣ шкуры?

Што ү лѣси, а што ү подли?

Што ү доми, а што ү вадѣ?

Сидѣть бабусы у сляй кажжуся (хъ), хто яс зачѣпить, тэй зыплачити.

Батька тольки-што радиусы, а снын ужо на крѣши.

Ляжѣть ляжанка, пы лижанцы бяжѣтъ зымій.

60. Стайтъ яліна, ны яліни пысканина, ны пысканини аржайна.

Аднѣй идѣтъ, а дѣвѣцъ съядобу дѣмитъ.

Ишоу па подю хаденъ—ны дыниницътъ нохъ аднѣ ступенъ.

Чатыры кытапыччи пабѣгли ны паднинчики, ухватили вутычку, пысадили ны за-
кутычку.

Што расѣтѣтъ дыгары каренъимъ?

Сухая кабылъ үсѣ сѣна падла.

Мой братъ прокуратъ скрося съянуу грды лічить.

Два сабаки дарогу ліжутъ.

Матка таусчуха, дычка краснуха, а снын вѣсильники.

Миз дуба мизъ ели тилл увѣзла.

70. Клдиница, клдиница—брыкъ и вѣтигницица.

У печи мочынца, у вадѣ сүшынца.

Шаткайу вырамбокъ пать тёминъ ласокъ, вýрысьтить кўлкымъ пыт зялёнымъ дўпкымъ.

Хто ны сябё грясь тэгнить?

А ўсе поля ў ладычыхъ.

А ўсе поля ў свѣчыхъ.

А ўсе поля ў мутузахъ.

У зямлѣ кропки, а зъ зямлѣ липёшки.

Улѣтку ни ель ни сысна, а ўзимку кардўцы систрѣ.

Аднѣ палѣна у дъюхъ почыхъ гарѣть.

80. Матка вирыйтка, дочки пылизухи, сыны лыптуны, батька шарсътень.

Силяхонъ, убярься вонъ.

Абѣдъ, абѣдъ, а жывотъ ия вѣдмы.

Гось—сыластѣй, ёсь мѣса биз касьтѣй, гось сыть, мѣса цѣла.

Скручѣ, зъяварчѣ, за мѣра пушчѣ.

Ты братъ иди туды, а я пойдѣ сюды: на пѣчавый гарѣ сымдимся.

На ели сядѣть, скроись клѣнъ глядѣть, бирозы шытантъ.

Туды рохъ, еюды рохъ, баслаў Вожа, лѣсь ны мянѣ.

Чиризъ миску струвка.

Тхуў плухъ на чорный лухъ, за имъ пара слухъ, туды ёхуў весиль, аттуль гылаву звѣсся.

Лятыла пава, вы каменъя пала, каменъя пабила, мѣртвыхъ узбудїла, мѣртвыхъ ўстали, ў пышчики зайграли.

90. У чистымъ поли лижать люди забѣни, мис тыхъ людей стаѣть вѣтылка, а ў вѣтылцы сямъ—краса; прыбѣхъ бугѣтъникъ, ухватїў сямъ—красу; мой милый другъ, карий пасѣнника, бярѣ суха дѣрева, дыганий бутѣтъника, адбярѣ сямъ—красу.

Дѣвѣ Гапули, аднѣ Гапунь.

У выднаго вупрѣ два лычы.

Миз дъюхъ лисицъ парсюкъ висѣть.

Памѣрь каптуръ, вина хаутуръ.

Лятыу тѣнь ны Пятрдў дёнъ, мѣвѣть волю нудъ усими, ныть царѣми, ныть кырлами, тольки ня мѣвѣть воли што у мбри.

Рыгазюлька цы красный гарѣ скачить, а чортъ мыхнатый сымѣнца. Ни радуйси, чортъ мыхнатый—будить и табѣ ёта.

Тры сястрѣ на печь лѣзутъ, ды нирѣзу ня ўзылѣзутъ.

Аднѣмъ снапомъ ёвно нысаджѣ, а два снапи мѣншыхъ вѣстаница.

Быў я ны пиканцы, быў я ны лижанцы, быў я ны пыжары, быў я ны таргѣ.

Старыя баба на печь лѣзить, дѣ ня ўзылѣзить.

Самъ мѣккій, а хвостъ кылянѣй.

(И. М.-Далецкій, Г. Коржинскій, И. Матюкъ, Л. Шакура, В. Берестонь, В. Мыська, Е. Смольянинъ, Г. Вусъ, Н. Суботникъ и др.).

О т г а д и и .

- 1, Сани. 2, Дорога и стежки. 3, Ночь, день и люди. 4, Деревья лиственныя, хвойныя и снѣгъ. 5, Горшокъ. 6, Водка. 7, Сорочка. 8, Водяная мельница или печь въ банѣ. 9, Сердцевина. 10, Лапти. 11, Пчелы. 12, Стрѣлецъ. 13, Толкачи въ ступѣ. 14, Конь во ржи. 15, Корова, молоко, пѣдилка, кувшинъ, ротъ. 16, Свинья и поросытка. 17, Дѣдъ, лѣсь, собака, кусть, волкъ, палка. 18, Дѣдъ, печь, кошка, каша. 19, Пчелы. 20, Пчелы. 21, Кротъ. 22, Мельница. 23, Грѣхи. 24, Хата, печь, огонь, горшокъ, вода, ложка. 25, Смерть. 26, Солнце. 27, Ветошокъ. 28, Скамейки. 29, Перчатка. 30-32, Самоваръ кипящій. 33, Ухватъ, горшокъ, печка. 34, Горшокъ на угахъ. 35, Чашка и ложки. 36, Сковорода и колбаса. 37, Кросна, поножи, членокъ. 38, Люлька съ ребенкомъ. 39, Ведра. 40, Дегтярка. 41, Ступа и толкачи. 42, Сѣр-

мяга и пуговицы. 43, Пойдеть восьмой. 44, Уголья въ печуркѣ подъ золой. 45, Ценъка. 46, Боченокъ. 47, Чепельникъ и чепела. 48, Близъ. 49—50, Надѣванье брюкъ. 51, Корыто. 52, Зубы. 53, Глаза. 54, На березѣ. 55, Кленъ и левъ. 56, Клинъ и линъ. 57, Лакъ. 58, Огонь и дымъ. 59, Желѣзная дорога. 60, Столъ, скатерть, хлѣбъ. 61, Борона. 62, Колесо. 63, Телега, хлѣбъ, гумно. 64, Волоса на головѣ. Такжѣ: сажа. 65, Розвивы (орудіе). 66, Буравъ. 67, Сани. 68, Евна, токъ, цѣны. 69, Цѣль. 70, Топоръ. 71, Воскъ. 72, Рѣпа. 73, Колесо. 74, Сѣламъ кошить. 75, Ржище. 76, Межи. 77, Рѣна. 78, Конопля. 79, Ось. 80, Евна, метлы, цѣны и токъ. 81, Дымъ. 82, Грудной младенецъ. 83, Письмо. 84, Поясъ. 85, Праха. 86, Сорочка. 87, Почепка въ ведрѣ. 88, Пѣтухъ. 89, Цыплята. 90, Младенецъ въ люлькѣ на полѣ, волкъ. 91, Лавки и столъ. 92, Ночевки. 93, Косыкъ. 94, Горшокъ. 95, Комаръ. 96, Кочерга и помело. 97, Беременность. 98, Горшокъ. 99, Печурка. 100, Щетка.

VI. З а г о в о р ы.

А тъ к р ы в ѣ

1, Ишду Максимъ шырокій дардгай, ишлѣ Вудылана кылы камия. Якъ Вудылана камия ни стронила, копъ такъ кроу ни канула.
(Тры разы кызать и мѣзинимъ палцымъ апчиркывать).

А тъ к р у г а (лишай).

Намазывая оконный потомъ:

2, Крухъ, крухъ, дабры-днин—прыпадѣ за дѣны! Крухъ, крухъ, дабры-вечиръ—
прыпадѣ за вѣчиръ. Крухъ, крухъ, дабра-нычъ — прыпадѣ за нычъ. (Смотря по времени произнесенія заговора).

Нада да сдѣна расу сыбирать изъ вакна и мѣзинимъ палцымъ кругомъ лишай
мазать и кызать:

3, Крухъ, крухъ—лишай! пашоу съвіннямъ мишай!

(П. Мартусевичъ).

VIII. Д у х о в ы е с т и х и .

У мѣрцы мѣсцы ў воскрѣсный день Мать Прысьвитая Быгардица спычывала на Водлій гарѣ три днин, три ночы, три часы. Прышду ды яѣ Сусь Христосъ.

— «Мать Прысьвитая Быгардица! 'Ладычыца! Ти спишь, ти зришь, ти спрадику вѣсі, ни видайш?»

— Сынку мой любезній! Я сплю и зрю, спрасднку вѣ съни видаю: 'зѣлі Христаста на мѣку, рыснали на кѣтры, на пѣдры, ны святѣмъ кытароси, ны 'Дамыовый галоуцы, прабили правый бачокъ копіимъ, пытаклѣ пы 'Дамыовый галоуцы три кровы: пѣршая кроу гаручча, другая кроу нягрѣшна третя кроу нисмиартѣна (бесгрѣшна, безбесмѣртна).

— «Мать Прысьвитая Быгардица. Што вѣдила ва сынѣ, тѣ будить на йви:
здамся зы христянськую кроу на мѣку!»

Мать Прысьвитая Быгардица зыплакыла- зырыдала.

— Сынку мой любезній: съ кимъ мянѣ кпдайш?»

— «Ни плачъ, ни рѣдай, Мать Прысьвитая Быгардица: вѣ три днин выкрасиу и на ныбиси ўступлю и тябе, мать Прысьвитая Быгардица, з душю-тѣлымъ вазьміу, ў суборы ны прыстоли пылажѣ, на ўвесъ бѣлый съвѣтъ у грамыту ўшиш. Аццы ш прапорки сныяли ны выдахъ, ны рыхахъ, ны святыхъ Ирданихъ, сы съвичами, си крѣжами, чеснами абрзыами, и тибѣ, Мать Прысьвитая Быгардица, 'спынніали и иннѣ, Суса Христаста Сына Вожа, ўзвиличати».

Хто Прысьятія Быгародицы сонъ 'спомнить, тамъ Бокъ грахд' уволнить, ать агнівыга пыжару, ать напасъти, ать напрасынцы, съхраніть Бохъ и пам'лнить на индгыя л'ста.

Отъ кр. с. Высокаго Ст. Шавеля, 80 л'тъ, запис. г. М.-Далецкій.

А ў лужочку, на кр'тінкімъ биряжчку,
Стайтъ ц'эрквя иурувалы.
А ў тэй ц'эрквя прыстоль стайтъ
Зы прыстблымъ Божжыя Матя сядить.
Ина сядить, листы п'ышты,
Сілно плачыть, ташко уздыхаить,
Ташка уздыхаить, узрыгыть.
Ирышла ды яа съвента Мар'я,
Съвента Мар'я пытланца:
— «Чаго, Божжыя Мать, сілна плачышъ,
Сілна плачышъ, ташка уздыхаипъ,
— А якъ жа ш ин'и плаакыть, из
 узырываить:

Што майд' Сына жыд' узали,
На кр'йшь ручки рысьпивали,
Кап'ёмы с'рдца прыбивали,
Гарф'чу каоу рызыливалы.

На с'м'я сажынь у землю пушчали.
Дзярв'унымъ прыклидали,
Кам'енійкимъ зыкычали...
— «А йди, Божжыя Мать, къ свайму Сыну,
Вазин ключы пяк'елныя,
А пусльн д'ушы наягрэшия.
Адну душу ни выпушчай,—
Тая душа гряшн'я за ўсіхъ:
С ацдомъ, з маткій пысварыліся,
З б'льшымъ сястэр кроу спусьтіла—
Вотъ тэй душэ рай зычын'яны,
Рай зычын'яны, пекса иччын'яны».
Пашл' душа узыргаючи.
Ацда-маты прыкливаючи:
Быдай прокліты ацдъ—маты,
Чам' мяне м'ллю ня учыли,
Маё т'ла ни д'вишыли¹⁾»

(Зап. М. Матюкъ).

VIII. Причитанія.

Причитанія матери по ребенкѣ. 1. А мой жа ты сынуличка! А мой же ты ли-
блююличка! А чаго ш ты, мой сынуличка, ат мяне утикаинш? А ти я ш табѣ падаіла?

2. А скажы ш, скажы, мой сынуличка; а кали ты ка ин'и прыдишь у гось-
тійки? А ти з васхдлу, а ти з захыду? Кап я знала, мой ты либядёчикъ, кали ты
прыдишь ка ин'и, тады и яничда и ни работыла..

3. А ты ш пав'дишь, мой сынуличка, у хатычку д'ужа тёйнину,—бизвік'онину.
А тамъ жы дужа тёйнину, мой сынуличка! А тутъ жы ты дужа быд'яся тёйнинта, а та-
п'ёрь жы ты вдёшь у хатычку тёйнину и бизвак'онину и ни байсься..

4. Гасьтюй, гасьтюй, мой ты сынуличка! Нянид'шка ш табѣ ужд у нась гасьтю-
воти. Прасій ш, прасій, сынуличка, свайхъ тётиникъ и дядиникъ, кап яны табѣ пры-
брали...

5. Прышчай, прышчай, мой сынуличка! Прыхднца ись табой рыстряцца на
вёки,—мой ты сынуличка, мой либядюличка!..

6. Упруўлінъ жа мы табѣ, маё дитятычка, проти л'тичка, проти тёплыга! А
уси ш д'тичкі будуть оа в'улицы гуляти и красычки ирвати, а майд' ж жы дитя-
тичкі ня будуть видати!..

7. Агарт'ю жа ты мяне, маё дитятухна!.. Знать жы ты ня мяне дужа разгн'и-
вусся,—што ты са майд'ничдга ни гаворышь... Знать жы ты, маё дитятухна, дужа
Боху ўграбінь, што Енъ табѣ ат насъ атнім'яйт, къ Саб' у выслужничкі...

8. Пытих'усинку вы. м'ё д'дички, яго вы съним'яйт. Ягд ш в'остычки дужа
б'льны...

9. Ти прасій жа ты, мой сынуличка. свайгд татуличку, какъ ёнъ табѣ запрёхъ
свайгд коника захыть у хатычку, дужа тёйнину, бизвак'онину? Замкнуть жа табѣ,
маё дитятычка, трёмы зам'чкими. Первый жы зам'чкіп—граф'овы д'шчычи; друг'ё
жы зам'чкі—жд'утый пясчыкъ, а трэтыі зам'чкі—травычка мур'авычка...

10. А я ш к табѣ, маё дитятычка, буду хадит к'аждыній д'ячыкъ. Я ш буду
ни табѣ кукувати, тябѣ ў госьтійки к саб' звати... Якъ жа ин'и забынца ёткыга ді-
татычку, ёткыга любинькыга? Енъ жы висял'ю жы нашу ўсю сим'ечку... Мой ты ді-
татычка! мой ты з'юбів'кій сыночкъ...

(Запис. кр. Гонакъ).

¹⁾ Ср. подвижникъ.

IX. Песни родинные и крестьянные.

Ай у нядѣльку вѣльма равнинка
Што ў нѣби зызвинѣла?
— Гдѣпѣть Богъ идѣть и долю иасѣть
Етыму дитѣти.
А пытаница ў Бугурдицы:
— «Якую долю дать дитѣти?
Ти грышавѣю, ти дыжавѣю,
Ай ти тую винчалнью?»
Бабычка сядѣть и Бога просьти:
— «Дай, Божа, усѣкю!»

—

Ай у нядѣльку вѣльма равнинка
Што у нѣби зызвинѣла?
— Гдѣпѣть Богъ идѣть и долю иасѣть
Етыму дитѣти...
А пытаница ў Бугурдицы:
— «Якую долю дать дитѣти?
Ти грышавѣю, ти дыжавѣю,
А ти тую винчалнью?»
Кѣмычка сядѣть и Бога просьти:
— «Дай, Божа, усѣкю!»

—

Ай у нядѣльку вѣльма равнинка и т. д.
Кумчикъ сядѣть и Бога просьти:
— «Дай, Божа, усѣкю!»

Кап я знала—вѣдѣла.
Што ты ў мяне бабынѣ бѣдишь—
Пысадѣла и я тябѣ
У гардди ны грядѣ,
Пыливалѣ и я тябѣ
Ни вадю, ды сытою,
Кап сыты ни стала,
Я и маду дысталѣ.

—

Кап я знала—вѣдѣла.
Што ты ў мяне кумдѣ бѣдишь—
Пысадѣла и я тябѣ и т. д.

Кап я снѣла—вѣдѣла,
Што ты ў мяне кумдѣ бѣдишь—
Пысадѣла и я тябѣ и т. д.
Я й мѣду и дысталѣ.

Кылы двыра сѣтѣчка,
Кылы двыра дардшка,
Туды и ишлѣ бабуѣска,
Туды и ишлѣ любуска,
Сустрикантъ Гдѣпѣть Богъ,
Сустрикантъ Духъ Святѣй:
— «Куды идѣшь, кумдї,
Куды идѣшь, любусї?»

—

Ай на кѣтѣнки Гдѣпѣть Богъ,
Ну муравѣнки, Духъ Святѣй!

Ну муравѣнки, Духъ Святѣй!
— «Што ты иасѣшь, бабусї,
Што ты иасѣшь, любусї?»
— Пялѣвички, Гдѣпѣть Богъ,
Пялѣвички, Духъ Святѣй!

—

Кылы двыра сѣтѣчка,
Кылы двыра дардшка.
Туды и ишлѣ кумдичка,
Туды и ишлѣ гулубдичка.
Сустрикантъ Гдѣпѣть Богъ и т. д.
«Што ты иасѣшь, кумдичка,
Што ты иасѣшь, гулубдичка?»
— Чирвонычики, Гдѣпѣть Богъ,
Чирвонычики, Духъ Святѣй.

—

Кылы двыра сѣтѣчка,
Кылы двыра дардшка.
Туды ж ба ишлѣ кумдї,
Туда ж ба ишлѣ любусї!
Сустрикантъ Гдѣпѣть Богъ,
Сустрикантъ Духъ Святѣй:
— «Куды идѣшь, кумдї,
Куды идѣшь, любусї?»
— Ай на кѣтѣнки Гдѣпѣть Богъ,
Ну муравѣнки, Духъ Святѣй.
— «Што ты иасѣшь, кумдї,
А што иасѣшь, любусї?»
— Ныпрѣтычики, Гдѣпѣть Богъ,
Ныпрѣтычики, Духъ Святѣй!

—

А кап я ёта знаю,
А кап я ёт вѣду—
Я ж бы тябѣ бабынѣ ни узяу:
Инѣ й гарѣлки ня пѣтъ,
Ина й пѣснѣ ня пѣтъ.

—

А кап я ёта знаю,
Кап я ёта вѣду—
Я ж бы тябѣ кумдѣ ни узяу:
Ина й гарѣски ня пѣтъ,
Ина й пѣснѣ ня пѣтъ.

—

А кап я ёта знаю,
Кап я ёта вѣду—
Я ж бы тябѣ кумдѣ ни узяу!
Енѣ гарѣлки ня пѣтъ,
Енѣ и пѣснѣ ня пѣтъ.

—

А сядѣли ў бясѣди
Мужѣ чѣсныя,
А рѣдили яны раду,
Раду добраю:

Ачагд а съвѣтъ—Мысвѣ
Зыгарѣлъся?
Зыгарѣлъсь съвѣтъ—Мысвѣ
Атъ удвушки.
А згарѣла тры цѣркуѣки,
Тры суборнинъыхъ;
А згарѣли тры папы,
Тры духдѣнинъыхъ;

А згарѣла тры дякѣ,
Тры наѣднинъыхъ.
А ни жаль жа трѣхъ папоѣ,
Трѣхъ духдѣнинъыхъ,
А ни жаль жа трѣхъ дякобѣ.
Трѣхъ наѣднинъыхъ—
А и жаль жа тры цѣркуѣки,
Тры суборнинъыхъ.

(Д. Ермоленкова).

Х. Пѣсни колыбельныя, дѣтскія, игорныя, шутливыя.

Люли-люли-люли,
Прылятѣли вѣли;
Сѣли-пали ны варѣтыхъ
У чырвоныхъ бѣтыхъ.
Стали янѣ брукуватѣ:
Чымъ Иваньку гудувать?
Адѣнѣ вѣжыты: пирашкомъ;
Другѣй вѣжыты: мылачкомъ,
Трѣтѣтій вѣжыты: сытюю,
И падожыты спать с сабдою.

Люли-люли, спать-мыгучать,
Я съ (я жь) тибе буду кылыхать
Кап табѣ будл смашна спать.

Иди, кѣтикъ, ни вурчи,
А Иванька съпи—маучи;
А ны катѣ вуркыта,
А ны Иваньку дрышина.

А псики, кѣтикъ, ны таржокъ!
Прынясій Иваньку пирашокъ,
И самъ трошку укусій,
И Иваньку прынясій!
А псики, кѣтикъ, на вулку,
Прынясій Иваньку хлѣба булку,
И самъ трошку укусіи
И Иваньку прынясій!
Иди, кѣтикъ, на рѣныкъ,
Прынясій, кѣтикъ, скарѣныкъ,
И самъ, кѣтикъ, ни зысій,
Астаднія прынясій!
Иди, кѣти, ни вурчи,
А Иванька, зѣвѣ, маучи!

Зайчикъ дробы сячѣть,
Казѣль дробы идсить,
Кызѣ хату топнить,
Аўца мукѣ съѣть,
Сѣвнинѣ дяжу мѣснить,
Кроликъ мѣнить столикъ,
Кауки мыють лауки,
Кошки мыють лошкы,
Лиски мыють вѣски,

Блыхѣ хату мятесть.
Зайчикъ атѣсѣкъ пальчикъ,
Казѣль з драўмі пувалиусъ,
Кызѣ хату спалыла,
Аўца мукѣ рассыпала,
Сѣвнинѣ ў дяжу ўвѣзла,
Кроликъ ныщицаў столикъ,
Кауки пылымали лауки,
Кошки пышипали лошкы,
Лиски пабѣли мѣски,
Блыхѣ вѣнокъ рассыпала.
(Каждая строка два раза).

Мужыкъ—вожыкъ
Прадаў ножыкъ,
Купіў мыла,
Памыў рыла.

Латки латки
Дякдвы рыбатки
Гардхъ мылатили,
Цапы пулумали,
За 'вінь зыкідали,
Дякѣ ни съязали.
Дякъ зыбранійусъ
И с пылать звалійусъ.
Дячѣха съ пѣчи—
Пабѣла плѣчи,
Пятукъ зъ ѡмки—
Пабѣу клямкі,
Курица с паліцы—
Пабѣла шкляніцы.

А чи-чи сардка,
Куды ляташъ далёка?
Сѣла-пала ны тавѣ
У чурвонімъ кылпакъ.
Ня бѣ мяне пы бакѣ.
Буду табѣ готъ служыть,
Сахѣ на пала наасѣть.
Прышоў ў полья—сахѣ нива,
Прышоў ў дворъ—жанѣ вимѣ.
— А ют жана?—У мавини!
Што радыла?—А Якима!

— Хто купаў?—Сыбака!
— Чимъ завуть?—Кыябака!
— Идѣ ляжыть?—Пыд лаўкы!
— Чимъ накрыўся?—Кырэўкы!
— Идѣ пыклала?—Пут кутомъ!
— Чимъ накрыўся?—Лускутамъ!
И пригнуцы канёць,
А мнѣ ўбду карэць.

Питушокъ, шитушокъ,
Зылатэй грыбяйокъ!
Ны саломы спаў,
Ёнъ рана устадъ,
Пу вадычку пашдъ,
Мыладычку нашдou;
Мыладычка дыбра,

Яи ў штобники дыла,
Ёнъ и тэя ни знаснў
И другея пупраснў.

Мати сына радыла,
На коника садыла,
Шаўкёвия пувады,
Вяды кыні ды вады.
Арэхува карыта
Пёгна вады наядта.
Тамъ мальчики ноги пыли,
А дёвычкі ваду пыли.
А дёвычкі чатыры,
Кап ихъ чёрвии стачыли,
А мальчикуў пять, пять—
У здлыти съпять, съпять.

Эпическая пѣсни Дебрскія.

(Изъ сборника Дыновскаго ¹).

Марко кралевић и Арапин.

- Градил Марко седомдесет цркви,
И ми градил той свети манастыр.
Ми пособрал си-те сиромаси,
Да му чинит нему ангарія,
5. В рока зело куршумлія камцик,
Удрил, тълчет по главе, по очи.
Поплак пойде во града Стамбала:
«Врућо сълице Сълтан Паязите!
10. «Що с'о ови зулуми големи,
Од онога Кралевића Марка;
«Градит Марко седомдесет цркви,
«И ми градит той свети манастыр;
15. «Ми пособрал си-те сиромаси,
«Да му чинит нему ангарія:
«В рока зело куршумлія камцик,
«Удрил, тълчет по главе, по очи».
20. От си выкна Сълтан Паязите:
«Ве ће камо да се наймет юнак,
«Да го фатит Каурина Марка,
25. «На му дада по море скелнина,
«На му дада три градови тимар,
«На му дада три товари азно».
Си-те ми се в зем'и опушије.
Бог го убил црнега Арапа,
30. Му излезе цару на дивали:
«Врућо сълице Сълтан Паязите!
«Я ти фаћа Каурина Марка.
«Направи ми руво ка'уђерско.
35. «Направи ми од срма петраиль,
«Направи ми крсте позлатено,
«Направи ми котленце стребрено».
Царска рака мошне беше дѣлта:
Му направи руво кауђерско,
40. Му направи од срма петраиль,
Му направи крсте позлатено,
Му направи котленце стребрено.
45. От си яфна црна Арапина,
От си яфна своя браза коня.
Право тргат во Прилела града,
Во Прилела на Марковы порты.
50. Кљукун кљукат, а на име выкат:
«Отвори ми господаре Марко!»
А пак Марко не се згоди дома.
Ми излезе Марковица млада,
55. Умина беше Марковица млада,
Веднуш порты млада не отвори,
Од призирка млада ми погледа,
Си го виде црнега Арапа,
60. Пак му велит Марковица млада:
«Ид' одтуе црни Арапине,
«Ты що сакаш с кралевића Марка?»
Бог го убил црнега Арапа.
65. Си порони сълзи по образи:
«Господарке Марковице млада
70. «Зашто вера наша ни я турчиш?
«Да янесу Арапина црна,
«Токо су си кауђера црна;
«Еве имать деветъ годиници,
75. «Как манастыр ми го поплениле.
80. «Я до сега в зондани сум лежал,
«Од верени я сум поцрнало,
85. «Дури сега мене ме пущије.
«Пак сум чуло да ми градил Марко,
90. «Да ми градил седомдесет цркви,
95. 65. «И да градил той свети манастыръ.
«Я сум дошол до твой господара.
100. «Да ме кла'ет негде да се 'ранам». Пакъ му велитъ Марковица млада:
«Неборете Арапине црни,
105. 70. «Марко ми е во Скопѣ широко,
«А во Скопѣ при свети манастыръ,
«Иди тамо, що сакаш, чините».

¹) См. «Живая Старина», г. IX, в. 1, отд. II, 113—129. В. II. отд. II, 236—250.

- Си се врати црна Арапина,
Право търгат на свети манастиръ,
75. Ми приближи до свети манастиръ.
Го догледа едно црно ѡаче
Писна ѡаче колку го глас държит:
«Господаре Кралевиће Марко!
«Нешто идет по бели друмови.
80. «Се задале моглы и праови.
«Да ни ми е некоя делия?
«Да ни ми е, Богъ ме, силна войска?
«Право идеть на свети манастиръ».
Како зачу кралевиће Марко,
85. От си зеде своя остра сабя,
Од ягонис гола Шарца яфна,
Одоколу Марко го забиде,
Го престрети на бели друмови,
Селамъ му даде Марко Кралевиће,
90. Селамъ му даде ирнему Арапу.
Бог го убил ирнего Арапа.
Си порони сълзи по образи:
«Господаре Кралевиће Марко!
«Зашо вера наша ни я турчи?
95. «Да я несус Арапина црна,
«Токо сум си калуђера црна.
«Еве имать девет годиници,
«Какъ манастиръ ми го поплениле,
«Я до сега во зондан су лежал
100. «Дури сега мене ме пущие.
«Пакъ сум чуло да ми градиш цркви,
«Да ми градиш седомдесетъ цркви
«И да градиш той свети манастиръ.
«Пак я идам до твое колено,
105. «Да ме клаеш негде да се 'ранам».
Му извади од срма петраиль.
Му извади крсте позлатено,
Му извади котленце стребено,
Дури тога Марко заверува.
110. От си слезе од коня бързего.
Трѣ-поти му метанія стори,
И трѣ-поти рока му цалива:
«Прости мене дуовиличе Божъо!
«Прости мене, я що ти прегрешиф!
115. «Веднуш тебе я не те припознаф!»
От си яфна своя браза коня,
Отидоѣ во свети манастиръ,
Ми слегоѣ од браз-те кони
Изговори црна Арапина:
120. «Господаре Кралевиће Марко!
«Айде ми в црков да влеземе,
«Да влеземе въ црков у олтара,
«И молитва тебе да ти стора».
Ми влегоѣ въ црков у олтара,
125. Изговори Арапина црна:
«Господаре Кралевиће Марко!
«Наведи си главаничку в земи
- «И завърти роцы наопаку
«Ты со роцы книга да ми държиш
130. Ѯа ти пея (господска) простена
молитва».
- Се излога Кралевиће Марко,
Си наведе главаничку в земи,
Си завърти роцы наопаку,
Си му даде книга да я държит.
135. Арапин си Арапски говорит,
А пак Марко чинит да ги пеѣт;
Бог го убил ирнего Арапа!
Не му пеѣт (господска) простена
молитва,
- Ток извади тесни белези.
- 140 Си му върза роцы наопаку,
А на гуша—оной дробен синцир
{ Си му викна с клоци да го биет,
| Да го биет как некое куче.
} Го изводи од манастиръ надвор
145. Си го върза коню за опашка.
Го поведе по бели друмови.
Пицнат Марко, како љута змія,
Марко пицнат од манастиръ надвор
Шарец пицнат внотра во манастиръ.
150. С' уйдисаѣ оба-два гласеви,
Пицнть оба на далок се чует,
Ми дочуло Янкула войвода:
А пак нему му се учинило,
Дал' го Турци манастиръ плениле;
155. Пак си яфна своя браза коня,
Право търгат кон свети манастиръ,
Кога виде, ѩо Ѯа видит чудо?
Го вързала црна Арапина,
Го вързала Кралевића Марка.
160. Отдалеку Янкула му выкат:
«Чекай море црни Арапине!
«Коде водиш мойго побратима
«Чекай, кафпем да се обидиме
«Бар за мене боздоган однеси»
165. Аль му велит црна Арапина:
«Ид' одтуе делио незнайна!
«Я со тебе работа си немам».
Пак му велит Янкула войвода:
«Чекай кафпем море црни гламно
170. «Чекай кафпем тешка боздогана».
Исцофрии с' тешки боздогана.
Бог го убил ирнего Арапа!
В' роцы му го боздоган дочека,
175. И пак назат боздоган му врати.
Си го удри Янкула в' рамена,
От си падна од коня на земи.
Се поврати црна Арапина,
Се поврати и него го върза;
180. Се сториѣ дваица юиаци.

- Пищит оба како лъти зміі,
Пищит оба на далек се чуѣт,
Ми дочуло Радула войвода.
Ей Радула с мустаѣ' преку рамо.
- 185 А и нему му се учинило,
Даль мавастырь Турцы го плениле;
Отъ си яфна своя брза коня,
Право търгат на свети манастырь
Кога виде, що ѡа видит чудо!
190. Й вързала црна Арапина
Й вързала дваица юнацы.
Отдалеку Радула си выкат:
«Чекай, море црни Арапине,
«Коде водиш мои побратими?»
- 195 Аль му велит црна Арапина:
«Ид' одтуе делио незнайна
«Я со тебе работа си немам».
Пак му велит Радула войвода:
«Чекай кафпем мори црна гланно
200. «Чекай кафпем тешка боздогана».
Испофри с тешка боздогана
Си го удри црнега Арапа
Си го удри в' десна узенгія.
Бог го убил црнега Арапа.
205. С узенгія боздоган му врати,
Си му удри коня Радулова,
Си го удри међу два колана
И конь падна и Радула падна.
Се поврати црна Арапина,
210. Се поврати и него го врза.
Се сториѣ троица юнацы.
Пищит си-те како лъти зміі,
Пищит си-те, на далек се чуєт,
Ми дочуло Рело шестокрило:
215. А и нему му се учинило,
Даль манастырь Турцы го плениле.
Пак си яфна коня крилатого,
Право търгат кон свети манастырь,
Кога виде, що ѡа видит чудо!
220. Й вързала црна Арапина,
Й вързала троица юнацы,
Отдалеку Рело токо викат:
«Чекай, море црни Арапине!
«Коде водиш мои побратими?»
225. Пак му велит црна Арапина:
«Ид' одтуе, делио незнайна!
«Я со тебе рабоа си немам».
Пак му велит Рело шестокрило:
«Чекай, кафпем црни Арапине!
230. «Чекай, кафпем, тешка боздогана,
«Бар за мене боздоган однеси».
235. Испофри Рело шестокрило,
Испофри с тешка боздогана.
Бог го убил црнега Арапа!
В' роцы му го боздоган дочека,
И пак назад боздоган му врати
Си го удри Рело шестокрило;
Падна Рело од коня на земи.
Се поврати црна Арапина,
240. Се поврати и него го врза,
Се сториѣ четыри юнацы.
Пищит си-те, како лъти зміі,
Пищит си-те на далек се чуєт:
Ми дочуло Матуфка детенце,
245. А детенце—дванаест години,
А и нему му се учинило,
Даль го Турцы манастырь плениле;
От ягоинис гола коня яфна,
И си зеде своя остра сабя,
250. Право търгат кон свети манастырь,
Кога виде, що ѡа видит чудо!
И врзала црна Арапина,
Й врзала четыри юнацы,
Кой одако юнак над юнака.
255. Пак си викат Матуфка детенце:
«Так ти Бога, црни Арапине!
«Коде водиш мои побратими,
«Бар и мене, тамо однеси ме».
Пак му велит црна Арапина:
260. «Ид' одтуе дете ацамія!
«Как прежали твоя пуста младось;
«Дали зноеш, дали ми не зноеш?
«ха ѹ носам овіе юнацы,
«ха ѹ носам во града Стамбала,
265. «ха ѹ сечам парче и по парче,
«ха си 'раная чарписки загари».
Пак му велит Матуфка детенце:
«Так ти Бога, црни Арапине!
«Почекай ме, да се обидеме:
270. «Коде водиш мои побратими,
«Бар и мене тамо однеси ме».
Се поврати црна Арапина,
Со зоби го дете подпилашуват,
И си фрли с' тешка боздогана.
275. Аль да видиш Матуфка детенце!
В роцы му го боздоган дочека,
И пакъ назад боздоган му врати,
Си го удри црнега Арапа.
Падна Арап од коня на земи.
280. Си дотърча Матуфка детенце,
Му пресече глава од рамена:
Си ѹ пущи четыри юнацы.

Марко кралевић и Беле од Костура.

- Во Сбота, а спроти Недеља,
Во Солуна на 'ладна меана,
На меана на демир-капија,
Сон соневал Кралевиће Марко,
5. А од сон се мошне уплашило.
Скочил Марко на нози юначки,
Пак ће викат кърчмарцица млада:
«Посестримо, Невено девойко!
«Нель запали свећа и борина
10. «Да ела си при мене в одај
«Да ти кажа', што сон су' соневал.
«Ты си, жена, од сон ми разбираш
«Да ми кажеш, што ћа бидег сончок
«Ем да ти плати' што сум ти пил вино
15. «Що сум ти пил вино вересја,
«Вересја три години време;
«Да ти плати', и да ти надплати'.
От' си стана кърчмарцица млада,
Си запали свећа и борина
20. Си отиде при Марка в одај.
Зеде Марко да ће прикажуват:
«Посестримо, Невено девойко!
«Как'да се згодиф во Прилепско поле,
«Како да фати една темен облак,
25. «А из облак—една ситна роса,
«А из роса—еден сиви соколь;
«А по соколь—еребица сива,
«А по неј—пиленце шарено». Тога му велит кърчмарцица млада:
30. «Побратиме, Марко Кралевиће!
«Нель ме прашаш, право ћа ти кажа.
«Теа що е, Марко, темен облак,
«Тал ми е, богје, силна войска:
«А из облак що е ситна роса,
35. «Тые ми се майкини ти сълзы
«А из росы що быль сиви сокол,
«Теа ми е Беле од Костура:
«А по сокол—еребица сива,
«Тая ми е Марковица млада:
40. «А пиленце—твое мошко дете:
«Ти ће пленил Беле од Костура». Како зачу Марко Кралевиће,
От си скочи на нози юначки,
Си отиде долу въ конюшница,
45. Си подседла коня шареного.
Му се згоди Шарца некована,
Немаше време Шарца да подковет,
Дека ми беше време на полноћа.
Некована Шарца си го яфна,
50. Во полноћи Марко си излезе,
Си киниса по тесни сокаки,
Се приближи до порты Вардарски.
- Од далеку Марко токо викат;
«Тако ти Бога, капија млади!
55. «Отвори ми порты од бедеми
«Зерв си имам голема не'оль
«ја си търчам по поле широко». Одговори капија млади:
«Так' ми Бога, делно незнайна!
60. «Во полноћи порты не отворам.
«Голем тембиф краль ми учинило,
«Ак' отворам порты во полноћи.
«ја ми земет глава од рамена». Се нальти Марко Кралевиће
Дунна коня с' обе узенги.
Си прескочи кали си бедеми.
От си летна по поле широко,
Се обзори в Тиквешки баџи,
Сълнце го бълсна на чука Плетвара,
От Плетвара Марко се опули,
(Се опули на високи Диван),
Даве нещо Марко ћа догледат,
Да ми шетат по високи Диван:
Нищо немат Марко да догледат,
Да ми шетат по високи Диван.
Дури тога Марко заверува.
Дунит коня с' обе узенги,
Търчат Марко кольку що си может,
Право търгат на порты витици.
80. На порты найде своя стара майка,
Коде кукат како кукавица.
Б говорит Марко Кралевиће:
«Добро угро моя стара майко!»
А майка му не му одгаварат.
Ток со роцы по главе се тепат.
Тога ће велит Марко Кралевиће:
«Леле майко, леле стара майко!
«Кой ны стори оваква страмота?»
Тога му велит Маркова-та майка:
«Леле сънко, Марко Кралевиће!
«Еве имат две недели време,
«Овде ми дойде Беле од Костура,
«Овде ми дойде той со силна войска,
«Ти я плени Марковица млада,
90. «Ен ти плени твое мошко дете,
«Ен ти плени седом тавли коны,
«Ен од кулы азно ти исцърпи;
«Ме остави како що ме гледаш».
- Тога ће велит Марко Кралевиће:
«Учи майко, сега научи ме,
«Научи ме я како да 'ода,
«Ил да 'ода со мое юпа'ство?
«Ил да 'ода со моя 'итрина?»

- Тога му велит Маркова—га шайка.
105. «Лелей сынко, Кралевиће Марко! 160. «Со јуна'ство не можеш да по'еш:
«Со јуна'ство не можеш да по'еш:
«Беде ми градил три години кали,
«Кали му се вара и камена.
«Ты не можеш в кала да му влезеш.»
110. «Ток да 'одиш со твоя 'итрина, 165. «Голем пешкиш тебе Ѯа ти дадам».
«Вте си ми, сынко, небричено,
«Малу-многу книга ми разбираш,
«Промени се в кауђерско руво.
«На глава клан си шапка егуменска,
115. «Учини се църна кауђера, 170. «Си го зеде црнога кауђера,
«Да яфни си тая крива ѡоска,
«Таке ак' можеш в кала да му влезеш».
Я послуша Кралевиће Марко,
Се промени в кауђерско руво,
120. На глава кладе шапка егуменска, 175. «Си го зеде црнога кауђера,
От си зеде од сърма петраиль,
Еми си зеде кърсте позлатено,
Еми си зеде котленце стребено,
Се учини кауђера църна,
125. От си яфна тая крива ѡоска,
Си киниса по бели друмови.
Оту си пойде во поле Костурско.
Туе си найде деца малечкави,
Малечкави деца си игра'е,
130. Им говорит кауђера църна:
«Добро утро, деца малечкави,
«Коде ми биет тешка дабувана?»
Му говорат деца малечкави:
«Дай Бог добро, ду'овниче Божјо!»
135. «Ево имат три недељи време,
«Свадба чинит Беле од Костура,
«Му я пленил Марковица илада,
«Ама немат пош за да го венчат,
«Токо пойди Белета, венчай го,
140. «Голем пешкиш Беле Ѯа ти да'ет».
Право търгат црна кауђера
Право търгат на Белеви порты.
Отдалеку Беле го догледа,
Изговори Беле од Костура:
145. «Ядите, пите, гости приятели,
«Ядите, пите, ем веселите се.
«Три недељи сун ве гощавало
«А уще три я Ѯа ве гощава,
«Кие ми идет пош за да ме венчат,
150. «Да ме венчат с юбава невеста.
Од радости Беле од Костура
Търчаница порты сп отвори,
Си отвори порты од бедеми,
Го пречека црнога кауђера,
155. Три-поти му метанія стори,
Еми три-поти рока му цалива.
«Добре ми дойде, Божъи дуовничес
«Добре ми дойде как' добра година!
- «Си го зеде црнога кауђера,
Си го качи на високи диван,
Си го седна на чес'на търпенза (sic),
Си го слуга љутница ракіа,
- По ракіа тяя църно кафе,
А по кафе той господски ручек,
Ми ручае, що ми поручае,
Ми зедое вино да ми піет
Извадие юбава невеста:
Да даруват китени сватови:
И дарува, що ѝ дарувала:
А Белета що го дарувала?
Го дарува Маркова-та сабя.
С' двана'есет ясни огледала,
С' двана'есет камни безценати:
И го дарува Маркова-та чаша,
Що ми брала двана'есет оки.
Ми зедое вино да си пијет
Да ми піет с' Маркова-та чаша,
Си-те ми се редум изреди'е;
Юнак немат чаша да я начнет,
А камо ли чаша да испіет;
Ред му дойде църнemu кауђеру,
180. Една исци и друга повтори.
Ми зедое китени сватови,
Да гледает Маркова-та сабя,
Си-те ми се редум изреди,
Юнак немат сабя да вистъргент (от-
ворт).
190. Ред му падна църнemu кауђеру,
Со два пърста сабя я истърга.
Тога рече Беле од Костура:
«Так ти Бога, ду'овниче Божъо!
«На те праша, право да ми кажеш.
195. «Ты си шетал зем'я и градови,
«Дане негде за Марка си разбріръ,
«Даль е живо, да ли е умрено?»
Тога му велит кауђера църна:
«Господаре Беле од Костура!
200. «Нель ме прашаш, право на ти кажа:
«На Велигденъ я си се погодифъ,
«Се погодифъ я во Света Гора,
«Тамо абер за Марка су разбрал,
«В'о Арабистан Марко е загубен,
205. «Го загубила църна Арапиниц». Се зарадва Беле од Костура,
От си стала оро да си играт.
Тога му рече църна кауђера:
«Господаре Беле од Костура!
«Изин дай ми и я да поиграм,
«Да поигра' 'оро кауђерско».
- Изин му ладе Беле од Костура.

- Ог'у си стана църна кауђера,
Ог'у си стана оро да си играт:
215. Не ми играт оро кауђерско,
Ток се развърте налево ѹ надесно,
Си и'сече кигени сватови.
А Белета жив го въ роцы фати,
Си го сона у поле широко,
220. Го однесе на две раскър'ници,
Му пресече нози до колена,
Му пресече роцы до лакоти,
- Му извърте обе църни очи,
Го остави живо да се мочит.
225. Оту се врати во Белеви дворы,
Си я зеде Марковица илада.
Ем си зеде свое мошко дете,
Ем си зеде седом тавли копы,
Ем си зеде свое дробно азно
230. И Белево азно му исцърпи.
Оту се врати дома на дворови.

Секула Детенце и Корунъ Арамія.

- Кинисала Секулица илада,
Да ми 'одат на студена вода.
Кога 'одеша, беше зарадвана,
Кога се врати, мошне ујадена.
5. Я догледа Секула детенце,
Е говорит Секулице илада:
«Ай ти тебе, Секулице илада:
«Кога 'одеше за студена вода,
«Ты ми беше мошне зарад'вана,
10. «А сега си мошне ујадена;
«Да не некой тебе се подсмеялъ?
«Иль ти сторил некоя страмота?»
Му говорит Секулица илада:
«Господаре, Секула детенце,
15. «Никой мене не ми се подсмеялъ,
«Ни ми сторилъ некаква страмота;
«Ток го видоф попъвът Йована,
«Си 'одеше ѹ'убава невеста,
«Я носеше у майка на гости;
20. «Мене ми се мошне дожалило,
«Еве имать три години време,
«Од как' сме се с тебе ѡердосале,
«Ты у майка иеси не однесоль,
«Да си вида' моя стара майка,
25. «Да си вида' моя деветъ браћа».
Тога є велит Секула детенце:
«Ай ти тебе, Секулице илада,
«Нель замеси две бели погачи
«И наточи две здравици вино,
30. «И подседдай до два бързи коня,
«Промени се, как' кога си дошла,
«На т' однеса у майка на гости».
От си стана Секулица илада,
Си замеси две бели погачи,
35. И наточи две здравици вино,
И подседда до два бързи коня,
Се промени, како кога дошла.
Си яфнае оба бързи коня,
Кинисасе юнак и невеста,
40. Кинисасе по бели друмови,
- Кинисасе на гости да 'одитъ.
Одећ ми що ми по'одеъ
Накачие Дупничка планина,
Ми влагое во тесна клисура.
45. Секула го дремка навалила,
Е говорит Секулице илада:
«Секулице, невесто ѹ'убава!
«Нель попей ми една лепа песна,
«Кольку да е песна гласовита,
50. «А две тольку да е разборита,
«Зар ме мене дремка иадолила,
«Да не падна од коня бр'зего».
Му говорит Секулица илада:
«Господаре, Секула детенце!
55. Страф ме мене я да ти пошея,
«Овде (ми) шетат Корун арамія,
«Той ме мене п'рвии посакало,
«И познават мон-те глъсеви,
«Да не ми сторит некоя страмота».
60. Е говорит Секула детенце:
«Секулице, невесто ѹ'убава!
«Дур ми стоит глава на рамена,
«Ни од кого ти да се не боиш;
«Ток попей ми една лепа песна,
65. «Кольку да е песна гласовита,
«А две тольку да е разборита».
От си викна Секулица илада.
От си викна песна да си пеѣтъ.
Си я дочу Корун арамія.
70. Пак говорит Корун арамія:
«Ай ви вами, дружиню веровна!
«Кой на се на'ет юнак над юнака,
«Да ми фатит юнак и невеста;
«На му дада' мое дробно азно,
75. «И на му дада' токи од шес' очи,
«И на му дада' моя остра сабя».
Си-те ми се в зем'и опулите.
Бог го убил тея клето Влашче!
Теи му се право в очи пулит.
80. «Кашидане, Корун адамія:

- «Дай ми мене твое дробно азно,
 «Дай ми мена токи од шесь оки,
 «Дай ми мене твоя остра сабя,
 «Я ѩа ли фаћа юнакъ и невеста».
85. Се му даде Корун арамія.
 От си слезе тая клето Влаше,
 От си слезе долу на друмови,
 Се учина слепо улогаво.
 Туй помина Секула детенце,
90. Го дарува три жълти дукати.
 Изговори тая клето Влаше:
 «Ай ти тебе, делю назнайна,
 «Не е чудо ты що ме дарува,
 «Ме дарува три жълти дукати:
95. «Ток е чудо делю назнайна,
 «Да ме качиш зад тебе на коня,
 «Да ме сонеш во поле широко,
 «Да м' однесеш на две раскърници,
 «Да м' оставиш тue да си питам,
100. «Да си питам тue да се ранам».
 Му говорит Секулаца млада:
 «Господаре Секула детенце!
 «Во клисура добро не се чини,
 «Токо терай да си изминеме».
105. Не послуша Секула детенце,
 Ток го фати тая клето Влаше,
 Ток го фати за десна-та рока,
 Си го качи зад себе на коня.
 Одећ ми що ми по 'одећ.
110. Бог го убил тая клето Влаше,
 Си извади свое фрушко ноже,
 Му пресече гайтани од сабя.
 От си скокна од коня (брзего) на земи.
 И фати сабя да си вртит,
115. И си фати коня под невеста,
 От си викна, кольку го глас държит:
 «Трчай сега Корун арамія.
 «Я ти фатиф коня под невеста».
120. Со негови трисет дружина,
 А Секула летна да си бегат.
 Тога рече Секулица млада.
 «Капидане Корун арамія.
 «Изин дай ми, да му се подсмеј:
125. «На оная лудо азмія».
 От си викна Секулица млада:
 «Ай ти тебе, Секула детенце!
 «Кога ѩа ти се за мене дожалит,
 «Ти да слезаш од коня брзего,
130. «Да погледаш коню под чултара,
 «Туй ѩа на'еш китка босилкова
 «Я в пазува китка су носила,
 «Помирисай, как мене миришат.
 А Секула не си поверува.
135. Токо му се нему учинало,
140. Даль невеста шега му се біет.
 Пак си викна Секулица млада:
 «Ай ти тебе, Секула детенце,
 «Кога ѩа ти се за мене дожалит,
 «Ти да слезеш од коня брзего,
145. «Да погледаш коню под гривица,
 «Туй ѩа на'еш китка невенова,
 «Я в пазува китка су носила,
 «Помирисай, как мене миришат».
150. А Секула тога заверува,
 От си слезе од коня брзего,
 Си погледа коню под чултара,
 Туе найде сабя зглобовита
 С дванаесет ясни огледала,
 С дванаесет камва бесценати.
155. Кога дете сабя си я найде,
 От си яфна своя б'рза коня,
 Оту назад дете се поврати,
 Си разигра своя брза коня,
 Си и'сече три'есет яйдуци,
160. А Коруна жив го в роцы фати
 И го фати тая клето Влаше;
 Си им върза роцы наопаку,
 Си ѝ върза коню за опашка,
 Си ѝ сона во поле широко
 И однесе на две раскърници,
 Им извърте нифин црни очи,
 Им пресече роцы до лакоти,
 Им пресече нози до колена
165. И остави тue да питает.
 Да питает, живи да се мочат.
 Пак им велит Секула детенце:
 Нех е чудо, Корун арамія,
 Во клисури превара да правиш,
170. Ток е чудо юнаство да кажеш,
 Со юнаство невеста да отнеш.
 Уина беше Секулица млада,
 Им и'сече на три'есет юзици,
 Им и'сече три'есет юзици
175. И си зеде очи Корунови
 Си и' зави во тенка ма'рама,
 Си и' кладе в шарени дисази,
 Пак пойдое у мајка на гости.
 Излегое девет мили браћа
180. И излезе нифна стара мајка,
 Излегое, си ѝ пречекае.
 Тога велит девет мили браћа.
 «Ай ти тебе, наша мила сестро,
 «Що ли ти е оная детенце?
185. «Да ли ти е внуче од девера?
 «Да ли ти е по-мало деверче?»
 Одговори нифна мила сестра:
 «Ай ви вами девет мили браћа,
 «Нито ми е по-мало деверче,
190. «Нити ми е внуче од девера,

- «Токо **и** с мой мили юнак,
«Мили юнак Секула детенце.
Тога велит девет мили браћа:
«Ай ти тебе, наша мила сестро,
195. «ћешке мые тебе да дасфие,
«Да дасфие Корун арами,
«Да имаше юнак спрои тебе».
Тоги им велит Секулица млада:
«Ай ви вами, девет мили браћа,
200. «Погледайте в шарени дисази,
«ћа на'ете очи Корунови,
«ћа на'ете триесет јозици,
- «Що и'секол Секула детенце».
Тога велит девет мили браћа:
205. «Ай ти тебе, наша мила сестро,
«Ты направила си овеја юнаство.
«Зар си юнак и ты како наами».
Тога велит Секулица млада:
«Трайте, браћа, да ве Бог убјет,
210. «Да не чујет Секула детенце,
«Да не чујет, да не се најутит,
«Си-те девет да не ве погубит».
Ми седија ручек да ручает.

Роль мѣсяца при распредѣлѣніи работъ у Литов- цевъ Поневѣжскаго уѣзда.

Почти ни одной работы не начинается, литовецъ не посовѣтовавшись съ мѣся-
цемъ. Въ самомъ мѣсяцѣ видѣтъ онъ стоящаго человѣка, появление которого поясняетъ
онъ слѣдующей сказкой, очень распространенной.

Вышелъ однажды (это было давно) изъ
бани нагой человѣкъ, чтобы принести себѣ
воды. Держа коромысла съ ведрами на плѣ-
чахъ онъ спросилъ у людей, стоящихъ
возлѣ реки:

— Отчего сегодня такъ темно?—Люди
ему отвѣчали:

Какже можетъ быть темно? Развѣ не ви-
дишь, какъ ярко мѣсяцъ светитъ?

— Мой задѣлъ свѣтлѣе мѣсяца!—восклик-
нуль человѣкъ, но едва онъ успѣлъ сказать
эти слова, какъ вдругъ исчезъ.

Люди не могли понять, что съ нимъ слу-
чилось, оглядывались, но его нигдѣ не нашли.
Только когда взглянули на мѣсяцъ, увидѣли
тамъ того же человѣка нагаго съ коромы-
слами и ведрами на плечахъ.

Богъ, очевидно, наказалъ его такимъ обра-
зомъ, и теперь онъ долженъ будетъ стоять
въ мѣсяцѣ до суднаго дня. (Винкунене и
Іоганишкели. 5 марта 1901).

Jiejo vieną šyki seriau iš pirties nuogas
žmogus, noris sau vandens atsinešti. Laiky-
damas ant pėčiu-naščius su vedrais, tare i
kitus žmones stovinčius paupyje:

— Kodel šendien telp tamsu?—Žmones
atsake:

— Kaip-gi bus tamsu? Ar nematai kaip
ménéselis gražiai švietia?

— Mano subiné švicesnė už menes!—
atsaké žmogus, bet vos spéjo ištarti tuos
žodžius kaip pranyko. Žmonés, negaliédami
suprasti, kaip tai su juo galejo atsitikti,
dairési bet jo niekur nematé. Tik kaip
žvilgteréjo jie i menest, isvydo jie ta pati
žmogu su naščiais ir vedrais ten bestovinti.

Dievas, mat, ji tokiu budu nubaudé, ir
jis turés dabar ménesyje stovéti iki sudnai
dienai.

Распредѣлѣніе работъ.

1. Свиней колоть надо въ полнолуніе или
въ самомъ началѣ его, потому что тогда
мясо увеличивается въ размѣрѣ; если же
заколоть какое нибудь животное не въ ука-
занное время—тогда мясо стягивается, какъ
губка. (Винкунене 11 февраля 1901).

2. Удобиѣ всего рѣзать животныхъ на
лѣто въ третій день нови, потому что тогда
мясо бываетъ бѣлое, какъ свѣжее, никогда
не горькнетъ. (Винк. 11 февраля 1901).

3. Горохъ сѣять обыкновенно во время
нови, ибо тогда гораздо больше стручковъ

1. Kiaules skersti reikiy priépilnyje, ar-
ba pačiam pilnatyje. Ant pilnačio skersto
gyvolio mësa pučiasi; ne laiko skersto su-
sitraukia kaip nagine.

2. Jauname trijų vakarų skerdzia daž-
niausiai ant vasaros. Mësa esanti tada visuo-
met balta, kaip švieži, niekuomet nerudija.

3. Žirnius sėjá jauname ménesyje (benkia,
septynių vakarų): mezga tada daugiau.

заязывается. (Магдалема Баюрась дер. Валдайки Йоганишельского прихода 5 декабря 1897).

4. Если свинья имѣеть пороссять во время нови, тогда они родятся съ клыками. Такие пороссята не могутъ хорошо сосать; чтобы они росли надо клыки вырвать. Лучше если свинья опоросивается въ послѣднюю четверть. (Магд. Баюр. 5 декабря 1901).

5. Во время перемѣнъ мѣсячныхъ фазъ лучше всего садить огородныя свѣмена. (Магд. Баюр. 5 декабря 1897).

6. Хлѣбныя растенія надо сѣять слѣдующимъ образомъ: если во время нови, то рано утромъ; если во время полні, то въ полдень; если въ послѣднюю четверть, то вечеромъ. Тогда всегда хлѣбъ будетъ хороши. (Магд. Баюр. 5 декабря 1897).

7. Картофель надо садить во время перемѣнъ лунныхъ фазъ въ день погодно облачный, когда сады цвѣтутъ.

Если картофель садить во время нови, тогда корни не свиваясь въ плодъ, растутъ въ длину. (Магд. Баюр. 5 декабря 1897).

8. Всѣ деревы надо рубить во время послѣдней четверти, тогда они сильные и червь ихъ не точить; только осину, березу и черную ольху во время нови. (Казимир Карновскій изъ мѣст. Йоганисвѣли, 3 января 1901).

9. Навозъ надо везти въ послѣднюю четверть; лучше огорода растутъ (Каз. Кари. 19 января 1901).

10. Веревки и канаты надо вить въ послѣднюю четверть — тогда они крѣпче. (Каз. Кари. 3 января 1901).

11. Покупки надо дѣлать во время послѣдней четверти. Вещи купленныя во время нови, скоро портятся. (Бонифацій Якубовски, мыза Подзишки, Кловянскаго прихода. 1-го марта 1901).

12. Граблямъ зубья надо выкладывать на послѣднюю четверть (изъ дерева дикой яблони) — тогда они крѣпче. (Бон. Як. 1-го марта 1901).

13. Бѣлье надо мыть на послѣднюю четверть: мытое во время нови скоро марается. (Бон. Як. 1 марта 1901).

14. Въ бани надо итти во время послѣдней четверти: во вѣмѧ нови скоро можно получить сыпь. (Магд. Баюр. 5 декабря 1897).

15. Скирды лучше всего начать во время послѣдней четверти складывать — тогда мыши не грызутъ. Вообще все что складывается на болѣе долгое время, надо начинать въ

4. Kad kiaulė turi parsus jauname mėnasyje, tai jie gimsta su iltimis. Tokie parsai negali žisti. Reikia norint, kad jie augta, iltis išlaužyti. Geriausiai, jeigu kiaulė atveda senugalyje.

5. Pačiam persivertime geriausiai sodinti visokius daigus.

6. Visus javus reikia taikyti tokiu būdu: jeigu jauname, tai nuo ryto; jeigu pilnatyje, tai vidudienyje; jeigu senugalyje, tai ant vakaro. Tada visuomet javai gerai tarps.

7. Bulbes reikia sodinti persivertime rinkti dieną, giedriai debesiuota, kaip sodnai mirga.

Jauname sodintas bulbės labai i barzdas išeina.

8. Visus medžius reikia kirsti senugalyje; stipresni, kinivarpai neéda, nekirmija. Tik apušę beržą, juodelksni jaunam menesuje.

9. Mėsiai, vežti reikia daržams senugalyje; geriau daržai auga.

10. Virves roikia vytis senugalyje, bus stipresnés.

11. Pirkti viską reikia senugalyje; jannam pirktu daikta grelėiau genda.

12. Grebliams dantis reikia dėti senugalyje (laukinės obelės medžio), stipresni.

13. Drabužius roikia plauti senugalyje: jauname plauti greičiau susitepa.

14. J. pirti, geriau eiti senugalyje; jauname lengva gauti išbériną.

15. Stirtos krautis geriausiai pradėti senugalyje. Tada pelés neéda. Viska, ant ilgo laiko susikrauja goriau senugalyje.

послѣднюю четверть. (Магд. Баюор. 5 декабря 1897).

16. Здание надо начать строить во время послѣдней четверти, чтобы было крѣпче. (Магд. Баюор. 5 декабря 1897).

17. Гусей не надо рѣзать во время новы, потому что вся кожа будетъ переполнена развивающимися перьями. (Магд. Баюор. 5 декабря 1897).

18. Овцы надо стричь на послѣднюю четверть, потому что тогда шерсть бываетъ мягче и не сыпется. (Магд. Баюор. 5 декабря 1897).

19. Волосы мужчины стараются стричь во время новы, чтобы скоро росли. (Магд. Баюор. 5 декабря 1897).

20. Если днѣмъ видѣнъ иѣсаций, то не надо сѣять хлѣбныхъ растеній, потому что тогда много бываетъ спорней. (Магд. Баюор. 5 декабря 1897).

21. Кто начинаетъ пахать землю во время послѣдней четверти, тотъ будетъ имѣть чистое поле безъ травы. Если нельзя во время послѣдней четверти начать нахотови, тогда надо хоть иѣсколько бороздъ сдѣлать. (Магд. Баюор. 5 декабря 1897 и Бон. Як. 1 марта 1901).

22. Кто начинаетъ пахать во время новы, у того много будетъ травы въ полѣ и пырей размножится. (Магд. Баюор. 5 декабря 1897).

23. Капусту надо садить, когда около иѣсаций иѣть круга и когда небо немножко облачное, тогда тли (истинная вощь) не будутъ точить. (Виенцкунене 2 февраля 1901).

24. Капусту надо садить, когда лозы развиваются; если садить во время новы, то она будетъ высокая, хрупкая, если же во время полнолуния или же во время послѣдней четверти, то тогда бываетъ низкая, толстая, крѣпкая. (Магд. Баюор. 5 декабря 1897).

Роль иѣсаций относительно зарожденія и развитія новыхъ тварей.

25. Если свинья имѣеть поросъять во время новы, тогда они рождаются съ клыками. Такіе поросыя не могутъ хорошо сосать; чтобы они росли надо клыки вырвать. Лучше всего если свинья опоросывается въ послѣднюю четверть. (Магд. Баюор. 5 декабря 1897).

26. Телята рожденные на новы, скорѣе развиваются, зубы у нихъ сильнѣ. (Магд. Баюор. 5 декабря 1897).

16. Trisbą reikia pradeti statyti senugalyje; bus stipresnė.

17. Žąsu jauname mėnesyje nereikia plauti, bus padaigsluotos.

18. Avis reikia kirpti senugalyje: vilna sviesesnė, nebira ir neaiurkštė.

19. Plaukus vyrai taiko kirpti jaunam mėnesyje, geriau auga.

20. Kad menuo dieną matosi, tai nereikia seti java, jie esti tada kuleti. (juodi grudai).

21. Kas pradeda senugalyje arti, tas turi žemę čystą, be žolės. Jeigu negalima senugalyje pradeti dirbti žemę, tai reikia nors kelias vagas išvaryti.

22. Kas pradeda arti jauname mėnesyje, tam žels labai žolės ir varpis kabisis.

23. Kopustus reikia taikinti sodinti, kada apie mėnesi nėra drignes ir kada dangus truputi debesėtas, tai niekuomet sprages nees.

24. Rasoda reikia seti, kaip žilvičiai sprogsta. Jauname gale seta yra aukšta, nustibus, greitai lūžta. Pilnam, arba senugalyje tai kresna, mažesnė, stipresne.

25. Kad kiaulė turi paršus jauname mėnesyje, tai jie gimsta su iltimis. Tokie paršai negali gerai žisti. Reikia, noriant, kad jie augtu, iltis iðlaužti. Geriausiai, jeigu, kiaulė atveda senugalyje.

26. Veršiai geriau tarpsta gimę jauname. Dantis stipresni.

27. Когда на полнолуны слышають кобылицу, то рождается жребець; а если на последней четверти, то кобылка. (Каз. Карнов. 3 января 1901).

28. Боровики растуть обыкновенно во время нови или на последнюю четверть, когда иглы бывають. (Каз. Карнов. 19 февраля 1901).

Роль мѣсяца въ народной медицинѣ.

29. Всякую твердую нарость на тѣлѣ человѣческомъ надо на новолуны¹⁾ обвести кругомъ косточкой мѣривеца или безъянинъ пальцемъ, тогда скоро пропадеть. (Винцк. 2 февраля 1901).

30. Бородавку надо помочить тоже на новолуны¹⁾ водой, которая во время дождя течеть съ воротъ, тогда исчезнетъ. (Винцк. 2 февраля 1901).

31. Можно еще исчезновить бородавку, потеревъ ея на новолуны¹⁾ о камень, объ который прежде терлась свинья. (Винцк. 19 февраля 1901).

Примѣты, предсказанія погоды.

32. Когда весь борщъ выкушають, не оставивъ на завтра, будетъ ясная погода. (Магдалена Баюрасъ, дер. Валдайки, Йоганишкельского прихода, 5 декабря 1897).

33. Если свищетъ въ трубѣ—быть дождю или снѣгу. (Венифаций Якубовскій, мыза Подзишки, Клаванскаго прихода. 1 марта 1901).

34. Если послѣ дождя болота зеленѣютъ указаніе что будетъ еще дождь. (Матеушъ Баукасъ, дер. Ситкуны, Клованскаго прихода, 9 апрѣля 1901).

35. Если весною снѣгъ кусками остается, не растаявши на долинахъ, на берегахъ рѣкъ, люди говорять, что будетъ еще снѣгу. (Эльжбета Петрушайтисъ, дер. Гайляны, Йоганишкельского прихода, 4 апрѣля 1901).

36. Если земля послѣ дождя зеленѣетъ, точно обтянутая плѣсенью, указаніе, что будетъ еще дождь. (Магд. Баюр. 5 июля 1891).

37. Если вскрикнуть и лѣсь отъ голоса очень звучить—быть дождю (Магд. Баюр. 5 декабря 1901).

38. Если луна не свѣтлая, не ясная, будетъ дождь или снѣгъ. (Винцкунене, йѣстечко Йоганишкеле 19 марта 1901).

39. Если видѣнъ кругъ около луны—быть снѣгу или дождю. Если близко луны

27. Kad. jauname mėnesyje leidžia kumele, tai gimsta kumeliukai; kad senamo—tai kumelytės.

28. Baravykai daugiasiai dygsta jaunamie arba pačiamie senugalijo, kaip rukai yra.

29. Naujikauli reikia apskrieti ant delčios su nabešininko kaulu, arba pirštu bevardžiu, tai greitai išdilsta.

30. Karpa reikia patepti teipo gi ant delčios vandeniu lašančiu por lietu nuo varčikšlio, tai išdilis.

31. Galima dar išdildyti karpa patrynas ja per delčią i akmeni, kur kiaulė pirm trynesi.

32. Kad visus barsčius išsrobia, ant rytojaus nepalicka, tai bus giedra.

33. Kamine ėvilia prieš lietu arba sniega.

34. Jeigu po lietaus balos žalinoja, tai dar bus lietaus.

35. Jeigu pavasari sniegas ėmotais užsi-licka neištirpęs slenyse, paupiais, tai žmonės sako, kad laukia dar sningant.

36. Jeigu po lietaus žemė kaip aptaukta pelesiai, žali, tai dar bus lietaus.

37. Kada surikus miškas nuo balso labai skamba, tai prieš lietu.

38. Jeigu mėnuo nagiedrus, apsiblandęs—tai bus sniegas arba lietus.

39. Jeigu drignis apie mėnesi, teipogi prieš sniegą arba lietu. Jeigu arti mėnesio,

¹⁾ Ant delčios правильнѣе перевести «въ послѣднюю четверть луны». (Зап. г. Балтатайтиса).

будеть скоро снѣгъ или дождь, если далеко, будеть еще за нѣсколько дній. (Винцунене, м. Йоган. 19 марта 1901).

40. Если Рождество во время нови, будеть дождливое лѣто. (Магд. Баюр. 5 декабря 1897).

41. Предъ вѣтромъ небо при закатѣ солнца бываетъ всегда очень красное. (Магд. Баюр. 5 июля 1897).

42. Передъ дождемъ солнце закатывается въ облака. (Магд. Баюр. 5 декабря 1897).

43. Когда солнечные лучи во время заката отражаются на другой сторонѣ неба, будеть перемѣна воздуха. (Бон. Як. 1 марта 1901).

44. Когда солнце скоро восходитъ, видно даже, какъ оно поднимается вверхъ и чаще всего прячется за облако—указаніе, что будеть дождь. (Бон. Як. 1 марта 1901).

45. Передъ бурею и вѣтромъ вороны собираются въ стан и каркаютъ. (Бон. Як. 1 марта 1901).

46. Если весною загремить въ первый разъ съ юга—будеть теплое лѣто, если съ сѣвера холодное, если съ запада—дождливое. Каролина Пежелись, м. Йоганишкѣ 1-го (марта 1892).

47. Въ то время, когда зимой деревья покрываются и несмѣть, лѣтомъ будуть дождь. (Магд. Баюр. 5 декабря 1897).

48. Если мыши свишаютъ свои гнѣзда на самыхъ верхушкахъ полевыхъ травъ, или высоко въ бабкахъ споповъ на поляхъ, тогда будеть слѣдующая осень дождливая, или глубокая зима. (Магд. Баюр. 5 декабря 1897).

49. Если рабина изобилуетъ красной ягодой—слѣдующее лѣто будеть дождливое. (Бон. Як. 1 марта 1901).

50. Если дикия гуси весной возвращаясь летять низко, тогда скоро согрѣется воздухъ, будеть рання весна; если наоборотъ, они летять высоко, тогда—поздняя. (Бон. Як. 1 марта 1901).

51. Градъ крупный обыкновенно появляется между 2 и 3 часомъ по полудни. (Магд. Баюр. 5 декабря 1897).

52. Радуга показываетъ, что еще будеть дождь. Винцк. 10 февраля 1901).

53. Когда осенью замерзаетъ и подъ ледяной скорлупой еще кишать лягушки—указаніе, что будеть еще дождь. (Іозапасъ Жидонись, мыза Пузынишки, Смилговскаго прихода, 5 ноября 1902).

Ковенск. г., мыза Пузынишки
(Почт. ст. Розалинъ).

tai bus greital sniegas arba lietus; jeigu toli, tai dar už keliu dienu.

40. Kad jauname mėnesyje kalėdos, tai bus lietinga vasara.

41. Prieš vėją sauloleidžiai visuomet labai raudoni.

42. Prieš lietu saulė leidžiasi į debesius.

43. Kada saulei leidžiantis spinduoliai atsiveiži kitam dangaus krašte, tai bus permaina oro.

44. Kada saulė greitai užtoka, net matosi, kaip ji aukstyn kopa ir dažniausiai isimeta į debesį—tai visada prieš lietu.

45. Prieš audrą ir vėją varnos renkasi ī burius ir kranksi.

46. Joigu pavasari sugriaudžia pirmą syki nuo pietu, tai bus šiltai vasara, jeigu nuo ziemtu—tai šalta; jeigu nuo vakaru—tai lietinga.

47. Tame laike, kada žiemą medžiai yna traukia, tai vasara bus lietus.

48. Kada pelės gubas susinela pievose žolėse ant pat viršuniui, laukuose teipogi augštai tarp rugiu, arba augštai gubose, tai bus lietingas ruduo, arba gili žiema.

49. Prieš lietingą vasara dang uodgu turi šermukėnis.

50. Pavasari joigu žasis atlikdamos žemai skrieja, tai greitai bus šiltai, bus ankstybas pavasaris; jeigu jos skrieja augstai—tai velybas.

51. Ledai didieji iškrinta dažniausiai tarp 2 ir 3 valandos po pietu.

52. Laumės juosta kad pasiroda, tai bus dar daugiau lietaus.

53. Kad rudeni užėja, ir varlės tebera, griovyse gyvos po ledu, tai dar bus lietaus.

Габр. Ив. Петкевичъ.

Народные пѣсни, сказанія, сказки и проч., (записанные въ Сѣдлецкой и Люблинской губерніяхъ).

1. Свадебная.

Ожнинвся щыдлыкъ и думку думае,
Ожнинвся—втратыся, а жинки нѣ мае...
Сивъ на колочку и въ долоны плѣшэ...
А воробчи въ конопляхъ: «пимо, братъя,
еще!»...
Пылы-жъ воны, пылы и щыдлыка вѣлы...
Вороны на той чіль коровай угнѣлы:
Комарь мисыть, муха воду носыть,
А сорока-білобока на вѣсильле просыть...
А комарь въ лисы лыстъ обывае,
Чииль мѣду додае, бо свого нѣ мае...
А шпаки-галки угнулы кибалки¹⁾...
А чаечка зъ косечкомъ на вѣсильлечко
рачкомъ...
Заросыся щыдлыкъ по самы колиньця,
Шукаючи на сыныцю доброго колиньця...

Мини гнездечка нѣ вовьють.
И до стадечка нѣ прыймуть...
Въ Копытова на коньци,
Тамъ дывочокъ таночокъ
Мажы имы Павлюсъ,
Мажы имы молодый,
Вси дивонъки розогнавъ,
Найхоришишу соби взивъ.
Просылася Юхися,
Просылася молода:
— «Пусты мэнэ, Павлюсю,
Пусты мэиз, молодый!»
— «Роспустъ косу, то пущу»...
— «Тогда я сама нѣ схочу,
Во дивонъки нэпрыймуть,—
Мини вѣночка нѣ вовьють,
И до таночка нѣ прыймуть,
И дивонъкою нѣ назвуть»...
(Поется во многихъ селахъ Подлясія; поется
и на свадбахъ).

2. Весенняя при хороводахъ.

На синѣму озеры,
Эй, грай, морѣ водяное!
На синѣму озеры... (Хоровой при-
пѣвъ послѣ кажд. стиха, съ повтор. того-
же стиха.
Тамъ галочокъ радочокъ.
Мажы имы соколыкъ,
Мажы имы ясненъкъ,
Вси галонъки розогнавъ,
Найхоришишу соби взявъ.
Просылася галовъка,
Просылася чорненъка:
— «Пусты мэнэ, соколыку,
Пусты мэнэ, ясненъкъ!»
— «Роспустъ пирье; то пущу»...
— «Тогда сама вѣ схочу,
Бо галонъки нѣ прыймуть,—

3. Свадебная весенняя.

Молодая молодыця кивала на мэнэ:
— «Покинь, покинь молотыты, а ходы до
мэнэ»...
— «Нѣ покину молотыты, вѣ покину ципа,
Жы-бъ ты добра господыня-мила-бъ чело-
вика»...
Молодая молодыця кивала на мэнэ:
— «Прыды, прыды, вражый сину, вѣ нѣ
дилю до мэнэ...
Прыды, прыды, вражый сину, на часть—
на годину,
То я свого мыленъкого вышлю по калыну»...
Пуйшонъ старый, бородатый калыны ла-
маты,
А я свого полюбчика впустыла до хаты...
Идэ старый-бородатый зъ калыною до хаты
А я свого полюбчика выпустыла зъ хаты.

¹⁾ Обручикъ деревянный на головѣ для скручиванія волосъ.

А сама дэ столла, тамъ унала,
Унала и стала стогнаты:

— «Иды, иды, муй мылэнъкій, вколупны
маду,
Бо я така не дужая—головки не зваду»...
Доставъ-же муй мылэнъкій дубового сала,
Якъ прыложныъ того сала, то шкира од-
сталы...

4. Весеняя,—по адресу б. солдата.

— «Якъ я ихавъ зъ Украины—
Згубивъ люльку у хвонны.
Огланився у долины—
Лэжыть люлька у хвонны.
Якъ я люльку тай знайшовъ,
То до жавки не пуйшовъ,
А пуйшовъ я зъ чумакамы,
Зъ двома въ торбы троекамы.
Якъ я йшовъ—не оглядався,—
Кинувъ жинку—самъ оставилъ.
Отъ—жежъ, жинко, хочь ты гинь:
Вже не приде гицлювъ синъ!...
— «Ой выйду-жъ и на гостынэць,—
Чы из йдэ нуб пыхотынэць?—
Сякій-такій мужычыщэ—
Смокчэ люльку, въ цыбулькъ свышъ...
Ой чы смокчэ, ой чы свышъ...
Але мэнэ вже не вышъ!...
Якъ одрикся ты сю мэнэ,
То прыстану жъ до Семёна!»...

5. Свадебная.

Якъ жывивъ—не любыла,
Якъ умеръ—не тужыла
И не буду тужыты:
Нэ хтивъ добра жыты.
Якъ на лавцы лэжавъ,
То будо троху жаль.
А якъ зъ лавки зышовъ,
Такъ и жаль одышовъ.
Якъ вывзлы за сэло,
То мни стало вэсэло...
Я въ саганъ¹⁾ зазвонила
И морквою подкладыла
И туннула ногою,
Зоставшиы вдовою...
Поховала на цымбагы,
Чэрэвичкомъ прыдоптала.
Чэрэвичкомъ: тупъ, тупъ,—
Лэжы, мылён, тутъ-тутъ.

¹⁾ Чугун. горшокъ.

6. Весеняя.

— «Чы ты не будеши, дивчинонъко, ту-
жыты,
Якъ я пуйду на Украину служыты?»
— «Ой не буду, козаченъко, не буду:
Ты за ворота, то я табэ й забуду»...
— «...Якъ ты будеши ораты займаты,
То ты будеши, що дэйбъкъ, спомынаты.
А якъ ты пуйдёши косыты просыты,
То ты будеши, що дэйбъкъ, говорыты:
«Ой мыла мни та сторонъко, мыла,
«Въ который мэнэ матюнка родыла!..
«Ой страшна мни та сторонка, страшна,
«Дэ мон долеенъко лыхах згасла!»

7. Тоже.

Я въ сэрэду родылася,—
Горэ мое, горэ!
Нэ пуйду я за старого,—
Бородою колэ...
А пуйду я за такого,
Шо мэнэе гуса:
Вивъ до мэнэ заговорыть,
А я засмыся...

8. Весеняя¹⁾ (старая).

Ярая рутонъко, якъ у тэбэ вэрхи гнуцца!
Молодая Марысю, якъ за тэбэ молододи
бьюцца!

— Нэхай бьюцца, нэхай ладяцца,
Тай ва мээ нэхъ не надяцца!
Бо якъ-же я зросту, зросту,
То я пуйду за старосту:
За старосту, за старшонъкого—
За пысара молоденъкого.
А той пысарь богачъ, богачъ,—
Купльвъ мни сукью и кабачъ²⁾.
А въ кабати—ковопли браты,
А въ суноцци-той погуляты....
До конопель голова болыть
А до таньцю-ажъ душа горыть!
До конопель той болыть боки,
А до таньцю—на едвимъ пальцю!

¹⁾ Подъ именемъ «весеняя» значить та, которая поется въ Пасхальн. праздники.

²⁾ Кабать—женск. или мужск. кафтамъ вродѣ жилетки.

9. Весенняя, тоже стар.

(Поют два хора попаремънно).

— **Ой**, молодая молодыцъ,
Ой выйды, выйды на улыцю...
Ой выйды, выйды на улыцю,
Выездъ дивоньки рэгулыцю ³⁾!...

— **Ой** не могу я выходытъ,
Вамъ рэгулоньки выводыты,—
За кужильцомъ тоносенькишъ.—
И за дытатомъ малосенькишъ.—

— **Нэхай** кужэлцъ Господь родыть,
Малэ дытатко—самэ ходыть.—

— Въ мэнэ свэкорко—не батанько,
Мому дытатку не радэнкай.—

— **Ой** можэ, можэ дыты спаты,
Нэхъ идэ маты погуляты.—

— Свэкоръ малого не колыхэ...
Кулакомъ тильки ёго дыгыгэ...

— **Ой** можэ дыты спаты,
Бо пушла маты ногуляты...
—

10. Старая пѣсня, весенняя.

Ой черезъ Дунай
Хибкая кладка...
А я, молоденька,
Пэрэйду зтыхэнъка,
Всё зтыхэнъка
Ступаочы,
Золоты ключи
Пэрэймаочы,
Жыбъ такъ голосно
Не звонилы,
Мого свэкорка
Не збудилы.
Бо якъ—и збудяты,
То й не прыспаты,
А мни молодэнкып
Не ногуляты.
А я молодая
Гуляты радая.
А якъ стара буду,—
Гуляты не буду.

11. Свадебн.

Положу я кладку вэрбову, вэрбову,—
Чась намъ, дивоньки, до дому, до дому.
А ты, Югасю, туть застань,— 2 и т. д.
Придэ Шэгрусь, ручку дастъ.

*) Оживленіе.

Прывээ веночки зъ лялів,—
То тоби, Югасю, гъ надили.
Прывээ веночка зъ чэбрэшю,—
Кобъ була готова до вэнцю.
Прывээ веночки зъ кадыла,—
Кобъ есы здорова сходыла.
Прывээ веночки зъ гороху,—
Кобъ прывезла хлонця до року...

12. Весенняя, веселая, хоровая.

Чэрэзъ нашэ сэлдэ
Вээено дэрэвцэ. Гэя, гэя—вээено дэрэвцэ...
(Припѣвъ).

А зъ того дэрэвца
Цэрковку будують. Гэя-гэя... и т. д.
Цэрковку будують
И навколо малюют.
Ой вымалювали
Тры мисяцы въ нэбы:
Тры мисяцы въ сэли.
Тры мисяцы ясныхъ,—
Тры молодцы красныхъ.
А первый молодчыкъ—
Молодый Павлюс.
А другой молодчыкъ—
Молодый Мыхалко.
А третій молодчыкъ—
Молодый Сэмінко.
(Повтор.) Чэрэзъ нашэ сэлдэ,
Вээено дэрэвцэ,
А зъ того дэрэвца
Цэрковку будують,
Цэрковку будують,
Навколо малюют,
Ой вымалювали
Тры зоронки въ вэбы.
Тры зоронки въ нэбы:
Тры дивоньки въ сэли,
Тры зоронки ясныхъ.—
Тры дивоньки красныхъ.
Пэршая дивонька—
Молода Юхися.
Другая дивонька—
Молода Югася.
Третяя дивонька
Молода Ганулька.
А Павлюсё кажэ:
— «Я Юхисю люблю,—
На жынвэчко пуйду,
Все жытэчко зожу,
Все жытэчко зожу
И въ копоньки зложу».

А Мыхалко кажэ:

— «Я Югасю люблю,

До церковки пойду

И Богу ся помолю».

А Сэмивко кажэ:

— «Я Гануульку люблю,

До корчмоньки пойду

И горилоньки выпью,

Горилоньки выпью,—

Зъ еи дурни выплю»...

13. Свадебная

Нэ росты, кропэ, из росты, залёный,
Коло моего города— (2 р.)

Нэ ходы, старый, из ходы, нэвдалый,
Коло моего двора, (2 р.)

Бо я тэбэ старый, бо я тэбэ, зэвдалый
Зъ давныхъ лить не любыла:

Я тоби до пояса гонучу повисыла,

Я твои слэдыща камэйёмъ навалыла,
Камэйёмъ навалыла й шандоу¹⁾ обсадыла,
Я тоби за шапчыше шандыща натыкала;
Я тоби на сиданьне половы напарыла.
Я тэбэ самого зъ подвиряя своёго сучкою

нацьковала.

Выросты, кропэ, выросты, залёный,
Вышший кого города,—

Походы, молодый, походы, хороший,
Коло моего двора.

Бо я молодого, бо я хорошего
Зъ давныхъ лить полюбыла,

Я ёму до пояса хустоньку учэпила,
Я ёму на сиданьне яець наварыла.

Я ёго сидоньки перстэнёмъ обкружыла
Й барынкомъ обсадыла,

Я ёму за шапоньку рутоньки натыкала,
Я ёго самого зъ подвиряя своёго зъ

скрыпками проводыла.

Зъ скрыпками, зъ дынбалами,
Зъ пышными боярами,

Зъ гардюю сванечкою,

Зъ хорошю спывачкою.

14. Шутливыя—свадебныя.

Стоить, стойте чиркуточка

Насэрадь сэлонька.

Ой—а въ тэи чиркуточка

Будо три сыночки,

Ой первый сыночок—

Молодый Гаврылко

¹⁾ Сорная трава.

Ой жаль чиркуточка. (Принёсъ пос.

На чужой стороньки. каж. купл.).

А другой сыночок—

Молодый Петрусё,

А третий сыночок—

Молодой Сэминко,

А Гаврылко идэ

И дивоньку вэзэ,

А Петрусё идэ

И стадо коны жэнэ,

Сэминко идэ—

Въ ёго торбы трасуцьци,

Зъ ёго дынки

Смыющьца,

Ба ёму лахи сяюль,

А торбы из пускаютъ,

Въ ёго шипка бочия

Зъ пэралитънёго²⁾ клочия.

15. Свадебная.

— «Оддай, сваню, оддай, избожэ,
Свою дочку-робитночку

За моего сынка, за Васылька».—

— «Нэ ддамъ, сваню, нэ ддамъ, избожэ,
Свэй дочки-робитночки

За твого сынка, Васылька, до т бэ.

Моя дочка-робитночка

Товчэ й изэ, й крупы дэрэ,

Й упалае, й усывае у изэ».—

— «Нэ буде въ изэ ны товчы, ны молоты,
Й из крупы драты, й из ушалаты,
Й из усываты у изэ,
Оно будэ оришкамы цятатыся

Й яблычкамы вытатыся.

Зъя въ тэбэ, такъ завждый у изэ»...

— А бачъ, сваню, а бачъ, избожэ:
Моя дочка-робитночка

Товчэ й изэ, й крупы дэрэ,

Й упалае, й усывае у тэбэ,

И оришкамы из цатаецьца,

И яблычкамы из вытаецьца у тэбэ».—

17. Весенняя.

Мэла дивча сины й хату

Й засмыялася...

— «Зъ кимъ ты, доню, зъ кимъ ты, суко,

Зъ кимъ ты вузналася?»

...По — таиной бикъ огонь горить,

²⁾ По-си-той бикъ дымно,—

¹⁾ Прошлогодняго.

²⁾ На этомъ.

Только моего мыльянского
Будыочки видно...
Черезъ тыи будыочки
Оролъ воду носить,—
Ой такъ маты своего сына
На вѣчера просить.

— Ой вѣчера!, мои маты,
Колы наварыла,
А я пойду на той коцѣй,
Дѣ дивчына мыла...
Дивчыночко моя мыла,
Шо ты мни вчыныла?—
Клыча маты вѣчераты—
Вѣчера не мыла..
Порадъ мэнэ, дивчыночко,
Якъ ридняя маты:
Чы мни кажешъ жэнитыся,
Чы на гиншу ждаты?»
— «А я тэбэ, муй яснэнкій,
Раджу й не пораджу:
Я зъ тобою раджу, раджу—
На другого гляджу...
— «Бодай тэбэ, дивчыночко,
Зъ твоюю порадю!
Я до тэбэ зъ щирымъ сэрцемъ,
А ты—зъ чужымъ завадою»...

18. Лѣтняя, при жатвѣ.

Люлька моя пэнквовая
Зъ вѣчура курыла,
Якъ положывъ на полыцы,
Впала й ся побыла.
Бидна моя головонька,
Шо буду робыты?
Побывъ люльку пэнквовую—
Нычмы покурыты?
Ой пойду я на базарь
Люльки купувати.
Бидва моя головонька,
Ны зъ кимъ торговати.
Моя мыла на базары
Шионо продавала
И своюю мыльянкому
Люльку торговала.
За люльчку—копеёчку
За махорку—грошикъ.
Куры, куры, муй мыльянкій,
Чорнявый, хороший!..

19. Летняя изъ Паничины.

У нашего вѣтка
Рабы онучы,—
Заплакала челядовька,
Зъ паничины идучы.
Въ нашего окончка
Волосами волдки,— ¹⁾
Идуть людѣ зъ паничины.
Беруща пудъ боки,
А въ того гицьска
Всё рабы хуста ²⁾—,
Нэ единому господару
Винъ поробывъ пусто.

20. Свадебная.

Воронэ, воронэ, чорная галонько,
Полыны ³⁾, полыны до вишнёвого садоньку,
Выдзюбай, выдзюбай—кальянову ягодку!

Воронэ, воронэ, чорная галонько,
Якъ гирка, такъ гирка кальяновая ягодка!

Воронэ, воронэ, чорная галонько,
Якъ лыха, такъ лыха чужая матюнка!
Чужая матюнка вироньки не пуймэ⁴⁾
И правдоньки не скаже...

Воронэ, воронэ, чорная галонько,
Полыны, полыны до вишнёвого садоньку,
Выцыпны, выцыпны малынову ягодку!

Воронэ, воронэ, чорная галонько,
Солодка, солодка малынова ягодка.

Воронэ, воронэ, чорная галонько,
Якъ добра, такъ добра ридняя матюнка.

Воронэ, воронэ, чорная галонько,
Ридняя матюнка вироньви пуймэ,
Всю правдоньку скаже.

21. Свадебная (злобная).

Въ саду, въ саду посію россаду—

А вже монимъ ворожэнъкамъ

Тоб на пэрсаду. (2)

Ужэ моя россадыца густэнько выходить—

А вже монимъ ворожэнъкамъ

На гибель приходыть. (2)

Ужэ моя россадыца въ штыры листочки—

А вже монимъ ворожэнъкамъ

Бодять животочки.

Ужэ моя россадыца въ голововыки вѣцца—

А вже монимъ ворожэнъкамъ

На згібель кладэцца.

¹⁾ Шнурки для привяз. лаптей.

²⁾ Бѣлье.

³⁾ Неперев. слово.—полети?

Ужэ моя россадыца роспуженъки поро—
А вжэ монъ вороженъкамъ
По-пудъ биччу колз...
...Лягу спаты, лягу спаты—нэлюбъ коло мэнэ
Положывъ билу ручку
На сэрдэнъко въ мэнэ.
А я сю билу ручку одъ себэ одвернула,
Сама себя молодая
Такъ ташко вотхнула.
— «Чого, мыла, чого, мыла, такъ ташко
Здыхаешь?
Цы за мною, моя мыла, хлиба й солы
Нэ маешь?
— «Я хлибъ маю, и силь маю—и я все
Занехаю
И за тобою, муй иэлибэ,
Погибаты маю».

22. Историч., весен. (заунывная).

— «Ой, Дарко, Дарко, одчыны ворота!»
— «Чого хочэтэ, чого клычэтэ?»
— «Князя Романа, князя Романа!»
— «Нить ёго въ дома!» (2 р.)
— «А дэ поихавъ, а дэ поихавъ?»
— «До миста Львова!» (2 р.)
— «По що поихавъ, по що поихавъ?
— «Дивкамъ—по хустки, хлонцамъ—
по ножи!»

23. Летняя,

У Маруси хата на помосты,
Прыхало трьи козаки въ гости,
Едёнъ кажэ: «я Марусю люблю»,
Другій кажэ: «я Марусю озьму»,
Третій кажэ: «зъ Марусею до шлюбу стану».
— «Хто мии трой—зилья достанэ,
Той зо мною до шлюбонъку станэ».
Одозвався козакъ молодозыкій:
— «Есть у мэнэ коныкъ вороненъкій,
Есть у мэнэ трьи коны на стани».—
Я Маруси трой—зилья доставлю:
Тынь билымъ до мора доиду,
Тынь сывымъ Дунай перэплыву,
А тынь чорнымъ трой—зилья доставлю...
...Ой ставъ козакъ трой—зилья копаты...
— Покиль, козачэ, трой—зилья копаты,
Попытайся до Маруси въ сваты...
...Иде козакъ зъ трой—зильёмъ,
Стричка Марусю зъ вэсилъёмъ—
— «Ой заграйтэ, моя мыла грайці,
Нэхъ я пуйду зъ Марусею въ тавци».

Въ правуи руци Марусеньку водыть,
Въ ливуи руци острый мячъ носыть.
Щэ въ козака шабля изъ звенила,—
Вже зъ Маруси головка злестила.
Ото тоби, Марусю, вэсилъде,—
Нэ посытай казака по зильле:
Нэ на тое козакъ уродылся,
Жыбъ зъ ёго ляда—хто накпывся

24. Свадебная.

Туну, коныку, туну!—
Прызэллы на дверь ступу—
Ны ступа, й ны товкасть,
А Конытовский пыскачъ
И ны Туръ, ны Турыца,
А хороша молодыца.

25. Весенняя, (поется на два хора).

(Въроятно, одна изъ древнѣйшихъ).
— Къягынько! Вигъ понагайбу!
— «Бояр! Бувай здоровы!»
— Къягынько! Де твоя дочка?
— Бояр! На службу ддала!
— Къягынько! Пондъ по еи!
— Бояр! Пондътэ самы!
— Шо за дарь дастэ? (2 р.).
— Мызыниэ дыте. (2 р.)
— Въ чимъ тэ дытятко? (2)
— Увъ срибли, въ злоты,] 1 р.
Въ ткацкай сорочцы.
— Пускайтэ въ городъ. (2 р.)
— Всихъ пропустимо,] 1 р.
Еди длуччию,
— Тую длуччию, (2 р.)
— Шо въ срибли, въ злоты,
Въ ткацкай сорочцы.

26. Летняя, при жатвѣ.

Козаченько по рыночку ходыть,
Свого коня за поводы водыть,
Свого пана до домоньку просыть:
— «Пускай иэнэ, муй панэ, дому».
— «Волюсь тэбэ въ гарматы вковаты
Ой нэхъ тэбэ до дому пускать».—
— «Нэ куй мэнэ, муй панэ, въ гарматы».
Будэшь ты, панэ, у шынкари въ хаты,
Во въ шынкари мидъ, выно, горилка,—
Похоже чорнявая динка.
То я буду мидъ-горилку пыты.

Шыкарчыну дивчыну любыты».

У нэдзю маты дочку была:—

— «Дэжь ты, доню, свый вэнок стратыла?
— «Ой пудъ гаемъ шэнчэнку жала,
Танъ я свого вэночка стырала».

— «Дай же, Боже, нэдзли дождаты,
То я буду громаду зываты».

— «На що, мамо, людэ колотыты—
Вже из буду я въ выночку ходыты».

27. Весенняя и свадебная.

Ой ты, голубочку,
Сыдышь на дубочку.
Очки твои чорны,
Бровы твои красны,
Лычэнко твое билэ.
Ой летила пава,
Сэрэдь двора впала
И правдоныку казала,
Що мылая вдома робыть.
А мылая робыть:
Шые, вышиваве
Билую рубашку
Своимъ тонкимъ взоромъ.
Ой летила пава,
Сэрэдь двора впала
И правдоныку казала,
Що мылая вдома робыть.
А мылая робыть:—
Шыла, вышивала,
Цлакала, рыдала,
Слёзы утырала
Своимъ тонкимъ взоромъ.
Ой летила пава,
Сэрэдь двора впала
И правдоныку казала,
Що муй мылый
У війську робыть:
А муй мылый робыть:
Коныка выводыть (2 р.)
Й коныка сидлае
Въ похидъ выижджае.

28. Областная, надбужная.

(Поется при угощении).

Кильшечокъ-пацишечокъ
Вэлыкорадсты,
А мы ёго вышьемо—
Тилько вэсблости.
Голэндерко, стара маты,—

Нэ дай-жэ намъ клопотаты!

Кажу тоби: «сидь соби,—

Горилочки дамъ тоби»...

Якъ бачыл вражы жыды

Тылусо въ оборы,

То давалы горилочки

Гарцлины доволы.

Якъ из стало тылуси въ оборы,—

— Гайда, гайда, дурный гою,

Зъ корчмы до дому..

Ой приду я до домоньку—

Жинка й диты плачутъ,

Що вже свэи тэлусенъки

Вони из зобачутъ...

— «Дитки ион дробнэнъки,

Нэ плачте такъ рэвно—

Якъ голэндеръ помиркуе,

То тылусо вэрнэ».

— «Бодай тоби, господару,

Вывернуло очы,

Якъ голэндеръ тэлусенъки

Вэрнуты нэ схочэ»...

А я клычу: «тылуси! талуси.

И вона за мною—дыбусь, дыбусь.

А жыдовэ нагонилы

И кулакамы бьуть,

До пана ведутъ..

— «Шындеръ, мындеръ, дурный гою,

Бись бэрэ маму твою!»...

...Отъ я тому раду давъ,

Що тылусо одобравъ.

(Голэндеры—жит. коловій Нейброръ и
Нейдорфъ, Брэст. ж. д. Гродн. губ., бывш.
Голландцы).

29. Свадебная.

Чомъ, дубъ, из зэлёный —

Чы туча прыбыла?

Чомъ ты, хлопчэ, из вэсёлый —

Сторона из мыла?

— Якъ мни вэсэлиты,

Вэсёлому буты?—

Любывъ дивчынонъку,

Нэ могу забуты.

Любывъ я дивчыну,

А дивчына мэнэ,—

Самъ из знаю, из видаю.

Чы пуйдэ за мэнэ?»

— «Люблю тэбэ й пуйду за тэбэ»...

— «Туга, моя туга:

На сэрдэнъку друга!»

...Дэ та крынчэнъка,

Що голубъ купався?

А дэ тая дивчыночка,
Шо колысь кохався?
Вже та кръныченька
Травою заросла—
Вже та дивчыночка
Давно замужъ выйшла.
— Я тую травыцю
Косою выкошу,
Я другу дивчыночку
Зъ людьми перепрошю».
— Просъять батько,
Просыла родына,—
Хиба іи пэрэпросыть
Лыхая годына!..

30. При крестинахъ.

Впала зъ гирки
До комирки—охъ! и т. д.
И выбыла въ боцы дырку—охъ!
Цуды-жэжъ, муй мылэнкій,
До ксёндза Флёрка,
Нэхай-жэжъ винъ туть прынде,
Хочъ-бы и бэзъ звонка.
Зарижъ-жэ ты, муй мылэнкій,
Курокъ дасятею,—
Ксёндзу—трое, бабы—двоє,
А мэни—пятеро.
Зарижъ-жэ ты, муй мылэнкій
Волыка кормного,—
Ксёндзу—ноги, бабы роги,
А мэни—цилого.

31. Весенняя.

— Ой бунай здорова, дивчыночко моя,
Нэ забувай о мни колы ласка твоя:
Я въ дорогу одъиждаю,
На сэрдзинку тугу маю,
Шо тэбе покидаю!—
— Ой иду, муй мылэнкій
Дорога щаслива!
Куды ты иондэшъ,
Я тоби взычлива,
Но иэ бався у дорозы;
Самъ ты виаешъ, що вороги
Намъ на пэрэшкоды!—
— Ой иду я, иду,
Жэну коня прутко,
Жыбъ мни запхаты
До дивчыны хутко.
До дивчыны, до свои,
До размовоньки тыхси,
До коханьяни свого!

Ой иду я, иду,
Коня попасаю.
Чую черезъ людэ—
Дивча заручаютъ!
Ой хочъ воны заручаютъ,
Таки іи иэ звичають,—
Таки моя будэ!
Ой иду я, иду
Коло еи хаты.
— «Дэнъ добрый, дивчыно!
Шо въ тэбе чуваты?»
Вона стонть, иэ говорыть,
А ии словця иэ промовыть—
Знаты заручена!
А въ суботу въвечуръ,
У пятый годыны
Вже мою дивчыну
Гинши заручылы...
Хочай воны заручаютъ,
Таки іи иэ звичають—
Таки моя будэ!
Завэзлы дивчыну
Пудъ цэркву святую,
Уводять до цэрквы
Дивчу молодую...
Хочай воны іи вводять,
Таки іи иэ намовяль,—
Таки моя будэ!
Ой послалы воны
Рушычокъ биленькій,
А на тимъ рушычковы
Хлонецъ молодэнкій!...
Поставылы вбое въ пары,—
Такъ якъ-бы ся я не кохалы—
Вже я моя иэ будэ!
— «Чомъ-жэ ты, дивчыно,
Даний иэ казала,
Ой якъ ты одъ иэвэ
Подароинки брала?»
— «Возьмы соби свои дары,
Занесы ихъ гинши пары.
Я въ ихъ иэ ходыла
И ходыты иэ буду,
Я тэбе, дворача,
И любыты иэ буду.
Якъ ты ихавъ бытъ садочокъ,
Бытъ зэлённый барыничокъ,
Шо я насадыла,
Шо я полывала—
Моему сэрдэнкы
Журбоньки надала».
— «Водай ты, дивчыно,
Одъ сонька звяла!»
— «Хутній твое сэрпэ звяло,
Якъ на мое лычко гляно.—

Така сама буду,
Бо иже дбыны людэ!»
— «Ой одбыны людэ,—
И щасця тоби из будэ!»

32. Свадебная (бойкая)

Ты, дивчыно—замороко,
Нэ йды замужъ сего рокъ—
Бо то тээръ таій рикъ—
Будэ быты чолоники!
Рэдьку сію, рэдьку сію,
Рэдьку полываю.
Рости, рэдько, взлыкая,—
На выму сковаю.
Нэ буду я рэдьки исты,
Бо то рэдка гирка,—
Нэ буду я жэнитыся,—
Будэ быты жинка.
Нэ буду я рэтьки исты.
Хиба—у Петринку.
Наберу я торбу сырувъ,
Шуду на мандринку.
Котылься возы въ горы,
На долины стали.
Кохалымся, любымся,
Тээръ перестали.
Ой такъ-же мы, любымся
Якъ малые диты,
Тээръ-же мы розыйдюмся,
Якъ хмары по свиты.

33. Свадебная.

— «Чоловичэ вулаватый,
Нашо жинку продаваты?»
— «Прыхалы паны зъ вэба —
На податокъ гроши трэба!»
— «Чоловичэ, що ты блудыш?»
Чоловичэ, сэбэ згубыш!»
— «Чоловичэ бабынь—бабынь.
Бодай тэбе пэрунъ забывъ!»
— «Я пэруна из боюся,
Подъ пэруну сковаюся!»

34. Тоже.

Ой сивъ—зажурывся,
Шо зъ малэю ожэнывся.
«Нэ журыси, Грыцю, мною—
Выросту я киль тобою!»
Пужды, пужды,—за три лига —
Шо то будэ за кобита!

35. Свадебная.

Ой, гультию, гультию,
Чого тэбе спытало?
Жэнитыся думаешьъ,
А чы хату ты маешь?
Збудуй хату зъ лободы—
До чужей из вэды,
Бо чужая такая,
Якъ свэркухя лыхая!

36. Лётвяя, при жатвѣ.

Ой въ вивторокъ въ вивторокъ
Панцына устала,
Ой въ вивторокъ всэйкихъ ляхивъ
До лису погнала...
Прыйшли ляхи зъ лису, въ бору,
Началы тужиты.
— «Ой верныся, панцынонько,—
Нэ кому робыты!
Мы из вилемо боситы,
Нашы жонки—жаты,—
Ой верныся, панцынонько,
Нэ дай прошадаты!
Стоить лонка из кошона,
А из нивы—жыто.
Шо день ходымъ за жэнитамы —
Нэ кому робыты!
Ужэ ячминъ похильвся,
Гречка наступила—
А икъ буда панцынонька—
Вже ся каша ила...
Стоять жорна въ двори дурно,—
Нэ кому крутыты.
Въ полю збижже и картохля—
Нэ кому зробиты!
Спочывае нагаенька,
Шо людэ карала,
Нэ одного ся набыла
И плакаты из дала!
Ой плакалы людэ всюды
И Бога просылы,
Шобы тыи канчукы
Въ огни погорелы!...

37. Лётвяя.

— «Ой маты, маты,—иепоридокъ въ хаты...
Порадь мэнэ, якъ мышую караты?»
— «Возмы, сынку, крутую нагайку,
Зчорны мышую, якъ чорную галку!»...
Звячора свичеинка говорила.

А впивночи комара звонила,
На свытавни мылая зомила...
Прышовъ мылый въ комары до хаты.
— «Маты! маты! нэпородокъ въ хаты,
Шорадыла, якъ жинку карагы,—
Тээзеръ порадъ - де ін сковаты?...
— «Возьми, сынку, малую дытынку,
Цы не забудышъ свою жинку».
— «Нэхай плаче, нэхай пэрстане:
Вже въ матэра цыцьки нэ достанэ!...
— «Бэры, сынку, коня вороного
Й втыкаймо одь лышанка свойгой!»...
— «Ой, маты! маты! нэправдоныку кажешъ...
Трэба даты ажъ до пана знаты!»
Ой, панэ муй!—мусынь я згрышты:
Забынъ жинку,—не маю зъ кинъ жыты!
На мылу тыртычэнъки тэшгутъ,
А мылого нагайкамы крещутъ...
Мылую у дыль вставляютъ,
А мылому головку здымаютъ...
Дыватыся усеньки людэ:
За жинку такъ киженому будэ!...

38. Лѣтняя.

Я й самъ не видаю,
Що робыты въ жалю маю:
Зъ коханниня вымыраты гадаю!
Дивча лысь пысала,
На Украину слала
До того козака, що вирно кохала!
Козакъ, лысь уявшы,
Тай пэречытавши,
Рэвнёвъко заплакавъ, дывчыну згадавши.
Козачэ, ты дурачэ,
Дурный розумъ маешь,
Що на сэбэ прычыну прымыаешь!
Прысягаю Богу, ставши на колина,
Самъ по соби знаю, що моя прычына,
Що мае дивча сына...
— «Закладай, хлопчэ,
Коня вороного,—
Пойдюмъ до коханниня мого.»
Козакъ доижджае...
Родына збирае,
Годына козака вытае...
Зайшовъ до дивчыны—
Дивчына хворуе...
Взяявъ за ручэвьку й въ лычэнъко цилуе.
— «Нэхъ тэбэ, козачэ,
Лыхая годына!
Одрыклася одь мэнэ родына!
Одрикся батько, одрыклася маты.
Якъ мни, молоденький,
Той викъ коротаты?...»

Ой голубъ лэтае й голубка лэгае,
Ой голубка нэ знае,
Що голубъ покинуты мае!
Ой ты, голубоньку, ой ты, сымый орэз,
Якъ я тэбэ покину,
Хто тэбэ до сэбэ прыгорнэ?...

39. Свадебная.

Шумиды буйны витры въ лисы
О зелёны дубыща.
Тамъ комарь зъ дуба виавъ,
Розбывъ голову о пынща.
Прылетила муха зъ хаты,
Стала надъ комаромъ плакаты
— «Ой, комару, добрый господару,
Дё тэбэ шоховагы?»
— «Поховай мэнэ на крутуй гори,
Дё дынки кынки муть браты—
Мэнэ, комара, доброго господара,—
спомынаты»...

40. Свадебная и весенняя.

Ой лугомъ, лугомъ трава зеленіе.
Щось мое сэрдэнъко той нэ весаліе.
Дай-же, Боже, щобъ повячэрило,
Щобъ мое сэрдэнъко той повесаліло.
Ой прыди, мылый, до моен хаты,
Я тэбэ виущу, щобъ не чуда маты,
Якъ ёго виускала,—за ручку стыскала.
А якъ выпускала—правдоныки пытала!
Ой цы маешь жинку —то иди до дому,
А не маешь жинки—останься зо мною.
— «Ой маю я жинку, ща и дытокъ двое,
Колы не прыхильно сэрдэнъко мое.
Кладовлюся спаты впопэрэктъ полаты,
До стыны очына, до еи плэчына.
«Обэрныся, мылый, я тэбэ розузу,
Я твое лычэнъко симъ разъ поцалую».
— «Ой будай ты, мыла, того нэ дождала,
Щобъ мое лычэнъко симъ разъ цыловада!»
«Ой есть у тэбэ мылыхъ двацьцять штыры,
Такижъ бо я старша надъ имы усими».
— «А дежъ ты, мыла, старшынство на-
брала,
Що ты надъ усими старшэю засталада?»
«Ой тамъ, на гори цэрковка стояла,
Ой тамъ же я, мылый, старшынства
набрала.
Прысягала Богу и свѣтому Юрью
Нэ зъ пориднымъ хлопцемъ, но зъ тобою,
дурно!»

41. Свадебная.

Эй, зимовая—морозная!
Нэ зморозь мэнэ, молоденьки,—
Ны такъ мэнэ, якъ мужа мого!...
...Эзъ войны идучи, коня вэдучы,
Коня вэдучы, бринь нэсучы.
Ай, бринь моя, найяснишшая!
Ай, жено моя, наймылишшая!
Ай, дума моя, найсмутнишшая!
Що жона мужа нэ знавыдла,
Заведа въ вышнинъ садъ
Той повисла...
— «Лэжы, мылэвъкій,
Якъ дэнъ, билэвъкій,
Якъ дыль, гвылэнъкій».
Прышла до дому, сила за столомъ,
И пышэ вона пэромъ,
И кажэ своимъ словомъ:
— «Ой кобъ я мила малири свои,
Вымалювала-бъ мылого соби.
Вымалювала-бъ на ганычку—
И поглядала-бъ, якъ на пташычку.
Вымалювала-бъ въ оконычку—
И поглядала-бъ, якъ на сенычко.
Вымалювала-бъ у конци стола—
И поглядала-бъ, якъ на сокола.
Вымалювала-бъ у коморы въ стыни—
У коморы въ стыни, тамъ дэ спаты мэні.
Ой быда була, що муй муж такій...
Тэнэр—гиршая: й того изна!...
Зайшла-бъ въ вышивинъ садъ
Взяла-бъ мылого за ручку:
— «Устань, устань, мылэнъкій!
Вжэ ты налыжівся,
Ризныхъ пташычокъ вжэ наслухався».

42. Свадебная.

— «У лузи калынонка стояла, у лузы—
Тэнэр моя головонька у тузи...
Ой у лузи калынонка стояла,—
Тэнэр моя головонька прошала!...
Прыхавъ мій батэнъко изъ Львова,
Пытаецца пьянычэнъки, чы вдома?
Потыхеньку, мій батэнъку, говоры,
Ой вэ збуды пьянычэнъки въ коморы.
Якъ ты тую пьянычэнъку збудышъ,
То мою головоньку загубышъ!»—
— «Ой прывыкал, моя доню, прывы-
кал,—
То двэрьма, то оконычкігъ втыкал!»...
— «Весь одъ ёго, мій батэнъку, угтэчэ,
Злапае пьяныца за плыча,

То винъ мною хату й сины зволочэ,
То винъ мое билэ тило посычэ,
То винъ мою русу косу попорвэ!...
— «Эзъ кніль ты, моя мыла, говорыла,
Що ты мэнэ, молодого, пробудыла?»
— «Эзъ кухаркамы, мій мылэнъкій, эзъ ку-
харкамы,—
Отъ послала по водыцу коновкы».
«Нашо-жъ тоби, моя мыла, водыца?—
Есть у мэнэ мэду й пыва пыныца.
Возымы соби золёного—умыся,
А солодкого—напыся».

43. Весенняя.

Пуйду я пудъ вэрбыцю по воду,—
Кымчэ мэнэ маты до хаты,
Хочэ мэнэ за старого отдаты—
«Я за ёго нэ пуйду!»
— «Перэкинуся дыкею козою,
Побыгу густэю лозою,
А за тэбэ нэ пуйду!»
— «Есть у мэнэ такіи стрілонъки,
Що выстрилять дыкія козонъки—
Мусышь буты моя!
Перэкинуся шукою—рыбою
И поплыму я быстрэю водою,
А за тэбэ не пуйду!
— «Есть у мэнэ такіи нэводонъки,
Що вылаплютъ вси щуки—рыбонъки.
Мусышь буты моя!»
— «Перэкинуся рудэю мышкою
И побыгу глубокую ниркою,
А за тэбэ нэ пуйду!»
— «Есть у мэнэ такіе котыки
Що вылаплютъ мышки изъ нирки—
Мусышь буты моя!»
— «Перэкинуся зэлёнъмъ барынъкомъ
И сиду—впаду въ батэнъка въ саду,
А за тэбэ нэ пуйду!»
— «Есть у мэнэ такіи ножыки,
Що выщыкаютъ барынъочки на выночки—
Будэшь, будэшь моя!»
— «Навары, тату, солодкого пыва,
Во вжэ я пуйду за старого діда,—
Вжэ я ёго нэ збуду!
Напэчы, мамо, пшэнічного хліба,
Оддаешь мэнэ за старого діда,—
Вжэ я ёго нэ збуду!»...

44. Лягния при жатвѣ.

— «Да ты, хмэлю, зымовавъ,
Що й ны розвывався?
«Да ты, сынику, иочовавъ,
Що й ны розвувався?»
— «Ночовавъ я, моя маты,
Въ залбнуй лыщны,
Загадавъ я загадоньки
О доброй дивчыны»...
— «Нэ добрэ, май сынонъку,
Нэ добра ты робычъ:
Журылмыся молодыцы,
Що ты й до ихъ ходышъ!»
— «Якъ ходывъ, моя маты,
Такъ и буду ходыты.
Вуло мэнэ, моя маты,
Въ симъ лить ожэниты!»
— «А я тоби, май сынонъку,
Тай ны бороныла.
Вуло соби жэнитыся,
Якъ-но й породыла!»
... — «Прыды, прыды, кавалиру,
До мэнэ въ недилю,
А я вышлио староенького
Въ лысокъ по калыну».
Пушовъ старый, бородатый
Калыны ламаты.
— «Быжы, дою, дорогю
Тата выглядаты!...
Ида доня дорогою,
У долони плэнце.
— «Жартуй, жартуй, мамцю моя,—
Ны йдэ тато ёшэ».
Сыдить мылый коло стола,
Курку обырае.
А якъ озыма за ручэнкыу —
Къ сердю прылягает.
А я ручку прыгорнула,
Въ оконечко поглянула.
Поглянула въ оконечко,
А вжэ старый недалечко.
— «Дажъ я тэбэ, май мыленький,
Тэпэрь тай подину?
Ой сковаша тэбэ въ лишко,
Въ балую перыну».
Ида старый, бородатый
Зъ калыну до хаты.
Я прылаша гъ сырій земли,
Тай стала стогнаты:
«Иды, старый, бородатый,
Уколупны мэду:
Барзо ташко на сэрдэньку—
Головки нэ звезды!»

Пушовъ старый, бородатый
Мэду колупаты,
А я своего мылэвъкого
Выпустыла въ хаты...
Ида старый, бородатый,
У долони траплэ...
— «Дэсь тутъ бувъ вражый сынь—
Тильки мисце тэшэ?»
Ишовъ я чэрэзъ сины,
Тай нэ оглядався,—
Убабурывъ старый ципомъ
Я й ны сподывався!
Скочывъ жэ я чэрэзъ плить,
За воротмы звяися,—
Вылытила курка боконъ,
Що еи наивася!...
Ишовъ — жэжъ я чэрэзъ саль,
Чэрэзъ два города,—
Заматався въ гарбузинье—
Наробывъ и шкоды...
Ишовъ-жэ я зъ вэчурныцъ
Тэмнэнъкен ночы,—
Сыдить гуска на болоты—
Вытыршивши гочы.
Я на еи: «гиля! гиля!»
А вона прысила.
Кобъ нэ тая дивчынонка,
Була-бъ мэнэ здзвила.
Ой кобъ нэ ты, дивчынонко,
Ой кобъ нэ ты, нэ ты,—
Нэ стоявъ бы май конычокъ
Въ ось си-тимъ заметы!
Ой кобъ нэ ты, дивчынонко,
Нэ твоя головка,—
Нэ ходывъ-бы по заплитью,—
Нэ лякавъ-бы вовка!»

45. Свадебная.

— «Нашо мэнэ зачынашъ,
Колы соби другу маешъ?
Шукай соби до вподобы.
Котра линша — будэ тоби,—
Я нэ хочу такъ, якъ ты,
По два разомъ любыты!
Сосидонъка мии казала,
Що одъ тэбэ пэрстнъ мала,
Анди хустку даровавесь,
Жоси вышокъ обыцявесь,—
Я не хочу такъ, якъ ты,
По два разомъ любыты!
Ой чы любышъ, любы дужэ,
А нэ любышъ — нэ жартуй-жэ!
Нэ задавай сэрдю түги:

Нэ будашь ты—будэ другій.
 А нэ другій—будэ третій,
 А нэ третій, то чэтвёртый.
 Ны чэтвёртый—будэ пятый,
 Любить мэнэ що й богатый!
 Я нэ хочу такъ, якъ ты,
 Но два разомъ любыты!»...
 — «Тому будэ нэдиль килька,
 На вэсиллю въ брата Илька
 Ты зъ Иваномъ таныцбвала,
 Ему ручку обыцала,—
 И я нэ хочу такъ, якъ ты
 Но два разомъ любыты!
 Прыгадай соби ты Гната,
 Брата Илька и Кондрата!
 Ты, нэбого, дужэ знаешь,—
 А про мэнэ забуваешь,—
 Отъ я знаю, что и ты
 Вмешть по шистъ любыты!»
 — «Хже тій сварцы даймо згоду.
 Дай рученьку—будюмъ въ згоды.
 А тэнэръ же я и ты—
 Ну-но разомъ любыты!»

Приимѣчаніе. Пѣсни, съ № 1 по
 45, записаны со словъ крестьянокъ села
 Коштыова Вѣльскаго уѣзда, Сѣверскай губер-
 віи, въ 1895 году.

46. Весенняя.

Праду я, праду—
 Спатонъки хочу....
 Положу я головонъку
 На зэлёнумъ муравонъку,—
 Туть я соби й засну....
 А свакоръ идэ,
 Якъ витѣръ гудэ:
 «Сонливая, дрэмливая,
 До работы лэнывая!
 Мого сына заразыла—
 Посталѣнъки нэ всталила
 Й сама нэ лягла!»...
 Праду я, праду—
 Спатонъки хочу...
 Положу я головонъку
 На зэлёнумъ муравонъку,—
 Туть я соби й засну...
 А свакруха йдэ,
 Якъ витѣръ гудэ:
 «Сонливая, дрэмливая,
 Нэвистка моя!

Мого сына заразыла,
 Посталѣнъки нэ всталила
 Й сама нэ лягла!»
 Праду я, праду,—
 Спатонъки хочу.
 Положу я головонъку
 На зэлёнумъ муравонъку,—
 Туть я соби й засну.
 Матюнка идэ,
 Якъ пчилка гудэ:
 «Мое дылте дорогое,
 Пушло замужъ молодое:
 Нэ выспалося!»
 Праду я... Батынько идэ,
 Якъ пчилка гудэ:
 (Тоже, что и мать).

47. Лѣтняя.

Казала мэнн маты
 Цвѣть — калынку заматы.
 Калына пагнулася,—
 Дивчина зломылася...
 Де доля подилася?...
 Одозвалася доля
 По тантинъ боцы иора...
 — «Будожъ мэнэ, маты,
 Малю поховать,
 — То-бысь була забула,
 Що въ тебэ дочка була.
 А тэнэръ нэ забудэшъ,
 Покиль житы будэшъ!»

48. Лѣтняя.

Такъ ныѣому, такъ ныѣому,
 Якъ бидному батраковы!...
 Гэя! гэя! якъ бидному батраковы!
 (И т. д. повт. 2-го стиха).
 Батракъ ходыть, заробляе,
 Ажъ нить очы залывае...
 Зайшонъ батракъ до хаты:
 — «Дай, хадзяйко, вэчэраты!»
 — «Нэ тошила, нэ варыла,—
 Нэма чого вэчэраты,—
 Лягай, батракъ, и такъ спаты!»
 Лигъ батракъ и щэ нэ вспався,
 А вжэ хадзай нагадався:
 — «Вставай, батракъ.—годы спаты:
 Ужэ пора й волы гнаты!»
 Вставай батракъ, нэ одмагався,
 Нэма воды—нэ вмывавс...

Нэма ручыка—нэ втырався,
Нэма сорочки—нэ вболокався
Нэма колы—нэ пацёровався,
Нэма щисьца — эъ бидою востався...

49. (Во время жатвы).

На прынечку воробй
Зробивъ соби жыво.
А на пачи молотывъ,
Зваривъ соби пыво.
Штыры тыки хмелю давъ,
Потамъ соби жаловавъ,
Ставъ дубныкъ збыраты,
Пывомъ чистоваты.
На той бенките комари
Зъ комаркою булы
И зробылы зъ комари
Штыры пцаки солоныны.
Сто ковбасивъ начынылы,
Скабы прынекалы,
На столы давалы,
Усихъ чистувалы.
Уже было у впивночи,—
Сова прылэтила,
Потыхеньку, помаленьку
Тай за столомъ сила.
Воробй упывся,
На сову звалывся...
Ой казала сова
По фрэвцузкы грать:
— «А грайтэжъ, мои трубачи,
Славны же мои пугачи!
Гуляйтэ-же въ дубровы,
Въ воробёвии долы!...

50. Свадебная.

Нашыхъ прыданіи
Тутъ нэма, тутъ нэма!
Поихалы въ листъ
По дрыва, по дрыва!
Зачепылы
И за пень, и за пень!
Тай стоялы
Цилый дэнъ, цилый дэнъ!
Зачепылы,
За осыну! (2 раза).
Тай стоялы
Цилу зыну! (2 раза).

51. Пасхальная.

Тамъ Романъ волы пасэ,—
Дивчына воду иксэ.
— «Цы тэбэ зачепыты,
Цы воду розлиты?»
— «Ой, Романэ, мій панэ,
Не зачышай ты мэнэ:
Въ мэнэ маты чужая,
Щэ й до того лыхая —
Будэ быты мэнэ!»
— «Якъ будэ тэбэ быты,
То дайся вымовыты,
Що гусы налэтилы,
Мэнин воду сколотылы»...
— «Ой того жъ я ожидала,
Щобъ вода иечыста стала!»...

52. Весенняя.

— «Покин, Ясю, жинку,
Я покину диты.
И пайдэмо въ свитъ
Мышканыя глядиты!»
— «Ой буйся, Касю,
Жыбъ нась нэ впімалы,
Жыбъ намъ билыхъ ручокъ
Назадъ нэ звязалы!»...
— «Ой, нэ байся, Ясю,
Нычого нэ будэ:
Оражъ-бо мій мылый
Зъ старенькимъ дидомъ»...
Орэ-жъ винъ оре
Зъ старенькимъ дидомъ,
Выглядает мылэнъкен
Зъ спорнэнъкимъ обидомъ
Зайшовъ мылый підъ оконца,—
Протывъ ёго сонце
— «Выйди, выйди, мылэнъкай
Протывъ мэнэ сонце!»
Зайшовъ винъ до хаты,
Ставъ дытокъ пытаты:
«Дытки-же мои мылэнъкіі,
А дэ-же ваша маты?»
— «А нашая маты
Пошла въ лугъ по тэзяты.
Ой и щось вона проповяла,
Що й нэ наша маты!»
Ударылъ мылый
У—въ полы рукамы:
— «Дытки-же мои мылэнъкіі,
Пропасть же я зъ вами!»

Ударыши мылый
У стиль головою:
«Головоцко-жъ биди! моя,
Пропавъ я зъ тобою!»

53. Мѣстная крестьянская молитва.

У недилю раненъко
Сонечко входыть,—
Божая Маты
Сына за ручку водыть.
Повѣла Вона Его
Зъ ютрени на ишу,
Зъ иамши на вечирию,
Зъ вечирии на всюночну,
А зъ всюночны на сыне морѣ.
Тамъ, на сылюю моры,
Каменъ лѣжыть.
На тиль каменю
Церковца стоять...
Въ тій церковци
Прыстиль стоять,
Тамъ, на прыстолы
Сусь Христосъ лѣжыть.
Голивку склонывъ,
Ручкѣ зложывъ,
Губкѣ стулывъ,
Очкѣ заслонывъ.
Прышы до Его
Святый Петръ
И святый Паволь
У церковую до прыстола,
Взямы Хрыста
За правую руку.
— «Нѣ дывитъся
На мою жуку!
А пойдитъ
По всимъ свиты,
Закажитъ старыхъ
Кныгъ глядитъ!
Якъ того пацёра
Ин будуть забуваты,
Ныгды въ наглуй смерты
вѣ будуть погибаты:
На огни—погараты,
На води—потопаты,
На войни—умераты,
У быди—пропадаты!»

(Прибавленіе, говорится въ видѣ молитвы).

Нехъ Памбигъ худобочку пасэ,
Дѣ вона травыши зъидае,
Дѣ водыши спывае,

Дѣ спочывочокъ мае:
Въ день подъ сонцемъ,
А въ ночи подъ миляцемъ.

Восемь пѣсенъ, № 46 по 53, записаны
въ деревнѣ Оссовѣ, Владавскаго уѣзда,
Сѣдлецкой губерніи, въ 1892 году.

54. Пѣсня о Бѣдѣ.

(На мотивъ: «Какъ у нашихъ у воротъ»).

1.

А хто Биды нѣ знае,
Нѣхай мэнѣ спытаге:
Моя хата на краю } 2 раза и т. д.
Добра Биду я знаю!

2.

Надъ Дунаемъ глубокимъ
Выросъ тэрэнъ высокій,
А изъ того-то торна
Вышла Бида молода

3.

Нѣ малая, изъ вѣлыки—
Тра-бѣ для нэи человека:
Ны старого, ны малого—
Козаченька молодого.

4.

— «Дѣ ты, Бида, вродылася?»
Дѣ ты въ мэнѣ вчѣшылася?»
— «Я въ Варшавы родылася,
А въ Замисцю хрѣстылася!»

5.

Пойшла Бида до Гаврыла,—
Одъ Гаврыла носомъ рыла...
Пошла Бида до Яндраха,—
Обырвалы Биди уха...

6.

Пошла Бида до Дѣниса,—
Одъ Дѣниса прышла лыса...
Десь-ся взявъ и Тарасъ—
И той Биду за лобъ трасъ...

7.

Десь ся взявъ и Прокопъ—
И той Биду въ морду - гопъ!...
Десь-ся взявъ Гарасымъ—
Той по Биди голосывъ...

8.

Десь ся взявъ паламарь—
Биди ребра поламавъ...
Десь-ся взявъ золотарь—
И той рѣбра полатавъ...

9.

Пойшла Бида до кравца—
Натрапыла на шэвца...
А швэць Виду—холяво:
Сыды, Бидо, пидь лавою!...

10.

Сила Бида на ставци,
Плэтэ соби иостольци,
Сама зъ сэбэ дывуецца,
Жэ хорошэ готуецца...

11.

Пошла Бида въ будаки—
Погубыла ходаки...
Вышшла Бида зъ будаки—
Позычыла ходаки...

12.

Була Бида въ Вэрхивци,
Пасла симъ лить тамъ вивци...
Пошла Бида по заплату,—
По симъ разы въ едину хату...

13.

Якъ-же Биди заплаты?—
Симсotь кінь увалылы...
Пойшла Бида хлычаочь,—
На симъ сажны ступаочь...

14.

Пойшла Бида до двора—
Далы Биди пиврубля...
Пойшла Бида до Дулибь—
Далы Биди цилый хлеб...

15.

Пойшла Бида на Пядгаенъ,—
Далы Биди симъ кінь яеци...
Пойшла Бида до Петра
И все яйца попекла...

16.

Була Бида на торзи,
Прыихавши на кози...
Продавала тай крупы,—
Куповалы и попы...

17.

Куповалы и дяки,
Куповалы жыдывки:
То за гришь, то за штыры,
Виду червы росточылы...

18.

Була Бида на шынквасу,
Продавала кисиль, квашу,—
Шэвци, кравци обступылы
Кисиль, квашу роскупылы...

19.

Пойшла Бида до арэнды.
Пустылася въ перээнды,—
Рандаръ Биду шанкомъ въ губы:
«Чого, Бидо, лупышъ зубы?»

20.

Сыдять диды на рынку,—
Вкрада Бида торбынику...
Сталы диды обозомъ,—
Знайшлы биду пидь возомъ...

21.

Былы Биду палыцьмы:
Нэ крадь торбы зъ сухарцьмы!...
А одъ Львова до Кракова—
Всюды Биди еднаково!...

22.

Пойшла Бида до Варшавы.
Вкрада соби шаровары,
А козаки догонылы,
Былы Биду, волочылы...

23.

Былы Биду канчукомъ,—
Нэ заходы зъ козакомъ...
Пойшла Бида на хрэстыны—
И тамъ Биду хворостылы...

24.

Пойшла Бида на вэсилле
И тамъ Бида на прысыла...
Пошла Бида у танэць—
И щэ Биди на конэпь.

25.

Кажэ Бида: «за симъ лить
Будэ Биди новый світъ»—...
Идуть людэ зъ хворостомъ...
Сыдить Бида пидь мостомъ...

26.

Якъ—ся Бида зворохнула,—
Дядька зъ хворосту зопхнула...
Якъ—ся Бида розгуляла,
Всімъ колэса поламала..

27.

Дядько Биду догонывъ.
Биди рэбра поломыvъ...
Дядько Биду хворостомъ—
Трасэ Бида животомъ...

28.

Дядько Биду ужкамы—
Трасэ Бида ножкамы...
Наихалы циганы,
Бзялы Биду на саны...

29.

Завэзды еш до Волохъ,
Промэнялы на горохъ,
А потимъ—ся жалгвалы,
Назадъ Биду завэрталы...

30.

— «Соби Биду беряте,
А намъ горохъ вэрните! ...
Пойшла Бида до Жовквы—
Биди пожки пожевкы!»

31.

Пойшла Бида до кухни—
Биди ножки попухлы...
Пойшла Бида до церкви—
Биди ножки потёрпли...

32.

Пойшла Бида до корчмы—
Биди ножки одойшли...
Пойшла Бида до попа —
Былы Биду, якъ снопа...

33.

Пойшла Бида до дяка—
Тамъ побылы быака...
Пойшла Бида на пыниню—
Влизла вона въ помыниню...

34.

Былы Биду въ потыльцу.
Не лизъ, Бидо, въ помыниню!...
Передъ паномъ окомономъ
Былы Биду макогономъ...

35.

Передъ паномъ павычомъ
Былы Биду товкачомъ...
Передъ паномъ комысаромъ.
Шмаровалы Биду саломъ...

36.

А за нашымъ ярымъ жытомъ
Сыдить Бида въ тыхимъ якою...
И тамъ наша Бида виэрла
И ноги до горы задэрла...

Эта пѣсня записана (какъ равно и посаѣдующія двѣ пѣсни) въ 1901 году со словъ изъкоего Якима, по прозванію, Бида, въ Грубешовскомъ уѣздѣ, Люблинской губерніи. Якимъ Бида, живущій, вѣроятно, и по-нынѣ,—своего рода мѣстный сказитель былинъ, пѣсень и т. п. Жаль только, что отъ него трудно записать все то, что онъ знаетъ, такъ какъ, по видимому, онъ почти юродивый. Крестьянинъ, а особенно ихъ малымъ дѣтамъ, Якимъ Бида охотно говорить то, что знаетъ, другимъ же—не охотно. Онъ ведетъ жизнь постоянно бродячую, ходить только по извѣстной округѣ, за что и прозвываетя еще «Окружнымъ». Поведеніе его безупречно, но лѣнность къ труду образцовая. Не желая нигдѣ и ничего работать, онъ безпрерывно ходить и нигдѣ не пробудетъ дольше однихъ сутокъ. Память и воображеніе у него развиты въ высокой степени.

Очень можетъ быть, что пѣсня о Бѣдѣ есть его собственное произведение. Въ этой пѣснѣ резкозывается о постоянныхъ неудачахъ какого-то человѣка на разныхъ мѣстахъ. Якиму 40 съ небольшимъ лѣтъ. Я лично долго бесѣдовала съ нимъ, но онъ какъ то хитро уклонялся сообщить мнѣ еще кое что изъ пѣснѣ. Личность, во всякомъ случаѣ, интересная.

55. Тара-тара.

(Скороговорка-шутка, записана отъ Якима Биды въ Люблинской губ.).

Тара-тара, тана—
Пойду я до пана,
Тара-тара, турбу—
Пойду я до пана на службу,
Тара-тара, тыны—
Буду пасты свыны.
Тара-тара, тудэн—
Дэсъ въ самый полудэн
Тара-тара, товѣк—
Прышовъ до мэнэ вовкъ,
Тара-тара, тыни—
Ваявъ въ мэнэ найстаршу свыни.
Тара-тара, течуръ—
Оть уже и вечуръ,—
Тара-тара, тыны—
Трэба гнаты свыны.
Тара-тара, тдму—

Прыгнавъ я ихъ до дому.
Тара-тара, танъ—
Прышовъ до мэнэ панъ.
Тара-тара, тыни—
— «Ходь до мэнэ, сынку!»
Тара тара, танэ —
— «Чего хочэшъ, панэ?»
Тара-тара, тыни—
— «Дэсъ подивъ найстаршу свыни?»
Тара-тара, танэ—
— «Нэ гнивайся, панэ,
Тара-тара, тудэн—
Бо въ самый полудэн
Тара-тара, товѣк—
Прышовъ до мэнэ вовкъ.
Тара-тара, тыни—
И ваявъ найстаршу свыни»...

Тара-тара, таъ—
Кажэ до мэнэ панъ:
Тара-тара, тынку
— «Чортъ твою ма, сынку!»
Тара-тара, тукъ—
Вказавъ мины кашуцъ.
Тара-тара, тырокъ—
— «Давай, сывку, тылокъ!»
Тара-тара, тёки—
Я одъ нёго—вёки.
Тара-тара, тына—
Прышовъ я до млына.
Тара-тара, тупъ—
Мололыся круци.
Тара-тара, тупъ—
Небравъ я соби крупъ.
Тара-тара, тёшку—
Звацывъ я соби кашку.
Тара-тара, тёшкы—
Нэ мавъ я ложки.
Тара-тара, тальцъ—
Помышавъ я пальцъ.
Тара-тара, талэцъ—
Опарывъ я палэцъ.
Тара-тара, тички—
Пойшовъ я до рички
Тара-тара, тальця—
Холодыя пальца.
Тара-тара, тички—
Сивъ я коло рички.
Тара-тара, талэцъ—
Болыть мэнэ палэцъ.
Тара-тара, тынцомъ—
Надъ самыть гостыныцомъ
Тара-тара, тельники—
Прышовъ до мэнэ мэльники,
Тара-тара, талобъ—
Злапавъ мэнэ за лобъ.
Тара-тара, тынку—
— «Якій ты мудрый, сывку!
Тара-тара, тупъ—
Нащо-сь забривъ крупы?»
Тара-тара, танэ—
— «Зашо мэнэ бъешь, панэ?»
Тара-тара, тушъ—
Нё бравъ я твоихъ крупы!»
Тара-тара, ташку—
— «А зъ чого варышъ кашку?»
Тара-тара, тышъ—
Гопъ—мэнэ въ нысь!...
Тара-тара, тозокъ—
Выскочивъ зъ мэнэ мозокъ...

56. «Косарь».

(Записана отъ Якима Биды въ Люблинской губ.).

— «Доля моя вэщасная!
Якъ на свиты жыты?
Хтивъ-бымъ добро исты, пыты,
А выцъ изъ робыты...
А ны—исты, а ны—пыты,
А ны—въ чимъ ходыты,
А ны—люльки, ны—тютюн—
Ны чого курты!...
Заробыты я изъ вилю,
Просыты изъ смю.
Долэжъ моя, вэщасная—
Дэжъ я—ся подю?
Дають людэ исты я пыты,
Но кажутъ робыты,
Бо якъ изъ пайдэшъ ыбыты,
То тя будемъ быты!
Дають мэнни хлиба въ торбу
И збанокъ бутвынья,
Пхаютъ мэнни косу въ руки.—
Ахъ вэщасъце-жъ мэнни!
И зъ подвиря выпыхаютъ!
— Иды—косы, изъ гайся:
Лонка дужа, травы купа—
Хутнэнко зывайся!
Лонка дужа, травы купа,—
Нэ ингъ зраховаты:
Двыгавъ косу, утомывся
И лигъ спочынаты...
Заснуувъ хвилю, зливъ бутвыню;
Полудня изъ було.
Жывитъ буливъ отъ бутвынья,
Бо бутвынне вадуло.
Сусидъ косывъ, мэнэ збудывъ:
— «Встань! иды косыты.
Бо якъ приде сподарь въ дому,
То тя будэ быты».
И вжэ вставъ, нэ лягавъ,
Сусида ся слухавъ,
Чисто на косу спырався
И ванэрстокъ вюхавъ.
И то мало травы скосывъ,—
Тры разы полуднявъ.
Давъ осподарь вэчэраты,
А горилки изъ давъ:
Чы ввиъ самъ зиавъ, чы хто сказавъ,
Чы изъ було за що?
Чы то зъ мэва такій косаръ,
Чы коса лядашъ?
Нэвмиивъ сэ заострыты,

А вэ поклэшаты—
Жывить буливъ одъ бутвыныя—
Нэ мигъ—емъ махаты!

57.

— «Ой пролай, тату, коня,
Продай вороного,—
Ожэны, ожэны
Сына молодого!»

— «Ой нашо я маю
Коня продаваы?
Нышуы черныи по билому:
У рэркруты взяты!»
— «Ой изхай бэруть—
Я иль из боюси
Кинь вороный, самъ молодый,
То я выслужус!»
...— «А въ полю жытэчко
Мэтлю заквятло.
Ой десь мого мылэнъкого
На войни забыто!

Забыто, забыто,
Втагиёно въ жыто,
Чэрвоною китайкою
Очэнки накрыто»...

58.

(Пѣсни во время жатвы).

Ой дарова чэлядоныка, дарова!
Абы наша головонька здорова.
До коныца, чэлядоныка, до коныца—
Ныйдэмо до дому за соньци!
Ныйдэмо до дому, пуйдэмо,—
Тильки тую нывононку дужнэмо!

59.

Котывся жытній вынокъ, котывся,
Постатыци на голову просывся—
— «Возьмы мэнэ, постатыце, на головку,
Занась мэвэ въ паньскую стодолку!
Нэ много я въ стодолци полэжу—
У Спасицку на нывононку побыжу!»

60.

Котывся жытній вынокъ по полю,
Просывся господара въ стодолу:

Восемь пѣсень, № 57 по № 64, записаны въ селѣ Ганиѣ, Бѣльского уѣзда,
Сылдецкой губ., въ 1902 году.

Тутъ же можетъ быть записано еще иѣсколько десятковъ разныхъ народныхъ
мѣсенъ.

— «Прымы мэнэ, господару, въ стодолу,
Вжэ я навалялся по полю,
Вжэ на мэнэ буйны витры віяты,
Вжэ на мэнэ дробны дощи капалы,
Вжэ на мэнэ дрибны дошыкъ изыйшонъ
Ой покиль я до стодолки увыйшонъ.
Нэ довго я въ стодолы полэжу,
У Спасицку на нывононку побыжу!»

61.

Зажурылася, засмугылася
Бидна удованька,
Що нэ скошо-а и нэ згреблёна
Зэлёна дубровонька!...
...Косари косять! Косари косять:
Дуброва полягае..
Бидна удова, чорнобровая,
На тое поглядае...

62.

Ой доля, моя доля!
Ой чомъ ты нэ такая,
Якъ люцкая, тужая!
Людэ роблять—нэ роблять,
А хорошэнко ходяты!
А я роблю, заробляю,
А нычого нэ маю!

63.

Наша ныва вродлыва—
Сто кишъ жыта уродлыа!
Нажелы теби, тату, сто кишъ—
Молодому прыставоньцы едѣнъ синшъ!
Винъ того до домоньку новолицъ
Свому коню вороному на обрѣкъ. .

64.

Ой тамъ у полю крнычэнъка,—
Выдно дно!
Ой десь мого мылэнъкого
Нэ выдно!
Выкопала крнычэнъку
Въ едѣнъ дэнъ!
Выглядала мылэнъкого
Бызъ тыдэнъ!

65. Песня про калакутскую свадьбу.

Шутка-сатира на местных крестьянъ, упорствующихъ въ вѣрѣ—«кала��утовъ». Составлена нѣкимъ Васькомъ Ткачомъ около 10-ти лѣтъ тому назадъ и нынѣ ставша народную пѣсню въ Сѣдлецкой губерніи. Поется такъ, какъ извѣстные «Гречаныки».

1.

Ось я бувъ едного разу
Въ гостяхъ у старости
И тамъ слухавъ, якъ спивали
Дивну писню гости.

2.

Хоръ послѣ
кулака | Ой слухайтѣ, добры людѣ,
Що то мае буты?
| Отъ повстали мажки на мы
Якись калакуты!

3.

Добрѣ уха я наставывъ,
Що спивали—пэрѣйнявъ,
А потимъ, помысливъ трохи
И ту писню запысавъ.

4.

Послухайтѣ-жъ тую писню,
Тутѣшній людѣ:
Въ юї нѣ думка и нѣ байка,
Тильки правда будѣ:

5.

«Ой у Клымы—кала��ута
Буда дивна здрила,
И до дички хлоцца взяты
Вже пора прыспила...»

6.

Тай прыспила вже пора
Зята пошукаты,
Но нѣ хтівъ нашъ Клымъ у церкви
Дочци шлюбу браты...

7.

Калакуты—баламуты
То така половы:
Завхалахъ свою виру
Й быгутъ до Кракова!..

8.

До Кракова нѣбы пдуть
Молодыхъ винчаты:
Поблужаютъ тры дни въ лисы
Й стануть танцюваты!..

9.

Нѣдалэко одѣ сѣла,
Въ лисы, щэ й за бродомъ,
Тамъ стояла една хата
Зъ калакутскими родомъ...

10.

Бувъ въ тій хаты хлоцца дыкій,
Що й церкви боявся,
Нѣ гля кого изъ потрибныій,
А гля Клымъ здався!..

11.

Ой и здався винъ гля Клымъ,
Здався чэрэзъ тое,
Щобъ послаты до Кракова
На шлюбъ дурнювъ двое!..

12.

Отъ въ Вивторокъ сэрэдъ ночы,
Въ хаты, коло броду,
Тамъ зробылы калакуты
Васильну згоду..

13.

Була згода ихъ такая,
Якен й нѣ чуты:
Тры дни въ лисы постояты,
А потимъ вэрнуты.

14.

Бо Кракова стиль нѣ выдно,
Шэ й гроши бракуе...
А у лисы коло дуба
Якійсь ксёвдъ шлюбует?..

15.

Ой то ксёндза, святый старушко,
Зъ «Кшакова» самого!
Траба тильки знаты даты
До Мошка рабого...»

16.

Мошко ксёндза сэрэдъ ночы
Звѣдэ коло дуба...
И нѣ трэба такъ далеко
Ихаты за шлюбомъ.

17.

Якъ сказала, такъ зробыла
Рада калакутка.
Ой и выйшло-жъ зъ того всѣго
Смыховыско люцькі!..

18.

Впрыгъ кобылу Клымъ слыпую
До старого воза
И поихавъ винъ до лиса,
Нѣбы панъ въ повозахъ...»

19.

Молодыи, якъ дvi хвыги,
Силы ззаду въ возы,
А спэрэду сивъ салъ Клымъ,
Взявши въ руку лозу...»

20.

— «Вѣд! вѣд! вѣд!.. стара-сывеника,
Хутинъко зывайся!
Бо далэко щэ до дуба:
Бежы—нѣ вглядайся!..»

21.

Ихавъ Клымъ, якъ горщиръ,
Цилый дэнъ дви мыны,
И захавъ въ лисъ нарешты,
Що жыны кунылы...

22.

Тай, захавшы смэркомъ,
Ставъ винъ коло дуба...
Ой ты, Клымэ, дурный Клымэ,
Тутъ твоя загуба:

23.

Нэ було щесь въ лисы ксёндза,
Ны рабого Мошка!?.
Молодымъ вже страшно стало
И Клымовы—трошка...

24.

Ой чакалы калакуты,
Чакалы нэ мало...
Тэмна ичка наступыла,—
Зувсимвъ страшно стало!..

25.

—«А-гу!!!.. Мошку, одозвыся!..
Вязвъ-жэжъ въ мэнэ гроши..
Ксёижуюю!.. Молодэнъкихъ
Звивчаты я «прош»!..»

26.

Ныцъ нэ чуты въ чорнумъ лисы...
Сэрэдъ ночы тыхо.
Втыкай Клымэ-калакута,—
Гиршэ будэ лыхо!.

27.

Уже було у вливночи,—
Сова прылётала,
Закрычала, загукала
Тай на дубомъ сила...
28.

Отъ вси трое калакуты
Зразу осовили!
И якъ мыши, зъ пэрэстраху
Подъ дубомъ сыданы...

29.

Гэй, дурный калакуты,
Чого-жъ витэ ждэт?..
Ждэтэ, ждэтэ!.. Заразъ вбижки
До дому нопрятэ!..
30.

А ты часомъ нэдалэко
Десь вовки завылы!..
Молодымъ въ Клымомъ разомъ
Зовсимвъ потрухнны!

31.

—«Тату! тату!.. утыкаймо!..»
Просить молодымъ.
И поховались въ воловы,
Некъ диты малы..

32.

Якъ почула вовчый голось
Клымова слышуха,—
Забрыкала, затраслася,
Наставыши ухал..

33.

Ухопывся Клымъ за ужвы—
Слына одорвала
И на мисьцу коло дуба
Гунки все скакала...

34.

Сивъ и батько зъ дытымы разомъ
Въ вовы, якъ попало,—
Зачэпильыся за корчъ—
Пэниномъ вись зламало!..

35.

А за висью лейцы трислы—
Слына роспроглася
И вовкамъ тымы на вэчэру
Бижики понёслася!

36.

Ой втыкала та конына,
Хутко утыкала:
За мынкоту просто въ зубы
Тромъ вовкамъ попада!..

37.

Жують вовки старэ мисо,
Зъ голоду смакуютъ
И по вовчый, якъ умють,
Клымовы дякуютъ:

38.

—«Дякуемо тоби, Клымэ,
За слыну кобылу.
Бо поправывъ ты намъ добрэ
Нашу вовчу сылу!..»

39.

Нэма чого довшъ чекаты,
Нэма чого ждаты:
Ны кобылы, а ны воза—
Тра сякъ-такъ втыкаты...
40.

—«Бэдай тэбэ, рабый Мошку,
Судна ничъ вдушила!
А ёшбъ тэбэ, волоцюю,
Люцька крында вбыла!

41.

Чого-жъ кнэнешь, дурный Клымэ?
Чого тишишь биса?
Чуешь? хмара наступае,—
Втыкай далай зъ лисы!

42.

Ой втыкалы калакуты
Корчими й болотомъ,
Погубылы шапки, шматъте,
Щэ й чоботы потомъ...»

43.

Скрыавыны, быгучы тамъ,
Всеньки разомъ трое:
Дивка—носа, хлонець—губы,
Клыкъ—ухо едное...

44.

А было вже пэрэдъ святомъ,
Хмары подступыла,
Гулъ въ нэбы... Й блыскавыца
По лисы свытыла...

45.

Й якъ зорвалась страшина бура—
Земля застогнала,
А на нэбы скривъ навколо
Блыскавыца стала...

46.

Якъ зачалы пэруни
Бэзъ устанку быты,
А за ими шура бура
Дэрэвъ ломыты,—

47.

Годы было вже втыкаты—
Ноги всімъ помялиы...
Клыкъ зъ дочкою и хлопчына
Бэзъ намяты сиы...

48.

«Тра-та-тахъ!!!» и голнувъ пэрунъ
Въ дэрво надъ дурнымы...
Отъ и стали калакуты
Нэмымы й слышны!..

49.

Откотыся Клыкъ въ калюжу...
Молодыи змілы,
И бэзъ духу, лэдъ жывыи,
До часу цяпилы...

50.

Поцяпилы, покиль сонце
На нэбы заграло..
А потімъ всё краёмъ лиса
До дому втыкали...

51.

Отъ на нэбы вже высоко
Сонце світить, грае,—
Выдно людюмъ, якъ зъ Krakova
Дурный Клыкъ втыкае...

52.

— «Дывысъ! дывысъ! кумэ Грыцю,
Шо то... хмъ... такое?..
Ны то людэ, ны то свыны
Быгутъ зъ лиса трое?»

53.

— «Э, нэбожэ, кумэ Иванэ,
Цыть!.. Горилка будэ...
То вэртаюцца зъ Krakova
Нашы свійськи людэ...»

54.

— «Хе! хе! хе!..» — «А, буйма, трэба
До часу мовчты,—
Мо—и вдасцца въ того Клыма
Горло помоччты!..»

55.

Ой, горилко ты пэкэльна!
Чого ты не вкремеш?
Исы правду, а за ёю
Крывду скривъ всё сіешъ!..

56.

Отъ въ Нэдилю, по надъ вечуръ
Якесь дыво стало,—
Бо въ туй хаты що за бродомъ
Вэсилыле заграло!!!?..

57.

— «Ты-ли-ли ли!.. Бумъ! бумъ! бумъ!»
Скрыпка зъ бубномъ выкуть,—
Сыдять людэ за столамъ
И кильшки икнуть...

58.

Шкода было всенъкинъ людюмъ
Вэсилыле ганьбыты,
Покиль было всімъ занадто
Шо исты и пыты...

59.

А за тыждэнь по вэсилю
Всімъ было видомо,
Якъ втыкавъ Клыкъ зъ молодымы
Зъ Krakova до дому.»

60.

Отъ така въ насть, добры людэ,
Зъ тымъ всімъ установа...
Сытай «Клыма»: «дё ты издывъ?»
Скажэ: «до Krakova!»

Народные сказания: былины, баллады, анекдоты, шутки и проч.

1) На темы свиты.

... Бувъ соби такій чоловікъ и миъ винъ сына. Такъ, якъ винъ умэравъ, то
казавъ: «щобъ ты, сынку, дарывъ всякаго бідного и ныкому нэ одоказувавъ, бо то
грихъ». — Умэръ батько; зостався сынъ на ёго мисьцю. Отъ прышовъ до ёго якісь
дідъ и просить даты пообидаты. Но той дідъ вжэ кілька разы бувъ у ёго. Пообидали.
И просить дідъ того сына до сэбэ въ гостыну: «прыды до мэнэ, любый, въ гости,—
шось я тоби тамъ покажу».

Сын кажэ: «я не видаю, да до вась иты». А дидь ёму на тое: — «До тэбэ прыбыжты сывый кинь, и ты на ёго всяль, то винт тэбэ завазэ ажь до мэнэ».

Отъ чэрэзъ килька дні прыбыгае до ёго сывый кинъ. Сивъ винъ на того коня и похавъ. Иде винъ, пде—и самъ не знае, якъ и куды. Тильки бачить винъ на дорозы, що чоловикъ ляжись тримае на голові плить и зъ тымъ плотомъ ходить...

Понехав дай. Знову бачить, що два хлопця б'ються грудами въ слухки. Спітавшися, для чого воїни б'ються.

Зновочки далій іде той синъ. Вачть, що по вѣлкій, густій траві ходить стадо овэчка. Исть воно траву, а не повніе: сухе каже звиряtkо, якъ конопля... А извадль по чистому полю по пысочку, ходить друге стадо овэць. Тыи овэчки ныць нэ идять, а такю новныи, якъ кормухъ... Що бы сэ то значило, хотивъ поспытагы, оно нэ выдно було жадныъ пастухиць.

Отъ завивъ ёго той кинь яжъ до раю и до пекла. Ставь винъ на граныцы, мажь рабъи и пекломъ. И выходить до ёго зъ раю той самыи дядь. Выходить и просить того сына до сэбя на обидь. Но тимъ обиды ставь той дядь водыты ёго по всиихъ дверахъ. Тильки въ однии дверы не пускае..

Допиро той сынъ пытае дыда:—«що то такое, що я бачыў: оть чоловікъ тримае на собі плітъ?» А дыдъ ёму одказуе:—«То такій, що вінъ, якъ жывівъ, то грышыў бэзъ пэрэлікі и казавъ. «на тамтось світы нэхъ мэю душаю хочь плітъ подопруть,— оть вінъ и мэ вічно носыты ва собі плота»...

Зновъ пытаецца сынъ:—«Що жъ тощо два хлоццы бываюцца? — «А то тын, що зъ батька й матэра кепковалы и часомъ ихъ былы. Отъ и муть вони вично бытыся».—«А що жъ то таке худыи и тлустыи овачки, що по трави и по пысковы пасуцца?» Дядь одказуе:— «Худыи—то пажэрны людэ, тын, що имъ на землі всёгда было мало. Отъ доніро нэхай вично жэруть—а усе будуть худыи... А тлустыи—то щасливыи праведныи: Имъ тэпэрь истыныць нэ трэба»...

И ставь таки зновъ просыты той сынъ дыда, щобъ винъ упустывъ ёго въ тын дверы, що булы запартыи. Дидъ подумавъ, подумавъ и нарышты одчынывъ тын дверы и впустывъ его. А тамъ було пэкло. Тамъ зобачывъ сынъ сразу своего батька.—«Ой дидулю, дидулю! Вызвольте стиль моего тата. Но той дидъ каже:—«Ни, не можна, муй любы! Якъ я ходывъ по свиты, то винъ мни тильки давъ тры стыпирья цыбули.. На, озымы тыхъ тры стыпирья и подай тамъ батьковы. Якъ вытягнешъ ёго стыпиръёмъ, то я ёго вызволю». Упустывъ сынъ батьковы тое стыпирье,—батько злапався за ёго рукамы. Тягне стыпиръёмъ сынъ батька, алежъ забувъ на той чись (sic) пацбра мовыты.. Ужебъ тильки злапаты батька за руки—но стыпирье тутъ порвалося,—и упавъ гришный батько знову на дно въ пэкло...

Стоявъ коло сыновъи хаты ялэць, а тому розказовы конецъ.

2. Хлібъ съ мэдомъ.

Килька лить тому назадъ бувъ соби такій господарь и мицъ винъ сына. Якъ винъ умэрать, то казавъ сыновы:

— «Ижъ хлібъ зъ мэдомъ; щобъ у тэбэ однуть сокира була новая; чботы—новыи; похвалёного нэ давай ныкому, оно нэхъ тоби даютъ; а полэ лысами обкладай, якъ доорэшъ».

Только що батько умэръ, сынъ купывъ мэду и ставъ исты хлібъ зъ тыль мэдомъ. Чботы—абы замуравъ, то нэ обэтръ и нэ обчыстыть, а заразъ купуе новыи. Сокира—абы поржавила—новую купуе. Пехвалёного ныкому ны дae, а полэ, якъ доорэ, то купуе лысами обкладае.

И отъ довився винъ до того за одёнъ рикъ, що яхлиба вжэ не стало. И думаетъ соби: «Божа иуй! що я пораджу зъ собою? Хиба пойду—повишуся!» Но тычкасомъ ида и пытаецца свого дядька: «Що я почну робыты? Вжэ моя хазяйка пропадэ!» А дядько кажэ: що таке? Моя тоби пораджу.—«Такъ и такъ.. якъ батько умэрать, то казавъ тее и сее сповняты—отъ я усэ такъ и сповнявъ, якъ батько казавъ».—«Гэ! гэ!» кажэ дядько.—«Якъ ты поробыши въ полю одъ раня до полудня—то потинъ мэшъ исты хлібъ, якъ зъ мэдомъ. Чботы замажашъ,—то обэтры и обчысть—и будуть новыи. Сокира выщэрбыцца, або поржавие,—то занэсы до ковалия—и будэ новая. Полэ якъ доорэшъ, то коло дороги обгоры—и будэ воно, якъ лисъ зъ краю. До роботы иди навпэршъ одо всихъ, то уси тоби муть даваты похвалёного, а имъ ты—имъ.. Отъ що тоби казавъ ивбочыкъ батько».

Допиро тильки догадався сынъ, якій то хлібъ зъ мэдомъ и уся батьково наука. Послухавъ дядька и за килька лить ставъ першымъ богачомъ.

3. Розбійныкъ видъ иблынёю.

... Отъ якъ то колысь діялося на свиты. Бувъ соби якійсь чоловикъ, а жинка ёго була пры надії. Понхавъ винъ въ дорогу далёкую и гэть въ чужій сторони въихавъ въ такую глыну, що ныякъ ёго кинъ нэ мигъ зтаптиль воза вытягчы. Дэсъ ввяявся и прышовъ тогды до ёго кульгавый чоловикъ. И говорыть винъ тому чоловиковы: «Подаруй мені тое що ты нэ видаешъ вдома, то я тоби вытягну воза зъ глыны».

Той чоловикъ шодумавъ соби: «що я нэ видаю? я все знаю, що къ менэ вдома»... А бму того и на винъ нэ було, що ёго жинка мае родыты сына. А потинъ винъ и кажэ кульгавому! «добрэ,—дарую тоби тое, що я вдома нэ знаю». Отъ и подаровавъ кульгавому, нэхотячи и незнаючи, свого сына. А кульгавый запысавъ его сына у себя.

Ирмыхавъ той чоловикъ до дому зъ далэкен дороги. Якъ побачывъ, що жинка породыла сына, то допиръ тильки догадався, що винъ подаровавъ и кому,—свого ридэгэго зына нэчыстому!.. И винъ въ таку тугу удався, що нэ радъ бувъ и жыты на свиты.

Черезъ пять лить oddаъ тога сына въ школы. Той сынъ учывся въ школахъ до двадцьяты лить, и вывчывся за ксёндза. Килька разъ прыніджевъ винъ до батька въ гости, покиль щэ учывся въ школахъ. Тилько якъ прынідэ до батька, то батько ныцъ до ёго нэ одзываецца. Еднога разу пытаецца винъ у батька:— «Чого вітэ, тату, такія смутныя и ныцы до менэ нэ говорытъ?»

А батько и одказуе ёму: «Такъ и такъ зо мною сталося... Я тэбэ, сывку, подаровавъ нэчыстому, якъ—но тебе маты порадыла. Винъ—той и запысавъ тэбэ въ пэкіи у свои запысы».

Алэжъ кажэ той сынъ:— «Нэ журитдся, тату! Я тны запысы достану отъ ёго, якъ менэ отъ хутко высвятаить за ксёндза»...

Нэбавомъ и посвятыли тога сына за духовнаго. И якъ ёго высвятыли, то винъ взяявъ свячоней воды, крошило и крыжа и пошовъ ажъ до пекла одбыраты свойъ запысы. Ида винъ, покиль можна було, дорогою, а потинъ нымшовъ въ таій гус-

ты листь, що й звироны трудно пролисты. Шэрэгэгнавь крыжомъ нэрэдъ собою, всячэнэю водою покропывь и лэхко пошовъ по лисы.

Иде, бачьть—стоить въ лисы хата. Вступивъ до хаты, а въ хаты сидьть тильки одна баба. И просыцца винъ въ тэй бабы на нинь. А баба кажэ:—«Нэ могу я тэбэ прыннаты, бо въ мэнэ синь розбийныкъ: винъ тэбэ зарижэ».—«Ни, бабую: Быть помылую усихъ насть.. Выкидай за пиччу дрова, то я тамъ лигу, а ты мэнэ дровами прыкрышъ».. Такъ и сталося.

Приходить синь розбийныкъ и кажэ матэры:—«Ф! ф!.. приси душа тутъ есть жкалась». Якъ стань по всей хаты ходиты и все роскидаы,—роскидавъ и дрова за пиччу. Дывыцца—а тымъ тильки оды чоботы лежать и въ ихъ ноги—тильки, покиль духовна особа из свячона... Всявъ и накидавъ знова дрова за пиччу. Погимъ повеч·равъ и лигъ спаты.

Вставъ въ рано разбийныкъ и дывыцца. щд въ ёго хаты ксёндзъ сидьть. Допиро ставъ той разбийныкъ пытаты того ксёндза:—«Куды панъ-отэць такъ иде, що нэ обышовъ нашэн хаты?»—«До пэкла»—одказуе ксёндзъ—и разказавъ ему усэ съ поридку, якъ вово сталося. И отъ скильсь уялося сумлэнные у разбийныка: прыгнувъ винъ соби свои грыхи, и кажэ:—Жэбъ панъ отэць булы такъ ласкавы, зобачыли—кильки у пэклы мои чирхивъ запысано».—«Добре,—побачу».

Иде ксёндзъ далій и доходить до самого пэкла. Якъ побачылы ёго чоиты, такъ и позачынялы вси брамы у пэклы. Ставъ ксёндзъ коло пэршэн брамы, пхнувъ крыжомъ, покропывь свячоню водою—и вси брамы поодчынялися. Зайшовъ въ самэ пэклы. А тамъ висить на лавыюховы найстаршы чорть, Аицыхрысть.

Якъ ставъ той ксёндзъ ёго кропыты свячоню водою, ажъ ланьцукъ затрещивь—такъ вывся и вэрэцивъ Аицыхрысть.—«Давай мои запысы!»—«Въ мэнэ нэма!»—кажэ Аицыхрысть. Допиро почивъ кропыты кзёндзъ другого начыстого Люцишэра. И той кажэ такъ само: «въ мэнэ нэма!»—«А хто-жъ эзъ вась, ироклятыхъ, мае мои запысы?»— Кульгавый! Кульгавый!—обадва разомъ кажутъ найстаршы чорты.

Дэсъ знывидкъльсь выскочивъ и Кульгавый.—«На, бэры твои запысы—тильки из кропы хочь мэнэ!» И кинувъ ёму запыску. А ксёндзъ, вявши запысы свои, щэ пытае: «А кому эзъ вась належить той разбийныкъ?»—«Мэн»—кажэ Кульгавый—«грыху въ ёго бильша, якъ волися на голови!» Отъ ксёндзъ хтивъ ужа и Кульгавого покропывы, но той одскочивъ и кажэ: «бэры соби и разбийныка, а из кропы!» Ставъ выходиты ксёндзъ зъ пэкла, а мэнши чорты знову позачынялы вси брамы: хтилы духовного тутъ умучты. Еднакъ ксёндзъ знову пхнувъ крыжомъ въ пэршу браму и цильмы выйшовъ зъ пэкла.

Илучы навадъ зъ пэкла, вступивъ ксёндзъ до разбийныка.—«А що, доставь панъ-отэць свои запысы?»—«Доставь».—«А побачывь, кильки тамъ у мэнэ грыхивъ?»—«За разбий и крадижъ маешъ три вики въ пэклы гориты!.. Сиовыдайся, то вызволю тэбэ одъ Кульгавого».—«То высповыдайтэ мэнэ, панъ-отэць»,—и разбийныкъ упавъ ёму въ ноги.—«Возмы»—кажэ ксёндзъ—«тый кий, що позабывавъ есь чужы людэ и иды въ лись,—шукай тамъ того кия, що имъ—есть забывъ свого брата».—Той винъ тый кий и вынись ихъ въ лись. Шукавъ, шукавъ того кия, що забывъ брата, и знайшовъ. А той кий бувъ яблычный. Взявъ ксёндзъ того кия и вткнувъ ёго въ землю и кажэ разбийныковы: Вклякны—му тэбэ сповыдиты». Высповыдавши, потимъ кажэ: «Клячи коло того кия. Якъ той кий прымэцца, то я прииду и тогда тэбэ прычашу».

Пошовъ ксёндзъ до дому, а разбийныкъ, уклякнүвши, зостався коло кия. Чэрэзъ килька лить вже той всэндзъ и забувся, що винъ высповыдавъ разбийныка, а из прычаштынъ. Алэжъ такъ попало тому ксёндзовы знову ихаты чэрэзъ той лись. И такъ ёму въ лисы запахтили яблыка, що винъ тутъ застановылся на хвилью. А ихавъ той ксёндзъ зъ святымъ прычистёй до слабого. Застановылся, увийшовъ трохи далій въ лись и бачьть нэрэдъ собою взлыку густу яблыню. На юй яблыка, якъ зоры на небы горяять—такъ густо ихъ и таки уси хороши. Глянувъ пидь яблыню,—а тамъ клячить ва колинахъ старэнкый, сывэнкый дидъ. Навыколо обрисъ винъ травою, вилльёмъ и квяткамы. Отъ допиро ксёндзъ прыгнувъ соби того разбийныка. Нынъ винъ нэ одзывався до духовного, тильки руки зложивъ на-крыжъ на грудёхъ, якъ нэрэдъ прычись-

тёмы. Прыгнувъ соби ксёндзъ усё давнійшэ, доставъ святу Дару и допиро прычастыў таго розбійника. Потімъ поблагословыў ёго крыжомъ, а розбійнікъ розсыпався пад рокомъ...

4. Ворожбытка Хмелыха.

(Выль).

Вона такая ворожбытка, що на малы диты плачъ накідае. А якъ зхочэ, то можэ той плачъ и одойнаты. Якъ накіна плачъ на малое, то будэ вони плакаты день и начь, покіль до еи не прынесутъ. Якъ уже несуть до еи, то беруть зъ собою пивкварты горилки и прыкуску. Якъ бачыць Хмелыха вэлыкаго запола у бабы, то вже одразу вылазыть зъ-за печы и пытается:—«А чого віта, дыткі, прышлы?».

— «Ой, бабульку,—такъ и такъ наль зробылося. Вчора,—вже сонечко будо надъ заходомъ,—нашэ маленьке щось почало вэрэшты; ще й до сен поры вэрэшты. Можэ віта радоньку ёму яку далы?»

— «Ой, дыткіко,—дамъ, заразъ дамъ».

Берэ тую дыткыну, дмухае на голову, плюе чэрэзъ плячу-назадъ, лыже языкомъ лоба у малого и каже:—«Ой, моя дыткыно! Якій лобъ солоный,—булобъ унэрло, якъ-бы булы задавыны»...

Зара тая кобита—пивкварты горилки на стыль и прыкуску. Выпмы горилку, здзялі прыкуску и щэ тая кобита дае Хмелысі въ руку пышкомъ пиврубля. Допиро Хмелыха кажэ кобиты:—«Можэ въ вашумъ соли есть такія хлопцы, що до війська пайдуть сен осенны, то скажіце имъ, іхъ прыходзяць до іншэ: я ихъ вызволю зъ війська».

Прыходзіць кобита до дому. Дытка въ дорозы змучылося й заснудо: не плачэ ужэ!—«О, то добра ворожбытка! Пайду скажу хлопцамъ, іхъ ідуть». Сказала ёдному хлопцю. Той-же и пушоў до тэй Хмелыхі. Зайшовъ віта до еи, а вона каже:—«Чого ты, дыткіко, прыйшовъ?»—«Ай, бабульку,—такъ и такъ.. Я чувъ, що віта зъ війська ратуетъ».—«А такъ, моя дыткынонко... Вже я килькохъ одратовала.. усёму я даю радоньку.. А що ты прыміс для іншэ?» Хлопець выйшае и дае Хмелысі рубанку, пры тымъ щэ-зъ килька фунты сала, що взяў юнітачыць зъ бодні у матеры.

Зара взяла Хмелыха свячонага настільника, оддэрла одь ёго кусочкомъ и за іншую пошыла ёму торбочку.

— «Щобысь носыў на соби тую торбынку завжды. Прыдэшъ узавтра—дамъ тоби щэ зилья гля тэй мышынки».

Потімъ пошептала надъ хлопцемъ трохи, поплювала, дала напыткыся воды зъ свынчэй каложы и каже:—«Гляди, прыходь щэ завтра!» Щэ сонцэ не зходыло, а вже хлопець знову пушоў до ворожбыткі. На сёй разъ прынісъ бабы кварту горилки. Зновучки стала надъ хлопцемъ Хмелыха шэптаты. Шэптала и плювала занадто довго. Потімъ дала хлопцёві кіёчка зъ осовага дэрэва на тры канты обрізанаго, пэрэвізанаго едзабінага шиурочкомъ. Дала щэ разнага зилья и килька камэньцівъ. «На, усё тое въ торбочку васвяжы и носы зъ собою на грудёхъ. Не бійся—не возьмуть до війська!»

Прыйшовъ хлопець до дому. «А дэ ты бувъ,—хіба у партянэн богіні?—«А вакжэ!». Хлопець до остатніго дня надіявся на ворожбытку. Ставъ тягчы лёсы и акуратъ потратыў до війська. Прыйшовъ до дому на будынкі здоровы, зобачыў Хмелыху и плюнуў ій въ очы... А Хмелыха ворожбыткою для таго зосталася.

5. Мазурывъ сынъ.

Десь бувъ соби такій мазуръ, що мінъ вэльмы мудрого сына. Обадва вони булы католікі. Сынъ за вэльмімъ розумомъ щэ не разу не бувъ у костэлы. Отъ ёднаго

разу сынъ пытаещя у батька,—який то костэль? Батько каже, що высокій и чубатый. На другу вѣдмю сынъ каже:—«я тәнэръ пуйду до костэла».—«Но, то иды»—каже назуръ—«А чы видаешь, сынку, дѣ дорога до костэла?»—«Не, не знаю»—Но те иды—я теби покажу». Выйшли за сало. Показавъ ёму дорогу, и пошовъ ёго сынъ до костэла. Идэ, идэ и зайшовъ ажъ до витряного млына.—«Отожъ и костэль на буты», подумавъ мудрый сынъ. Ставъ винъ коло млына, дывыцца и слухае. А тамъ въ млыни стукотыть, лискотыть и гуда. Мудрый сынъ постоявъ, постоявъ коло млына, щось себи помужутывъ и пойшовъ до дому. Приходыть, и пытае ёго батько:—«Бачивъ костэль»—«Бачивъ».—«Но що жъ ты та чувъ?»—«А чувъ, якъ старый божыско каже: гу-гу-гу-гу!... А вси святыи: ля-та-та! ля-та-та!... ля-та-та!...

6. Гонты.

Идэ мужыкъ зъ лиса и везе гонты. Противъ ёго идэ панъ и пытае:—Чловеку зъ кондъ ты? А ему мужыкъ каже:—«Водай,—тажъ везу гонты!»—«Але зъ кондъ ты? — «Тажъ гонты!! Развордывся панъ: — «Ты хлонъ глупи! А мужыкъ на то: «Тажъ мы обое вкупы»... (Виѣстѣ).

7. Цыгань-косарь.

Едёнъ господаръ найнивъ робитыка косыти за два золотыхъ. А той наѣмчыкъ бувъ цыгань. Косыть цыгань, косыть, а всѣ поглядае до дому: чы господыня имъ наесе полуднити. Вжэ сонцэ добре съ полудня скотылоси, ажъ ида нарэшты хозяїка съ полудніемъ. Клычэ вона цыгана до мыски. Цыганъ прибигъ, наївся, и щэ трохи всталоси того полудня. Хозяїка була скучая и каже цыгановы: — «То вжэ, дядьку, разомъ и повечэрайте». Цыганъ здивъ рәшту полудня и повечэравъ. Хозяїка пошла до дому, а цыганъ лягъ спати. Вечоры пытаещя чоловикъ цыгана: «Що ты по полудню скосыль?» А цыганъ одказуе: «Щомъ по вечоры роблять? — спати. Я пополудніемъ и повечэравъ разомъ, а затымъ лягъ спати.

8. Камэнъ и лыка.

Було себи два браты,—одёнъ богатый, а другій убогій. Такъ одъ того богатого до убогого ходыла доля одгоровати поля. Отъ убогій разъ зробивъ на еи засядку и злапавъ еи въ ночи. Злапавъ и пытае:—«Що ты за една?» А вона каже:—«Я твого брата доля, прышила ораты ёму поля».—«А де-жъ мой доля?»—пытаещя той бидный.—«А вона»—каже—«тамъ можы панамы въ карты грае».—«А завѣды-жъ мэнэ, дѣ вона с». Заводыть. А вона, правда, що въ карты грае.. — «Хмъ... — каже бидный— «са чомъ ты не идэшъ такъ мэні поля «ораты, якъ у моего брата орэцьця?» Бго доля одказуе:—«Хурмануй, то я тоби буду допомогати!»...

Допиро убогій продавъ свое хадзяйство и купывъ себи коніска сякого-такого и якого-лэнъ воза. Посадыть свою долю въ визъ и пущавъ. Идэ, идэ, — бачыть, що попэрэду ёго панъ шисьцёма кінныи жэнэнця.

Отъ тому пановы стало за-встыдъ, що за имъ скризь идэ мужыкъ быля якімъ пововомъ и нылкъ ззалу одъ ёго изъ одчэпцыця. Той панъ розсэрдывся, злизъ во свэи брыки и вкотыль мужыковы камыня на визъ, щобъ винъ вольній ихавъ. А доля каже убогому:—«Маешъ каменя, —тәнэръ идь въ лисъ и надэры дубовыхъ лыкъ — въ того збогатиешъ». Такъ и здробивъ убогій, а починъ поихавъ на ярмарокъ продавати того каменя и тыхъ лыкъ. Въ дорозы каменъ ставъ срибломъ, а лыка—сыровцемъ.

Бувъ на тимъ ярмарцы и той самыи панъ. Бачыть винъ, що мужыкъ продаве срибло и сырэвцъ, то прышовъ тое куповати. Торгуе, торгуе,—нэ можы купыты. а

той убогий кажэ: — «Дай пань, мени свою брычку зъ киньмы, то я тоби отдать усё, що маю на возовы». Добра, — згодылъся. Отъ той чоловикъ зо сваю долэю сивъ на брычку и поихавъ. Вже бильшъ ёго пань изъ бачмы.

Той пань прывізъ срибло и сыроецъ до сэбэ до дому. Вдома давай пэрэдъ жинкою хвалытися тымъ, що мае кусыще срибла и сыроецъ. — «Покажыжъ мак» — кажэ жинка — пани. А пань кажэ: — «Утромъ я тоби покажу». На другій дэнъ прыходить до шыхира пань зъ панею. А тамъ лежать — камень и лыка.

9. Максымъ зъ Малорыты.

(Шутка).

Йдэ чоловикъ чэрэзъ мистечко. По ліненю зваты ёго Клымъ. Иде другій назустрять, знамый Максымъ зъ Малорыты. — Якъ ся маешъ, Максымъ зъ Малорыты! Дай-но покурыты, то будюмъ говорыты! — «А, якъ ся маєтъ Клымъ! Дай ще ёдного, то насть три ма!» — «Гэ! Дурный ты гдю! Поговорымо й двое». — Сиды, — покурыты, що маки — поговорыты. И пойшли: до дому — Клымъ, до Малорыты — Максымъ.

10. Дурный Иванъ.

(Золотая рыбка).

... «А й въ насть знаютъ казку о дурниль Иваньковы, тильки що нэ ёъ книги вона, а чувъ я еи одъ риднен бабули. А моій бабули ровскавала тую казку що еи бабуда...»

Вудо въ батька, а якого — то нэ видомо, — трои сыны, двое розумныхъ, якъ каждый зъ насть, а трэйтій дурный Иванко. Едного разу двое розумныхъ братицъ поихали на килька дэнъ на ярморокъ. Дурному-жъ казалы: — «Ты будь вдома и слухайся, що тоби скажутъ — тое й робы. За добрый поридокъ вдома купымо тоби чэрвоного капитана». Отъ и поихали вона на ярморокъ.

Зара молодая братыха кажэ Иваньковы: — «Пуйды но ты, прынэсы воды!» Той и пуйшовъ по воду. А дурному, знаеста, завждый счисьте! Пуйшовъ, зачэрпнувъ воды и злапавъ золотую рыбку. Чомъ вона дурному досталася — того ныхто нэ ростолкуе. Отъ стала тая рыбка просыты дурни: — «Однусты мэнэ, Иванку, навадъ! Я тоби потымъ стануся въ великой прыгоды». А винъ гукнувъ на еи: — «А въ якій ты маки становішся прыгоды?» — «А въ якій ты хочъ?» Дурэнь трохи помыслыў, зганувъ, що видрами тешко волу носыты и кажэ: — «Я хочу, щобъ видра самы ўшли до дому». Рыбка кажэ: — «Якъ чого схочъ, то такъ завждый кажы: «зъ рыбчынен грязьбы, въ маки присыбы нехъ буде такъ!» Дурный такъ сказавъ, и видра самы пушшли до дому.

Допіръ Иванко шляпнувъ золотую рыбку назадъ въ воду: ма-бути повірывъ, що вона всё зможэ. — «Плытай соби на здоровье» — кажэ — «о-но гляды же сповіний, що я схочу!» — «Будь пэвны!» одказала ёму рыбка вже зъ воды, высунувши голову

На другій дэнъ выражаютъ дурня хатыни бабы въ лисъ по дрова.

— «О-но хучій прывозъ!» кажутъ. Добра. Ивашко взявъ санки, поодчэплювавъ одъ вхъ голобли, уткнувъ дэсъ сэкиру и гикнувъ: — «Этъ моі прызыбы зъ рыбчынен грязьбы — идзтэ санки самэнкі!» Сивъ самъ, якъ попало и вдухъ — въ лисы! А тамъ зновучки той самый прыказъ оддавъ: ёму и дрова нарубалыся самы *и* накладыся тажежъ, и санки поихали до дому самы, якъ и впэршъ. Алэжъ Иваньковы треба було назадъ зъ дровамы ихаты чэрэзъ мистечко, да було инігго люды на рыику. Дурному, видомо, всюды дорога. Такъ Иванко мы кирававъ сваи хвары мы вираво, мы вливо — гэты гнався на прощкі! А гля того дуже шматъ люды покаличывъ, якъ то въ товці. Всі въ мисты дывовадыся, що то за прыцудэны санки, що самы безъ коня

идут, дрова и якогось парубка везут? Хтилы злапаты, застановыты, но Иванко замкъ съ хвирю, якъ смыня.

На другой потімъ злучаю дэнъ прымы зъ того миста люде до Иванка. Знайшли ёго хату, заходить туды. Упзнали, що то той самий. А дурэнъ на печи сидить и смынецца. Пытаюцца ёго, чы то ты той, що людэ давывъ хвирю дровъ? А винъ каже:—«не!» —А воны на ёго стали—всякъ. Иванко ровозлывся.—«Зъ моен призъбы, зъ рыбчынэи грязьбы—гомы ихъ коцбаба зъ хаты...» Якъ стала коцбаба тыгъ люды лупты—быты,—геть уси воны и постыкали зъ хаты, хто дверныя, хто окнами.

Пүйшли тыны мисьцьки люды назадъ до миста и тамъ написалы на Иванка жалобу до самого Цара. «Що такій—оть тутъка находыцца чоловікъ, що ныхто до ёго не може прыступыты, бо вигъ усікі чуда знае». Царь отпрысавъ: «Накупите мышокъ цукерківъ, то до ёго прыступыте и домэ изъ его прывозите». Воны накупылы и занеслы дурнёбы. Дурэнъ взяў цукерки и дався говорыты. «Идь до Цара» кажутъ. Я безъ печи изъ походу выкүды!» Що зъ дурнёбъ робыты? Написалы звону до Цара, чы можна Иванковы до ёго ихать на печи. Царь одпрысавъ, що можна. Иванко, жучы цукерки, зновъ гукнуў той самий прыказъ, що ему рыбка казала и поехавъ на печи до Цара. А за Иванкомъ йшла тьна народу. Всі люды по дорозы выходылы и дыво-вались.—«Що то за чоловікъ, що на печи иде?» —«А то дурній Иванко» —кажутъ, що вже его бачыли.

Захавъ Иванко до Цара. Царь выйшовъ до его на ганокъ. «А добре, що ты прыехавъ»—каже «иды-но зо мною до поконівъ»—«Нэ, я самъ бэзъ печи не пойду!» Царь гукнуў на дурня, налякавъ ёго,—а дурэнъ свое такі:—«Я на печи въиду до тебя! А мы хочъ, то оть якъ—бать, заразъ утыку!» Отъ и Царь нэ мінъ що пора-дышы зъ дурнёбъ! Хтачы, чы не, поодчынивъ Царь усе дверы въ сэбе—и дурэнъ въихавъ зъ пиччу до царськихъ поконівъ. Добра тамъ буда для Иванка гостына, хочъ винъ и не злазывъ зъ печи! Ему усе подавалы на пичъ, а набильшъ царськихъ цу-керківъ. Кильки винъ тамъ ихъ пэрэнъ, то на тэй и рахубы и будо!—Царова дочка буда зъ ими разомъ. Щось вона сподобала того Иванка. Сподобала и каже батьковы: «Жыны мене зъ Иванкомъ». А Царь за тое взльши на еи розгнявався Вона и вскочыла до Иванка на пичъ. И ныхто вже не мігъ еи зтамгиль здойніти. Нэ изъ чого робыты,—мусыў ихъ Царь пошлибоваты. Якъ побралися воны обое, то пичъ Иванкова дэсь зныкла...

Допіро сказавъ Царь вробыты вэлыку бочку, и икъ еи зробылы, то самъ Царь упхнуў туды въ бочку Иванка зъ дочкою. Потімъ сказавъ: Возьміте ихъ зъ бочкою и кіньтэ въ морэ». Бочку взялы, заднылы и пустылы въ морэ.

Три роки блукалы по моры въ бочцы Иванко зъ жинкою. Потімъ прыбылымъ до берэга. Тутъ Иванко знову сказавъ такъ, якъ рыбка навчыла: «Бочка розсыпіся!» Бочка пукла,—и воны обои выйшли на зэмлю, дэ нэ було ныякіхъ люды, тильки гожэ будо, якъ у раи. Знову Иванко гукнуў:—«Стався пукій!» И пукій одразу поста-вывся, щэ хоришиштій, якъ у Цара. Нэ було тамъ тилько жадныхъ прыслугачівъ. Въ тимъ цукёбы и стали жыты Иванко зъ жинкою, царевкею дочкою. Звиры и птахи носылы имъ исти й пыты, а пчолы робылы имъ зъ меду цукерки...

Я тамъ бувъ, мідъ я выно пыть, цукерки ивъ и зъ Иванкомъ говорыть. Тильки якъ пхнуў винъ мене, то я зарывъ зэмлю носомъ и ударыўся головою въ ялэць,—оть тій казцы конецъ...

11. Лісъ и полэ.

Хочэты знаты, для чого то часомъ бувае такъ на зэмли, що зъ того боку сэла — лісъ, а зъ си-того—полэ? Такъ и въ настъ: тутъ вэлыкій лісъ, а тутъ широкое полэ. Асталоси воне такъ отъ для чого.

Бувъ колись, вэлымы давно, дэсы на світы хлопець-сырота. Нэ будо въ ёго ны батька, ны матэра. Такъ винъ пүйшовъ далій въ світы за службою. Ходывъ, ходывъ, тильки выгдэ нэ найшовъ добрэн службы. Прыходыть назадъ до свого села и вступае

до ридынгё дядька до хаты. Тамъ и каже дядьковы:—«Прыймите мэнэ на службу». Дядько кажэ:—«Колы мэнэ нэ трэба слуги». Той хлопэц знову каже:—«Прыймите, будьте ласкавы, — буду вань служыты цилый рикъ за тры гроши».—«Но то добро—служы». Прислужывъ той сырота у дядьки цилый рикъ, взявъ за службу тры гроши и знову пушовъ далій въ світь. Такъ само поблукався якій часъ по чужыхъ людехъ, службы и знайшовъ въ віять варнувшись до дядька. На сей разъ дядько прыйнявъ ёго до сэбё ва службу за сімъ гроши въ рикъ.

Прислужывши дядьковы два роки и взявши одъ ёго за тде дэсять гроши, хлопэц знову пушовъ въ дорогу. Идэ, идэ и прыйшовъ винъ надъ ривъ. Ставъ тамъ надъ ровомъ и каже самъ до сэбэ:—«Якъ я вірно служывъ, то моя дэсятка сплыла на вэрхъ воды». Сказавъ такъ и кинувъ свою дэсятку въ воду, а вона и вправды сплыла! Взявъ хлопэц зъ воды свои правдыны гроши и пушовъ далій. Ишовъ, ишовъ и зайшовъ до якогось міста на ярмарокъ. А тамъ прывізъ чоловікъ такъ само бідны, котыка продаваты. Ставъ той хлопэц пытаты ёго: «Цы то вашъ котыкъ?»—«Муй!».—«Продайти міни его».—«Күши».—«Шо хочаго?»—«Дэсятку».—«Ну, то ватэ вань гроши». Добра, сторговалися обое.

Взявъ хлопэц того котыка и знову пушовъ трэтий разъ до дядька просытися на службу. А дядько кажэ—«Тэбэ едного то озыму на службу, а зъ котомъ нэ хочу. Винъ мэнэ всэ сало и молоко попсысь».—«Не дядьку,—я ёго міу самъ кормыты, а вашого исты винъ нэ мэр». Якъ мэнэ дармо рикъ служыты то прыйму до сэбё вась быдва»—«Но, то добро: я міу вань дармо служыты».

Зостався хлопэц у дядька ва трэтий рикъ въ службы. Алэжъ идэ той дядько разъ ва ярмарокъ. Наклавъ повну хвиру усилиякого добра и пытасця въ хлопця небы-то на смихъ:—«А можэ и ты що подася на ярмарокъ продаваты? А хлопэц одказуе:—«Ну, то возьмите моего котыка и продайте за що-лэнъ». Той дядько взяль котыка и пойхавъ на ярмарокъ. Тамъ у міста чуе винъ, що въ другумъ царствы такъ прымудрого Салимова обляглы мыши, що нэ можна рады даты. Слуги ёго стоять коло шпыхиривъ зъ мітлами и то нэ могутъ одогнать.

«Або-жъ нэма тамъ котывъ?»—пытаецца дядько.—«А хиба, що нэма»—отказують ёму Заразъ той дядько догадався, що тамъ у прымудрого Салимона можна добрый гришъ вялти за того котыка Продавъ дядько ва ярмарци свои пожитки, въза одославъ до дому зъ знаймыми людьми, а самъ попавъ зъ котомъ до прымудрого Салимона.

Якъ винъ туды занхавъ, нэвидомо, хиба що кораблёмъ, тилько що за кілька дёнъ зобачыў винъ самого прымудрого Салимона.—«Чы правда»—пытае у ёго дядько—«що у вась с мінго мыши?»—«О! мінго, мінго»—каже Салимонъ.—Якъ одратуешъ мэнэ одъ тыхъ звірятківъ, то дамъ тобы пувбочалокъ злота».—«Дядько мі и пуказуе ёму того котыка»—О-той звіркъ выратуе вась одъ усіхъ мыши—«каже дядько».—А ну-но покажы, якъ винъ із ратовать?» Зайшли до шпыхиривъ, а тамъ повно мыши, якъ лятомъ мухы! И высоко на полыцахъ и ныско на подлозы и на стінахъ... И нэ бояцца ныкого!.. Якъ пусынъ дядько котыка у шпыхиръ, якъ ставъ той котыкъ мыши душиты, то гэты мало що жывыхъ и зосталося. А затымъ речта мыши зыкла и більшъ ихъ нэ было видно...

Доставъ дядько за котыка барылочко злота одъ Салимона, прыйшовъ до свого царства и въ дорозы думае:—«Цы я ёму (хлопцёвы) oddамъ тое злото цы міни?» Якъ подумае що нэ oddамъ, то зара станэ той дядько вэміть и глухімъ, а для того багатымъ, бо пры ёму злото. Якъ подумае, що oddамъ—зновъ станэ говорыты, тильки чуецца вельми біднымъ, бо тра злото oddаты...

Нарошты намыслыўся ва тымъ, що тра злото хлопцёвы oddаты. Прывізъ тымъ гроши ва чужій фурманцы до дому въ каже хлопцевы:—«Іды тамъ ва возовы ложыть барылко злота за твого котыка... Якъ я маю вэміты за твои гроши, то ліпшъ бэры ихъ собі». Той хлопэц пушовъ до воза, взявъ тое барылко зъ грышы и пушовъ на сэло до стельмаха. Зайшовъ и прогыть ёго:—«Зробітэ міни возыкъ». Той стельмахъ пытасця:—«на що?» Хлопэц по поридку въ разсказавъ усю. Мовъ, ташке барылко,—нэ могу ёго познайсты, а мушу на возыкы возыты. Зробыў стельмахъ во-

зыка, доставъ за тое чэрвинца, вкотывъ барылко на возыкъ, добре ёго приладывъ и повизъ хлопецъ тое злoto въ дорогу...

Вээз винъ тыи гроши по дорозы и самъ соби иэ знае, дэ и нащо винъ ихъ вээр. Алэжъ на зусгрыть ёму вызуть людэ мышокъ того пахущого, що то въ кадаль-ницию ксёнды видають. Хлопецъ кажэ:—«Продайтэ мни тоэ, що витэ вээрэ». Тыи одоказають:—«Но, то купы». Хлопэцъ одразу и отдавъ имъ цилэ барылко злota за тое пахущэ. Знову людэ пытаюцца:—«Дэжъ тебы тое ссыпать?» А винъ кажэ:—«одэ, пудъ корчомъ ссыпте». Тыи взялы и ссыпали ёму его добро пудъ корчомъ. Допиро той хлопецъ выкresавъ огню и западывъ тое пахущэ усё одразу. Воно покиль горило и досягало ажъ до нэба, то хлопецъ тымъ часомъ заснувъ коло огню. И гэть на усёй свитъ пуйшонъ такій запахъ, що вси людэ дывовалися. Снить хлопецъ коло того огню килька годынъ, ажъ-та слухае, що хтось ёму въ голови драпае. Винъ прочикувся и дывычця—а то —ганёлъ...

Отъ дупирь ганёль кажэ ёму:—«Идимо на тэ мисцэ, дэ була твоя батьковщина». Пуйши воны въ тое самое сэло, дэ хлопецъ родився и служивъ у дядька. На таймъ мисцю, дэ була его батьковщина, росла тилько една кроныва; ишь иэ восталося. Зайшли. Зара ганёль взявъ свого кіл и пэрхэрстывъ его батьковщину — отъ того зробився на таймъ мисцю вэлыкій пукій, якого людэ ща ныколы иэ бачылы.—«Що то такое?»—дывовалися людэ: «бувъ тутъ чистый пляцъ, а допиро отъ яке дыво!» А ганёль имъ кажэ:—«То надгордна сыроти за тое що винъ вирно служивъ и прав-дыво жививъ на свиты».

Того кія ганёль зоставивъ хлопцёвы.—«На тоби ёго»—кажэ—«що тилько зхочь—усэ тымъ кіемъ зробыши». Почулы о тымъ кіёвы и хлопцевы уси людэ и паны и стали до сыроты зыходытъся. Навпэршь прышовъ панъ, що въ его мийго було поля, а иэ було лиса. Винъ хотивъ щобы и лисъ бувъ и щобъ полэ було. Сырота хлопецъ пуйшовъ до пана, махнувъ тамъ по одёй бікъ кіемъ—и зробився густый лисъ.. Потыль прыйшли до ёго людэ зъ вэлыкихъ лысівъ стали просыты, щобы у ихъ було бильшъ поля. И тамъ хлопецъ махнувъ килька разъ кіемъ и стало зъ того боку полэ а зъ того—лисъ.

Потимъ хлопецъ пуйшовъ скризъ свитомъ, щобъ помогати людюмъ, въ чимъ трэба. И дэ тильки бачывъ, що мало лиса, заразъ тамъ махавъ кіемъ въ одну сто-рону—и становылося навпиль поля и лиса. А дэ бачывъ що мало поля, робывъ такъ, що бувъ лисъ, було п полэ.

И тэпэрь той хлопецъ-сырота щэ ходить по свиты въ далёкихъ сторонахъ. А ёго пукій стоніть такъ, що ёго выкому иэ выдно.

12. Попивъ слуга.

(Шутка).

Якъ я служывъ у попа, то я рубавъ разъ дрова. Якъ ударыла мэнэ драга въ колину, то я покинувъ полину и ляжівъ тры роки на обыдва боки. Ныхто мни исты изъ да-ваю. Тайльки разъ прылытивъ комарь и принесъ мни молока добрый збанъ. Потомъ прылытила муха и прынесла хлиба пувъ укруха. Якъ иэ прылытила гуса, якъ злі-нала мэнэ за волоса, то потягнула мэнэ ажъ піць нэбэса. А тамъ підъ нэбесамы стоніть цэркувка, палюхамы побыта, солоныкою покрыта. А въ тай цэркувцы трое све-тычко. Першо светычко: Савки Балавки,—що скакавъ чоловикъ зъ жинкою киля-ланки. Друге светычко: Дэниса,—що чоловикъ зъ жинкою розышлыся. Трэте: Ма-кагона що пуйшила вода зъ пэрэгона и затопила попініть лугъ.

Дивчынонка чорноброва поіхала въ лісъ по дрова чорнимъ водомъ, рабымъ быкомъ,—привязала хвіру лыкомъ.

Сыдить баба на прыпичку, варить кашу зъ молокомъ. Сама сэбэ разсэрдыла—трахъ въ коліно кулакомъ!

Ой пуйду я въ гай зелёный, вырубаю кій дубовый, буду мужа вчыта-быты, кобъ из ходывъ до корчмы пыты. Была мужа, была—вчыла, до берозы прычышла, дала ему борщу исты, зъ цыбулькою-татаркою, жэбъ стоявъ сімъ дёнъ пудъ лавкою. Стоявъ вигъ пудъ лавкою, покиль зарисъ муравкою.

Vасілій Остапчукъ.

ОТДЕЛЪ III.

Критика и библиографія.

Sarat Chandra Das. Journey to Lhasa and Central Tibet. Edited by the Hon. W. W. Rockchill. London 1902. Стр. X+285. Рисунки и карты. Издание Royal Geographical Society.

Въ послѣднее время интересъ къ изученію Тибета особенно усилился, съ одной, чисто географической стороны, такъ какъ Тибетъ еще далеко не достаточно изслѣдованъ, и карты его еще не удовлетворительны, а съ другой, онъ възбуждаетъ вниманіе какъ върхний хранитель индійской буддійской мудрости и искусства.

Какъ известно, Хласа послѣ Гюка и Габа остается закрытой для европейскихъ путешественниковъ, несмотря на всѣ попытки русскихъ, англичанъ и другихъ проникнуть въ столицу Далай-Ламы. Не удалось это даже Рокчиллю, несмотря на его превосходное знаніе Тибета и тибетскаго языка. Тѣмъ драгоцѣннѣе являлись свѣдѣнія о Хласѣ и центральномъ Тибетѣ путешественниковъ-азиатовъ съ европейской подготовкою. Среди нихъ, безспорно, первое мѣсто принадлежитъ Саратъ-Чандра-Дасу,ベンгальцу, на службѣ англо-индійского правительства. Родился онъ въ 1849 году и принадлежитъ къ кастье войдия — врачей. Образованіе получилъ въ Калькуттѣ. Первое свое путешествіе въ Тибетъ онъ совершилъ въ 1879 году и оставался около шести мѣсяцевъ Даши—Лумбо. Въ 1881 г. онъ отправился вторично въ Тибетъ, посѣтивъ на этотъ разъ и Хласу, и пробылъ въ Тибетѣ до конца 1882 года. Описанія этихъ путешествій, хотя и напечатанныя, до 1890 г. считались вполнѣ секретными. Теперь они, очевидно съ нѣкоторыми пропусками, изданы лучшимъ знатокомъ современного Тибета Рокчилля¹⁾, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ объяснительныхъ примѣчаній.

Разсказъ очень живой и интересный и вводить очень хорошо въ тибетскую жизнь, оттѣня въ каждомъ шагу недовѣріе тибетцевъ къ чужестранцамъ. Эти этнографическія замѣтки, впрочемъ, не систематическія, такъ какъ авторъ не преслѣдовалъ специально этнографическихъ цѣлей въ своемъ путешествіи. Цѣли эти были съ одной стороны, главнымъ образомъ, развѣдочныя, съ другой — литературнаго характера, многочисленныя работы Саратъ-Чандра-Даса по тибетско-буддійской литературѣ, помѣщенные въ различныхъ индійскихъ изданіяхъ, служить лучшимъ доказательствомъ того, какъ удачно онъ собиралъ научный материалъ.

1) Изъ многочисленныхъ и чрезвычайно цѣнныхъ его сочиненій здѣсь слѣдуетъ указать особенно на слѣдующія:

The Land of the Lamas. London. 1189.

Tibet. A geographical, Ethnographical und Historical Sketch, derived from Chinese sources. J. R. A. S. n. s. XXIII. 1—133. 185—291 (1891).

Diary of a Journey through Mongolia and Tibet in 1891 and 1892. Washington. (Smithsonian Institution) 1894.

Notes on the Ethnology of Tibet. Smithsonian Institution Reports. 1893 Washington. 1895.

Если несмотри на все обстоятельства, испытываешь некоторое разочарование, читая книгу Саратъ-Чандра-Даса, то книга лежит не на немъ, а на томъ исключительно положении, въ которомъ находится въ настоящее время всякий путешественникъ въ Тибетъ, если ему, затѣмъ, приходится печатать свои путевые впечатлія и наблюденія. Дѣло въ томъ, что онъ долженъ съ большой осторожностью взвѣсить предварительно, какія свѣдѣнія онъ можетъ печатать и какія нѣтъ, чтобы не рисковать подвести тѣхъ туземцевъ, которые оказали ему болѣе просвѣщенное содѣйствіе и были менѣе скучны на сообщенія. Свѣдѣнія о томъ, что говорится относительно Тибета, могутъ иногда попасть на мѣсто и особенно часто въ совершенно искаженномъ видѣ. Нахъ извѣстны случаи, когда содѣйствіе путешественнику искупалось впослѣдствіи туземцемъ дорогую цѣнно.

Эта осторожность сказалась въ весьма сильной мѣрѣ и на описаніяхъ Саратъ-Чандра-Даса и дѣлаетъ ихъ иногда чрезмѣрно краткими. Мы не выносимъ изъ книги цѣльного впечатлія ни относительно быта жителей, ни относительно духовенства, играющаго такую большую роль въ жизни Тибета. Если понятно первое, ибо автору сравнительно мало приходилось имѣть дѣло со свѣтскими людьми, то относительно второго приходится жалѣть, что авторъ не счелъ нужнымъ подѣлиться тѣми свѣдѣніями, которыхъ у него, несомнѣнно, были.

Первое путешествіе въ Тибетъ, совершенное europеецемъ, относится къ XIV вѣку; Тибетъ посѣтилъ въ первой половинѣ этого столѣтія францисканецъ Одерикъ, идя въ Китая. Слѣдующій за нимъ европеецъ былъ въ Тибетѣ лишь три столѣтія спустя. Это былъ іезуитъ Антоніо Аварадъ, его путь шелъ черезъ Индію. Далѣе, въ Тибетъ проникли опять католические миссионеры Грюберъ и Дорвиль. Дорвиль умеръ во время путешествія, но Грюберъ сообщилъ извѣстныя данныя о Тибетѣ извѣстному ученому Кирхеру, который, по его указаніямъ, помѣстилъ первое изображеніе дворца Далай-Ламы на горѣ Потала въ Хласѣ въ своемъ трудахъ *China illustrata*. Изображеніе это, какъ мы можемъ теперь убѣдиться при сравненіи съ фотографіями, чрезвычайно близко къ оригиналу.

Въ началѣ слѣдующаго, XVIII столѣтія мы находимъ въ Тибетѣ опять двухъ іезуитовъ Дезидеера и Сфрейра. Отъ первого сохранилось въ рукописи описание, которое будетъ издано Hakluyt Society. Въ тоже время въ Хласѣ уже жили капуцины, проникнувъ сюда изъ Пекина.

Въ 1723—1726 г. совершилъ путешествіе изъ Индіи въ Хласу, а оттуда въ Пекинъ, голландецъ Самуэль фанъ денъ-Путте.

Около 1760 г. капуцины были изгнаны изъ Хласы, гдѣ произошли около того времени крупные беспорядки, и съ тѣхъ поръ только два европеца посѣтили столицу Тибета—англичанинъ Манингъ, въ концѣ 1811 года, и французские миссионеры Гюль и Габз (1844—1846).

Съ того времени въ Хласѣ были только тибетскіе пандиты и наши буряты и калмыки, изъ послѣдніхъ одинъ База-бакши-хамбо составилъ описание своего путешествія, переведенное и изданное проф. Позднѣевымъ (Спб., 1897).

Материалъ по географіи и этнографіи Тибета накопилось много, но всѣ они крайне разбросаны¹⁾. Сводка ихъ крайне желательна, надо надѣяться, что она будетъ сдѣлана въ Россіи, гдѣ особенно въ послѣднее время такъ сильно возросъ научный интересъ къ великой буддійской странѣ, въ монастыряхъ которой хранится столько арагоцѣннѣшихъ остатковъ глубокой старинѣ религіозной, и въ горныхъ долинахъ и нагорьяхъ которой жили старые отцы и обычны, остатки глубокой старинѣ.

Сергій Ольденбургъ.

¹⁾ Хорошая сводка путешествій въ Тибетъ въ превосходномъ изданіи Clements R. Markham. *Narrative of the Mission of J. Boyle to Tibet and of the Journey of Th. Manning to Lhasa.* 2 Ed. London. 1879.

Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина, томъ XVIII.
Наученъ Отдѣлъ. София, 1901, стр. 818—190, съ 3 таблицами.

Наиболѣе цѣнныя работы болгарскихъ ученыхъ, появившіяся въ послѣднемъ томѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, падаютъ на долю археологіи доисторической (Г. Бончевъ, «Мегалитические памятники въ Сакаръ-Планина»), классической (Г. Кацаровъ, «Замѣтки объ античномъ Плавдивѣ», В. Добрускій, энграffические памятники и т. д.) и средне-вѣковой болгарской (В. Добрускій—Печати болгарскихъ царей XII—XIV вв.); исторіи старой и новой (Г. Баласчевъ, «Нови извѣстия за черковното вѣдомство на Бидинската и Софийската епархия прѣзъ прѣвѣтѣ години на тѣхното завладяване отъ турците», Е. Спространовъ.—«Матеріали для исторіи Рильскаго монастыря»), исторіи права (Г. Данаиловъ, «Единъ паметникъ на старото българско право»), иаконецъ, исторіи литературы (А. И. Соболевскій—«О епископѣ Константиѣ», М. Сперанскій—тексты апокрифическихъ завѣтовъ 12-ти патріарховъ, Д. Мариновъ—«іеромонахъ Йосифъ Врадатѣй»).

Среди работъ по исторіи болгарскаго языка и діалектологіи, на первомъ мѣстѣ стоитъ статья Л. Милетича «Членътъ въ бѣлгарския и въ руския единъ» (стр. 1—67), хорошо уже извѣстная по вѣтъ-школьнымъ рецензіямъ русскихъ славистовъ. Работа Милетича вызвала цѣлую работу проф. М. Г. Халанскааго «О членѣ въ русскомъ языке». (Извѣстія огд. русск. вѣ. слов. Акад. Наукъ, т. VI, кн. 3, стр. 127—169). Какъ извѣстно, болгарскій филологъ пришелъ къ выводу объ оригинальномъ, чисто-славянскомъ образованіи члена, въ возникновеніи котораго не могло имѣть мѣсто вліяніе языковъ. Что же касается старого мнѣнія Ф. Миклошича объ этимологическомъ происхожденіи члена въ болгарскомъ и русскомъ языкахъ, какъ остатокъ сложнаго склоненія существительныхъ вмѣстѣ съ постпозитивнымъ мѣстопомѣщеніемъ тѣ, и сравнительно позднемъ возникновеніи вообще членныхъ формъ въ разныхъ европейскихъ языкахъ, то Л. Милетичъ признаетъ эту теорію и въ согласіи болгаръ и русскихъ въ постпозиціи одинакового члена мѣстопомѣнія видитъ слѣдствіе близкаго соѣдѣства обоихъ народовъ въ пору доисторическую. До сихъ поръ связь русскаго и болгарскаго члена какъ-то не замѣчалась, и многие ученые готовы были видѣть въ болгарскомъ членѣ еракійскій элементъ, одинаково повліявшій и на языкъ румынскій. Но въ румынскомъ языке существуетъ еще препозитивный неопредѣленный по значенію членъ, свойственный многимъ романскимъ языкамъ, и это только и смущало предшественникъ въ Милетича говорить о вліяніи румынскаго языка на болгарскій. Думать же о заимствованіи румынъ у славянъ постпозиціи опредѣленного члена, намъ представляется, все таки невозможно, потому что вѣтъ-школько мелкихъ правилъ объ употребленіи румынского члена говорить только объ одинаковыхъ условіяхъ возникновенія этой нормы рѣчи и у румынъ и у болгаръ. Прежде всего румынскій членъ [шас. *l* (lu, Io), *le*, *lui*, *plur.* *i* (li), *lorg*, *fest*, *a*, *ei* (lei) *plur.* *le*, *lorg*] приставленъ былъ къ существительнымъ въ то время, когда они еще не потеряли финального *i* и когда группа *ea* не перешло еще въ простое *ia*; *omu-lu*, безъ члена *om*; *lucratoru-lu*, безъ члена *lucrator*; звательный падежъ: *omu-le*, *pumpe-le* и т. д. Отмѣтимъ еще, что имена личныя никогда не принимаютъ члена: *Iean*, *Vasile*, *Gheorge*; по фамиліи имѣютъ его: *Iancu*, *Radu*, *Băteanu* и т. д. Въ родит. и дательномъ при всѣхъ собственныхъ именахъ ставится членъ передъ именемъ: *lui Gheorghe*, *lui Radu*, *a li Dince*, *ei Tamar*, *ei Sara*, а въ старыхъ текстахъ находимъ такой же словопорядокъ и при именахъ нарицательныхъ: *a ei* кредитанъ *noastrе*—(общій принадлежный падежъ), въ то время какъ обычное употребленіе таково: *omu-lui*, *pumpe-lui*, *rárinte-lui*. Въ румынскій ученой литературѣ существуетъ вѣтъ-школьно мнѣніе относительно происхожденія члена (*Cipariu*, *Najdѣn*, *Lambriog*, *Ag. Deasus*, *Ianu*, *Nadejde*), и всѣ они склоняются въ вопросѣ о еракійскомъ происхожденіи его, что мы и должны въ концѣ концовъ принять. Но языку мы находимъ большую работу Б. Цоневъ «Уводъ въ исторіята на бѣлгарския езикъ» (стр. 357—425), где авторъ даетъ общую характеристику болгарскихъ говоровъ. Въ началѣ статьи Г. Цоневъ ставитъ вопросы: 1) какъ былъ болгарскій языкъ въ періодъ отдѣленія его отъ родственныхъ ему языковъ, 2) какъ онъ измѣнялся и развивался въ самостоятельной своей жизни, и 3) какъ современный языкъ, какъ результатъ всячаго

рода измѣненій. До сихъ поръ вышла только часть обширной работы Цонева по болгарской диалектологии. Раздѣление болгарскихъ говоровъ съ точки зрењія разнаго произношениј ъ, по мнѣнію автора, служить доказательствомъ единства болгарского языка со всѣми спорными говорами. Изъ его выводовъ приведемъ слѣдующіе: старо-болгарское ъ—а преизносится какъ е въ западномъ, ѿ—въ среднемъ и а-о въ восточномъ. Вторая группа наблюдений основана на исторіи звуковъ тѣ-дѣ; оказывается, что обще-болгарское варѣчіе даетъ щ—ж, съверо-западное—ч—дѣ и юго-западное—к—г. На стр. 407—409 г. Цоневъ приводитъ очень интересный списокъ словъ въ съверо-западномъ нарѣчіи съ ч, замѣняющемъ щѣ и дѣ вм. ждѣ.

Д. Мирчевъ напечаталъ нѣсколько замѣчаній о кукушко-воденскомъ говорѣ, замѣчательность тѣмъ, что онъ представляетъ вѣкотрыя особенности, свойственные исключительно нарѣчіямъ западныхъ (стр. 426—470).

С. Младеновъ помѣстилъ статью «къ вопросу о языкахъ и национальности населенія Нового Села въ видинскомъ округѣ» (стр. 471—506). Къ статьѣ приложены записи двухъ сказокъ и небольшой словарь. Собранный авторомъ матеріалъ вмѣстѣ съ многочисленными печатными свѣдѣніями даетъ выводъ, что въ основѣ этого говора лежитъ съверо-западное нарѣчіе наравнѣ съ говоромъ, который распространѣнъ въ Берковско-бѣлоградскомъ округѣ, при этомъ въ говорѣ Нового Села немало особенностей македонскихъ. Что же касается словаря, то значительная доля словъ падаетъ на долю сербскаго и румынского языковъ.

П. Панайотовъ продолжаетъ сообщать свои наблюденія надъ сливенскимъ говоромъ (стр. 507—523), и его статья служить прибавленіемъ къ тому, что раньше было помѣщено въ XVII томѣ Министерскаго Сборника.

Статья Е. Спространова о говорѣ города Охрида является продолженіемъ его прежнихъ статей по тому же вопросу.

Статьями по этнографии рассматриваемый томъ сборника не богатъ. Въ замѣткахъ къ сказкамъ, изданнымъ Шанкаревымъ въ «Сборникѣ отъ болгарски народни умотворенія», кн. VII—IX проф. Пражск. ун. Ю. Шоликовъ подыскиваетъ наиболѣе важныя параллели и комментаріи въ болгарскіи сказкамъ изъ извѣстныхъ собраній: W. Clouston, Popular Tales and Fiction, E. Cosquin, Contes populaires de Lorraine и давно появившихся. «Kleine Schriften» B. Kѣblerа, нѣкоторыхъ версій изъ «Архива» Ягича и Nародописnѣ Sbornik česko-slovanský. Намъ казалось бы, что славянскія сказки давно пора сводить къ типамъ классическихъ сказаний вродѣ Мелюзины, Дафны, Явона, Тезея, Гесперидъ, Андрамеды, Данай и т. д., чѣмъ такъ удачно сдѣмалъ для румынскихъ сказокъ G. Saineanu. «Basmele române în comparația cu legendele antice clasice». Вис. 1895.

Въ статьѣ А. Стонлова «молба за дѣждъ» (стр. 641—652) находимъ разрѣшеніе интереснаго вопроса: гдѣ и когда атрибуты Перуна были перенесены на Илью, который въ юго-восточной славянской поэзіи является повелителемъ надъ дождемъ. Авторъ знакомитъ читателя съ двумя обрядами, практикуемыми во время бездождія: болг. пеперудо. сербск. додола, хорв. ророгида рум. papaluga (болѣе правильно—pereguga; другія названія proșaie и шатаhala, греч. περπερια, περπερια и т. д.

Второй обычай носитъ название Германъ, Германго, который, какъ думаетъ авторъ нѣсколько напоминаетъ русскихъ Ярилу, Кострому и Марену и не имѣть ничего общаго съ греческимъ Янусомъ, какъ предполагалъ покойный П. Славѣйковъ.

Сообщ. А. И. Яцимирскій.

О Т Д Ъ Л Ъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Перепечатавъ въ предыдущемъ (II) выпускѣ (въ Смѣси) изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей 1902 (Сент. и Окт.) нѣсколько статеекъ объ общинномъ землевладѣніи, написанныхъ по поводу совѣщаній разныхъ уѣздныхъ комиссій о нуждахъ сельской промышленности, обращаемъ на нихъ вниманіе многоуважаемыхъ, близко стоящихъ къ народу, читателей и сотрудниковъ Живой Старины. Усердно просимъ ихъ сообщать намъ свои наблюденія объ общинахъ, ея порядкахъ и строѣ, передавать, возможно точно, понятія и мнѣнія крестьянъ о выгодахъ или невыгодахъ общиннаго землевладѣнія и о томъ, въ чёмъ эти выгоды или невыгоды заключаются, желаетъ ли наконецъ большинство крестьянъ извѣстной мѣстности упраздненія общины или ея сохраненія, или желаетъ лишь нѣкоторыхъ перемѣнъ, улучшений, и въ чёмъ онѣ, по ихъ мнѣнію, должны состоять. Общинный строй и укладъ жизни, будучи старою и почти отличительной особенностью великорусской отрасли русского народа, представляетъ очень важное этнографическое явленіе. Посвященная этнографіи Россіи, Живая Старина долгомъ считаетъ просигъ всѣхъ своихъ сотрудниковъ разныхъ великорусскихъ губерній и уѣздовъ не оставить ее безъ отвѣтовъ, разъясненій и всякаго рода подробностей, почерпнутыхъ изъ личныхъ наблюденій. Онѣ особенно важны въ данный моментъ, когда такое крупное и старое явленіе народной жизни подвергается самимъ противоположнымъ обсужденіямъ и толкамъ, когда вопросъ объ общинномъ землевладѣніи разбирается почти во всѣхъ углахъ великорусской области. Этнографамъ-наблюдателямъ представляется теперь много удобствъ для лучшаго опознанія разныхъ сторонъ и особенностей нашихъ общинныхъ порядковъ, различныхъ ихъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, видоизмѣненій.

Полученные нами два отвѣта явятся въ I вып. 1903 г.

О Т Д Ъ Л Ъ В.

С и Ъ с Ъ.

Глашатай добрыхъ началь въ сельской средѣ.

Что современная западно-русская деревня далеко не такова, какою она была хотя бы и за 50 лѣтъ назадъ, о томъ не можетъ быть въ рѣчи: ея подъемъ путемъ школьного и иного образованія, расширявшіяся сношенія съ культурными центрами, наконецъ, отхожее движение въ материальныхъ цѣляхъ или въ силу обязательствъ, какъ, напримѣръ, исполненіе воинской повинности, привлекло въ деревню тѣ, что даже гадательно не предвидѣли не только дѣды, но и отцы настоящихъ наследниковъ ея. Кто лично зналъ прежнюю, скажемъ, дереформенную западно-русскую деревню, знаетъ ее и теперь, тотъ не откажется засвидѣтельствовать, что по ней прошли насленія, или скрасившія ея давній видъ до веузнанаемости, или же видоизмѣнившія ея внутренній и виѣшній обликъ, въ которомъ видится подобіе, аналогичное подобію внука и сына съ дѣдомъ и отцомъ. Что именно изъ этихъ насленій придало деревнѣ положительные и отрицательные додатки, или что, тѣмъ болѣе, оказалось не желаннымъ прилипомъ къ ней—не входитъ въ содержаніе настоящей замѣтки: первыя очевидны, а вторыя . . . между прочимъ, вызываютъ мѣстный протестъ. Вѣдь далеко не тайна такія проявленія, какъ упадокъ семейного патріархата, родственные раздоры, неуваженіе къ чужой собственности, легко мысленное отношеніе къ стороннему положенію, введеніе въ обиходъ не свойственныхъ, ненужныхъ предметовъ роскоши, тщеславная погоня за мнимымъ лучшимъ и т. под. Опять же мы не беремъ на себя задачи разматривать этотъ протестъ, какъ онъ выражается въ приговорахъ мировыхъ и волостныхъ судовъ, въ решеніяхъ семейственной исосѣдской практики; мы позволимъ себѣ остановиться на не новомъ, правда, христіански-человѣчномъ протестѣ избранниковъ среди противъ того, съ чѣмъ не мирится среда, но съ чѣмъ она не въ состояніи бороться. И надо сказать, что выдающіяся голосъ такихъ избранниковъ не остается «гласомъ волющаго въ пустынѣ» и, если онъ не отрѣшаетъ окончательно отъ неумѣстныхъ прилиповъ, такъ неминуемо отрѣвляетъ тѣхъ, противъ кого направленъ, подшатывая проявленіе отрицательныхъ сторонъ мѣстной жизни.

Такимъ именно избранникомъ протестующей среды извѣстенъ въ довольно широкой окружности крестьянинъ Минской губерніи, Новогрудского уѣзда, села Лаврышова, Николай Морозикъ, здравствующій и по сей день. Средняго роста, лѣтъ подъ 50, съ едва зачинающеюся сѣдиною темно-русыхъ волосъ, съ добродушнымъ, нѣсколько задумчивымъ лицомъ, со степенною манерностью, такъ пріятно гармонирующею съ его общимъ органическимъ складомъ, Н. М. легко можетъ быть отличенъ даже въ многолюдной толпѣ, хотя онъ и не рвется къ показности, а скорѣе сторонится отъ нея. Земледѣлецъ по преемству, трудолюбивый по мѣрѣ силъ, трезвоникъ съ дѣтскихъ дней, онъ владѣетъ весьма благоустроеннымъ крестьянскимъ хозяйствомъ и въ окрестности

изъѣстенъ за человѣка, имѣющаго выше, чѣмъ средній достатокъ. Изъ послѣднаго Н. М. считается возможнымъ удѣлять тѣмъ изъ нуждающихся, кто впадъ во временнуу, но действительную нужду, и въ томъ случаѣ, какъ человѣкъ умный, не бросить вспоможенія зря. Зная это, измѣтавшися пропойцы, разоренные сутяжники и т. под. голяки по личной винѣ не прибѣгаютъ къ нему за помощью. Строго религіозный, съ православно-русскимъ проявленіемъ набожности, Н. М. паломничаетъ не въ предѣлахъ только родного уѣзда, но и въ сосѣднихъ даже смежныхъ губерній, избирая для этого дни храмовыхъ или иныхъ нарочитыхъ праздниковъ въ томъ или другомъ мѣстѣ, при чемъ, съ течениемъ времени, подобные праздники въ окрестности стали считаться какъ-будто нечестивыми, если почему-либо къ нимъ не подоспѣваетъ Н. М. Однако, его паломничество не носить и тѣни паломничества героя «Бродячей Руси»: оно не длится даже недѣлями, а ограничивается лишь днемъ хранового праздника, и куда бы ни направился въ такомъ случаѣ Н. М. онъ не прерываетъ любовной привязанности къ родной деревнѣ, своему дому и хозяйственнымъ дѣламъ. Послѣдній, помимо удовлетворенія религіознымъ потребностямъ, ищетъ въ паломничествѣ запаса впечатлѣній и материала для своей, народной апостолической дѣятельности. Быть можетъ, во время размѣренного движения паломника, какъ и въобще между дѣломъ, и слагаются тѣ волниующія мѣстные общества рѣчи, которыхъ Н. М. произносить сколько по личнымъ порывамъ, столько, въ особенности, по усердной просьбѣ всегда готовыхъ слушателей, потому что гдѣ бы ни остановился Н. М. тамъ скоро стоплится не кружокъ только знакомыхъ, а жаждущихъ послушать всегда новое, дѣльное слово своего излюбленнаго наставника.

Благодаря удачливой въможности, мы приводимъ ниже два образчика рѣчей Н. М. на дѣй разнѣй темы. Какъ увидѣть читатель, рѣчи нашего крестьянскаго дѣятеля, прежде всего, имѣютъ обличительный характеръ, а затѣмъ, какъ рѣчи деревенскаго самоучки, не отличаются литературною выправкою, довольно обильно пересыпаны сверхъ того, мѣстными провинциализмами, т. е. словами и речеми говора уѣзда въ губерніи. Между тѣмъ, рѣчи Н. М. старательно записываются окрестными грамотѣями, улавливаются памятью слушателей, при чемъ отдельныя мѣста рѣчей сдѣлались подмыши въ средѣ и окружности, точно народная мудрость, выражаемая въ притчахъ, пословицахъ въ поговоркахъ. Какое же дѣствие производятъ популярныя рѣчи и слова Н. М.?

Прежде всего необходимо отмѣтить, что Н. М. говоритъ вполнѣ искренно, безъ предвзятыхъ намѣреній оскорбить кого-нибудь лично, говорить убѣжденно, какъ человѣкъ опыта, какъ отецъ, кротко наставляющій дѣтей. Темами и предметами рѣчей служатъ ненормальная склоненія въ мѣстной средѣ и родномъ быту, и это путемъ звучнаго слова выводится наружу своимъ человѣкомъ, очевидно, не по злому побужденію, а по вдохновенному движенію доброй души наставника. Существенно и то, что и саная форма рѣчей Н. М. всегда стихотворная, столь излюбленная русскимъ народомъ, выливается безостановочно и звучнымъ стихосложеніемъ, такъ какъ Н. М. одинъ изъ тѣхъ «рѣчниковъ», у которыхъ, «что слово, то и стихъ».

Въ то же время слушатели рѣчей Н. М.—люди невзыскательные, и имъ не приходится разбираться въ недочетахъ стихосложенія. Достаточно того, что рѣчь вполнѣ понятна, отъ обыкновенныхъ рѣчей отличается выдающеюся стройностью, отъ сердца исходить и въ сердце же западаетъ.

Будучи человѣкомъ грамотнымъ, Н. М. предварительно записываетъ свои рѣчи, особенно большія по содержанію, и произносить ихъ при помощи тетрадки къ которой, однако, прибѣгасть относительно рѣдко; большинство же рѣчей имъ произносится экспромтомъ, визусть. Первая изъ ихъ рѣчей списана изъ сборника стихотвореній Н. М. а вторая позаимствована отъ одного изъ тѣхъ грамотѣевъ, которые, какъ стено-графы, записываютъ устныя рѣчи любимаго «рѣчника».

I.

«Рифма» о куреніи и нюханіи табаку ¹⁾.

Здесь будеть предложенъ вопросъ
По дѣлу трубокъ и папирошъ
И на этотъ же самый предметъ
Будеть данъ настоящій отвѣтъ.
Да, теперъ по городамъ и по деревнямъ
Идутъ такие вопросы въ распросы:
«Отчего всѣ поголовно курать трубки и папироши,
А у остальныхъ табака полны носы?
Такъ что иного носъ
Много на своемъ вѣку табаки понесъ!»...
Теперь табаконюханіе и табакокуреніе
Вошло въ обыкновеніе,
Такъ что вны чутъ-ли не голы и босы,
А однако вурять крѣпко папироши».
Да, куреніе соблазнъ опасный;
Но курцы счигаютъ его за обычай прекрасный.
Иной самъ бацька говорить: «на, мой сынокъ,
Пусти одинъ дымокъ, покончуй ²⁾», что за мядокъ!»
Ну, тызыкъ часомъ сынокъ люлькою забавляется,
Да мало-по-малу и курить пріучается,
Такъ-что еще бываетъ и неведній хлопакъ ³⁾,
А уже въ карманѣ носкѣ спички и табакъ.
Ну, и выростаетъ такой молодецъ,
Что много отдаеть денегъ ва тютюнечъ!...
Сколько иной тратить на покупку этого яду!
Лучше-бы за тѣ деньги выпилъ квасу и лимонаду!...
Да многіе врачи утверждаютъ,
Что курящіе на много лѣть себѣ жизнь уменьшаютъ
А опытными учителями наблюдается,
Что у курящихъ ученаковъ скоро умъ и память притупляется,
А у некурящихъ умъ и память скорѣй развивается.
Къ добруму дѣлу душа устремляется.
Да и я говорю всему вароду,
Что чрѣль сю страсть онъ портилъ свою природу:
Народъ сталъ слабый, хилый, блѣдный,
Позеленѣлъ, что твой пятакъ мѣдный.
Иной, чѣмъ дальше, тѣмъ хуже изнемогасть,
Потому что такъ курить привыкаеть,
Что не можетъ безъ тютюна жить—
И ротъ его, и языкъ надо нагорчить.
Табакъ и до сердца такъ крѣпко пристаетъ,
Что ишій ⁴⁾ и ночью курить встаетъ:
И сердѣ ночи запалить лучину или газу ⁵⁾,
Да п сидѣтъ ⁶⁾ гетую заразу,
И еще такъ буде крѣпко зубами лекотать,
Что ажъ на дварѣ буде чувать;
Иной такъ курить безъ конца—
Вотъ что значитъ привычка до тютюнца!
Иншая жинка дае выговоръ;
«Ишевъ-ба себѣ курить ва дварѣ,

А то ты уже тютюномъ смирдить
И господарства ⁷⁾ свою ие глядить.
Ты собѣ такую работу прибралъ,
Что своей люлькой только кишины ⁸⁾ порвалъ».
Да, правда, что съ курцомъ большія хлопоты:
Сколько въ году онъ тратить времени и работы!
Подъ ииший часть копну-ба съна накосиль,
Покуль торбу тютюну поскуриль;
Но курецъ къ тютюну такую мае охоту,
Что закуривать покидае и работу,
Такъ что идеть-ли за плугомъ или за носомъ,
А люльки всегда мае торчать подъ носомъ!
Давній старые люди при работѣ молитву говорили,
А потому, что меньше курили;
Теперь же коли ⁹⁾ онъ буде молитву творить,
Коли ему надо безпрестанно люльку курить?
Давній въ работѣ быть большія успѣхъ,
А теперь горить подъ носомъ огонь—чвстый смихъ!—
Що рта дымъ, якъ изъ комина ¹⁰⁾ валить,
А курецъ цыбукомъ ¹¹⁾, якъ рулеть, то въ той бокъ, то въ другой
верятъ!...
Каждуть жа, якіе батьки, такіе и сыны —
У всѣхъ вде изо рта дымъ, якъ изъ машинъ;
Гдѣ хлоццевъ сберется съ десата,
То ужъ дыму буде полна хата,
И ири томъ каждый думаетъ курецъ,
Что онъ лучше другихъ молодецъ...
Иншихъ курцовъ жонки страхъ не любить,
Что ихъ мужики въ цыбуки вѣчно трубить;
А покуль онъ огонь сяче—
И слонка изо рта тяче!..
Охъ, какая это безобраза—
Настоящая зараза!
Вотъ что значить привычка сердечна:
Курцу тютюнъ смихъ, якъ яечня! ¹²⁾.
Такъ-что, покушавъ яечни, тютюномъ закусить:
Пища была вкусная—курецъ смахъ потушить.
Ахъ, дорогой собрать! оставь этотъ непотребный ядъ:
Отвыкнешь курить—и самъ будешь радъ!
Курецъ скаже: «ой, какъ отвыкнуть трудно:
Якъ ни покуришь, такъ робится нудно!..» ¹³⁾.
Извѣстно, если всѣ вонтробы ¹⁴⁾ наполнены отравою,
То и трудно разойтись съ такою расправою...
У курца и нюхавца никогда карманъ не пустуетъ,
Такъ что одивъ другого и въ церкви табакомъ частуетъ;
Вышедши изъ церкви, вовлѣ церковной ограды,
Наши молокососы и закурить рады.
Трудно узнать: христіане-ли это, или татары?
Но ожидають ихъ инейзбѣжныя кары,
За то, что они не почитаютъ мѣсто святости,
И смахиваютъ губами горесть вмѣсто сладости!..
Посмотрите на евреевъ, когда они въ школу идутъ:
Они ничего подобнаго въ нарианъ не кладуть;
Каждый изъ нихъ, идучи на молитву, всѣ прихочти отбросить,
А нашъ братъ идетъ въ церковь—и одинъ у другого курить просить!..

За каждую утраченную на непотребу монету
Придется въ свое время подпасть строгому отвѣту!..
У современныхъ людей—курцарь и пьяница¹⁵⁾ карманы пусты,
Но зато корчмаръ и лавочникъ довольно тлусты¹⁶⁾
(Потому что ихъ «присутствія»¹⁷⁾ народомъ густы).
По праздникамъ лавки и кабаки всегда набиты,
А храмы Божіі и ногими совсѣмъ забыты:
Въ праздникъ иной хозяинъ закурить трубку, пойдеть на торжокъ,
Думаетъ: буде тамъ чарка водки и пирожокъ.
У многихъ гулякъ съ осени, что день, то пиво и пирожокъ,
А подъ весну—хлѣба нѣть—свищи въ кулачекъ
(Вотъ тебѣ и праздничный торжокъ!)
Найдется ли кто съ праздничныхъ дней въ будни торги перенести,
Чтобы въ православномъ народѣ темное пятно свести?
Въ храмахъ Господнихъ некому поставить свѣчи за двѣ копейки,
А въ корчмахъ виномъ да спиртомъ обливаются еврейскія скамейки...
Да, пора одуматься и время осмотрѣться:
Скоро наша жизнь съ лица земли сотрется;
Грядеть часъ и время приходить—
Каждый со своими страстями отсюда уходитъ:
И, если здѣсь жить безопасно,
Такъ тамъ будетъ страдать вѣчно;
Какое положилъ тутъ основаніе,
Такое сдавашь себѣ и зданіе...
Да, здѣсь заслуга, а тамъ уже плата;
Тутъ только свѣні, а тамъ—и хата!..
Здѣсь очень просто все сказано
И для примѣра много чего показано
Поэтому слушайте-вникайте
И, что возможно, исполняйте;
Хотя въ праздникъ до обѣдни оставьте пить и курить:
Все равно—и такъ можно жить!
Потомъ жалѣть будете много,
Что не слушали ни людей, ни Бога!..
Я вамъ чистую правду представилъ,
Хотя много въ сѣмѣніи видѣ составилъ:
Поэтому извините за обличеніе—
Все это сказано вамъ въ поученіе...¹⁸⁾

(«Рифма», какъ называлъ приведенную рѣчь самъ Н. М., самолично списана В. И. Тюльпановымъ 19 июля 1898 г., автору замѣтки любезно вручена 19 мая 1901 г. въ м. Молодечнѣ, Вилейской губ.).

II.

«Стихъ» о семейныхъ и сосѣдскихъ неладахъ¹⁹⁾.

Иные люди кажуть: «што это за лихо —
Нійдѣ нѣть тиха?!»²⁰⁾
Андраша кажеть: «што это за хвороба:
Въ одного кровь идеть зъ носа,
А въ другомъ зъ лоба?!»
Типерь такій свѣтъ повставъ,

Што одинъ другого до смерти
Кабъ приспѣвъ, дакъ-ба захвоставъ... ²¹⁾
Гиперъ между народомъ
Нѣть милости й пощады:
Всѣ, какъ говоритца,
«Чужой бидѣ рады»...
Однинъ плача, други скача—
Вотъ какая задача!
А на што намъ у чужихъ людей пытать,
Ныли ваши и свое умѣютъ морытать ²²⁾
Ище такъ крѣпко, што до охоты
Могутъ и другихъ скликать.
Хутъ буде луччи сваритца,
Но тутъ можно и побитца:
А типеръ битца и сваритца—
Ни вялакая штука:
Такъ одинъ въ другого и лыняютъ ²³⁾,
Якъ ни-быть изъ лѣка.
Ето, кажа, «якъ у нась,
Такъ и въ васъ, а всюды вислы квасъ,
Тольки ия кисла капуста:»
Влосна Хвистиа, капризна Юста ²⁴⁾.
Ни сладили языками —
Што день, бьютца кулаками
То въ плечи, то въ груди,
Ажъ смяютца уси люди,
А это ии ни пиршинѣ — ²⁵⁾
Обѣди гнутца, якъ былинѣ.
Съ тихомъ ни напраде починка: ²⁶⁾
Сваритца за мужемъ—сваритца й давчника.
Сваритца Питрунэля, сваритца Анэля ²⁷⁾,
Одна другій языккомъ мела,
Ни одна ни мовчить —
Каждая кричитъ.
Одна слово скажа,
А другая фигу ²⁸⁾ покажа,
Да еще такъ спритно ²⁹⁾ подъ нось,
Што ажъ синякъ узросъ.
Ну, это такая штука,
Што ни вялакая наука:
Батька маткѣ, а мать батьку фигу даетъ,
Такъ сынъ съ дочкой ни одну продаетъ.
Ето такая немудрая школа,
Што трудно обойти ее на-окдо!..
Теперь такихъ понаростало молодцовъ —
Такъ и гляди, штобъ не сдѣлали концовъ:
Тамъ стоять съ камнемъ, а тутъ съ кирпичомъ —
И мы отъ нихъ ви вгячомъ;
А тамъ, глядиши, скочить съ ножомъ
На каравули, все ровно, якъ съ мечомъ.
Одинъ разъ Змитруку ³⁰⁾
Одбили правую руку;
Въ други разъ Марку
Дали по окарку; ³¹⁾
А въ трети разъ Сумону ^{30a)}

Дали по польскому закону;
Четвертый разъ Гришка
Почестовали изъ-тишка;
Пятый разъ Микиту ³⁰⁶⁾ поймали—
Чуть на той свѣтъ ни загнали;
Шестой разъ и Сыдру ³⁰⁶⁾
Наклали, якъ господару;
Седьмой разъ постарались и для Янка, ³⁰⁷⁾
Бо зростъ лобъ, якъ копанка, ³²⁾
А восьмой разъ такъ дали Кондату,
Што насили унесли яго въ хату;
Девятый разъ попался Анастась—
И етакъ дѣлается во всѣхъ насы,—
Десятыймъ счетомъ получиль Лукашъ
Въ плечи такъ ловио ботомъ,
Што ночеваль подъ плотомъ; ³³⁾
Разбили за одиннадцатымъ числомъ
Рыболовцу голову весломъ,
А за дѣннадцатымъ разомъ
Получиль свое и Пахомъ...
Значить всѣмъ досталось вволю—
Всякій получиль свою долю!—
Кто-либо говорить: «только тихо съ женскимъ поломъ!»
Али, небось, шумять и жѣнки, якъ вода подъ коломъ... ³⁴⁾
Мужчины сварутца-дѣрутся,
А потому и за умъ бярутца:
Выпьютъ по чарцы-другой
Станутъ опять на ладъ свой—
Тымъ часомъ, якъ подопьютъ,
Такъ ия одного енова прибыть—
Никого рука не промахнетъ,
Иничаго добри-таки пхнетъ,
Бо пьяны на все отважны—
Ето знать изъ насы кажны:
Чего трезвый человѣкъ страшитца,
То можетъ съ пьянымъ случитца.
Гнусно ето!.. мы зашли въ другіе разборы;
Намъ треба разбирать и бабскіе споры.
Туть Катерина съ Грѣшкомъ
Сварутца тѣшомъ,
А тамъ Матѣй за Агату ³⁵⁾
Кричить на всю хату:
«Моя, кажи, Агата
Робить и за Кондрата».
А Кондрать говорить: «нѣ!
Въ томъ лучши за мою Ганулю,
Што выполола за день пыбулю...»
Даже старуха—Прузына ³⁶⁾
Дражить бытъ осина:
Со злости горшки и миски бѣть,
Што попадеть, тоя и рвѣть...
Почти каждая хата
Враждой-сварками занята;
Рѣдко годъ виѣствъ живутъ два брата,
Бо у одного добрая Юста

Любить поварить тлусто,
А у другого Агата—
Языкъ, якъ лопата;
Тамъ у нашей Азели
Языкъ добри мелить;
Тутъ тихая Павлина
Со злости красна, якъ калина;
Да и сама-жъ каже Маруся:
«Што день, то бьюся»;
А то ёсть такая Марцеля—³⁷⁾
Не пройдеть тихо ни обедь, ни вчера!..
Лучше жить со львомъ, со змѣю,
Чѣмъ со сварливой и злой женой!.. ³⁸⁾

(«Стихъ» списанъ съ устной передачи слушателей рѣчей Н. М., по порученію автора замѣтки, 20 апр. 1902 г., въ дер. Вербицахъ, Нечневичской вол., Минской губ., Новогрудского уѣзда, б. воспит. Молодечненской учит. семинарии, Мих. Семенов. Жарскимъ).

Поступивъ въ общественное, такъ сказать, пользованіе, рѣчи Н. М. иѣсколько видоизмѣняются, по крайней мѣрѣ, онѣ, понятія по существу, передаются со значительными прилипомъ словъ и речений мѣстнаго деревенскаго говора, чтѣ такъ навѣдно изъ сопоставленія двухъ рѣчей одного и того же «рѣчнистка». Какъ очевидно, «Стихъ» простъ и бѣденъ, не удовлетворяетъ, повидимому, ожиданіямъ. Не то на мѣстѣ: почти любое двустишіе тамъ имѣть свою ходячестъ, прібавляется въ разговорной рѣчи, какъ пословичный или приточный примѣръ съ прібавленіемъ развѣ говорки—«якъкаже Микола Морозікъ» ³⁹⁾.

Выше сомнѣнія рѣчи Н. М., такъ доброхотно выслушиваемыя его многочисленными почитателями и такъ старательно улавливаемыя крѣпкою памятью слушателей, отрезвляютъ среду и, тѣснѣйшимъ образомъ—тѣхъ, у кого «на душѣ грѣшокъ», кто узнаетъ себя въ обличеніи. Въ «до-моноцопльное» время Н. М. ратовалъ противъ корчемныхъ и кабацкихъ опекуновъ и тѣмъ наживаль въ нихъ непримиримыхъ враговъ; теперь онъ ратуетъ противъ другихъ аномальностей мѣстной жизни и, вѣроятно, дѣло не обходится безъ недовольства занятесованныхъ лицъ. Но, какъ тогда онъ достигалъ благихъ результатовъ, точно такъ же онъ достигнетъ соотвѣтственныхъ и отъ своихъ рѣчей на современные темы ⁴⁰⁾.

Побольше бы въ сельскую жизнь такихъ честныхъ, трезвыхъ умственны, безкорыстныхъ Николаевъ Морозиковъ!

H. Я. H.

30 января
1903 года.

Выноски и примѣчанія.

- 1) Такое название дано рѣчи самимъ Н. М., который въ остальныхъ рѣчахъ придастъ имъ безразличные наименования то «рифмы», то «стихъ».
- 2) Отъ сущ. коштъ гл. коштовать—отвѣдывать, пробовать (о пищѣ и питьѣ);—стонъ (при оцѣнкѣ предмета, при оцѣнкѣ материальныхъ тратъ на него).
- 3) Видоизмѣненіе слова «хлѣбецъ»—молодой, даже юный парень,—очевидно, допущенное ради риѳмы.
- 4) Ииший—иѣстоимен.—иной.
- 5) Газа, зы—сущ. по ж. р.,—название керосина.
- 6) Смактѣть и смактавать—глаг.,—отъ сущ.—смакъ,--смаковать (при пищѣ и питьѣ), сосать (конфеты, леденцы, сахаръ).
- 7) Господарство—сущ.,—хозяйство; власть и распорядки хозяина.
- 8) Кишень—сущ. и. р.,—карманъ.
- 9) Коли—нар.—когда и союзъ—если. Въ слѣдующей строчкѣ слово употреблено въ послѣднемъ значеніи.
- 10) Коминъ—сущ.,—печная труба и тѣснѣйшимъ образомъ—часть ея, возвышающаяся надъ крышей.
- 11) Цыбуль—сущ.,—чубукъ.
- 12) Яечня—сущ.,—яичница, какъ известно, наиболѣе почетное, лакомое блюдо на крестьянскомъ столѣ.
- 13) Нудно—нар.,—тошно, дурно; тошнить, позываетъ на рвоту.
- 14) Вонтробы и вонтробки—сущ. во мн. ч.,—внутренности человѣка и животныхъ, безразлично—грудные и брюшные.
- 15) Здѣсь рѣчь Н. М. выходить за предѣлы темы. Мы оставляемъ «рифму» въ томъ видѣ, въ какомъ она поступила въ наше распоряженіе.
- 16) Тлустый (чаще—тлусный отъ сущ.—тлусъ),—жирный, полнотѣлый.
- 17) Ироническое название кабацкихъ и лавочныхъ притоновъ.
- 18) Почти всѣ болѣе длинныя рѣчи Н. М., точно рѣчи раешниковъ, заканчиваются соответственнымъ обращеніемъ къ слушателю.
- 19) Неустойчивость транскрипціи въ сей рѣчи можетъ быть объяснена шаткостью грамотея, списавшаго ее по устнымъ передачамъ слушателей и желавшаго совмѣстить два требования—фонетическое и литеатурное.
- 20) Нигдѣ нѣть мира, спокойной жизни.
- 21) Буквально такъ: «если бы (когда бы) имѣть возможность, такъ засѣкъ бы». Хвостать—глаг.,—стегать прутьями, плетью;—въ переносномъ значеніи—изводить со свѣта, изживать.
- 22) Мормотать—глаг.,—бормотать, ворчать (въ недовольствѣ), браниться, хотя послѣднее понятіе выражается словомъ «сваритца».
- 23) Пынять—глаг.,—(отъ пнуть) швырять, бросать.
- 24) Искаженія въ житейскомъ употребленіи женскія имена—Акилина и Лустина.
- 25) Пиршинѣ—сущ.—першина.
- 26) Почникъ (онъ же—«простень»)—сущ.,—большое веретено, на которое навивается пряжа съ меньшихъ веретенъ—«ручакъ».
- 27) Имена женщинъ р.—кат. исповѣданія.
- 28) Фѣга и фингѣсь—сущ.—кукишъ.
- 29) Спрѣтно—нар.,—спѣшно, скоро (отъ сущ.—прыть).

- 30) Христіанскія имена въ будничомъ житейскомъ употреблениі: Дмитрію,
а) Семену и Симону, б) Никитѣ, в) Исидору, г) Ивану и проч.
- 31) Окарокъ—сущ.,—затылокъ.
- 32) Слишкомъ неѣстное слово—название кочки луговой и болотной.
- 33) Плотъ—сущ.,—изгородь всѣхъ типовъ.
- 34) Подъ мельничнымъ колесомъ.
- 35) Агата—имя Агафіи; Ганна—Анна.
- 36) Прузына—имя Евфросиніи.
- 37) Марцели—имя женщины р.-катол. исповѣданія. Сопоставленіе именъ католическихъ съ православными не можетъ показаться удивительнымъ, если вспомнить, что въ Минской губ., какъ и во всемъ западномъ краѣ, есть много семей со смѣшанными вѣроисповѣдниками,—что, прежде всего, происходит отъ смѣшанныхъ браковъ.
- 38) Намъ передавали, что Н. М., любитель церковности и начетчикъ, весьма рѣдко прибѣгаетъ къ Священному тексту изъ опасенія профанировать его, что такъ возможно на устахъ тѣхъ, кои изъ слушателей воспроизводятъ потомъ его рѣчи.
- 39) Кому извѣстна духовная жажда захолустья (а въ Минской губ. оно пока-что широко), тогдѣ придастъ сему надлежащую оцѣнку, тѣмъ болѣе, что Морозиковскія рѣчи—не наборъ только словъ.
- 40) По житейскимъ обстоятельствамъ авторъ замѣтки не имѣть болѣе возможности слѣдить за дѣятельностью Н. М., не можетъ воспользоваться и его рѣчами, хотя бы и для личнаго интереса; но въ то же время всякое сообщеніе по сему дѣлу авторъ замѣтки встрѣтить съ приязнательностью.

ШЕСТОЙ КОНКУРСЪ
ДЛЯ СОИСКАНИЯ
преміи имени князя А. И. ВАСИЛЬЧИКОВА.

На основавіи §§ 11 и 13 Положенія о преміяхъ имени Кн. А. И. Васильчика-
кова, С.-Петербургскное Отдѣленіе Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ
и промышленныхъ товариществахъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что
для нештого конкурса на премію Кн. А. И. Васильчика-
кова въ 1500 р. пред-
лагается на срокъ 27-го Октября 1906 г. нижеслѣдующая тема:

**Судьбы общинного землевладѣнія со времени отмѣны крѣ-
постнаго права.**

Предлагая эту тему для соисканія преміи князя А. И. Васильчика-
кова, С.-Петербургскное Отдѣленіе Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и
промышленныхъ товариществахъ руководится убѣжденіемъ, что формы кре-
стьянскаго землевладѣнія и землепользованія имѣютъ громадное вліяніе на
бытъ и благосостояніе крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на развитіе кредита
и тѣхъ кооперативныхъ учрежденій, заботиться о преуспѣліи которыхъ со-
ставляетъ задачу Отдѣленія.

Нижеслѣдующими условіями отъ соискателей требуется не изслѣдованіе
вопроса о происхожденіи русской сельской общины и о первоначальныхъ
судьбахъ ея, не изученіе всѣхъ видовъ общинного владѣнія и пользованія
землей, а лишь выясненіе обнаружившихся за послѣднія четыре десятилѣтія
его выгодъ и невыгодъ для общинниковъ и для государства.

Сообразно съ этимъ будущій трудъ на тему долженъ заключать въ себѣ:

1. Обзоръ высказанныхъ до реформы 1861 года мнѣній за и противъ
земельной общины съ точки зрѣнія выгодности ея для крестьянскаго и госу-
дарственного благосостоянія, а также — выясненіе, какъ былъ поставленъ и
рѣшенъ вопросъ объ общинѣ въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ и въ Положеніи
19 февраля 1861 года.

2. Изслѣдование: а) существеннѣйшихъ измѣненій въ законодательствѣ
объ общинахъ и вліянія на нее этихъ измѣненій; б) степени жизненности
общины, въ сравненіи съ другими формами землевладѣнія, при неблагопріяг-
ныхъ условіяхъ, особенно въ годы неурожаевъ и иныхъ общественныхъ бѣд-
ствій и в) вліянія развитія желѣзодорожной сѣти, крупной обрабатывающей
промышленности и отхожихъ промысловъ на земельную общину въ мѣстно-
стяхъ: черноземныхъ и нечерноземныхъ, рѣдко и густонаселенныхъ.

3. Выясненіе вліянія Положенія о выкупѣ и особенно взамѣна выкуп-
ныхъ платежей и прочихъ повинностей на общину.

4. Отвѣтъ на вопросъ: находятся ли въ неразрывной связи съ общинной формой землевладѣнія круговая порука въ исправной уплатѣ окладныхъ сбороў и отбываніи повинностей, а также стѣсненія въ свободѣ передвиженія?

5. Выясненіе: а) выгода и неудобства общиннаго землевладѣнія въ настоящемъ его видѣ, въ сравненіи съ подворно-наслѣдственнымъ и хуторскими при осталыхъ одинаковыхъ условіяхъ, б) средство къ устраненію неудобствъ, а также в) условій, при которыхъ общинное землевладѣніе можетъ приносить наибольшую пользу и общинникамъ, и всему государству.

П р и мѣчаніе. Желательно, чтобы выводы и заключенія по вопросамъ, поименованнымъ въ § 5, были сдѣланы на основаніи мѣстнаго изслѣдованія нѣсколькихъ земельныхъ общинъ, преимущественно въ густонаселенныхъ малоземельныхъ мѣстностяхъ черноземной и нечерноземной Россіи.

6. Отвѣтъ на вопросъ: совмѣстимы ли желательные успѣхи сельского хозяйства съ существованіемъ земельной общинѣ? Можетъ ли Россія при господствѣ общинной формы землевладѣнія соперничать въ прогрессѣ благосостоянія съ другими культурными государствами?

7. Отвѣтъ на вопросъ: возможенъ ли, и при какихъ условіяхъ, переходъ отъ общиннаго землепользованія, въ нынѣшнемъ его видѣ, къ кооперативному земледѣлію?

Сочиненія на вышеозначенную тему для соисканія преміи въ 1,500 р. должны быть представлены въ С.-Петербургскное Отдѣленіе Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ не позже 1-го мая 1906 г. Рукописи обозначаются особымъ девизомъ; имя же автора и его мѣстожительство должны быть сообщены въ особомъ запечатанномъ конвертѣ, имѣющемъ ~~одинаковый~~ съ рукописью девизъ. Рукописное сочиненіе, удостоенное преміи, будетъ ~~запечатано~~ на средства Отдѣленія.

Оглавление 48 выпускъ «Живой Старины» за двѣнадцать дѣтъ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Выпускъ I.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

- Предложение нѣсколькихъ членовъ въ Отдѣлении этнографіи И. Р. Г. О. объ изданіи журнала «Живая Старина»
- Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подпісаться на журналъ «Живая Старина»
- Объявленіе о подпісѣ на журналъ «Живая Старина»
- Отъ Редактора
- Программа И. Р. Г. О. для собранія свѣдѣній по этнографіи
- Памяти Проф. И. П. Минаева (1840—1890). Лекція въ И. Соб. Университетѣ Доц. С. Ф. Ольденбурга

О т дѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

- Пѣсни о князѣ Михаилѣ И. Н. Жданова
- Полувѣрцы Псково-Печерскаго края. Ю. Труслана . . .
- Три года въ Якутской области (этнограф. очеркъ) В. Л. Приклонскаго
- Путевые письма и замѣтки И. И. Срезневскаго о Сербо-Лужицанахъ
- Старое и новое. И. Савченко

	Стр.	
III	6. Повѣрья крестьянъ Тамбовской губ. (очеркъ). Б. Бондаренка	151
V	7. Замѣтки о литовской свадьбѣ Я. Рисова	122
IX	8. Къ видѣнію Амфилога А. И. Веселовскаго	124
XI	9. Груша въ Дуяя А. И. Соболевскаго	126
XLVII	10. Декамеронъ Х. З. А. И. Веселовскаго	128
LIII	11. Къ исторіи народныхъ праздниковъ въ Великой Руси	130

О т дѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Три былины изъ стариннаго рукописнаго сборника Л. Н. Майкова	1
2. Пѣсни крестьянъ села Молодова, Гродненской губ., Кобринскаго уѣзда. Г-жи Саковичъ .	5
3. Катрушинскій лемелень (уставный языкъ шерстобитовъ М. Дрибина). Е. Романова .	9
4. Лоцарскія сказки, легенды и сказанія, записанныя въ Пазрѣцкомъ погостѣ, пограничномъ съ Норвегіей. Священ. Щеколдина	17
5. Якутскія загадки (Прилож. къ этнограф. очерку «Три года въ Якутской области»).	26
6. Якутская пѣсня о водкѣ . .	30
7. О народныхъ забавахъ въ Москвѣ, въ другихъ городахъ и мѣстахъ въ Духовъ день .	34

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиография.

1. Пешель, О. Народовѣдніе.—
2. Пыпинъ, А. Исторія русской этнографіи.—3. O. Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte.—4. P.v. Braadke. Ueber Methode und Ergebnisse der arischen Alterthumswissenschaft.—5. Веске, М. Ш. Славяно-финская культурные отношения по даннымъ языка.—6. Труды 7-го Археологического съезда въ Ярославлѣ 1887 г.—7. Этнографическое обозрѣніе.—8. Смирновъ. Водяки. Историко-этнографический очеркъ.—9. Историческая записка о дѣятельности И. М. Арх. Общ. за первыя 25 л.—10. Латкинъ. Красноярский округъ Енисейск. губ., очеркъ.—11. Майковъ. Материалы и изслѣдование по старинной русской литературѣ.—12. Чтеніе въ историческомъ Общ. Нестора Лѣтописца.—13. Материалы для изученія быта и языка русского населения сѣверо-западного края.—14. А. Садуновъ. Циниские или Борисовы камни.—15. В. Науменко. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи.—16. Ждановъ. Пѣсни о князѣ Романѣ.—17. Луныкъ. И. И. О происхождении именъ Чехъ, Лехъ, Русь и Славянѣ. — 18. Gorscovic. Makedonien und Alt-Serbiен.—19. Viestnik Horvatsko-Arkeologickoga Druztva.—20 Свадебные обычаи у Бѣлыхъ Краинцевъ. — 21. Словаки въ Бачской въ Срѣмской столицахъ. — 22. Wisla. T. IV.—23. Обзоръ трудовъ по Литовской этнографии (1879—1890). Чл. С. Э. А. Волтера

О т д ѣ л ь IV.

Смѣсь.

1. Дѣтскія игры К. М. Петрова въ Т. Е. Рѣпникова —
2. Taulen. Корча, или Вихорь. H. Кулнецова. — 3. Ловля снятка тагасомъ въ Бѣломъ озерѣ. Я. Лейцинера. — 4. Описаніе игры Литов-

скихъ пастуховъ подъ названиемъ «Калуте» Арминайтиса. — Литовскія повѣрья: M. Гилиса.—6. Некрологи M. H. Веске.—7. О. Кольбергъ.—8. Д-ръ Пфуль.—9. С. П. Минкуній.

Выпукла II.

1. Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и некоторыхъ постороннихъ изъявившихъ желаніе подписаться на журналъ «Живая Старина».

О т д ѣ л ь I.

Намѣтники языка и народной словесности.

1. Пѣсни о князѣ Михаилѣ И. Н. Ждановѣ.
2. Три года въ Якутской области (этнографич. очерки) В. Л. Птицюнскію
3. Сербо-Лужицкія народныя календари. (Изъ бумагъ И. И. Срезневскаго)
4. Сербо-Лужицкія народныя повѣрья. (Изъ бумагъ И. И. Срезневскаго)
5. Умирѣніе крови въ Грабѣ, въ южно-Адриатическомъ Приморѣ 27-го августа 1890 г. (Наблюденія и разсужденія очевидца). П. А. Ровинскаго.
6. Мариупольскіе Греки Ф. А. Брауца.
7. Замѣтки о собственныхъ именахъ въ Велико-русскихъ былинкахъ. А. И. Соболевскаго
8. Письма И. И. Прейса къ М. С. Кутурѣ, И. И. Срезневскому, И. О. Шафаринку, Куршату и др. (1836—1846). Съ предисловіемъ В. И. Ламанскаго.
9. Отчего канунъ Иванова дня (23 июня) назывъ купальницею и считается днемъ урочнымъ? M. И. Соколова.
10. Огонь на свадьбѣ

О т д ѣ л ь III.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Великорусскія народныя легенды. Сообщ. Ив. Манакинъ

2. Пѣсни крестьянъ села Молодова, Гродненск. губ., Кобринскаго уѣзда. Сообщ. Г-жею *М. А. Саковичъ*
 3. Болгарскія народныя пѣсни. (Изъ Приѣзда)
 4. Болгарскія народныя сказки. (Изъ Приѣзда)
 5. Лопарскія сказки, легенды и сказанія, записанныя въ Пазрѣцк. погостѣ, пограничномъ съ Норвегіей. Св. *Щеколдина*
 6. Якутскія народныя повѣрья и сказки. Сообщ. *В. Л. Приклонскимъ*

Отдѣль III.

Критика и библіографія.

1. Обзоръ трудовъ по Литовской этнографіи (1879—1889). Чл. сотр. Э. А. Вольтера.—2. Этнографическое обозрѣніе. Н. В.—3. А. Навловъ. Неизданній памятникъ русскаго церковнаго права XII вѣка. Н. Волкова.—4. Максимовъ, С. В. Крылатыя слова. Не спроста, не спуста слово молвится и до вѣку не сломится. А. С.—скаго.—5. Miklosich, Franz. Die Darstellung in slavischen Volkspos. А. С.—скаго.—6. «Мелюзина» (Melusine), періодическій сборникъ миѳологіи, народной литературы, преданій и обычаевъ. Ф. Б.—7. Bibliografia litowska od roku 1547 do 1701 r. przedstavil Maurycy Stankiewicz (Литовская библіографія съ 1547 по 1701 г., представилъ Маврикій Станкевичъ). Б.—са.—8. Darmesteter, James. Chant populaires des Afghans, recueillis par C. O.—9. Geiger, W. Das Jatkari Zariran und sein Verhaltniss zum Schach name. C. O.—10. Das Ausland Wochenschrift fur Erd- und Völkerkunde. Д. К.—скаго.—11. Fr. Krauss, dr. Volksglaube und reliгиозный Brauch der Südslaven. А. Л.—12. Легенда о св. Алексѣѣ въ сирийской и славяно-русской редакціяхъ его житія. А. Пономарева.—13. Narodne pesni koruskih Slovencev. Zbral in na svetlo da I. Schehning. С. К. Gymn. prof. v. Celovci. Ю. Попивки.—14. В. Томашекъ. Разборъ древнѣйшихъ извѣстій о скіескомъ сѣверѣ. А. К. Васильева.—15. Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О. подъ редак-

Стр.		Стр.
141	цію правителя дѣль Ир. П.—на. — 16. Записки Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О. Томъ второй, вып. 2 и 3 (подъ редакціей правителя дѣль) Ир. П.—на.—17. Пыпинъ. А. И. Исторія Русской этнографіи. Т. II. Общий обзоръ изученія народности и этнографіи великорусской. В. Ламанская	233
147		
154		
158		
169	О т дѣль IV. 1. Вопросы и отвѣты.	234

Отдѣль V.

Смѣсь.

1. Журналъ Засѣданія Отдѣленія Этнографіи 12-го октября 1890 г. Объявленія

Выпускъ III.

- Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, извѣшившихъ желаніе подписатьсь на журналъ «Живая Старина»

Отдѣль I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Письма И. И. Прейса къ М. С. Куторгѣ, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарiku, Куршату и др. (1836—1846)
 2. Три года въ Якутской области. (Этнографические очерки) В. Л. Приклонская
 3. Стародавняя жизнь Остяковъ и ихъ богатыри по былинамъ и сказаніямъ С. К. Патканова
 4. Этнологическія замѣтки. А. А. Потебни
 5. Отрывокъ бывш. изъ Сибирской лѣтописи. Л. Н. Майкова

Отдѣль II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Ермакъ взялъ Сибирь (пѣсня)
 2. Заговоры Донскихъ казаковъ. Сообщ. Л. Н. Майкова
 3. Свадебный обрядъ въ Угорской Руси.

4. Болгарскія народныя пѣсни. (Изъ Прилѣпа).	Стр. 157
5. Пересказы нѣкоторыхъ неизданныхъ Джатакъ Палійскаго канона. (Изъ бумагъ покойнаго И. П. Минаева).	161
6. Якутскія народныя сказки. Сообщ. В. Л. Приклонскимъ.	165

О т дѣлъ III.

Критика и библиографія.

1. Н. М. Лопатинъ и В. П. Прокунинъ. Сборникъ русскихъ народныхъ лірическихъ пѣсни. С. Буліча.—2. Шемякинъ судъ. С. Ольденбурга.—3. Библіографіческій указатель изслѣдований и наблюдений по польской диалектологии. И. Лося.—4. Narodne pripoviesti i Vazadini u okolici Ю. Полявки.—5. Сумцовъ, Н. Ф. Культурныя переживанія. А. С.—скаго.—6. Этнографическое обозрѣніе. И. В.—7. А. С. Лаппо-Данилевскій. Поверстная и указанная книга Ямскаго приказа.—8. Материалы для истории Воронежской и съсѣднихъ губерній.—9. Воронежскія писцовая книга.—10. Гласник земельскаго музея у Босни и Херцеговины и проч.	180
--	-----

О т дѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Письмо изъ Кадникова (Вологодск. губ.) А. Иваницкаго.—2. О музѣѣ въ Тобольскѣ. Газенвінкеля.—3. Изъ Подольской губ. свящ. П. Сахарова.—5. О Псковскомъ говорѣ. И. Евстѣева.—6. Говоръ крестьянъ Морицельского прихода Великолуцкаго уѣзда, Псковской губ. М. Успенскаго	193
--	-----

О т дѣлъ V.

Смѣсь.

1. Урочныя посты. М. И. Соколова. 2. Русская гигіена XVI вѣка. М. И. Соколова.—3. Примѣты по днямъ луны (Лунникъ). М. И. Соколова.—4. Народныя дѣтскія игры. И. Мамакина.—5. Слѣды древнихъ вѣрованій въ народномъ иконоопочитаніи. А. Балова.—6. Праздникъ «Ріпей». — 7.	
---	--

Способъ лѣченія отъ слазу. С. Брайловскаго. — 8. Похоронный обрядъ у Латышей въ 40-хъ годахъ. И. Спрогиса.—9. Замѣтки о Русскихъ и Калмыкахъ. Сосинина.—10. Извѣстія о Болгаріи 1835 г. (Изъ бумагъ И. И. Прейса). — 11. Монгольскія легенды о монастырѣ Эрдени-Цзу. Г. Н. Потанина.—12. Прусскіе Нѣмцы и Суданскіе Габерисъ на дубахъ. В. И. Ламанскаго.—13. «Бѣлая Русь». В. И. Ламанскаго.—14. Францъ Миклошичъ. В. И. Ламанскаго.—15. Слово проф. И. В. Ягича о Миклошичѣ съ замѣчаніемъ проф. В. И. Ламанскаго.—16. Въ Нео-филологическомъ обществѣ.—17. Журналъ Засѣданія Отдѣленія Этнографіи 28 ноября 1890 г.—18. Журналъ Засѣданія Отдѣленія Этнографіи 21 декабря 1890 г.—19. Записки по Отдѣленію Этнографіи Имп. Рус. Геогр. Общества.—20. Содержаніе первыхъ трехъ выпускъ «Живой Старины» 213—268	
--	--

Выпускъ IV.

Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подписатьсь на журналъ «Живая Старина».

О т дѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Письма П. И. Прейса къ М. С. Куторгѣ, И. И. Срезневскому, И. О. Шафарику, Куршату и др. (1846—1856).	3—42
2. Три года въ Якутской области. (Этнографические очерки). В. Л. Приклонскаго	43—66
3. Стародавняя жизнь Остяковъ и ихъ богатыри по былинамъ и сказкамъ. С. К. Патакнова	67—108
4. Мусульманство Рустена Доста-новича. В. А. Жуковскаго.	109—117

О т дѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Пересказы нѣкоторыхъ неизданныхъ Джатакъ Палійскаго канона. (Изъ бумагъ покойнаго И. П. Минаева)	118—121
---	---------

- Стр.
2. Угро-русские заговоры из коллекции начала XVIII в. Сообщ. А. Л. Петрова съ замѣчаніемъ О. А. Петрушевича 122—130
 3. Свадебный обрядъ въ Угорской Руси. (окончаніе) 131—138
 4. Якутская народная сказки. Сообщ. В. Л. Приклонскій 139—148
 5. Лиса и волкъ въ западнѣ (изъ армянской книжной сказочной литературы). Н. Н. Марра 149—155
 6. Отрывки изъ Киргизского сказания о Идыге, изъ записокъ Ч. Валиханова, сообщ. Г. Н. Потанина 156—163

О т дѣлъ III.

Критика и библиографія.

1. Отъ редактора (съ нѣсколькими письмами П. О. Шафарика И. И. Срезневскому) 164—174
2. Рецензія И. И. Срезневскаго на книгу Шафарика *Slovanský Národopis* 174—187
3. Шапкаревъ. Сборникъ отъ болгарски народни умотворенія. Часть првя К. Я. Г. 187—191
4. Zibr, C. Dr. Listy z českých dajin kulturnich. Прага 1891. *Isc. Karaska* 191—195
5. Комаровъ. Новая збирка малорусскихъ прыказокъ. Одесса. 1890 г. *Арк. Л-ка* 195—196
6. Замѣтки В. И. Григоровича о народчихъ и говорахъ болгарскихъ 196—197
7. Vrćević Narodne pripovjesti iz života po Boki Kotorskoj. Нерсеговини i Crnoj Gori. А. Л. 198

О т дѣлъ IV.

Смѣсь.

1. Праздники Рязанск. губ., Данковск. уѣзда. О. П. Семеновой 199—202
2. Ладвинскій или Масовскій языкъ 202—203
3. Крестьянскія игры въ Минской губ. М. Довнара-Запольскаго 203—208
4. Сонъ и сновидѣнія въ народныхъ вѣрованіяхъ. А. Балюева 208—213
5. Народная дѣтская игра въ «сѣно». Ив. Мамакина 214
6. Игры и пѣсенки деревенскихъ ребятъ Ланевскаго уѣзда, Казанской губ. И. Нечавъ 214—226
7. Минусинскій Публичный Мѣстный Музей. И. В. 226—227
8. Филологическая замѣтка. Я. Грома 228—229
9. Изъ вновь открытаго древне-

- Стр.
- русскоаг поученія до-монгольской эпохи. Сообщ. А. И. Соболевскому 229
 10. И. Коперницкій. Некромогъ 229—230

Объявленія.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Выпускъ I.

О т дѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Очеркъ Русской діалектологіи. И. А. Южно-велико-русские говоры, проф. А. И. Соболевская 1—24
2. Балтійскіе Готы и Гута-Сага. Ст. перв. С. Н. Сыромятникова 25—40
3. Сага-Гутовъ. Переводъ С. Н. Сыромятникова 41—48
4. Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842 г.). Съ предисловіемъ редактора и примѣчаніями Вс. П. Срезнѣскаго 49—77

О т дѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Малорусскіе разсказы и поѣзья (Екатеринославской губ.). Зап. Ив. Манжуровъ. 78—80
2. Болгарскія народныя сказки (изъ Прилѣпа) 81—83
3. Болгарскія народныя пѣсни (изъ Прилѣпа) 83—84

О т дѣлъ III.

Критика и библиографія.

1. Zbiór wiadomości do antropologii Krajowej. Ир. Половна. 89—98
2. Обзоръ трудовъ по чешской этнографии за послѣднее десятилѣтие (1880—90). Ю. И. Поплавки 99—104
3. Dr. W. Junker. Roisen in Afrika. Проф. Э. В. Петри 105—107
4. Ядринцевъ, И. М. Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе. И. В.—аю.
5. А. Н. Лисовскій. Опытъ изученія малорусскихъ думъ. Арк. Л-ка 109
6. Cesky lid. I. А. Липовскому. 110

Стр.	Стр.
Отдѣль IV.	
Смѣсь.	
1. Отчеты канд. С.-Петербургскаго унив. г. Катанова, отправленного для этнографического изслѣдованія тюркскихъ именъ въ Восточную Сибирь, Монголию и Сѣв. Китай	111—122
2. Бурятская легенда объ озерахъ Балызан. Г. Н. Потанина	122—126
3. Некрологъ А. А. Потебни. В. И. Ламанскую	126—136
4. Памяти А. А. Потебни. Б. М. Липунова	136—149
5. Памяти А. А. Потебни. М. Халанскаю	150
6. Замѣтка (изъ Ярославскихъ губ. Вѣд. № 6). Е. И. Якушинна	151
7. Записки И. Р. Г. О. по отдѣленію этнографии	151—152
Выпускъ II.	
Отдѣль I.	
Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.	
1. Очеркъ русской діалектологии. И. Б. Сѣверо-волинко-русское, или окающее поднарвичіе. Проф. А. И. Соболевская	1—26
2. Путевые письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—42 г.), съ примѣчаніями Ес. И. Срезневская	27—70
3. Троицница (бытовой очеркъ). С. Шустикова	71—91
Отдѣль II.	
Памятники языка и народной словесности.	
1. Остяцкая былина про богатырь города Эмдера. С. К. Патканова	92—97
2. Мордовская свадьба. Е. М. Ессеева	98—117
Отдѣль III.	
Критика и библіографія.	
1. О типѣ Ильи Муромца. А. Соболевская	118—122
2. Словарь русскаго языка. А. С—каю	122—125
3. Памятная книжка. А. С—каю	125
Отдѣль IV.	
Смѣсь.	
4. Харьковский сборникъ. А. С—каю	126
5. Календарь Вятской губ. на 1892 г. А. С—каю	—
6. Zbiór wiadomości do antropologii Krajowej m. XIII. Nr. II.127—137	—
7. Listy z ceskych dějin kultury. E. Пѣтухова	137—139
8. Изъ старыхъ книгъ. В. Балаша	139—142
9. Библіографическое этюды по литературѣ сказочныхъ схемъ и мотивовъ. I. Ленора (женихъ или братъ мортвецъ). II. Шемякинъ судъ. В. Балаша	142—145
10. Обзоръ трудовъ по чешской этнографіи за послѣднее десятилѣтіе (1880—90 г.). Ю. Поповки	146—152
Отдѣль IV.	
Вопросы и отвѣты. А. Соболевская.	
	153
Отдѣль V.	
Смѣсь.	
1. Расколь въ Каргопольскомъ краѣ. А. А. Дукачева-Баскакова	154—162
2. Игра со выюномъ	162—167
3. О. О. (Некрологъ). Ф. И. Переволыба	168
Выпускъ III.	
Отдѣль I.	
Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.	
1. Очерки русской діалектологии. П. Бѣлорусское нарѣчіе. А. И. Соболевская	3—30
2. О побратимствѣ и поссестримствѣ. Очеркъ изъ обычнаго нравства Болгаръ. С. Бобчева	31—43
3. Путевые письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842)	43—105
4. Троицница Кадниковскаго уѣзда (бытовой очеркъ). Окончаніе А. Шустикова	106—138
Отдѣль II.	
Памятники языка и народной словесности.	
1. О притчаніяхъ въ плачахъ, записанныхъ въ Олонецкой и Архангельской губ. Ф. Истомина	139—145

- Стр.
2. Заговоръ отъ ружья (Тоб. губ.).
Сообщ. С. К. Паткановъ 146—147
 3. Купля, продажа скота; заговоръ отъ лихорадки, какъ окуриваютъ новородыхъ коровъ.
Побасенка (Нижегор. губ.).
Сообщ. Ив. Мамакинъ 148—149
 4. Заговоръ отъ присухи (Пермск. губ.). Сообщ. П. А. Шилковъ 149—151
 5. Проводки и проводочные пѣсни въ Ростовскомъ уѣздѣ. Н. Б. 151—156
 6. О говорѣ жителей Каргопольскаго края Як. Свѣтлова. 156—164

О т дѣлъ III.

Смѣсь.

1. Игра въ тура. В. Мошкова 164—171

Выпускъ IV.

О т дѣлъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Очерки Русской діалектологии. III. Малорусское нарѣчіе. Д. Чл. А. И. Соболевскаго 1—61
2. Путевая письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842) 62—96

О т дѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. О вліяніи корельского языка на русскій въ предѣлахъ Олонецкой губерніи. Н. Ільскова. 97—103

О т дѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. Кавказскій обычай, какъ источникъ изученія первобытнаго права: замѣтки по поводу сочиненія Проф. М. М. Ковалевскаго «Законъ и обычай на Кавказѣ». Москва 1890, т. I и II. 104—120
2. Семья по воззрѣніямъ русскаго народа, выраженнымъ въ пословицахъ и другихъ произведеніяхъ народно-поэтическаго творчества. Историко-литературный очеркъ А. Жедобовскаго 16° 63 стр. Воронежъ. 1892. (Отд. отт. изъ Фил. Зап.).

- Стр.
3. Kobieta w piсsni ludowej. Написала Kazimira Skrzynska 12°. 100 стр. Warszawa. («Biblioteka Wisly, t. VIII»).
 4. Современный великорусъ въ его свадебныхъ обычаяхъ и семейной жизни. Л. Весина («Русская Мысль», 1891. Сент. и Окт.). Вл. Перетца 120—124

О т дѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

О т дѣлъ V.

Смѣсь.

1. Бытовые черты Русинки Холмского края. К. Ярошка 125—134
 2. Отчетъ кандидата И. Спб. Университета г. Катанова, отправленного въ экспедицию для этнографического изслѣдования тюркскихъ племенъ въ Восточную Сибирь, Монголію и Сѣв. Китай 134—137
- Объявленія объ изданіи «Живой Старины» и др. журналь въ 1893 году.
- Оглавленіе 8 выпускъ «Живой Старины» за первые два года.

ГОДЪ ТРЕТИЙ.

Выпускъ I.

О т дѣлъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Замѣтки о Бѣлорусскихъ говорахъ; I. Говоръ Ново-Сверженской волости Минск. уѣзда. М. Довнара-Запольскаго. 3—19
2. Путевая письма. И. И. Срезневскаго 20—63
4. О происхождѣніи Корси (Курил Труслана) Юрий Труслана 64—91
4. Объ источникахъ сказки «О рыбакѣ и рыбѣ» Пушкина. Св. П. Р-ва 91—95

О т дѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности и живой старины.

- Ритуаль сибирской свадьбы.
И. О. Осипова 96—114

Стр.	Стр.	
О т д е л ь III.		
Критика и библиография.		
1. Къ вопросу о финскомъ вліяніи на великорусское племя. <i>А. И. Соболевскаго</i> 115—122	1. Мордовская свадьба (продолжение). 211—219	
2. Piesni ludu, zebrał Zygmunt Gloger (w latach 1861—1891), muz. opracował Zygmunt Noskowski. Kraków. <i>H. B. Перетца</i> 122—124	2. Народная свадьба въ Толвуйскомъ приходѣ, Петрозаводского уѣзда, Олонецкой губ. <i>П. Шнайна</i> 219—248	
3. Календарь Вятской губерніи на 1893 г. <i>А. И-скаю</i> 124—125	О т д е л ь II.	
4. Brandstetter. R. Charakterisierung der Eпik der Malaien. Luzern. <i>C. O.</i> 125	Памятники языка, народной словесности и живой старины.	
5. Zemirich, Johannes. Totenisein und verwandte geographische Mythen. <i>C. O.</i> 125—126	О т д е л ь III.	
6. Nöldeke Th. Das arabische Märchen von Doctor und Makroch. <i>C. O.</i> 126—127	Критика и библиография.	
О т д е л ь IV.		
Вопросы и отвѣты.		
Отвѣтъ на вопросъ, предложенный г. Соболевскимъ. <i>Ивана Мамакина</i> 128	1. Нѣсколько словъ о малорусскихъ думахъ. 248—253	
О т д е л ь V.		
Смѣсь.		
1. Особенности языка олонецкихъ былинъ, сказанныхъ И. Т. Рябининымъ. <i>Н. Волкова</i> 128—133	2. Богатырь-козакъ Илья Муромецъ, какъ историческое лицо. 253—254	
2. Поклонение дереву. <i>В. Ламанскаго</i> 133—135	3. Къ вопросу о древне-русскихъ скоморохахъ 254—255	
3. Двина рѣка. <i>Ю. Труслана</i> 135	4. Къialectологии велико-русскихъ нарѣчий. <i>А. Соболевскаго</i> 255—256	
4. Ворожея XVII в. <i>Н. Тупинко</i> —	5. Памятная книжка Воронежской губ. на 1893 г. <i>Н. Т-ова</i> 256—257	
5. Отзывъ медальной комиссіи о трудахъ Д. Члена Проф. А. И. Соболевскаго по истории и географии Русскаго языка 136—7	6. Остроумовъ. Сарты. <i>А. Липовскаго</i> 257—263	
6. Объявленія.	7. Записки товариства імені Шевченка 263—264	
Выпускъ II.		
О т д е л ь VI.		
Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.		
1. Путевые письма <i>И. И. Срезневскаго</i> 139—177	1. Бѣлоруссы. <i>П. Латыши. III. Поляки</i> 279—280	
2. Нидерландскія народныя пѣсни. Проф. Амстердамскаго университета <i>К. Уланска</i> 178—210	О т д е л ь V.	
О т д е л ь I.		
Смѣсь.		
1. Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.	1. Бесѣдныя игры: тетера, въ гуси, въ кони. <i>Влад. Перетца</i> 281—282	
2. Нидерландскія народныя пѣсни. Проф. Амстердамскаго университета <i>К. Уланска</i> 178—210	2. Замѣтки по бѣлорусской этнографіи. <i>М. Довнара-Запольскаго</i> 283—296	
Выпускъ III.		
О т д е л ь I.		
Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.		
1. Этнографическая наблюденія въ Абхазіи <i>Н. М. Альбова</i> 297—329		

Стр.	Стр.	
2. Путевые письма И. И. Срезневского 330—373	О т д е л ь V.	
О т д е л ь II.		
Памятники языка, народной словесности и живой старины.		
1. Говорь южной части Череповецкого уезда, Новгородской губ. <i>М. Герасимова</i> 374—388	1. Представления кореляковъ о чистой силѣ. <i>И. Лыскова</i> 415—419	
2. Говорь сѣверо-восточной части Вытегорского уезда, Олонецкой губ. <i>Александра Мельницика</i> 388—392	2. Замѣтки по этнографии бѣлоруссовъ. <i>П. М. Довнара-Запольского</i> 419—425	
3. Говорь Велико-Устюжского уезда, Вологодской губ. <i>А. Дмитриева</i> 392—395	3. Молитвы, заговоры и заклинанія, записанные въ Іошконтскомъ уѣзда, Ярославской губерніи 425—428	
О т д е л ь III.		
Критика и библиографія.		
1. Яблоновский. Населеніе Украины въ XVI вѣкѣ. <i>А. И. Соболевская</i> 393—399	4. Какому святыму и въ какомъ случаѣ должно молиться 428	
2. Mikkola. Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. <i>А. И. С-скало</i> . 399—400	5. Легенды о чудесахъ отъ св. иконы 428—429	
3. Р. Р. бар. Штакельбергъ. Ирано-финская лексикальные отношения. <i>А. И. С-скало</i> 400	6. Сказание Арсения ивока Селуя града о Іерусалимѣ 429—430	
4. Cerny Ad. Mythiske bytosee lusiskich Serbow. <i>В. Неретина</i> 401—402	7. Сказание о преподобной Феодорѣ, съ же память 11 сентября. <i>А. Балова</i> 430—431	
5. Лопаревъ, Х. М. Слово о святомъ «патріархѣ Феостирикѣ». <i>Н. Т.</i> 402—403	8. Докладъ о поѣздкѣ въ Олонецкую губернію лѣтомъ 1892 года. <i>И. Лыскова</i> 432—436	
6. Н. Ф. Сумцовъ. Легенда о грѣшной матери. <i>Н. Т.</i> 403	9. Latvju dainas 436	
7. Н. Ф. Сумцовъ. Былины о Добрынѣ и Маринѣ и родственныя имъ сказки о женѣ-волшебнице. <i>Н. Т.</i> —	10. Отъ редакціи 436	
8. Е. О. Карский. Къ вопросу о разработкѣ старого западно-русского нарѣчія. <i>Н. Т.</i> —	11. Объявленія 1—4	
9. Н. Ф. Сумцовъ. Современная малорусская этнографія. <i>Н. Т.</i> —	Выпускъ IV.	
10. Les Cris de Londres au XVII siÃ©cle. <i>Г. А. Виссендорфа</i> 404—405	О т д е л ь I.	
11. И. Созоновичъ. Ленора Бюргера и родственныя ей сюжеты въ народной поэзіи европейской и русской. Пр. Д. 405—408	Наслѣдованія, наблюденія, разсужденія.	
12. Списокъ печатныхъ трудовъ Довкonta. <i>С. Балтрамайтиса</i> 408—412	1. Названіе населенныхъ мѣстъ и ихъ значеніе для русской исторической этнографіи. <i>А. Соболевская</i> 437—439	
13. П. Н. Буцінскій. Мангасія и Мангасійскій уѣздъ 1601—1645 г.г. <i>Н. Тупикова</i> 412—414	2. Древнѣшнія русскія двусловные личныя имена и ихъ уменьшительные. <i>Г. Г. Гинкена</i> 440—461	
О т д е л ь II.		
Памятники языка и народной словесности.		
1. Народный говоръ въ Іошконтскомъ уѣзда, Ярославской губ. <i>А. Балова</i> 507—513		
2. Говорь Павловичской волости Могилевского уѣзда. <i>Андр. Романова</i> 513—518		
3. Жмудскія пѣсни, записанныя Мечиславомъ <i>Любина-Силь</i>		

Стр.	Стр.
востровичемъ, съ переводомъ и примѣчаніями <i>А. Л. Погодина</i>	519—531
4. Загадки Король Оловецкой г. записанные <i>Н. Ф. Лыскова</i>	532—540
5. Пословицы Корельской, записанные <i>Н. Ф. Лыскова</i>	540
6. Корельская пѣсня, записанная и переведенная <i>Н. Ф. Лыскова</i>	541—553
О т дѣлъ III.	
Критика и библиографія.	
1. В. Мочульский. Слѣды народной библіи въ славянской и древне-руссской письменности. Одесса. 1893. <i>Вл. II—а</i> . . .	554
2. Мотивы свадебныхъ пѣсень Пинчуковъ. Этнографический этюдъ <i>М. Довнара-Запольского</i> . Гродна. 1893. 160. 69 стр. <i>Вл. II—а</i>	556
3. Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологического Общества Т. 5. Харьковъ. 1893. <i>Арк. II—ка</i>	556—557
4. Памятная книжка Гродненской губ. на 1893 г. Т.	557
5. Памятная книжка Ковенской губерніи на 1893 г. Т.	—
О т дѣлъ IV.	
Вопросы и отвѣты.	558
О т дѣлъ V.	
Смѣсь.	
1. Сагайские татары Минусинскаго округа, Енисейской губерніи, по статистическимъ даннымъ, собраннымъ въ 1889 г. <i>Н. Ф. Капанова</i>	559—570
2. Варіантъ пѣсни о сестрѣ отравительницы. Сообщ. <i>Арк. Лыщенко</i>	570—571
3. Нѣсколько словъ о Куронахъ <i>А. Л. Погодина</i>	571—572
Объявленія.	
ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.	
<i>Выпускъ I.</i>	
О т дѣлъ I.	
Наслѣдованія, наблюденія, разсужденія.	
1. Деревня Будагоща и ся преданія. <i>В. Н. Шеретца</i> . . .	2—18
2. Отчетъ о поѣздкѣ къ Оловецкимъ Кореламъ лѣтомъ 1893 года. <i>Н. Ф. Лыскова</i> , съ замѣчаніемъ автора	19—36
3. Изъ года въ годъ. Описаніе круговорота крестьянской жизни въ селѣ Усть-Ницкимъ, Тюменского округа. <i>Филиппа Зобкина</i>	37—64
4. Русь и Асы въ Китаѣ, на Балканскомъ полуостровѣ, въ Румыніи и Угорщинѣ. (Въ XIII—XIV в.). Замѣтки преосв. Палладія, д-ра Бретшнейдера, архимандр. Руварца	65—77
О т дѣлъ II.	
Памятники языка и народной словесности.	
1. Новая «повѣсть» объ Ильѣ Муромцѣ. Сообщилъ <i>Михаилъ Протопоповъ</i>	78—82
2. Веснянки, Петришки и Купальныя пѣсни. Сообщилъ <i>В. Ф. Башиновскій</i>	83—89
3. Очеркъ литовскихъ свадебныхъ оракъ. <i>А. Погодина</i>	90—97
4. О свадебныхъ обычаяхъ въ селѣ Корбанѣ, Кадниковскаго уѣзда, Вологодской губерніи <i>А. Балюса</i>	98—99
О т дѣлъ III.	
Критика и библиографія.	
1. Свѣдѣнія о литовскихъ рукописяхъ. <i>С. Балтрамайтиса</i>	98—104
2. Русскія былины старой и новой записи. Москва. 1864 г. <i>А. Погодина</i>	104—107
3. Систематический указатель статей исторического журнала «Древнія и Новая Россія». Слѣд. 1893 г. <i>В. Б.</i>	107
О т дѣлъ IV.	
Смѣсь.	
1. Замѣтки по белорусской этнографіи. <i>М. Довнара-Запольского</i>	108—114
2. Отчетъ о поѣздкѣ въ Ковенскую губ. лѣтомъ 1893 года <i>А. Погодина</i>	114—119
3. О происхождении названія г. Пскова. <i>Ю. Труслами</i>	120—122
4. Къ исторіи сувѣрій. Сообщ. <i>Е. Кол-скій</i>	122—123
5. Изъ области народныхъ вѣро-	

Стр.	Стр.		
ваній. <i>А. Балова</i>	123	ная пѣсня. Сравнительные этю- ды. <i>Аркадія Лищенко</i>	259—275
6. Аллітерація въ народномъ языкѣ <i>А. Балова</i>	123—124	2. О трудахъ А. Н. Воселовскаго. <i>И. И. Жданова</i>	282
7. Къ народному словарю въ области пѣсенного искусства. <i>О. Истомина</i>	124—125	3. О трудахъ Е. О. Карского. <i>А. И. Соболевская</i>	283
8. По поводу холеры. Сообщилъ <i>А. Баловъ</i>	125—126	4. О переводѣ П. С. Попова со- чиненія Мэнъ-гу-ю-му-ци <i>Н. И. Веселовская</i>	284
9. О русскомъ языке въ Обдор- скомъ краѣ. <i>В. Бартенева</i>	126—129	5. Календарь и памятная книжка Вятской губерніи на 1893 годъ.	285
10. Замѣтки о некоторыхъ сло- вахъ, употребляемыхъ въ селѣ Самаровѣ, Тобольской губ. и округа. <i>Хр. Лопарена</i>	130		
Объявленія.			

Выпускъ II.

О т дѣлъ I.

Изслѣдованіе, наблюденія, раз- сужденія.

1. Отчетъ о поѣздкѣ въ Сувалк-
скую губ. *Г. Г. Гинкенъ* 131—142
2. Нѣсколько словъ о говорахъ
Лукояновскаго уѣзда, Ниже-
городской губерніи. *Бор. Ляпу-
нова*. (съ картою) 143—177
3. Письма А. Ф. Гильфердинга —
Кукуловичу — Сакцинскому.
Сообщено проф. *Ц. А. Кука-
ковскимъ* 178—190
4. Олекминскіе скопцы. (Исто-
рико-бытов. очеркъ). Ст. перв. 191—203

О т дѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Народныя сказанія о самоубій-
цахъ. Сообщилъ *В. Н. Добро-
вольскій* 204—214
2. Рокрутчина. *А. Мельникова* 215—221
3. Святыя въ Корелѣ. *Н. Ф. Лыс-
кова* 222
4. Мудрый Маччи. *Н. Ф. Лыс-
кова* 224
5. Шутъ Григорій *Н. Ф. Лыс-
кова* 226—229
6. Пастухи и дьяволъ. *Н. Ф. Лыс-
кова* 230—232
7. Приложение къ отчету *А. Л.
Погодина* о поѣздкѣ въ Ко-
венскую губернію лѣтомъ 1893
года *А. Л. Погодина* 233—258

О т дѣлъ III.

Критика и библиографія.

1. Замѣтки по изученію совре-
менной народной пѣсни. *В. Н.
Перстцъ*. Современная народ-

ная пѣсня. Сравнительные этю- ды. <i>Аркадія Лищенко</i>	259—275
2. О трудахъ А. Н. Воселовскаго. <i>И. И. Жданова</i>	282
3. О трудахъ Е. О. Карского. <i>А. И. Соболевская</i>	283
4. О переводѣ П. С. Попова со- чиненія Мэнъ-гу-ю-му-ци <i>Н. И. Веселовская</i>	284
5. Календарь и памятная книжка Вятской губерніи на 1893 годъ.	285

О т дѣлъ IV.

Смѣсь.

1. Пѣсни Рязанской губерніи.
Сообщ. *О. П. Семёнова* 286—293
2. Наброски изъ міра народной
педагогики *Ив. Мамакина* 294—298
3. Любопытная находка. Письмо
къ Редактору о рукописномъ
сборникѣ Кирши Данилова,
принадлежавшемъ Малинов-
скому. *И. Чехова* 299—300

Выпуски III и IV.

О т дѣлъ I.

Изслѣдованіе, наблюденія, разсужденія.

1. Олекминскіе скопцы. (Исто-
рико-бытовый очеркъ). Ст.
втор. и посл. *I—на* 301—324
2. О народныхъ пѣсняхъ Татаръ,
Башкиръ и Телтирей *С. Ры-
бакова* 325—364
3. Якутская свадьба. *В. Сиро-
щенко* 365—374
4. Объ обычаяхъ и обрядахъ
при родахъ инородческихъ
женщинъ Сибири и Средней
Азии. Сообщилъ докторъ *А.
К. Бытиловскій* 375—390
5. Опытъ выясненія этническаго
состава киргизъ-казаковъ боль-
шой орды и кара-киргизовъ
на основаніи родословныхъ
сказаний и свѣдѣній о суще-
ствующихъ родовыхъ дѣле-
ніяхъ и о родовыхъ тамгахъ, а
также историческихъ данныхъ
и начинающихся антропологи-
ческихъ изслѣдованій. *А. Ари-
стова* 391—486

О т дѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Материалы по литовской этно-
графіи *Г. Г. Гинкенъ* 487—498

- Стр.
2. Корельская свадьба. *Н. О. Лыкова*. 499—511
 3. Погребальные обряды Корель-
ковъ. *Н. О. Лыкова*. 511—517
 4. Китаби-Кокурдъ. *В. Бартоль-
да* 517—523

О т дѣлъ III.

Критика и библиография.

1. Какъ давно Русскіе живутъ въ
Карпатахъ и за Карпатами?
А. Соболевская 524—526
2. О такъ называемой народной
этимологіи. *А. Соболевская* 526—528
3. О сравнительной мифологии
Макса Мюлера. *А. Соболев-
ская* 529
4. Новыя книги. *А. Шютикова* 530—540
5. Мелочи по киргизской и сарт-
ской этнографіи за 1894 г.
А. Липовская 540—542
6. Zur Geschichte russischer Ho-
chzeitsbräuche, von Gregor Krek.
А. Л. 543
7. Пѣсни Сѣверо-Восточной Рос-
сіи. *Арк. І-ника* 543—544
8. Лѣтопись историко филологи-
ческаго общества. *Арк. І-ника*. 544
9. Свѣдѣнія о литовскихъ руко-
писяхъ. (Продолженіе). *С. Балтрамайтиса* 545—548

О т дѣлъ IV.

Смѣсь.

1. О происхожденіи названія г.
Изборска и древнаго населенія
его окрестностей. *Ю. Трус-
мана* 549—554

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

Выпускъ I.

О т дѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Отчетъ о поѣздкѣ въ Чудской
край (Олонецкой губ., Лодей-
нопольского уѣзда) въ 1894 г.
Н. О. Лыкова 1—13
2. Кайганы или чухари *Д. П. Никольская*. 14—16
3. О Бессемьянахъ. *Д. П. Николь-
ская* 17—27
4. Восточная Волынь. *Н. И. Ко-
робки* 28—45
5. Письма О. М. Бодянского къ
Станку Вразу въ Загребъ.
Сообщ. *Н. А. Кулаковскій*. 46—56

О т дѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Еврейско-Нѣмецкія слова въ
русскихъ царѣчіяхъ. *Л. Ви-
нера* 57—70
2. Пѣсни Каменецкаго уѣзда,
Подольской губерніи. *Н. Ко-
робки* 71—83
3. Латышскія преданія. *Г. Вис-
сендорфа* 84—86
4. Народныя игры въ Кадников-
скомъ уѣздѣ. *А. Шютикова*. 86—100

О т дѣлъ III.

Критика и библиография.

1. А. Шахматовъ. Изслѣдованія
въ области русской фонетики.
Б. М. Ляпунова 101—116
2. G. Krek. Zur geschichte
russischen hochzeitsbräuche.
Graz. 1893. *Н. Тупикова*. 116—118

О т дѣлъ IV.

1. Вопросы и отвѣты. *Э. Воль-
тера* 119—120

О т дѣлъ V.

Смѣсь.

1. Легенда о предсказаніи пре-
подобнаго Геннадія. *Н. А.
Тихомирова* 121
2. Особая форма нищенства. *Н.
А. Тихомирова* 122
3. Письмо къ Редактору Жив.
Стар. *П. В. Шейна* 122—123
4. Кривула у латышей. *Г. Вис-
сендорфа* 124
5. Протоколъ 1-го засѣданія Лат-
ышско-Литовской комиссіи
(25 ноября 1894 года) 124—125
6. Протоколъ 2-го засѣданія Ли-
товско-Латышской комиссіи
(12 декабря 1894 года) 125—126

Выпускъ I.

О т дѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Замѣтки о населеніи Якутской
области въ историко-этногра-
фическомъ отношеніи. *Вл.
Хольсонса* 127—161

- Стр.
- Особенности языка латышского писателя Г. Манцеля. *И. Шмидта* 162—170
 - Тавренга, Вельского уезда. (Этнографический очерк). *А. Шустикова* 171—198
 - Письма: а) аббата Иос. Добровского 29 Дек. 1821 г. и б) В. С. Караджича 9 Ноября 1824 г. к Министру Народного Просвещения Шишкову. 199—202

О т д ѣ л ь ь II.

Памятники языка и народной словесности.

- Сказания и сказки Вельского у. Сообщ. *А. Шустикова* 203—211
- Царь солома. Сообщ. *Е. Вильчев* 212—213
- Причтания на рукобитье. Сообщ. *Свящ. Владимир Иванов* 214—217
- Песни с. Писокъ, Житомирского уезда. Сообщ. *В. Болиновский* 217—221
- «Иванъ Купало» в с. Корытной Гаининского уезда, Подольской губ. *Ф. Рыбская* 221—222
- Свадебные обряды и песни въ м. Маковѣ, Каменецкаго уезда, Подольской губерніи. Сообщ. *О. Рыбскій* 222—234

О т д ѣ л ь ь III.

Критика и библиографія.

- О границѣ Русскихъ и Словаковъ въ Угорщинѣ. *А. Соболевская* 235—236
- Ежегодник Тобольского Губернского Музея. *Н. Т.* 237
- Историко-статистическое описание церквей и приходовъ Волынской епархии. *Арх. П. Ика* 237—238
- Marillier. La survivance de l'âme et l'idée de justice chez les peuples non civilisés. Paris. 1894. *Щ-ва* 238

О т д ѣ л ь ь IV.

Попросы и отвѣты.

- Отвѣтъ на вопросъ, предложенный г. Ш. въ IV отд. «Киевской Старинѣ» IV вып. 1893 г. *Н. Мамакина* 239

О т д ѣ л ь ь V.

Смѣсь.

- Заговоры Архангельской губерніи, Шенкурского уезда, села Кургомень 240—241

- Стр.
- Новгородская легенда объ апостолѣ Андрѣѣ. *В. Бочановская* 241—242
 - Объявленія 1—4

Выпуски III и IV.

О т д ѣ л ь ь I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

- Отчетъ о поѣздкѣ къ лифляндскимъ Латышамъ лѣтомъ 1894 г. *А. Л. Плоудина* 243—250
- Литовцы и русскій алфавитъ *М. Лозорайтиса* 251—259
- Къ вопросу объ алфавитѣ для Литовцевъ. *Георгій Гинкен* 260—262
- Объ иностранныхъ языкахъ вообще и о латинскомъ алфавитѣ у Литовцевъ въ особенности. *В. И. Ламанская* 263—271
- Изъ статьи А. О. Гильфердинга о Литовской народности 272—276
- Докладъ С. Балтрамайтиса 277
- Докладъ А. О. Смилго 278
- Поѣздка въ Корелу. *Н. Ф. Льскова* 279—297
- Этнографическія замѣтки о Тюркахъ Минусинского края. (Отчетъ о поѣздкѣ 1894 г.). *II. Островскихъ* 297—348
- О красильномъ искусствѣ у Русскихъ Енисейской губ. *А. Макаренка* 349—356
- О красильномъ искусствѣ у Латышей. *Г. А. Виссемдорфи* 357—358
- Тевронга Вельского уезда. Этнографический очеркъ. (Окончаніе). *А. Шустикова* 359—375

О т д ѣ л ь ь II.

Памятники языка и народной словесности.

- О говорѣ жителей Левочской волости, Боровичского уезда. *Михаила А. Синозерской* 376—381
- Простонародные слова, употребляемыя въ уѣздахъ Новгородской губерніи: Крестецкомъ, Старорусскомъ, Кирилловскомъ и Боровичскомъ. *К. Лаврова* 382—384
- Особенности говора Кадниковскаго уезда, Вологодской губ. *Шайтанова* 384—398
- Замѣтки объ одномъ изъ говоровъ Костромской губерніи. Студ. Пет. Упин. *Николай Карицкая* 399—402
- Особенности въ говорѣ населенія, расположеннаго по рѣкѣ. *Письма, Костромской губерніи*

2. Летучій огненный змѣй. <i>М. А. Симоновскою</i>	Стр. 143
3. Иль письма къ Редактору. <i>А. Шустникова</i>	143—144
4. Опечатки	144
Объявления.	

Выпускъ II.

О т дѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Грихья-сутры какъ источникъ для истории индоевропейской бытовой культуры. <i>Д. Н. Кудрявскою</i>	145—156
2. Великорусская фамилия и ихъ происхождение. Историко-этнографический очеркъ. <i>А. Балова</i>	157—168
3. Знакарство въ Скопинскомъ и Данковскомъ уѣздахъ Рязанской губерніи. <i>Н. Рубинскою</i> . 169—201	
4. Замѣтки по сравнительному изученію народно-эпического стиля. <i>К. Гиндер</i>	202—225

О т дѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Свадебные причеты, записанные въ Щетинской волости, Пощеконского уѣзда. <i>А. Ильинскою</i>	226—248
2. Рекрутскія причитанія. <i>Д. Успенскою</i>	242—248

О т дѣлъ III.

Критика и библиографія.

1. Литовско-латышско-польско-русский словарь, составленный кс. Мих. Межинисомъ. Тильзитъ, 1894 г., стр. 292. <i>Н. Яблонскою</i>	248—254
2. Монголія и Монголы. — Результаты поездки въ Монголію, исполненной въ 1892—1893 гг. А. Позднѣевымъ. Томъ I. Дневники и маршрутъ	254—255
3. Икуты. Опыты этнографического изслѣдованія В. Л. Сирошевскаго. Подъ редакціей проф. Н. И. Веселовскаго. Т. I. Съ 168 рисунками, портретомъ и картою	255—257
4. Иакушкинъ, Е. И. Обычное право. Выпускъ второй. Ярославль. 1896.	257—258
5. Бартеневъ, Викторъ. На крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири. Очерки Обдорского края. Петербургъ. 1896.	258

6. Харузинъ, И. Исторія развитія жилища у кочевыхъ и полукочевыхъ Тюркскихъ и Монгольскихъ народностей Россіи. Москва. 1896.	258
7. Цантиюховъ, И. И. О пещерахъ и позднѣйшихъ жилищахъ на Кавказѣ. Тифлисъ. 1896	258—259

О т дѣлъ IV.

Смѣсь.

1. О Пасхѣ. <i>А. Балова</i>	260—261
2. Крапивное заговѣнье. <i>А. Балова</i>	261—262
3. Свѣча и ладонь въ народныхъ повѣрьяхъ. <i>А. Балова</i>	262—264
4. Живая Старина. <i>А. Балова</i>	264—265

Объявленія.

Выпуски III и IV.

О т дѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Угасаніе инородческихъ племенъ Тобольского сѣвера. Д-ра Ар. Ив. Якоби	267—272
2. Замѣтки редактора	272
3. Инструкція изслѣдованія инородческихъ племенъ Тобольского сѣвера. Проф. Ар. Ив. Якоби	273—276
4. Замѣтки объ этническому составу тюркскихъ племенъ и народностей и свѣдѣнія объ ихъ численности. Н. А. Аристова	277—276
5. О семействѣ положенія крестьянской женщины въ одной изъ мѣстностей Костромской губ. по даннымъ волостного суда. Ф. Покровская	457—476
6. Поѣзда къ теленгетамъ на Алтай. А. Калачева	477—488

О т дѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Нѣсколько словъ о поэзіи теленгетовъ. А. Калачева	489—500
2. Свадебные обряды въ Ольго-польскомъ уѣзда, Подольской губ. Н. Дучинскою	501—522

О т дѣлъ III.

Критика и библиографія.

1. Отчетъ о шведскомъ этнографическомъ журнале: Nyare	
---	--

	Стр.
ні, Буйского уѣзда, Студ. Птроб. Дух. Ак. <i>Ф. Покровская</i> . 403—415	
6. Говоръ южной части Томскаго округа, Томской губерніи. Студ. Пет. Ун. <i>В. Ламанская</i> . 416—418	
7. Сказанія и сказки. Сообщ. <i>А. Шустикова</i> 419—427	
8. Космическая легенды Балтій- скихъ народовъ. <i>А. Л. Попо- дина</i> 428	
9. Духовные стихи. Сообщ. <i>М. А. Синозерский</i> 449—452	
10. Малоруссій сказки и байки изъ Галичны 453—466	

О т дѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. Замѣтка по поводу изданія «Жмудскихъ пѣсень изъ По- лангена». <i>Ив. Ос. Яблонская</i> . 467—469	
2. Труды Тибетской экспедиціи. <i>В. Л.</i> 469—475	
3. Богдановичъ, А. Е. Переизд- ки древняго міросозерцанія у Бѣлоруссовъ. <i>В. Л.</i> 475—478	
4. «Иллюстрированная библіотека Крестнаго Календаря». Сказки русскаго народа. <i>В. П. Семе- нова</i> 478	
5. Н. Я. Никифоровскій. Очерки простонароднаго житья-бытъя въ Витебской Бѣлоруссіи и описаніе предметовъ обиход- ности. (Этнографическія да- нныя). <i>Н. Т—ва</i> 478—479	
6. Weigand, G. Die Aromunen ethnographisch - philologisch- historische Untersuchungen uber d. Volk. d. sogenannten Makedo - Romanen oder Zinza- ren. <i>В. Л.</i> 480—486	

О т дѣлъ IV.

Смѣсь.

1. Погребальные обычай Обдор- скихъ Остаковъ. <i>В. В. Бар- тенева</i> 487—492	
2. Народонаселеніе Австро-Вен- грии. <i>В. Л.</i> 492—493	
3. Летучій огненный змѣй. Сооб- щилъ <i>М. И. Соколю</i> 493—494	
4. Летучій змѣй въ 1745 г. въ Бѣлгородѣ. Сообщ. г. Николь- ский 494—495	
5. Какому святыму и когда долж- но молиться. Сообщ. <i>А. Ба- ловъ</i> 495	
6. Куретница. Сообщ. г. Николь- ский 495—496	
7. Радунскій приходъ Лидскаго уѣзда, Виленской губ. <i>Б—са</i> 497	
8. Еще по поводу Литовской пе- чати. <i>А. Погодина</i> 498—499	

	Стр.
9. Заговоры противъ болѣзней, разныхъ повѣрья и примѣты. (Житом. у.). <i>В. Ф. Башинов- ская</i> 499—504	
10. Изъ письма къ Редактору. <i>Д. Михайловская</i> . <i>Орен- бургъ</i> 504	
11. Списокъ литовскихъ журна- ловъ, издаваемыхъ въ Россіи въ 1883—1896 г. <i>Балтрамай- тиса</i> 505—506	
12. Опечатки 507	
Объявленія.	

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

Выпускъ I.

О т дѣлъ I.

Исследованія, наблюденія и
разсужденія.

1. Изъ поѣздки по Малой Азіи. <i>Я. И. Смирнова</i> 3—31	
2. Древнія двусловныя личныя имена у Литовцевъ, ихъ со- ставъ и происхожденіе. <i>Ю. П. Кузнецова</i> 32—50	

О т дѣлъ II.

Памятники языка и народной
словесности.

1. Свадьба въ подгородныхъ во- лостяхъ Сольвычегодскаго уѣз- да <i>Н. Г. Ордина</i> 51—121	
--	--

О т дѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. По поводу приложнія къ от- чету А. Л. Погодина о его поѣздкѣ въ Ковенскую губер- нію. <i>Ив. Яблонская</i> 123—130	
2. Бѣлорусское польсье. Сбор- ники этнографическихъ мате- риаловъ, собранныхъ М. Дов- наромъ-Запольскимъ. Выпускъ 1. Пѣсни Пинчуковъ. Кіевъ. 1894 г. <i>Н. Т—ва</i> 131	
3. Ежегодникъ Тобольскаго гу- бернскаго Музея. <i>Н. Т.</i> 131—132	

О т дѣлъ IV.

Смѣсь.

1. Къ вопросу о характерѣ и значеніи древніхъ «купаль- скихъ» обрядовъ и игрищъ. <i>А. Балова</i> 133—142	
--	--

2. Летучий огненный змѣй. <i>М. А. Симоновскою</i>	Стр. 143
3. Изъ письма къ Редактору. <i>А. Шустикова</i>	143—144
4. Опечатки	144
Объявленія.	

Выпускъ II.

О т дѣлъ I.

Исследованія, наблюденія и разсужденія.

1. Грихья-сутры какъ источникъ для истории индоевропейской бытовой культуры. <i>Д. Н. Кудрявскою</i>	145—156
2. Великорусская фамилия и ихъ происхождение. Историко-этнографический очеркъ. <i>А. Балова</i>	157—168
3. Знамарство въ Скопинскомъ и Данковскомъ уѣздахъ Рязанской губерніи. <i>Н. Рубинскою</i> . 169—201	
4. Замѣтки по сравнительному изученію народно-эпического стиля. <i>К. Тіандера</i>	202—225

О т дѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Свадебные причеты, записанные въ Щетинской волости, Попечонского уѣзда. <i>Я. Ильинскою</i>	226—248
2. Рекрутскій причитанія. <i>Д. Успенскою</i>	242—248

О т дѣлъ III.

Критика и библиографія.

1. Литовско-латышско-польско-русский словарь, составленный кс. Мих. Межинисомъ. Тильзитъ, 1894 г., стр. 292. <i>Ив. Яблонскою</i>	248—254
2. Монголія и Монголы. — Результаты поѣздки въ Монголію, исполненной въ 1892—1893 гг. А. Позднѣевымъ. Томъ I. Дневникъ и маршрутъ	254—255
3. Якуты. Опытъ этнографического исследования В. Л. Сирошевского. Подъ редакціей проф. Н. И. Веселовского. Т. I. Съ 168 рисунками, портретами и картою	255—257
4. Якушинъ, Е. И. Обычное право. Выпускъ второй. Ярославль. 1896.	257—258
5. Бартеневъ, Викторъ. На крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири. Очерки Обдорского края. Петербургъ. 1896.	258

6. Харузинъ, Н. Исторія развитія жилища у кочевыхъ и полукочевыхъ Бюркскихъ и Монгольскихъ народностей Россіи. Москва. 1896	258
7. Пантюховъ, И. И. О пещерахъ и позднѣйшихъ жилищахъ на Кавказѣ. Тифлісъ. 1896	258—259

О т дѣлъ IV.

Смѣсь.

1. О Пасхѣ. <i>А. Балова</i>	260—261
2. Крапивное заговѣніе. <i>А. Балова</i>	261—262
3. Свѣчи и ладонь въ народныхъ повѣрьяхъ. <i>А. Балова</i>	262—264
4. Живая Старина. <i>А. Балова</i>	264—265
Объявленія.	

Выпуски III и IV.

О т дѣлъ I.

Исследованія, наблюденія и разсужденія.

1. Угасаніе инородческихъ племенъ Тобольского сѣвера. Д-ра Ар. Ив. Якобія	267—272
2. Замѣтка редактора	272
3. Инструкція исследования инородческихъ племенъ Тобольского сѣвера. Проф. Ар. Ив. Якобія	273—276
4. Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей и свѣдѣнія объ ихъ численности. Н. А. Аристова	277—456
5. О семейномъ положеніи крестьянской женщины въ одной изъ мѣстностей Костромской губ. по даннымъ волостного суда. О. Покровской	457—476
6. Поѣзда къ теленгетамъ на Алтай. А. Калачева	477—488

О т дѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Нѣсколько словъ о поэзіи теленгетовъ. А. Калачева	489—500
2. Свадебные обряды въ Ольго-польскомъ уѣзѣ, Подольской губ. Н. Дучинскою	501—522

О т дѣлъ III.

Критика и библиографія.

1. Отчетъ о шведскомъ этнографическомъ журналь: Nyare	

	Стр.
bidrag till Kännendom om de svenska landsmälen och svenska folklif 1885—1895 г. <i>К. Тиандера</i>	523—529
2. Якушкинъ, Е. И. Обычное право. Выпускъ второй. Ярославль. 1896. <i>В. Ламанскаю</i> . 529—534	

О т д ѣ л ь IV.

Смѣсь.

1. О выборѣ искѣстъ въ Новгородской губерніи. <i>М. Синозерскаю</i>	535—536
2. Чортовъ домъ. <i>М. Синозерскаю</i>	536—537
3. Цвѣты «шарпетника». <i>М. Синозерскаю</i>	537
4. Отчего пораженные грозой святы. <i>М. Синозерскаю</i>	537—538
5. Ильинская пятница. <i>М. Синозерскаю</i>	538
6. Игры (въ слободѣ Усть-Ницнской, Тюменского округа). <i>Ф. Зобнина</i>	538—542
7. Вѣщица или труболетка. <i>Ф. Зобнина</i>	542
Объявленія.	

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

Выпускъ I.

О т д ѣ л ь I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Киселевскіе Цыганы. <i>В. Н. Добровольская</i>	3—36
2. О происхождѣніи Псково-Печерскихъ полувибрѣзъ. <i>Ю. Труслана</i>	37—47
3. Замѣтка по поводу предполагаемаго издаванія народныхъ сказокъ <i>С. В. Максимова</i>	48—56

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Матеріалы по народной медицинѣ, Ужурской волости, Ачинского округа, Енисейской губ. Съ приложеніемъ сборника народно-медицинскихъ средствъ той же волости. <i>А. Макаренка</i> . 57—100	
2. Вылина и пѣсни Енисейского округа. <i>А. Александрова</i>	101—105
3. Домовикъ въ галицко-русскихъ вѣрованіяхъ <i>Ю. А. Яворскаю</i>	105—106

	Стр.
4. Галицко-русскія повѣрія обѣ опырахъ. <i>Ю. А. Яворскаю</i> . 107—110	
5. Изъ галицко-русскихъ народныхъ сказаній и суетвѣрій. <i>Ю. А. Яворскаю</i>	110—111
6. Сказки. Приложеніе къ замѣткѣ <i>С. В. Максимова</i>	112—123

О т д ѣ л ь IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Отвѣтъ. <i>А. Макаренка</i>	124—126
--	---------

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1. Дурачки и убогіе. <i>А. А. Макаренка</i>	126—128
2. Урочливая. Его же	128—130

Выпускъ II.

О т д ѣ л ь I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Объ эскимосскихъ нарѣчіяхъ Анадырского округа. (На основаніи матеріаловъ, собраныхъ Н. Л. Гондатти). <i>Всев. Фед. Миллера</i>	133—159
2. Отчетъ о поѣздкѣ къ киргизамъ лѣтомъ 1896 по порученію Императорскаго Географического Общества. Часть 1-я: Общія наблюденія надъ современнымъ бытомъ киргизъ. Чл.-сопр. <i>С. Г. Рыбакова</i>	160—217

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Матеріалы по нарѣчіямъ инородцевъ Анадырского округа, собранные Н. Л. Гондатти. 218—229	
2. Дѣтская и женская болѣзни. (Продолженіе). <i>А. Макаренка</i> . 230—246	
3. Почитаніе огня у крестьянъ-сибиряковъ Енисейской губ. <i>А. Макаренка</i>	247—253
4. Мирообразующіе отрывки. (Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи 24 октября). <i>Н. К. Крауценка</i>	254—261

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Narodopisný Sborník českoslovanský. Svazek první. Vydařá narodopisná Společnost' česká	
---	--

Str. slovanská a národopisná Mu-seum českoslovanské. Redactor prof. Fr. Pasternek. Vě Praze. 1897. *H. B. Ястребова*. 262—265

Отдѣль IV.

Смѣсь.

1. Этнографическая изысканія въ Восточной Сибири 265—266

Выпуски III и IV.

Отдѣль I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Поѣздка на Алтай. *Ф. Зобнина* 267—293
 2. Тюркская сказка о Идыге. *Г. Потанина* 294—315
 3. Сказанія о поѣздкахъ остыцкихъ князей къ русскимъ царямъ. *С. Патканова* 315—356
 4. Данные для народного календаря Смоленской губерніи въ связи съ народными вѣрованіями. *В. Н. Добролюбская*. 357—380

Отдѣль II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Материалы по народной медицинѣ. Ужурской волости, Ачинского округа, Енисейской губ. Со сборникомъ народно-медицинскихъ средствъ той же волости (Окончаніе). *А. Маркаренко* 381—438
 2. Галицко-русская повѣрія о дикой бабѣ. *Ю. Яворская* 439—441
 3. Изъ сборника галицко-русскихъ сказокъ, собранныхъ для предполагаемаго сборнаго изданія И. Р. Географического Общества. *Ю. Яворская*. 441—445
 4. О народныхъ говорахъ сѣверо-западной части Костромской губерніи. *Ф. Покровская* 446—469

Отдѣль III.

Критика и библіографія.

1. Рыбаковъ, С. Музыка и пѣсни уральскихъ мусульманъ. 470—473
 2. Die Sprachgebiete in der Ländern der ungarischen Krone auf Grund der von Königl. ung. statist. Landes-Bureau veröffentlichten Ergebnisse der Volkszählung vom Jahre. 1890 be-

Str.

rechnet von Eduard Leipen. Wien. 1896 473—479

Отдѣль IV.

Вопросы и отвѣты. 480—481

Отдѣль V.

Смѣсь.

1. О значеніи Моравскаго или Ресавскаго нарѣчія для современной и исторической этнографіи Балканскаго полуострова 482—485

Объявленія.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

Выпускъ I.

Отдѣль I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Сольвычегодскій крестьянинъ, его обстановка, жизнь и дѣятельность. *Н. Иваницкая* 3—74
 2. О Сибирскихъ великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ. *С. В. Максимова* 75—79

Отдѣль II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Марипчельская крестьянская свадьба. (Бытовой очеркъ). *М. Успенская* 80—104
 2. Нѣсколько параллелей Финскихъ сказокъ съ Русскими и прочими. *Славинская. А. Аарне* 105—110
 3. Галицко-русскій авгурій XVIII-го вѣка. *Ю. Яворская*. 111

Отдѣль III.

Критика и библіографія.

1. Теогонія Гезіода и Прометей. (Разборъ сказаний). Георгія Властова. *Д. Кудрявская* 112—116

Отдѣль IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Отъ Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географического Общества 117—121
 2. Отъ редактора 121

Стр.	Стр.
Отдѣлъ V.	
Смѣсь.	
1. Изъ Череповецкаго уѣзда, Новгор. губ. Пословицы и говорки, примѣты и обычай . 122—123 Объявленія.	2. Усть-Ницынская слобода, Тюменскаго уѣзда, Тобольской губ. (Продолженіе). <i>Ф. Зобнина</i> . 320—328 3. Два письма П. И. Прейса къ Нейю въ Гнѣзно и къ Н. И. Надеждину . 329—330 4. Остатки работы П. И. Прейса 331—367 5. Первая лекція П. И. Прейса, читанная весною 1843 г. въ Императорскомъ Петербургскомъ Университетѣ . 368—384
Выпускъ II.	
Отдѣлъ I.	
Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.	
1. Усть-Ницынская слобода, Тюменскаго уѣзда, Тобольской губ. (Продолженіе слѣдуетъ). <i>Ф. Зобнина</i> 125—157 2. Матеріалы по народной мѣдицинѣ и акушерству въ Череповецкомъ уѣзда Новгородской губерніи. <i>М. К. Герасимова</i> 158—183	
Отдѣлъ II.	
Памятники языка и народной словесности.	
1. Село Косинице, Владимиръ-Волынскаго уѣзда, Волынской губ. (Въ 5-ти верстахъ отъ мѣст. Любимля). (Окончаніе будетъ). <i>Дм. И. Абрамовича</i> 184—202 2. Сборникъ рязанскихъ областныхъ словъ. Чл. Сотр. <i>Дитмеля</i> 203—227 3. Смерть и душа въ повѣрьяхъ и въ разсказахъ крестьянъ и мѣщанъ Рязанскаго, Рыбинскаго и Данковскаго уѣздовъ Рязанской губерніи. Чл. Сотр. <i>О. И. Семеновой</i> 228—234 4. Сомиринскій говоръ. Сообщ. <i>В. Кузнецова</i> 235—236 5. Переудки. Сообщ. Чл. Сотр. <i>Н. А. Иванцкаго</i> и Чл. Сотр. <i>А. А. Шустикова</i> 237—243 6. Сказка про ерша. Сообщ. <i>М. А. Синозерскій</i> 244 7. О трехъ заговорахъ и о народномъ возврѣніи на змѣй въ Могилевской и Херсонской губерніяхъ. <i>В. Врадій</i> 245—246 Объявленія.	1. Село Косинице, Владимиръ-Волынскаго уѣзда, Волынской губ. (Окончаніе). <i>Дм. И. Абрамовича</i> 385—386 2. Образцы говора Жиздринскаго уѣзда, Калужск. губ. <i>В. Н. Добровольскій</i> 387—392 3. Матеріалы лексикографические по Новгородскимъ говорамъ. 1. Слова Череповецкія. Сообщ. <i>М. К. Герасимова</i> . 2. Слова Ладожскія. Сообщ. <i>Николай Кедровъ</i> 392—408 4. Нѣкоторыя лѣкарственныя растенія, употребляемыя простымъ народомъ Курской губ. <i>Т. И. Вержбіцкій</i> 409—420 5. Прозвища крестьянъ сельца Березовки Дмитровскаго уѣзда, Орловской губерніи. <i>В. Добровольскій</i> 421—424 6. Сборникъ загадокъ для дѣтей. Сообщ. учит. народн. учил. <i>К. Славнинъ</i> 425—436 7. Игры крестьянскихъ дѣтей Казанской губерніи, Свияжскаго уѣзда, села Бежбагманъ. <i>А. Можаровскій</i> 437—442 8. Два старинныхъ областныхъ словаря XVIII столѣтія. Сообщение <i>П. К. Симони</i> 443—450 9. Объ особенностихъ языка въ г. Устюгѣ и въ Устюжскомъ уѣзда, Волог. губ. <i>Николай Черновскій</i> 451—462 10. Бѣлорусскія дѣтскія игры. <i>И. Демидовичъ</i> 453—462
Выпускъ III и IV.	
Отдѣлъ I.	
Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.	
1. Объ Авганистанѣ и его населеніи. <i>Н. А. Аристовъ</i> 247—319	1. Рустика (Т. А. Мартемьянова). Городъ Волховъ, Орловской губерніи (историко-бытовые очерки). <i>Вл. Шарутинъ</i> 463—467 2. Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ. <i>Ле</i>

- Стр.
- гендахъ и т. п. Материалы, собранные въ порядокъ П. В. Шейномъ. *Вл. Шарутинъ*. 467—470
3. Slovenská prisloví, pořekadla a usloví. Sepsal Adolf Peter Zaturecký 471—472
4. Deutsche Volkskunde. Von Eduard Meyer. Mit siebzehn Abbildungen und einer Karte. 472—475
5. Два отзыва по присуждению большой и малой золотыхъ медалей Этнографического Отдѣления. *В. Ламанская* 475—476
6. Библиографический обзоръ Литовскихъ современныхъ изданій за 1898 годъ. *Б.* 477—479

Отдѣль IV.

Смѣсь.

1. Вечеринки и игрища въ Усть-сысольскѣ. Сообщ. Членъ Сотр. Импер. Рус. Геогр. Общ. *С. Мельниковъ* 480—481
2. Колыда въ Усть-сысольскѣ. Мѣщанинъ *Степанъ Мельниковъ*. (Чл.-сотр. И. Р. Г. Общ. 1842 г.) 481—482
3. Колыда во Влад. губ. (Изъ Арх. Р. Г. Общ.). *Н. Добротворскій* 482—485
4. Духовные стихи. Сообщилъ *Яковъ Ильинскій* 485—487
5. Сказка (записанная въ Эсканскихъ юртахъ Верх-Демянск. вол., Тоб. окр.). *С. Паткановъ* 487—489
6. Тагастъ на Бѣломъ озерѣ. Учитель народн. школы *М. Комельковъ* (уроженецъ села Куности) 489—493
7. Дополненія къ статьѣ г. Комелькова. Учитель Кисненского училища *Кирилловскаго уѣзда И. Маюровъ* 493
8. Пословица и загадка. *В. Добровольскій* 494—497
- Объявленія.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

Выпускъ I.

Отдѣль I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Разсказы изъ жизни Палѣхъ Жиздринскаго Полѣсъя. (Окончаніе). *В. Н. Добровольскій* 4—22

- Стр.
2. Этнографические замѣтки на пути отъ г. Никольска до г. Тотмы. *Гр. Н. Потанина*. 23—60
3. Распределеніе жителей Битольскаго Вилаета по народностямъ и вѣроисповѣданіямъ, въ 1897 году. *А. Ростковскій*. 61—112

Отдѣль II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Сборникъ Панаюта Дынинскаго изъ села Галичника (въ Дебрахъ). Сообщ. *П. А. Ровинскій*. 113—129
2. На мѣрскомъ передѣлѣ земли. (Очеркъ изъ сѣверно-русской жизни). *А. А. Шустикова*. 130—138

Отдѣль IV.

Смѣсь.

1. Мѣстные слова города Тотмы. (Волог. губ.). Записалъ *В. Шевляковъ* 139
2. Четыре сказки Минусинскихъ инородцевъ. Записаны *А. Кузнецовой*. 140—149

Выпускъ II.

Отдѣль I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Разсказы изъ жизни Палѣхъ Жиздринскаго Полѣсъя. (Окончаніе). *В. Н. Добровольскій*. 151—166
2. Этнографические замѣтки на пути отъ г. Никольска до г. Тотмы. (Окончаніе). *Гр. Н. Потанина* 167—235

Отдѣль II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Сборникъ Панаюта Дынинскаго изъ села Галичника (въ Дебрахъ). (Продолж.). Сообщ. *П. А. Ровинскій* 236—250
2. Материалы для словаря тунгусскихъ народъй. Сообщ. студ. *И. Скуратовъ* 251—262
3. Сказка о Чесоточномъ Шаманѣ. Сообщ. *В. Болопазъ* 263—270

Стр..	Выпускъ III.	Стр.
О т д ѣ л ь III.		
Критика и библиографія.		
1. Slovanský Přehled, sborník statí, dopisův a zpráv ze života slovanského. Redaktor A. Černy. 271—272		
2. Věstník slovanských starozitností. Indicateur des travaux relatifs à l'antiquité slave. Vydává L. Niederle	272	
3. Die Bulgaren. Ethnographische Studien. Von A. Strausz	273	
4. Српске народне пјесме. Скупљо их Вук Караџић. Књ. VI (Државно издавање)	274	
5. Piesne Iudu slovenského. Vydáva Muzeálna slovenská spoločnosť	274	
6. Научное изученіе белорусского нарѣчія за послѣдніе десять лѣтъ (1886—1899 гг.). П. Владимирова	—	
7. Пятидесятілѣтие «Мыслей объ истории русского языка». (Очеркъ трудовъ за 50 лѣтъ и новые материалы). Его же. 274—275		
8. Кижское нарѣчіе, великорусской области, Петрозаводской волости. Олонецкой губ. Св. А. Пономарева	275	
9. В. Н. Перетцъ: Изъ исторіи пословицы. Историко-литературные замѣтки и материалы. —		
10. Описание русскихъ монетъ музея Ярославской ученой архивной комиссіи, пожертвованыхъ И. А. Вахрамѣевымъ. Сост. Э. Берендецъ	—	
11. Bei den Huzulen im Pruththal. Ein Beitrag zur Hausforschung in Oesterreich. Von prof. Kaindl. 275—276		
12. Наукове товариство ім. Шевченка у Львові. Матеріали до українсько-русської етнографії, видання етнографичної комісії за редакцію Хв. Вовка	276	
13. Записки наукового товариства імені Шевченка під редакцією М. Грушевського. Г. І.	—	
О т д ѣ л ь IV.		
Смѣсь.		
1. Матеріали по народному языку, собранные въ Пшемысловскомъ уѣздѣ, Ярославской губ. Сообщ. А. Бѣлоѣ	277	
О т д ѣ л ь I.		
Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.		
1. Латышскія заимствованія изъ славянскихъ языковъ I. Эндзеліна	285—312	
2. Очеркъ современного экономического положенія Башкырь Уфимской губерніи. А. Камачева	313—329	
О т д ѣ л ь II.		
Памятники языка и народной словесности.		
1. О народномъ говорѣ Чухломского уѣзда, Костромской губерніи. О. И. Покровская	330—349	
2. Сказание объ Элѣнѣ и его сыновьяхъ (переводъ съ чукотского). Сообщ. В. Г. Болораз	350—370	
3. Три сказки, записанныя въ Колымскомъ краѣ. Сообщ. В. Г. Болораз	371—380	
О т д ѣ л ь III.		
Критика и библиографія.		
1. Slovenske narodne pesmi. Uredil D-ra K. Strekelj. Izdala in založila Slovenska Matika. Г. А. Ильинская	881	
2. Moravské Kravarsko (Politicky okres Novojicky). Г. А. Ильинская	—	
3. Statystyka ludnosci Kaszubskie. Zebrał i opracował Stef. Ramult. Г. А. Ильинская	382	
4. Kleinere Schriften von Wenzel Köhler. I Band. Kleinere Schriften zur Märchenforschung. Ю. А. Яворская	383	
5. Die Zeugung in Sitte. Brauch und Glauben der Südslaven Ю. А. Яворская	384	
6. Српске народне проповѣткѣ. Скупљо Атанасије Николића. На свет издали његови унуци. Ю. А. Яворская	385	
О т д ѣ л ь IV.		
Смѣсь.		
1. Свадебный обычай крестьянъ Кургоминского Правленія Арх. губ. Шенк. у. Свящ. К. И. Богоялова	386—388	

- Стр.
2. Религиозно-народная повѣрья и легенды. (Записаны въ Калязинскомъ уѣзда, Тверской губ., В. И. Суворова 389—397
3. Къ статистикѣ литовскихъ народныхъ книгъ Э. Вольтера 398—399
Объявленія 400—402

Выпускъ IV.

Отдѣлъ I.

Исследованія, наблюденія, разсужденія.

1. Домашній бытъ крестьянъ Левочской волости, Боровичскаго уѣзда, Новгородской губ. Студента Имп. Спб. Унив. М. Синолерсаю. 403—435
2. Англо-индійскій «Кавказъ». Столкновенія Англіи съ авганскими пограничными племенами. (Этніко-исторический и политический этюдъ). Статья первая. Н. А. Аристова 436—486

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Списокъ Тобольскихъ словъ и выражений, записанныхъ въ Тобольскомъ, Тюменскомъ, Курганскомъ и Сургутскомъ округахъ, въ двухъ первыхъ д. чл. *Паткановъ*, въ трехъ послѣднихъ чл. сотр. Зобнимъ и приведенныхъ въ алфавитномъ порядке. студ. И. Спб. Унив. Николаевъ 487—518
2. Пѣсни и прибаутки, (записанные Г. И. Потанинымъ въ дер. Аксеньевой, въ 3-хъ вер. отъ гор. Никольска). Сообщ. Г. И. Потанинъ 519—525
3. Прозвища крестьянъ дер. Хмѣлевской, Кадниковскаго уѣзда. Сообщ. А. А. Шустикова 526—528
4. Народные слова и прозвища, записанные въ Сысерскомъ заводѣ Пермской губ., Екатеринбург. у. Чл. Сотр. Общества Вѣч. П. Ярковы 529—530
5. Свадьба въ Хмѣлевницкомъ приходѣ Ветлужскаго уѣзда, Костромской губ. Сообщ. Я. Кузнецова 531—535

Отдѣлъ III.

Смѣсь.

1. Св. Андрей Первозванный и Св. Екатерина въ народныхъ

- Стр.
- русскихъ вѣрованіяхъ. Историко-этнографический очеркъ А. Балова 536—538

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

Выпускъ I и II.

Отдѣлъ I.

Исследованія, наблюденія, разсужденія.

1. Англо-индійскій «Кавказъ». Столкновенія Англіи съ авганскими пограничными племенами. (Этніко-исторический и политический этюдъ). Обзоръ столкновеній Англо-Индіи съ восточными авганскими племенами. Ст. вторая и послѣднія. М. А. Аристова 3—150
2. Бродячіе роды тунды между реками Индигарской и Колымой, ихъ этнический составъ, народы, бытъ, брачные и иные обычаи и взаимодѣйствіе различныхъ племенныхъ элементовъ. В. А. Йохельсона. Съ рис. 151—193

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Міросозерцаніе нашихъ восточныхъ инородцевъ: вотяковъ, черемисовъ и мордвы. В. А. Мышкова 194—212
2. Опытъ сравнительного словаря русскихъ говоровъ. (Галицко-бойковскій говоръ) Илларіона Сеппніцкаго 213—229
3. Сборникъ Панаюта Дінновскаго изъ села Галичника (въ Дебрахѣ). (Продолженіе). Сообщ. П. А. Розинскій 230—248
4. По говору Любимского уѣзда Сообщ. А. Балова 249—250

Отдѣлъ III.

Критика и библиографія.

1. Жреческая организация индо-германцевъ. (Обзоръ новѣйшихъ трудовъ о культурѣ индо-германцевъ). А. Погодина 251—264
2. Румынскія сказанія о рабманахъ. А. И. Яцимирскаго 264—272
3. Psiologia penală a țăraniui de Dem. I. Dobrescu. А. Яцимирскаго 273—277
4. П. Луловъ «Христіанство у волковъ со времена первыхъ историческихъ известій о нихъ до XIX вѣка». И. Сырнова 277—292

Стр.
5. Nová mapa Kralovství českého Sestavil V. Kotýška. Kreslil N. Hanf. Měřítko 1:200.000. Г. Ильинская
283
6. Smichovsko a Zbraslavsko. Společnou prací učitelstva. Redaktor prof. Fr. Hansl. c. k. okrešní školní inspector. Г. Ильинская
284—286
7. Starožitnosti země české. Sestavil L. Pit. Dil. I. Čechy předhistorické. Na základě pravěké sbírky. Musea královského. Г. Ильинская
284—286
8. Rodinny nedíl čili zádruhu v pravu slovanském. Sepsal K. Kadlec. Nakl. vlastním. I. Ильинская
286—287
9. Führer durch Dalmatien. Herausgegeben vom Vereine zur Förderung der volkswirtschaftlichen Interessen des Königreiches Dalmatien. Г. Ильинская
287—288
10. Гупульщина. Написав. проф. Володимир Шухевич. Г. Ильинская
288—289
11. Етнографічний збірник. Видає етнографічна комісія Науков. Тов. ім. Шевченка. Г. Ильинская
289
12. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX ст. Г. Ильинская
289—291

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1. Смерть, похороны и причитания. (Этнографический материал Калужской губ.). В. Н. Добровольский
292—294
2. О сибирском Полярномъ Отдѣлѣ Сѣверо-тихоокеанской экспедиции. (Изъ письма къ Предсѣдателю Этнографического Отдѣла Император. Русского Географического Общества). В. Бончара и В. Лохелсона. 295—296

Выпускъ III.

О т д ѣ л ь I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Труба въ народныхъ выѣрованіяхъ. Ст. перв. В.А. Мощкова
297—352
2. Хунь-ну и гуны. (Библиографический обзоръ теорій о происхождении народа Хунь-ну китайской лѣтописей, о происхождении европейскихъ Гунновъ и о взаимныхъ отноше-

віяхъ этихъ двухъ народовъ).
Ст. перв. К. А. Иностранцева. 353—387
3. Объ одномъ старославянскомъ оборотѣ съ точки зрѣнія временныхъ славянскихъ нарѣчій. Г. А. Ильинская
387—392

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Распределеніе жителей Солунского Вилаета по народностямъ и вѣроисповѣданіямъ въ 1899 году. А. Ростовская
393—425
2. Нѣсколько духовныхъ стиховъ. В. Чернышева
426—435

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Die Slowinen und Lebakaschuben. Mit einer Sprachkarte und 3 Tafeln Abbildungen. Г. А. Ильинская
436—437
2. Ор. Шкапскій. Аму-Даринские очерки А. А. Липовская
438—439
3. П. Н. Милюковъ. 5 этнографическихъ картъ Македоніи—съ текстомъ
I. П. Рогановичъ: Македонскій вопросъ на почвѣ своей истории, этнографіи и политики
Сп. Гопчевичъ: Старая Сербія и Македонія. Историко-этнографическое изслѣдованіе. В. Кораблевъ
439—441
4. Е. Т. Смирновъ. Приморскій край на Амурско-Приморской выставкѣ 1899 г. въ гор. Хабаровскѣ. С. Брайловская
441—442
5. Кубанский сборникъ. «Труды Кубанского Областного Статистического Комитета», издаваемые подъ редакціей С. В. Руденка. А. Лященко
442

О т д ѣ л ь IV.

Вопросы и отвѣты. 443

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1. Отрывки изъ свадебныхъ приветовъ Ляменгского прихода, Никольского уѣда, Вологодской губерніи. Михаила Шицимца
444—446
2. Извѣстія старыхъ журналовъ А. Лященка
447—449
Объявление.

Стр.	Стр.
<i>Выпускъ IV.</i>	ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.
О т дѣлъ I.	
Исследованія, наблюденія и разсужденія.	
1. Труба въ народныхъ вѣрованіяхъ. Статья вторая и послѣдняя <i>В. А. Мошкова</i> . Карта и рисунки 451—524	
2. Хунъ-ну и Гунны (Бабліографический обзоръ теорій о происхождении народа Хунъ-ну китайскихъ язычесей, о происхождении европейскихъ Гунновъ и о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ народовъ). Статья вторая и послѣдняя <i>А. Иностраницева</i> 525—564	
О т дѣлъ II.	
Памятники языка и народной словесности.	
1. Распределеніе жителей Солунскаго Вилаета по народностямъ и вѣроисповѣданіямъ въ 1899 году. (Окончаніе). <i>А. Ростковская</i> 565—583	
О т дѣлъ III.	
Критика и библіографія.	
1. Путешествіе антиохійскаго патр. Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка. <i>А. И. Яцимирская</i> 583—589	
2. Д-р. И. Поплавка. Магісънікъ и неговиіть ученикъ. Сравнительна фольклорна студня. <i>Ю. Яворская</i> 589—591	
3. Allgemeine Methodik der Volkskunde. Berichte über Erscheinungen in den Jahren 1890—1897. <i>Ю. Яворская</i> 591—592	
4. Карадаї. Лист за списки народни живот, обичаје и предање <i>Ю. Яворская</i> 592—593	
О т дѣлъ IV.	
Вопросы и отвѣты. 594—597	
О т дѣлъ V.	
Смѣсь.	
1. Изъ галицко-русскихъ народныхъ повѣрій. <i>Ю. Яворская</i> 598—599	
2. Примѣты и разсказы. Сообщ. <i>В. Чернышев</i> 599—602	
3. Л. Н. Майковъ † апр. 1900. Сообщ. <i>В. Ламанская</i> 602—603	
Объявленія.	
Выпускъ I.	
О т дѣлъ I.	
Исследованія, наблюденія, разсужденія.	
1. Этнографический очеркъ Зырянъ. <i>Жакова</i> 3—36	
2. По Чердынскому уѣзду. <i>Н. Ончукова</i> 37—74	
О т дѣлъ II.	
Памятники языка и народной словесности.	
1. Финскія сказки. Сообщ. <i>Анти-ти Аарнъ, ректора</i> 75—80	
2. Особенности въ говорѣ русскихъ крестьянъ юго-восточной части Вятской губерніи. <i>Д. Зеленина</i> 81—96	
О т дѣлъ III.	
Критика и библіографія.	
1. Населеніе Македоніи. (Отвѣтъ на статью г. Драганова, напечатанную въ «Спб. Вѣдомостяхъ», № 200). <i>Василий Кзычевъ</i> 97—102	
2. «Юбилейный Сборникъ» въ честь В. О. Миллера, изданный его учениками и почитателями. М. 1900. <i>В. Перетца</i> . 102—106	
О т дѣлъ IV.	
Вопросы и отвѣты 107—113	
О т дѣлъ V.	
Смѣсь.	
1. Народныя загадки, записанныя въ Пощеконскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи 114—116	
2. Колыбельныя, дѣтскія пѣсни и дѣтскія прибаутки, записанные въ Пощеконскомъ уѣздѣ, Ярославской губ. <i>А. Балова</i> 116—120	
3. «Понедѣльничане». Историко-этнографический очеркъ. <i>А. Балова</i> 120—124	
4. Суевія и примѣты, крестьянскія записи. Сообщ. <i>В. И. Чернышевъ</i> 125—126	
5. Здунай-то, Здунай сынъ Ивановичъ. <i>Г. Потанина</i> 126—128	

Стр.

Стр.

Выпускъ II.

Отдѣль I.

Изслѣдованія, наблюденія,
разсужденія.

1. Тазы или Удинэ. (Опытъ этнографического изслѣдованія). *С. Н. Браиловскаю* . . . 129—216

Отдѣль II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Финская сказка. Сообщ. *Анти-ти Аарнъ, ректора* . . . 217—220
 2. Литвино-Бѣлорусы Черниговской губ., ихъ бытъ и пѣсни. *М. Н. Косичъ* 221—260
 3. Колядки и щедровки, записанные въ Волынскомъ Полѣсъ. Записалъ *Н. И. Коброка* 261—296

Отдѣль III.

Критика и библиографія.

1. F. Hirth, Sinologische Beiträge zur Geschichte der Türk-Völker, I. Die Ahnentafel Attila's nach Johannes von Thurocz (Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, т. XIII, № 2, 1900, сентябрь). *К. А. Иностранный* 297—299
 2. Македонія. Этнографія и статистика отъ Васила Кънчова. *Г. А. Ильинскаю* 299—301
 3. Болгарія и болгари. Н. Овсянаго, дѣйст. чл. Имп. Русс. Геогр. Общ. *Г. А. Ильинскаю*. 301—303
 4. Beiträge zur Ethnographie der hannoverschen Elbslaven. Mitgetheilt von A. Vieth. mit Einleitung und Zusatzen von H. Zimmer, V. Jagić und A. Lenkien. *Г. А. Ильинскаю* 303—304
 5. Общий имущественный законник для княжества Черногорскаго (по второму изданію 1898 г.). *Г. А. Ильинскаю* 304—305
 6. Historia porównawcza praw słowiańskich. Główne kierunki rozwoju nauki, jej istotne zadania. Napisal Oswald Balzer. 1900. *Г. А. Ильинскаю* 305—306
 7. Starověké zprávy o zeměpisu východní Evropy se zřetelem na země slovanské. Přispěvkem k významnějším dějin slovanských podává. Dr. L. Niederle. *Г. А. Ильинскаю* 306—308

Отдѣль IV.

Смѣсь.

1. Народный говоръ на моей родинѣ. (Въ селѣ Воскресенскомъ, Московской губ., Коломенского уѣзда). *Д.* 309
 2. Примѣты. Сообщ. *В. И. Чернышевъ* 309—311
 3. Примѣты, предсказанія погоды Литовцами Поневѣжскаго уѣзда. Сообщ. *Г. И. Петкевичъ* 311—313
 4. Замѣтки о Македоніи. По поводу статьи г. Драганова. (Изв. Спб. Слав. благотвор. Общ. 1888). *Офейкова* 314—320
 5. Объявление II-го Отд. И. А. Н. о конкурсѣ на премію М. И. Михельсона 321

Выпускъ III и IV.

Отдѣль I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Тазы или Удинэ. (Опытъ этнографического изслѣдованія). (Окончаніе), (съ рисунками). *С. Н. Браиловскаю* 323—433
 2. О расколѣ на изнозѣ Печорѣ. *Н. Ончукова* 434—452

Отдѣль II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Литвино-Бѣлорусы Черниговской губерніи, ихъ бытъ и пѣсни. (Окончаніе). *М. Н. Косичъ* 1—88

Отдѣль III.

Критика и библиографія.

1. Katalog dzieł treści przyszłowiej składających bibliotekę Jgnacego Bernsteina. *С. Н. Браиловскаю* 89—91
 2. Joan Bogdan. Luptele românilor cu turcii pana la Mihai-Vitazul. *А. И. Яцимирскаю* 91—92
 3. Octav George Luca. Familiile boeresti r. mâne. *А. И. Яцимирскаю* 92—93
 4. Basarabia in secolul XIX de Zamfir C. Arbure. Editiunea Academiei Române. *А. И. Яцимирскаю* 93—95
 5. Sărbătorile la Români. Studiu etnografic de Sim. Fl. Marian. *А. И. Яцимирскаю* 95—99

6. <i>Istoria Bucureștilor de Ionescu-Gion. A. H. Яцимирская</i>	Стр.	99
--	------	----

О т д ѣ л ь IV.

Вопросы и ответы.

1. Ответы на вопросы Н. В. Томаса из Лондона <i>Илар. А. Тихомирова</i>	100—104
---	---------

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1. О древне-русскихъ «некамен- дарныхъ» именахъ въ XVI— XVII вѣкахъ. <i>А. Балова</i>	105—115
2. Населеніе Македоніи, ст. г. Драганова, въ «Слѣ. Вѣдомо- стахъ» № 200. <i>Василия Ким- чова</i> . (1900 г.)	115—121
3. Новогодняя ворожба по дес- ревнямъ Енисейской губерніи. <i>Алексѣя Макаренка</i>	122—126
4. Шишкінская волость, Костром- ского уѣзда. <i>Николая Вино- грарова</i>	127—130
5. Народныя примѣты, касаю- щіяся погоды и сельского хо- зяйства. <i>В. А. Антилова</i>	131—132
6. Примѣты и повѣрья. <i>Ив. Госто- москало</i> и <i>В. Чернышева</i>	133—136

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Выпускъ I.

О т д ѣ л ь I.

Изслѣдованія, наблюденія и
разсужденія.

1. Крестьянинъ Австрійской Крайны и его постройки (съ рисунками). <i>Ал. Харузина</i>	1—32
2. Сектантство въ Киевской гу- берніи (съ рисунками). <i>В. Ісе- вичъ-Бородинской</i>	33—74

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка, народной
словесности.

1. Матеріалы для характеристики малорусскихъ говоровъ По- дольской губерніи. Сообщ. <i>Вячеславъ Каминскій</i>	75—96
2. Бывальщины минусинскихъ инородцевъ. <i>Е. Яковлева</i>	97—101

Стр.

О т д ѣ л ь IV.

Вопросы и ответы.

1. Руководство для собиранія свѣдѣній о крестьянскихъ по- стройкахъ.	102—112
--	---------

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1. Памятни географа Гевонда Али- шана. <i>А. Аракеліна</i>	113—118
2. О литовцахъ Сувалкской губер- ніи. <i>В. Мошкова</i>	119—122
3. Сказка о Негрѣ	123—126
4. Прозаика крестьянъ южной части Череповецкаго уѣзда, Новгородской губ.	126—127
5. Народныя прозаика, запи- санныя на Сысертьскомъ за- водѣ, Екатеринбург. уѣзда, Перм. губ. Сообщ. <i>А. Ярковъ</i> . 127—128	
6. Письмо Н. Лѣскова о наз- вании Каргополь	128

Выпускъ II.

О т д ѣ л ь I.

Изслѣдованія, наблюденія,
разсужденія.

1. Русскіе крестьяне Олонецкой губерніи. (Очеркъ) <i>Еписа- веты Дмитровской</i>	131—138
2. Розы въ дѣятельности одного волостного суда (1862—1896 г.). <i>Ф. И. Покровская</i>	139—146
3. О принятии чукочъ въ рус- ское подданство. Легенды и документы. <i>В. Бююраза</i>	147—164
4. Нагайбаки (Крещеные та- тары Оренбургской губерніи). Очеркъ <i>Е. А. Бектевої</i>	165—181

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка, народной
словесности.

1. О бытѣ казаковъ Восточнаго Забайкалья. Чл.: сотруд. При- амурскаго Отд. Н. Р. Г. Общ. <i>К. Д. Попковская</i>	182—200
2. Простонародное лѣченіе бо- льней въ Кадниковскомъ уѣзда. <i>А. А. Шустикова</i>	201—206
3. Нѣкоторыя повѣрья, пѣсни и обряды Орловской и Калуж- ской губерній. <i>В. Н. Добро- полискало</i>	207—213

	Стр.
4. Свадебный обрядъ въ Калуж-
ской губ. <i>В. Н. Добровольская</i> . 214—236	
5. Пять сойотскихъ сказокъ <i>Еф.
Яковлева</i>	237—244

О т дѣлъ III.

- Вопросы и отвѣты. 245

О т дѣлъ V.

Смѣсь.

1. Гайно - Слободской волости,
Борисовского уѣзда. Минской
губерніи. <i>А. К. Васильева</i> 246—249	
2. Борьба общины съ черезпо-
лосицей и мелкополосицей. <i>Н. 250—253</i>	
3. Письмо изъ Торжка 253—255	
4. Письмо изъ Коврова 255—256	
5. Замѣтка <i>Гундобина</i> (изъ
Владим. губ.). 257	

Выпуски III и IV.

О т дѣлъ I.

Исслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Матеріалы по исторіи развитія
славянскихъ жилищъ. Съ ри-
сунками. <i>А. Н. Харузина</i> . 259—357	
2. Былинная поэзія на Печорѣ.
Съ рисунками. <i>Н. Омчук-ва</i> 358—384	
3. Манджуры—кто такие и где
они? *** 385—391	

О т дѣлъ II.

Памятники языка, народной словесности.

1. Областные слова Рыбинского
уѣзда, Ярославской губ. (Де-
ревня Юрцино, Орѣхинская
волость. Зап. въ 1901 года).
Сообщ. <i>Вячеслава Водарскало</i> . 392—412	

	Стр.
ревня Юрцино, Орѣхинская
волость. Зап. въ 1901 года).
Сообщ. <i>Вячеслава Водарскало</i> . 392—412	
2. Матеріалы для изученія гово-
ровъ Могилевской губерніи г.
<i>Романова</i> 413—428	
3. Эпическая пѣсни Дебрскія
Изъ сборника Дыновскаго . 429—436	
4. Роль мѣсяца при распределѣ-
лении работы у Литовцевъ По-
невѣжскаго уѣзда. <i>Габр. Ие.
Шепкевичъ</i> 437—441	
5. Народныя пѣсни, сказанія,
сказки и проч., (записанныя
въ Сѣдлецкой и Люблинской
губерніяхъ). Сообщ. <i>Василий
Остапчука</i> 442—473	

О т дѣлъ III.

Критика и библиографія.

1. Sarat chandra Dap. Journey to
Lha sa and Central Tibet.
Editet by the Hon. W. W.
Rockhill. London. 1902. <i>C. О.
Ольденбурга</i> 474—475	
2. Сборникъ за народни умотво-
ренанія, наука и книжнина,
тому XVIII. Наученъ Отдѣлъ.
Софія, 1901. <i>А. И. Яцимир-
скало</i> 476—477	

О т дѣлъ IV.

- Вопросы и отвѣты 478

О т дѣлъ IV.

Смѣсь.

1. Глашатан добрыхъ началь въ
сельской средѣ. Сообщ. <i>Н. Я. Г.</i> 479—488	